

ГОТЛИБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ: АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Материалы

Международной научно-практической конференции
Иркутск, 18–20 октября 2017 г.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ, ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
И МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

ГОТЛИБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Материалы
Международной научно-практической конференции
Иркутск, 18–20 октября 2017 г.

УДК 009(5)(063)
ББК 6/8(5)л0
Г73

Печатается по решению ученого совета
Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ИГУ

Редакционная коллегия:

Е. Ф. Серебренникова, д-р филол. наук, проф. (отв. ред.)
О. В. Кузнецова, канд. филол. наук, Е. В. Кремнёв, канд. социол. наук, доц.,
С. Б. Макеева, канд. ист. наук, С. В. Стефановская, канд. филол. наук,
Т. Е. Шишмарева, канд. филол. наук
И. В. Шалина, канд. ист. наук, Л. В. Кирюхина

Г73 **Готлибовские чтения:** Азиатско-Тихоокеанский регион в контексте глобального развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 18–20 окт. 2017 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. – 401 с.

ISBN 978-5-9624-1541-3

Представлены материалы Международной научно-практической конференции «Готлибовские чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в контексте глобального развития», посвященной памяти и развитию научного наследия выдающегося российского китаеведа Олега Марковича Готлиба. В материалах отражены фундаментальные и актуальные проблемы, касающиеся исследований в области регионоведения, языкознания, лингводидактики, истории, культуры, философии, политологии, социологии и этнологии стран АТР. Публикуются материалы, в которых представлены результаты научных исследований, поддержанных грантами РФНФ.

Материалы предназначены для преподавателей, аспирантов, магистрантов, научных работников, специализирующихся в области регионоведения, восточного языкознания и лингводидактики, гуманитарных наук, связанных с комплексным изучением Азиатско-Тихоокеанского региона.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имён, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

УДК 009(5)(063)
ББК 6/8(5)л0

Посвящается памяти
выдающегося российского китаевода
Олега Марковича Готлиба
(20.10.1951–08.06.2016)

Олег Маркович Готлиб.

Этапы жизненного пути и научного творчества

Статья посвящается памяти Олега Марковича Готлиба – нашего Учителя, блестящего синоведа, основателя школы китаистики Восточной Сибири, профессора кафедры китаеведения Иркутского государственного лингвистического университета.

Олег Маркович родился 20 октября 1951 г. в селе Доронинском Улётовского района Читинской области. Родители Олега Марковича: Готлиб Марк Адольфович, Готлиб Геня Альтеровна, уроженцы г. Киева. В 1969 г. окончил среднюю школу № 38 г. Читы с преподаванием ряда предметов на немецком языке. В том же году поступил на отделение китайского языка факультета иностранных языков Читинского государственного педагогического института им. Н. Г. Чернышевского. На пятом курсе проходил практику при редакции иностранного вещания в г. Хабаровске. Радиостанция в Хабаровске была второй по значению в РСФСР станцией международного вещания. Сотрудники вели вещание в Азии на трёх языках: китайском, корейском и японском, и одновременно мониторили радиоэфир азиатских стран. По оценке экспертов, Хабаровская радиостанция опережала по скорости получения информации из Китая, Кореи и Японии радиовещательные службы других стран мира («Голос Америки», «Би-би-си» и др.).

В 1974 г. О. М. Готлиб окончил Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского, получив квалификацию «Учитель китайского и английского языков, переводчик-референт». По окончании института, в 1974–1975 гг., работал по распределению учителем английского языка в средней школе поселка Приаргунск Читинской области. В 1975–1976 гг. работал учителем китайского языка в средней школе № 4 г. Читы. Школа № 4 г. Читы специализирована по направлению обучения китайскому языку до настоящего времени.

В 1976–1982 гг. Олег Маркович работал в ЧГПИ им. Н. Г. Чернышевского в качестве ассистента кафедры китайского языка факультета иностранных языков, с 1982–1995 – в должности старшего преподавателя. В 1978 г. поступил в аспирантуру знаменитого Института востоковедения Академии наук СССР – масштабного исследовательского центра, который координировал всю научную работу в области востоковедения в Советском Союзе. В задачи института входило изучение древней, средневековой, новой и новейшей истории стран Востока, восточных языков и литературы, экономики и социологии, этнографии и культур стран Азии и Северной Африки. В стенах ИВ АН СССР работали ведущие отечественные востоковеды, специалисты в различных

областях науки, касающихся изучения Востока. Научным руководителем Олега Марковича стал выдающийся отечественный лингвист, китаевед, под редакцией которого в 1951 г. был создан первый в СССР учебник китайского языка – профессор, доктор филологических наук Коротков Николай Николаевич. Он разрабатывал актуальные для китайского языкознания научные темы: «Проблема частей речи и генезис наречий с суффиксом *-жань-* в китайском языке»; «Основные особенности морфологического строя китайского языка» и др. Проблематика кандидатского исследования О. М. Готлиба была также посвящена вопросам грамматики китайского языка. В 1986 г. в Институте востоковедения АН СССР Олег Маркович защитил кандидатскую диссертацию по специальности 10.02.22 – Языки народов зарубежных стран Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии на тему «Категория времени в китайском языке: о значениях суффиксов *-le* и *-guo*».

В контексте формирования научных интересов Олега Марковича нельзя не упомянуть имен двух других выдающихся отечественных китаистов, Солнцева Вадима Михайловича и Солнцевой Нины Васильевны, с которыми он много общался во время обучения в аспирантуре, сотрудничал после защиты диссертации, считал их своими Учителями, коллегами. Отметим, что в свое время учителями В. М. Солнцева и Н. В. Солнцевой были профессор Н. Н. Коротков, академик Н. И. Конрад. В. М. Солнцев, автор фундаментальной монографии «Введение в теорию изолирующих языков», читал курс теоретической грамматики в Военном институте иностранных языков; в 1986–2000 гг. был заведующим отделом языков Восточной и Юго-Восточной Азии ИВ АН СССР, директором Института языкознания АН СССР. Авторская монография Н. В. Солнцевой «Проблемы типологии изолирующих языков» является значительным трудом по общему строю и грамматике изолирующих языков Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Кроме того, в соавторстве Солнцевыми были написаны ключевые теоретические статьи по грамматике китайского языка и общему языкознанию.

Школа Н. Н. Короткова, а вслед за ним и четы Солнцевых, оказала большое влияние на формирование профессиональных интересов Олега Марковича. В 1986 г. он стал заведующим кафедрой китайского языка ЧГПИ им. Н. Г. Чернышевского, где разработал свой авторский курс по теоретической грамматике, читал лекции по лексикологии, теории перевода, преподавал практические курсы китайского языка. В 1993 г. Олег Маркович выпустил учебное пособие «Практическая грамматика китайского языка: комментарии и упражнения», в котором последовательно и творчески реализовал теоретические положения работ Н. Н. Короткова и В. М. Солнцева о свойствах слов в изолирующих языках, видах слов, делении слов на классы или части речи. Упражне-

ния пособия построены на функциональной основе, т. е. изучаемые явления даются на широком фоне синтактико-семантического контекста, что позволяет осветить их более детально и многопланово. Богатая дидактическая база, ясная логика изложения, учитывающая методические этапы обучения грамматике китайского языка, использование индоевропейской традиции в подходе к обоснованию основного строя грамматики китайского языка, способствовало эффективности пособия, которое было понятно и легко усваивалось русскоязычными студентами по аналогии с их опытом изучения языков в школе. Данное пособие стало отличным «тренажером» в обучении практическому китайскому языку студентов первого и второго курсов. Отметим, что первое издание данного учебника было рукописным: грамматические пояснения и все упражнения были написаны в иероглифике от руки.

На всех этапах творческой биографии Олега Марковича, начиная со студенческой скамьи, его верным другом, коллегой была жена, Готлиб Наталья Владимировна, доцент, кандидат филологических наук, прекрасный специалист по теории и практике английского языка. В 1995 г. они совместными усилиями организовали кафедру регионоведения в Читинском государственном техническом университете (ныне Забайкальский государственный университет) с двумя специализациями: «американистикой» и «китаистикой». Кафедру О. М. Готлиб возглавлял до 2000 г. В становлении кафедры огромную роль сыграла кандидат филологических наук, доцент О. И. Флешлер, виртуозный педагог, переводчик, лингвист и большой друг Олега Марковича, а также его преподаватель английского языка в ЧГПИ им. Н. Г. Чернышевского. Они вместе создавали учебно-методическую базу кафедры. В этот период Олег Маркович проходил несколько научных стажировок: в Китае, в Институте иностранных языков, г. Далянь; в США, в Университете штата Коннектикут. Он прекрасно владел не только китайским, но и английским языком, при его непосредственном участии на кафедре было установлено и активно развивалось сотрудничество с американскими и китайскими университетами.

В 2003 г., по приглашению ректора Иркутского государственного лингвистического университета профессора, доктора филологических наук Г. Д. Воскобойника, О. М. Готлиб с семьей переехал в Иркутск, где возглавил кафедру китаеведения. При личном участии и поддержке Г. Д. Воскобойника Олег Маркович начал создание иркутской синологической школы. В это время О. М. Готлиб издает свои новые учебные пособия: «Китай. Лингвострановедение», «Коммерческое письмо. Русско-китайские соответствия». В 2007 г. в соавторстве с китайским коллегой Му Хуаин был издан первый в России китайско-русский фразеологический словарь (около 3 500 выражений).

В 2002 г. О. М. Готлиб проходил стажировку при отделе изучения письменности Пекинского университета, осуществленную благодаря гранту Министерства образования КНР, где ему довелось работать в контакте с ведущими специалистами-грамматологами – профессором Цю Сигуйем, доктором Шэнь Пэйем и их коллегами. До этого момента, ещё в начале 90-х гг., он был знаком и имел возможность общения с великолепным знатоком китайского языка и китайской письменности, французским синологом Н. Лысенко. Эти два события совершили новый поворот в творческой судьбе Олега Марковича: он начал системные исследования китайской письменности.

В 2007 г. он выпустил свою фундаментальную монографию «Основы грамматики китайской письменности». Опираясь на некоторые, плодотворные развития своей концепции, идеи И. Е. Гельба и Ж. Дерриды, Олег Маркович обосновал новое наименование науки о китайской письменности, назвав её «грамматологией китайской письменности». В разработке данной фундаментальной концепции китайской письменности Олег Маркович выдвинул новую трактовку семиотики китайского знака на основе теории Ч. С. Пирса, новый подход к интерпретации системы знаков китайского письма, новую терминологию описания структуры китайского иероглифического знака. В монографии органично проявились разные стороны таланта Олега Марковича: яркого лингвиста, способного в своем подходе соединить китайскую и европейскую теории знаков; скрупулезного историка науки, который на широком круге китайских источников изучил развитие китайской грамматики; и наконец, тонкого стилиста, в котором соединились стилистическая легкость и элегантность переводчика и филолога. Научными рецензентами данной монографии стали проф., д-р филол. наук Н. В. Солнцева (Институт языкознания РАН) и д-р филол. наук Шэнь Пэй (Пекинский университет).

О. М. Готлиб являлся членом Европейской ассоциации китаеведения, принимал участие в ряде крупных международных научных мероприятий: Форуме ректоров вузов Дальнего Востока и Сибири РФ и северо-восточных регионов КНР, Юбилейной XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» ИДВ РАН, Международной научной конференции «Общество и государство в Китае» ИВ РАН, XXI Конгрессе Европейской ассоциации китаеведов. Выступал с докладами и серией лекций в Пекинском государственном педагогическом университете, Пекинском государственном университете языка и культуры и других вузах КНР. Занимался организацией международной конференции в Иркутском государственном лингвистическом университете «Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур». Его науч-

ные исследования неоднократно получали поддержку Российского государственного научного фонда (РГНФ).

Олег Маркович являлся приглашенным преподавателем нескольких крупных университетов: Сибирского федерального университета, Омского государственного педагогического университета, Хабаровского государственного педагогического университета, Уссурийского государственного педагогического института, Университета штата Коннектикут (США), Гуманитарного института Северо-Восточного педагогического университета (г. Чанчунь, КНР). Работал в качестве переводчика в составе официальных делегаций в КНР и в рамках встреч зарубежных гостей. Был бессменным членом жюри межрегиональных и всероссийских конкурсов и олимпиад по китайскому языку.

О. М. Готлиб являл собой редкий тип блестящего ученого-эрудита, который ясно обозревал ландшафт и видел горизонты современного китаеведения, его актуальные задачи и проблемы. Созданная им совместно с коллегами (доц., канд. филол. наук Т. Е. Шишмарёвой, доц., канд. социол. наук Е. В. Кремнёвым) при поддержке гранта фонда РГНФ в 2014 г. монография «Отечественные труды в области грамматики китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX в.» является первой и единственной в России работой, в которой рассматриваются научные основы отечественной школы грамматики китайского письма, представленной в сочинениях крупных китаеведов – С. П. Васильева, С. М. Георгиевского, Ю. В. Бунакова, И. М. Ошанина. Данная работа не только восстанавливает и сохраняет драгоценную мозаику отечественной китаистики, но и способствует формированию более полной оценки современных исследований в области китайской письменности, а также определяет их перспективы.

Научные интересы Олега Марковича отличаются невероятной многоплановостью и широтой охвата. Еще одним его крупным творческим и учебным проектом была «Этнология Китая». В течение многих лет он читал для бакалавров и магистрантов кафедры авторский спецкурс лекций по этнографии Китая. В 2015 г. начал издание серии материалов нового учебного пособия по данному курсу, вышла только первая часть «Этнология Китая (ханьцы). Обрядность и символика основных этапов жизни».

К этому необходимо добавить, что им написано множество статей по грамматике, грамматологии, лексикографии, истории китайского языка, методике преподавания китайского языка, теории и практике перевода. Несмотря на вариативность проблематики, в каждой работе была заложена и блестяще реализована исследовательская идея, которая сформировала основу для дальнейшей работы его учеников.

Грамматологические, лексикографические и лингвокультурологические идеи О. М. Готлиба нашли продолжение в ряде диссертационных исследований и монографий его учеников, отражая формирование создаваемой Олегом Марковичем иркутской школы китаеведения. В монографии доц., канд. филол. наук Т. Е. Шишмарёвой «Китайский словарь *Эръя* в идеографическом и этнокультурном аспектах» был проанализирован и впервые переведен на русский язык древнейший китайский словарь «*Эръя*»; в работе доц., канд. филол. наук С. В. Стефановской «Семиотизация звукового мира: звукоподражания китайского языка» раскрыта звуковая картина мира китайцев и её отражение в иероглифической письменности. В работе доц., канд. филол. наук Е. А. Хамаевой «Китайские антропонимы» обосновываются подходы к ономастике в русле осмысления системы имен собственных в рамках мифологической картины мира китайцев.

В системе подготовки молодых научных кадров кафедры китаеведения О. М. Готлиб объединил крупные континентальные лингвистические традиции – свою восточную, европейскую и американскую в лице ярких ученых, профессоров нашего университета – доктором филологических наук Е. Ф. Серебренниковой, доктором филологических наук А. М. Каплуненко. Данная площадка стала основой для развития восточно-западной научной дискуссии, формирования и реализации исследовательских идей магистрантов и аспирантов кафедры. Е. Ф. Серебренникова в настоящее время является научным руководителем магистерской и аспирантской программ кафедры. Неоценима работа, помощь и поддержка Евгении Федоровны, взявшей в свои руки научно-исследовательский штурвал кафедры. В рамках развития второго направления кафедры – «Регионоведение Китая» О. М. Готлиб активно сотрудничал с одним из ведущих специалистов иркутской академической школы – профессором, доктором физико-математических наук А. Д. Калихманом.

Практически все свои научные идеи и материалы проектов О. М. Готлиб адаптировал и внедрял в учебный процесс. Аудиторная, лекционная работа была одной из главных целей его научного творчества. Олег Маркович обладал невероятным даром Лектора и Преподавателя. Он мастерски владел словом, был блестящим оратором, содержание его лекций было построено по канонам академической культуры и не предполагало никаких скидок на квалификацию и возраст студентов, он активно приглашал к дискуссии, размышлению, «заставлял» избавиться от стереотипов, «переворачивал» представление о том, что казалось уже понятным и выученным. Его занятия были бесконечно увлекательной интеллектуальной игрой знатоков китайского языка, в которой он желал быть побежденным, но, увы...

Он обладал прекрасным чувством юмора, веселым, добрым нравом, был человеком редкой порядочности, скромности и интеллигентности, был строгим и требовательным к себе и своим ученикам.

Сборник конференции «Готлибовские чтения» приурочен ко дню рождения О. М. Готлиба. Ваш день рождения, дорогой наш Учитель, дает нам возможность снова взглянуть на Ваш жизненный Дао-Путь 道! Так же как и в китайской традиции, его ближайшие коррелятивные категории – Добродетель дэ 德 и Талант, способность ци 器 (Ваши мастерство и знания)! Для нас сегодня особую радость составляет возможность почтить память Учителя своими научными трудами.

Н. В. Терехова

И. Л. Адилханян, Н. Л. Адилханян
Иркутский государственный университет, Иркутск

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА КОРРУПЦИОНЕРА В КИТАЙСКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена выявлению базовых репрезентаций образа коррупционера в китайском медийном дискурсе. Устанавливаются основные структуры – когнитивы, конструирующие мнение публичного адресата в китайском медийном дискурсе, темой которого является феномен коррупции.

Ключевые слова: коррупция, медийный дискурс, репрезентация образа, когнитивы.

I. Adilkhanyan, N. Adilkhanyan
Irkutsk State University, Irkutsk

REPRESENTATION OF THE CORRUPTIONER'S IMAGE IN CHINESE MEDICAL DISCOURSE

Abstract. The article is devoted to revealing the basic representations of the corruptionist image in the Chinese media discourse. Establish cognitive – structures, constructing public opinion of the addressee.

Keywords: corruption, media discourse, image representation, cognitive.

В реалиях современного общества коррупция представляет собой конфликтогенный феномен, непосредственно связанный с экономической, политической и социальной практикой человека и общества, и осмысляемый как один из наиболее значимых объектов внимания в современном публичном коммуникативном и дискурсивном пространствах, так как коррупция усугубляет социальное неравенство, ведет к разложению существующей политической системы. Значимым элементом в анализе феномена коррупции является установление базовых репрезентаций образа коррупционера в медийном дискурсе. Исследование медийного коммуникативного пространства составляет одно из наиболее актуальных полей исследования, исходя из возможностей конструирования структур знания и их влияния на коллективное и индивидуальное сознание. В этой связи медийный дискурс рассматривается как дискурс социальный, в котором конструируются и продвигаются важные смыслы социального бытия.

В процессе медиатизации контента, при формировании когнитивных моделей познания и знания о мире, в том числе образов-гештальтов, фреймов, сценариев развития ситуации, активно используются стереотипизированные, укорененные в лингвокультуре образы – клише, с целью активизации у адресата имеющегося знания, сопереживания и формирования на этой основе ориентированного представления и отношения к медиатизируемому явлению, прежде всего представлению об образе акторов коррупционной деятельности. В процессах медиатизации контента данные структуры дискурса являются аксиологи-

чески нагруженными «когнитивами» [Ефремова, 2013] – носителями знания/оценки и компонентами дискурсивной позиции говорящего, репрезентирующими субъектное видение ситуации в коммуникации.

Данные структуры представляют собой семиотически эффективный способ формулирования ценностных смыслов, способных обеспечить освоение публичным адресатом схем видения, оценки и, соответственно, поведения по отношению к феномену. Посредством ценностно насыщенных структур социальная ситуация упорядочивается: эксплицируется и категоризируется [Универсалюк, 2009; Серебренникова, 2012].

Эмпирическим материалом исследования является корпус текстов речей политических деятелей Китая. Отобрано 13 текстов речей партийных политических деятелей Коммунистической партии Китая, произнесенных в период с 01.09.2014 по 10.09.2017 и представленных в китайских интернет-версиях газеты «人民日报», агентства информации «新华», официальной газеты Коммунистической партии Китая.

Наш анализ позволяет установить следующее. Одним из наиболее часто применяемых в отношении коррупционеров когнитивов является олицетворяющая, метафорическая номинация, либо сравнение коррупционеров с «тиграми – 老虎» и «мухами – 苍蝇», что позволяет охарактеризовать данных лиц в координатах соответствующей концептуальной области, дискурсивно сконструировать их образ и отношение к ним. Широкое использование данных номинаций в отношении акторов коррупционной деятельности началось в 2013 году с началом антикоррупционной кампании, проходящей под лозунгом «老虎苍蝇一起打» (Бить и тигров, и мух)». «Тиграми» называются крупные чиновники-коррупционеры, «мухами» – мелкие чиновники, которые берут взятки. Приведём примеры:

薄熙来是一个大老虎 – «Бо Силай является “крупным тигром”»;

打“老虎”，就是要斩断“老虎”伸向党和人民的毒手 – «Борьба с тиграми ведется с целью обрубить им путь к злодеяниям, направленным в сторону партии и народа»;

打“老虎”为了让他们对权力有一种敬畏，不敢滥用职权 – «Борьба с тиграми ведется для того, чтобы они трепетали от власти и не осмеливались злоупотреблять своими полномочиями» ;

打“苍蝇”不让小“苍蝇”变成大“老虎”，不让小问题变成大问题。 – «Борьба с мухами ведется для того, чтобы “муха” не стала “тигром”, чтобы маленькая проблема не превратилась в большую».

Тигр занимает особое место в китайской культуре и коллективном бессознательном. Он одновременно символизирует как силу и мощь, так и страх. Самый ранний китайский словарь «Шовень цзецзы» дает такую дефиницию тигру – «Владыка горных зверей» [Сюй Шэнь,

1985], «Книга Перемен» («И цзин») сравнивает дракона и тигра как символы власти на небе и земле. Древнее почитание дракона и тигра отражено в лексике китайского языка и в идиоматических выражениях: «虎头虎脑» – «Богатырь, досл. Голова тигра и мозг тигра», «藏龙卧虎» – «Скрытые таланты, досл. спрятавшийся дракон и спящий тигр». Однако, с другой стороны, тигр воспринимается и как ужасающий хищный зверь, приносящий горе и страдания, и только самые сильные и смелые люди могут подчинить или побороть его.

Часто также используется олицетворение-сравнение определенной категории коррупционеров с «лисами», так называют чиновников, которые смогли сбежать из КНР в другие страны вместе с деньгами, полученными преступным путем. В отношении данной категории китайским правительством ведется 猎狐行动 – «Охота на лис», под данной структурой понимается комплекс мер, направленных на розыск и передачу китайской стороне данных лиц. Как видим, репрезентация образа лица как «тигра», «лисы» не только «категоризует» его образ, но и закладывает образ действия по отношению к нему.

中国抓完“老虎”再捉“狐狸” – «Китай, поймав тигров, возьмется за лис».

如你当狐狸，早晚被抓，无论你是藏身美国加州，还是滞留加拿大温哥华 – «Если ты стал “лисом”, то рано или поздно тебя поймут и неважно, будешь ли ты находиться в американской Калифорнии или в канадском Ванкувере».

Один из ключевых образов китайских сказок и народных преданий – лисица-оборотень (狐狸精/húli jīng) [де Грот, 2005]. В китайской мифологии лиса описывается как умное, хитрое и проворное существо.

Очевидно, что данного типа галерея когнитивов – способов репрезентации коррупционера – вписывается в глубинную архетипическую оппозицию «свой – чужой», развивая её в мифологическом измерении коллективного сознания и картины мира китайцев. Другим направлением вписывания категоризации образа коррупционера в данную базовую оппозицию являются когнитивы, в которых коррупционер либо номинируется «врагом» или «предателем», либо раскрывается в предикативной структуре как таковой. Приведем примеры.

贪官是国家背叛者 – «коррупционер – это предатель страны», 贪官是真正的敌人 – «Коррупционер – это настоящий враг», 贪官就是“两面派，一面是高调反腐倡廉，另一面却在腐败 – «Коррупцированный чиновник – это двуличный человек, одна сторона его лица громогласно заявляет о борьбе с коррупцией и поощрении бескорыстия, а другая сторона лица уже подверглась разложению» (иероглиф 腐败 использу-

ется как для обозначения процесса «разложения и гниения, так и для обозначения феномена коррупции»).

Характеризуя полученные данные анализа, отметим, что большую часть структур – когнитивов составляют оценочно насыщенные и связанные с аффективной сферой номинации, дескрипции, предикации. Такого рода эмоционально-оценочная окрашенность политического партийного дискурса, особенно явная при представлении образа коррупционера, преследует цель достижения солидаризации мнения публичного адресата с высказываемой позицией и формирования общественного мнения. Образ коррупционера формируется с помощью характеристик, вызывающих отрицательные эмоции: страх, отчуждение, неприятие или брезгливость, враждебность. Одновременно формируется и представление, обоснованность однозначно беспощадного способа действий в противостоянии с ним.

Литература

1. Гроот Я. Я. М. Лисы-демоны / пер. Е. В. Волчковой // *Orientalia et Classica IX* : тр. Ин-та вост. культур и античности. Религиозный мир Китая. 2005. С. 219–237.
2. Ефремова О. Ю. Параметры социального дискурса предметной сферы «иммиграции» (на материале текстов российских СМИ) // *Magister Dixit*. 2013. № 1. С. 131–138.
3. Серебренникова Е. Ф. К проблеме аксиологического измерения социального дискурса // *Вестн. Бурят. гос. ун-та*. 2012. Спецвып. А. С. 122–129.
4. Универсалюк Е. А. Медийный социальный диалог в предметной области иммиграции как зона обновления итальянского языка : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск : ИГЛУ, 2009. 21 с.
5. Сюй Шэнь. Шовэнь цзе цзы чжу («Разъяснение иероглифов простых и сложных» с комментарием). Шанхай, 1985. 637 с.

В. В. Ананьев, Л. Ч. Табада

Иркутский государственный университет, Иркутск

СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕТЫРЕХЗНАЧНЫХ СЛОЖНЫХ СЛОВ (ЁДЗИДЗЮКУГО) В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Рассматриваются четырёхзначные сложные слова японского языка (яп. 四字熟語 ёдзидзюкуго) для выявления особенностей их внутренней структуры. Уточняется понятие четырёхзначных сложных слов в сравнении с их аналогом в китайском языке – фразеологизмами чэньюй, рассматривается вопрос фразеологичности ёдзидзюкуго, проводится анализ их внутренней структуры, на основе которого выделяются основные типы словообразовательной связи между компонентами ёдзидзюкуго.

Ключевые слова: четырёхзначные сложные слова, японский язык, фразеология, ёдзидзюкуго.

STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF FOUR-CHARACTER COMPOUNDS
(YOJIKUKUGO) IN THE JAPANESE LANGUAGE

Abstract. The article aims at a study of the four-character compounds of the Japanese language (四字熟語 yojikukugo) in order to reveal their internal structure. It confirms the notion of the four-character compounds in comparison to their analogue in the Chinese language, namely the chengyu, examines the idiomaticity of the yojikukugo, analyzes their internal structure and singles out main types of the word-formation relations between the components of yojikukugo.

Keywords: four-character compounds, Japanese language, phraseology yojikukugo.

Существующие в японском языке четырёхзнаковые сложные слова (яп. 四字熟語 ёдзидзюкуго) часто становятся объектом рассмотрения как с точки зрения практического использования, так и в теоретическом аспекте. Связано это с тем, что данное явление существует на стыке двух составляющих японского языка, во многом определяющих его своеобразие: иероглифики и фразеологии.

Японский термин 四字熟語 ёдзидзюкуго структурно прост, но неудобен для перевода на русский язык. 四字 ёдзи означает «четыре (письменных) знака», 熟語 дзюкуго – «сложное слово» или «составное слово» (熟 дзюку «зрелый», «комплексный», 語 го «слово»). Таким образом, возможны такие варианты перевода, как: «четырёхзнаковые сложные слова», «сложные слова из четырех иероглифов», «четырёхиероглифичные сочетания». Встречаются также следующие способы обозначения рассматриваемого явления: «четырёхзнаковые сложные слова китайского происхождения», «устойчивые иероглифические сочетания», «словосцепления». Однако варианты, отражающие суть оригинального термина, громоздки, компактные же варианты не отражают его содержания. В связи с этим для краткости далее мы будем использовать русскую транскрипцию японского термина – ёдзидзюкуго.

В широком смысле ёдзидзюкуго представляют собой любые устойчивые сочетания из четырёх иероглифов, например: 經濟成長 кэйдзайсэйтё: «экономический рост», 民主主義 минсюсюги «демократия», 和露辞典 вародзитэн «японско-русский словарь» и т. п. Однако часто этот термин ассоциируется с сочетаниями, обладающими переносным значением и яркой экспрессивно-эмоциональной окраской, т. е. идиоматичностью, таких, как 青天霹靂 сэйтэнхэкирэки «как гром среди ясного неба», 馬耳念仏 бадзинэмбуцу «как о стенку горох».

Как термин 四字熟語 ёдзидзюкуго, так и обозначаемое им понятие, с одной стороны, не новы, с другой стороны, объектом пристального внимания они стали относительно недавно. Подобные иероглифические сочетания, обладающие идиоматичностью, существуют в китайском языке, где называются 成语 чэньюй (букв. «готовое выражение»),

однако следует отметить, что *чэньюй* не обязательно состоят из четырех знаков. Также они были заимствованы в корейский язык, в котором используются термины *한자성어* (漢字成語) *ханчжасоно* «готовое выражение, записанное иероглифами» и *고사성어* (故事成語) *косасоно* букв. «готовое выражение о делах древности». Аналогично они долгое время назывались и в японском языке: *故事成語* *кодзисэйго* и *故事熟語* *кодзидзюкуго* «сложное слово [из рассказов] о делах древности» [高島, 2009, p. 22].

Вариант *四字熟語* *ёдзидзюкуго* получил широкое распространение после 1985 г., когда был издан словарь 「四字熟語」の辞典-活用引用自由自在 «Словарь «ёдзидзюкуго» – свобода использования и цитирования» Синто Кэнсиро. До того, в соответствующей категории книжной продукции, присутствовали словари *кодзидзюкуго*, пословиц, тезаурусы [稲葉, 1985, p. 80–86]; сам автор заключил слово *ёдзидзюкуго* в кавычки, что отражает условность данного обозначения. Однако словарь имел коммерческий успех, за ним последовали другие публикации, чуть позже такие единицы стали включать в экзаменационные задания в школах и компаниях, и слово *ёдзидзюкуго* прижилось [高島, 2009, p. 23]. С середины 1990-х гг. оно уже включается в японские толковые словари [高島, 2009, P. 18].

Источником большинства *чэньюев* является китайская классическая литература: они представляют собой цитаты из произведений или аллюзии, отсылающие к ним [Ступникова, 2014, с. 321]. Соответственно, значительная часть *ёдзидзюкуго* имеет тот же источник происхождения.

Однако существует довольно много и собственно японских *ёдзидзюкуго*, например, *一期一会* *итигоитиэ* «единственный раз в жизни; здесь и сейчас», *風林火山* *фу:ринкадзан* «быстрый, как ветер, тихий (спокойный), как лес, атакующий, как огонь, неподвижный, как гора» (боевой девиз). Такие единицы связаны с японскими преданиями и легендами, в первую очередь с теми, где фигурируют социально значимые персонажи, с буддийской литературой, а также текстами (включая каллиграфические свитки), использовавшимися в различных видах искусств. Отдельную группу представляют *ёдзидзюкуго*, которые можно назвать авторскими: это единицы, близкие к афоризмам, создававшиеся для краткого выражения каких-либо идей или в качестве лозунгов, например, *独立自主* *докурушудзисон* «самодостаточность (независимость и достоинство)», автор – Фукудзава Юкити. К ним близки окказиональные варианты, появляющиеся в результате языковой игры: наподобие *残業革命* *дзангё:какумэй* «революция сверхурочной работы», созданного на основе сочетания *産業革命* *сангё:какумэй* «промышленная революция».

Кроме того, существуют и переводные единицы: так, 一石二鳥 *иссэкинитё* представляет собой перевод английской поговорки “To kill two birds with one stone”. Значительное число переводных ёдзидзюкуго обнаруживается в ряду не идиоматических выражений.

Таким образом, несмотря на очевидную связь с китайским языком и культурой, в сравнении с *чэньюй*, ёдзидзюкуго имеют отличия как в плане формы (число знаков всегда равно четырем), так и в плане происхождения.

Все ёдзидзюкуго представляют собой устойчивые сочетания, однако при этом степень их устойчивости различается. Согласно классификации фразеологических единиц по степени ослабления их устойчивости, предложенной академиком В. В. Виноградовым, выделяется 3 типа фразеологических единиц: 1) фразеологические сращения, или идиомы, основным признаком которых является семантическая неделимость, невозможность выведения общего смысла из отдельных частей, а также огромная роль экспрессивных и эмоциональных факторов; 2) фразеологические единства, которые сохраняют хотя бы слабые признаки семантической раздельности компонентов, в связи с чем значение фразы в принципе можно понять из значений ее составляющих; 3) фразеологические, или устойчивые, сочетания, в которых значения компонентов обособляются достаточно четко, однако остаются несвободными [Виноградов, 1946].

К сращениям относится, например, 画竜点睛 *гарё:тэнсэй*: буквально это сочетание переводится «рисовать дракона, добавить зрачок», но при этом оно истолковывается как «изюминка произведения, то, что делает его уникальным». Это сочетание семантизируется через историю о том, как четырехголовый дракон, изображенный Чжаном Сэньяо, великим художником периода китайской династии Лян, ожил и улетел, когда мастер дорисовал последний зрачок.

К фразеологическим единствам относятся многие ёдзидзюкуго, которые можно подразделить на две части (или более) и в большинстве случаев догадаться об их смысле. Например, 危機一髮 *кикииппацу*: 危機 *кики* означает «опасность», 一髮 *иппацу* – «один волосок», а сочетание в целом переводится «на волосок от опасности».

Все остальные ёдзидзюкуго функционально аналогичны устойчивым сочетаниям, но с учётом, во-первых, того, что в предложении ёдзидзюкуго выступают в качестве слова, во-вторых, с учётом проблемы границ слова в японском языке. Так, в сочетании 都道府県 *тодо:фукэн* «префектуры» входят иероглифы, обозначают разные виды префектур. Сочетание является устойчивым не только в связи с частотностью употребления, но и потому, что имеет обобщающее значение – «префектуры (вообще) / (крупные) административные единицы». В то

же время оно легко разделяется на составляющие и даже трансформируется, теряя, однако, степень обобщения. При этом знаки-компоненты, хотя и могут употребляться как самостоятельные слова, в большей степени тяготеют к роли формантов морфемного уровня. Еще сложнее выглядит ситуация с сочетанием 春夏秋冬 *сюнкасю:то:* «весна, лето, осень, зима / времена года». Знаки-компоненты вполне могут обозначать самостоятельные слова (названия времен года), но читаются они при этом по-другому, кунными чтениями.

Проще дело обстоит с сочетаниями, составляющие которых могут использоваться самостоятельно, как в уже приводившемся 産業革命 *сангё:какумэй*, где 産業 *сангё:* – «промышленность», 革命 *какумэй* – «революция». Несмотря на легкость разделения, подобные сочетания не являются полностью свободными, поскольку обозначают различные общественные явления или феномены сознания.

Следует отметить, что в большинстве случаев семантика ёдзидзюкуго включает ярко выраженный культурный или социальный компонент. Культурная составляющая, в первую очередь, характерна для сращений и единств. Большинство из них являются прецедентными феноменами или логоэпистемами, отсылая к прецедентным текстам и ситуациям, либо актуализируя закрепленные через общественную и культурную память смыслы. Явления общественной жизни часто обозначают устойчивые сочетания.

Таким образом, ёдзидзюкуго занимают важное место как в лингвокультуре, так и в культуре Японии вообще, причем оно определяется не только лингвистическим, но и экстралингвистическим аспектами: ёдзидзюкуго часто становятся объектом каллиграфических изображений, которые, в свою очередь, используются как элемент чайной церемонии, как средство оформления помещений для занятий традиционными искусствами.

Популярность ёдзидзюкуго обеспечивают компактность, лаконичность, а также возможность осуществления языковой игры. Семантическое наполнение и способы его актуализации и варьирования обусловлены достаточно сложной – с учетом краткости сочетания – структурой.

Структурно ёдзидзюкуго делятся на следующие группы.

1) 1+1+1+1 – в основном, сочетания представляют собой перечисления объектов по синонимическому, либо ассоциативному принципу:

- 都道府県 *тодо:фукэн* «столичная префектура» + «префектура [Хоккайдо]» + «особые префектуры [Киото и Осака]» + «[обычная] префектура» (=«префектуры»);

- 春夏秋冬 *сюнкасю:то:* «весна» + «лето» + «осень» + «зима» (=«времена года»);

- 喜怒哀樂 *кидоайраку* «радость» + «гнев» + «печаль» + «удовольствие» (=«чувства»);

2) 2+2 – сочетания двух слов, в которых часто нечетные, либо четные компоненты повторяются или относятся к одному семантическому полю, таким образом, составляющие сочетание слова находятся в отношениях;

- сопоставления: 一日三秋 *итидзиусансю* «один день» + «три осени» (=«не виделись день, а кажется вечность прошла»), 蛙鳴蟬噪 *амэйсэнсо*: «лягушки квакают» + «цикады стрекочут» (=«шумная болтовня, трескотня»);

- синонимии (часто с градацией): 千差万別 *сэнсабамбэцу* «тысяча расхождений» + «10 тысяч различий» (=«большое разнообразие»), 四苦八苦 *сикухакку* «четыре страдания» + «восемь страданий» (=«страдания»);

- антонимии 寸進尺退 *сунсинсякутай* «продвинуться вперед на сун (3,03 см)» + «отступить на сяку (30,3 см)» (=«один шаг вперед – три назад»).

Также частотны атрибутивные конструкции:

- 三角關係 *санкакуканкэй* «треугольник» + «отношения» (=«любовный треугольник»), 世代交代 *сэдайко:тай* «поколение» + «замена» (=«смена поколений»);

3) 1+3 – сочетания с атрибутивной связью, где первый знак выражает определение:

- 肺静血脈 *хайдзё:кэцумяку* «легкие» + «вена (устар.)» (= «легочная вена»).

4) 3+1 – сочетания с атрибутивной связью, где определение выражено первыми тремя знаками:

- 十二指腸 *дзю:ниситё:* «12 пальцев» + «кишка» (= «двенадцатиперстная кишка»);

5) 2+1+1 – сочетания с атрибутивной связью, выраженной показателем принадлежности (родительного падежа):

- 当路之人 *то:ро-но хито* «соответствующая дорога» + показатель принадлежности + «человек» (=«человек, занимающий серьезный пост»);

6) 1+1+2 – сочетания, связь в которых можно интерпретировать как субъектно-предикатную (с двумя однородными субъектами), либо как атрибутивную в связи с формальной невыраженностью принадлежности к частям речи у слов в китайском языке:

- 知行合一 *тико:го:ицу* «знание» + «действия» + «совпадение, тождество» (=«знание и дело соединяются» либо «тождество знания и дела»);

7) 1+2+1 – обнаруженная единица представляет собой сочетание с двойной атрибутивной связью:

- 一衣帶水 *итиитайсуи* «один» + «полоса ткани» + «вода» (=«друг напротив друга, два берега реки»).

Структура двузначных слов, участвующих в образовании сочетания, может быть разной, часто встречаются примеры атрибутивной и глагольно-объектной моделей словообразования.

В ёдзидзюкуго, представляющих собой продукт языковой игры, связь может определяться не значениями компонентов, а отношением между звуковой формой единицы и ее значением:

- 離妻苦留 (リサイクル) *рисайкуру* «отдаляться» + «жена» + «страдание» + «оставаться». Общее значение иероглифического сочетания «душа уже охладела [по отношению к мужу, и вместе быть] неприятно, [но по каким-то причинам] жена с ним остается», но смысл игры в том, что так записывается заимствованное из английского языка *recycle* «повторное использование»;

- 様様様様 *ёнсама*. В сочетании четыре раза повторяется иероглиф *сама*, обозначающий вежливый суффикс; в чтении *ён* значит «четыре», таким образом *ёнсама* можно понять, исходя из записи, как «четыре [иероглифа] сама», однако на самом деле Ён-сама – это ласковое прозвище корейского актера Пэ Ёнджуна.

На основе рассмотренных примеров можно сделать вывод, что сочетание из четырех иероглифов дает возможность описать разные ситуации, представляя собой фактически словосочетания, скрепленные синонимическими, антонимическими, сопоставительными, атрибутивными, глагольно-объектными и, реже, предикативными отношениями. Это делает ёдзидзюкуго средством, пригодным для выражения различного содержания в компактном и ёмком виде.

Рассмотренные выше характеристики структуры ёдзидзюкуго делают их специфическим явлением японского языка и обуславливают их особое место в японской лингвокультуре.

Литература

Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Тр. Юбил. науч. сессии ЛГУ (1819–1944). Л., 1946. С. 26–55.

Ступникова В. В. Дракон в зеркале чэньюев // Человек и культура Востока: Исследования и переводы – 2012 / сост. и отв. ред. В. Б. Виноградская. М., 2014. С. 321–351.

Хаматова А. А. Словообразование современного китайского языка. М. : Муравей, 2003. 222 с.

稲葉、通雄. 本、それはいのちあるもの [文書] / 稲葉通雄. 東京 : 影書房、1985年. 80–86頁

高島、俊男. 『ちょっとヘンだぞ四字熟語 お言葉ですが... 10』 [文書] / 高島俊男 // 文藝春秋 〈文春文庫 た 38-11〉、2009年3月. 11–30頁.

**АНАЛИЗ ПЕРЕНОСА /
МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА
ФИЛИППИНСКИМИ СТУДЕНТАМИ**

Аннотация. Рассматривается возможная межъязыковая интерференция и выявляются характеристики определенных областей и структур, которые могут переноситься из языка 1 (филиппинского) в язык 2 (японский) при помощи контрастивного анализа этих двух языков. Исследование основывается на принципе переноса для обсуждения межъязыковой интерференции, анализе его роли в формировании интерязыка у филиппинских студентов, а также анализе его применения при обучении их японскому языку. Решаются задачи: определить и предсказать проблемные моменты при изучении японского языка филиппинскими студентами и привести возможные объяснения того, как и почему возникают проблемы, каковы возможности стратегии переноса в интерязыке студентов. Основная часть данных получена в результате опроса, а также анализа высказываний, диалогов и эссе, написанных 40 студентами на занятиях.

Ключевые слова: интерязык, языковой перенос, межъязыковая интерференция, контрастивные исследования, филиппинский язык, японский язык.

M. A. G. Bacolod

University of the Philippines, Diliman, Quezon City

**ANALYZING TRANSFER / CROSS-LINGUISTIC INFLUENCES IN LEARNING
JAPANESE LANGUAGE AMONG FILIPINO STUDENTS**

Abstract. This paper aims to look for possible cross-linguistic influences and identify features, specific areas and structures that are transferable from L1 (Filipino) to L2 (Japanese) using contrastive analysis of the two languages Filipino and Japanese.

It will mainly use the principle of transfer to discuss cross-linguistic influences in this study and analyze its role in the development of Filipino students' Interlanguage and its application to the teaching of Japanese language to Filipino students. It also aims to identify and predict learning difficulties among Filipino students studying Japanese language and give possible explanations as to how and why such difficulties occur by discussing transfer strategies in the students' Interlanguage. Most of the data analyzed in this paper were taken from survey and analysis of utterances, interactions and essays written by 40 students during class.

Keywords: Interlanguage, Language Transfer, Cross-linguistic Influence, Contrastive Study, Filipino Language, Japanese Language.

1. Defining Interlanguage

Ellis defined Interlanguage as “a series of interlocking systems which characterize acquisition, observed at a single stage of development and refers to particular L1/L2 combinations” [Ellis, 1994, p. 710]. “A learner’s interlanguage is the product of general learning strategies. One such strategy is L1 transfer but other strategies are intralingual” [Ellis and Barhuizen, 2005, p. 55].

Language Transfer is one principle in language teaching and acquisition that is commonly intertwined with the principle of Interlanguage. It is also referred to by other researchers as interference or cross-linguistic influence. The principle of Language Transfer will be the main focus of this paper. This paper will try to discuss and give examples of language transfer based on the observed strategies made by Filipino students learning Japanese language through the analysis of their performance outputs. The rules, cues and possible explanation for these strategies were considered in this study as constituting the Interlanguage of Filipino students learning Japanese language.

2. Principle of Transfer in Learner's Development of Interlanguage

The term Transfer or Cross-linguistic influence is defined by Odlin as “the influence resulting from the similarities and differences between the target language and any other language that has been previously acquired” [Odlin, 1989, p. 27]. Much research suggest according to Powell [1998, p. 7], that “Transfer is an important element in the construction of Interlanguage”.

Transfer/Interference/Cross-linguistic Influence

Transfer was taken from the word Interference. According to Powell “Interference is the term used to describe ANY influence from L1 which would have an effect on the learners' acquisition of L2. It is basically a result of two languages having structurally different areas”. Thus if two languages are proven to have structurally different areas say in terms of word-order, phonology or syntax, any influence that can be transferred from L1 to L2 in these different areas is considered to be L1 interference to L2 [Powell, 1998, p. 1].

The influence of other languages aside from L1 and L2 (thus L3) is covered by this definition of Transfer. Although the term Interference and cross-linguistic influence were considered to be more neutral and appropriate, Transfer has been widely used by linguist and educators according to Powell. In this study, aside from L1 (Filipino) the influence of L3 (English) or other languages acquired or spoken by respondents will also be examined among the possible explanations for transfers made by Filipino students studying Japanese language, thus the term Transfer was deemed more appropriate to be used in this paper.

3. Forms of transfer among Filipino students studying Japanese Language

In an attempt to look into the Interlanguage and forms of cross-linguistic influence among Filipino students studying Japanese language, I aimed to answer the following research questions: 1. What structures are transferable from L1 to L2? , 2. What are the Specific areas where L1 influ-

ences L2?, and 3. What are the features observed that represents proof of L1 in the rules/ performance of students?

In identifying these, learner's interlanguage was analyzed at the performance level in this paper. In performance level, i have listed my observations of common features used by students which for me may represent proof of transfer of L1 to L2. Errors from essays written by students were also analyzed to identify features which could possibly represent transfer of L1 to L2.

3.1. Transfer at the level of performance:

In this category, common features and structures which serve as proof of the influence or transfer of L1 were analyzed based on the essays written by students as well as from observations with students' utterances in class. Some features observed based on the limited data gathered that represent possible proof of transfer of L1 to L2 are features related to lexicon, semantics, and syntax. In lexico-semantic features, semantic differences in the interpretation and use of some nouns, verbs and adjectives were seen as source of errors in the sentences constructed by students in their essays.

3.1.1. Lexical/Lexico-semantic: Verbs

Some words are difficult for students to analyze in terms of meaning. The influence of L1 may be seen in students' translation of words into Japanese:

Examples:

<i>turn on the light</i>	denki wo tsukeru	vs.	denki wo akeru
	<i>light obj</i> turn on		<i>light obj</i> open

The word tsukeru which is used for expressions such as 'turning on' the light in Japanese is commonly changed into 'akeru' which can be related to Filipino which uses the word 'to open' instead of 'turn on' when referring to light.

Another example is the terms atsui 'hot' and furui 'old'. The words atsui and furui which are terms used for 'hot' and 'old' when referring to objects in Japanese are commonly used by students in referring to people, such as atsui hito 'hot person, sexy, attractive', and furui hito 'old person, elderly'. This for me is influenced by English more than Filipino since the word for hot which is mainit in Filipino is never used to refer to people but mostly for objects, same with the Japanese language.

Aside from lexico-semantic aspect, some linguistic influences from L1 were also observed in the aspect of syntax, particularly in terms of word-order and syntactic marking. Specific areas related to construction of possessive form, sentences/phrases with existential verbs, locative and negation, use of adverbial markings and counters are some areas where L1 influences could be observed.

3.1.2. Word-Order: Possessive N1 no N2

The word order in Japanese possessive constructions is N1no N2, wherein N1 is the possessor and N2 is the thing possessed/owned by N1.

Example: Watashi no enpitsu
 N1 (I) possessive marker N2 (pencil)

The Japanese possessive construction is more similar with English possessive construction wherein the owner comes first in the structure before the thing being owned as in example above. In Filipino language however, possessive construction may be expressed using the following structure:

owner + object owned	or	owned object	+ owner
akin + lapis		lapis	+ ko
my pencil		pencil my	
aking lapis		lapis ko	
'My pencil'		'My pencil'	

However, given the two constructions, the second structure, owned + owner is more commonly used and sounds more natural.

Based on the data, students form the owned object + owner construction in writing Possessive phrase in Japanese, which is clearly similar to Filipino, thus forming the ungrammatical sentence. Example:

*enpitsu watashi no	instead of:	watashi no enpitsu
N2 N1 possessive marker		N1 poss. marker N2
'pencil my'		'my pencil'

3.1.3. Existential Construction

L1 (Filipino) influence was also seen in expressing existential sentences in L2 (Japanese). Japanese distinguish between animate and inanimate objects in identifying which existential verb between *arimasu* 'to exist (inanimate objects)' and *imasu* 'to exist (animate objects)' to be used. In Filipino however, there is no distinction between animate and inanimate in expressing existential sentences. The use of existential marker *May* or *Mayroon* is used without distinction for animacy. In the data, there are some students who used the Japanese verb *arimasu* 'to exist (inanimate objects)' both for animate and inanimate objects in their sentences.

Example: *Kanojo ga arimasu
 girlfriend object marker existential marker (inanimate)
*Sensei ga arimasu
 teacher object marker existential marker (inanimate)

3.1.4. Locative Construction

The difference in order of position and location of object or person in the Japanese sentence construction of students also shows influence of L1 in

a way that most of the structures made by students are based on the structure of position + location of L1 rather than location + position structure of L2 .

Example: ungrammatical (influence of L1)
* naka ni heya
position locative marker location
inside room
'inside of room'
grammatical
heya no naka
location relative marker position
room inside

FILIPINO locative construction example:

Sa loob ng kwarto
Locative marker position relative marker location
in inside room

3.1.5. Negative Construction

L1 (Filipino) influence in constructing sentences with adverb of frequency "amari 'not so'" among Filipino students was also observed in the following sentences:

* toshokan ni amari ikimasu *instead of* toshokan ni amari ikimasen

* eiga wo amari mimasu *instead of* eiga wo amari mimasen

The *amari* adverb of frequency together with *zenzen* in Japanese are adverbs that usually express negation and should always be used with a negative form of the verb or adjective in the predicate in Japanese. However in Filipino, the counterpart of *amari*, *zenzen* adverbs of frequency are '*hindi masyado/gaano*', and '*hindi kailanman*'. In Filipino the adverbs are already used with the negative marker *hindi* and thus the sentence is usually constructed using an affirmative form of the verb as in the following example:

Hindi ako masyadong pumupunta sa library.
negative marker I adverb of frequency go locative marker library
'I don't usually go to the library'.

Keeping the Filipino counterpart in mind, the Japanese word *amari* for most Filipino students might have been interpreted as already having negative meaning, thus conjugating the verb or the predicate modified by *amari* in negative form for them would denote a meaning of double negative as in English 'not often not come'. Thus the construction *amari* + affirmative form of verb instead of the grammatical *amari* + *negative* form in Japanese was observed among students' output. This clearly is an example of L1(Filipino) influence on the construction of L2 (Japanese) adverbials among Filipino students learning Japanese language.

3.1.6. Counters

The influence of Filipino language in counting objects or people in L2 (Japanese) was also observed through the sentences constructed by students. In some of their utterances, the counter comes before the object being counted (widely used in Filipino) as in example *tatlong tao* (*three people*), as oppose to Japanese wherein object comes first before the counter as in the example

<i>hito</i>	<i>ga</i>	<i>san</i>	<i>nin</i>
<i>people</i>	<i>object marker</i>	<i>three</i>	<i>counter for people</i>
<i>'three people'</i>			

Thus forming ungrammatical construction as in the following:

* <i>san nin</i>	<i>hito</i>	<i>desu.</i>
<i>three counter for people</i>	<i>people</i>	<i>copula</i>
* <i>yotsu enpitsu ga</i>	<i>arimasu.</i>	
<i>four pencil object marker existential verb</i>		

3.1.7. Syntactic Marking: Locative Particle: Filipino *sa* and Japanese *ni* or *de*

Another difficulty commonly encountered by students, is the use of locative particles *ni* and *de* in Japanese. *Ni* in Japanese is used for location/ to mark place of motion or direction, while *de* is used to mark the place where action is being done.

The counterpart of these particles in Filipino is the locative particle *SA* which may be used both to mark place of motion and place of action. Since there is only one particle used for locative in Filipino, compared to Japanese, it is possible that students find it hard to distinguish between the 2 Japanese locative particles which they commonly use interchangeably as seen in the following sentences:

* <i>doyoubi</i>	<i>no asa</i>	<i>uchi</i>	<i>de</i>	<i>kaerimasu</i>
<i>Saturday</i>	<i>of morning</i>	<i>house</i>	<i>loc mark (by)</i>	<i>go home</i>
* <i>watashiwa</i>	<i>shichijihan</i>	<i>ni</i>	<i>gakkou</i>	<i>de</i>
<i>I</i>	<i>7:30 time</i>	<i>mrk</i>	<i>school</i>	<i>loc mrk (by)</i>
				<i>go</i>

Object vs. Locative particle: *Wo* vs. *Ni* / *He*

Another difficulty observed among Filipino learning Japanese language is the use of particles *wo*, *ni* and *he* in Japanese. Filipino locative particle *SA* may be given equivalent in Japanese as locative particle *he* or *ni* which basically functions as locative particles for verbs of motion or direction. However *WO* is only used as particle for object in Japanese. In Filipino both *SA* and *NG* may be used with verbs of motion or direction, which could have influenced the notion of students in using *WO* interchangeably with *Ni* or *He*. Example:

*watashiwa nichiyoubi ni kyoukai wo ikimasu
 I sunday time mrk church obj mrk go

Use of Coordinating Conjunction in Forming 2 adjectives (adjectival Phase)

L1 influence was also seen among students’ output in expressing 2 adjectives using Filipino coordinating conjunction “at” equivalent to “and” in English instead of conjugating the adjective ending to form a compound adjective which is the structure of Japanese. Example:

*yasashii *to* omoshiroi *instead of* yasashikute omoshiroi

In this example, the student opted to use the coordinating conjunction TO (‘and’) in Japanese instead of conjugating the first adjective to form compound adjectives.

4. Summary and Conclusion:

Based on the limited data and analysis presented, the following differences in structure between Japanese and Filipino language were established:

	Japanese	Filipino
possessive	Noun 1 no Noun 2	Noun 2 ni Noun 1
existential	+ animate (arimasu) – animate(imasu)	May (existential marker) ± animate
locative	location + prepositional marker + position	position + prepositional marker + location
counters	noun + number	number + noun
locative particle	directional/motion verbs (he /ni particles used)	motion verb (sa/ ng particles used)
locative particle	place of movement (ni) place of action (de)	place of movement or action (sa)
expressing 2 adjectives	conjugation of preceding adjective	use of coordinating conjunction

Features related to lexico-semantic of some Japanese words, word-order and syntactic marking related to adverbials, counters, locatives are some aspect where cross-linguistic influences from L1 may be seen. The study was also able to analyze and explain how these differences can be used as basis to identify cross-linguistic influences of L1 (Filipino) to L2 (Japa-

nese) which may cause learning difficulties(errors in construction of sentences) among Filipino students learning Japanese language.

With regard to students' IL, we can see that students stick to the verb ending pattern of Japanese structure but also apply other forms, features, and structure within the L2 sentence (possessive phrase, locatives, negation) from L1. Moreover, problems with particles arise because of wide use and functions of particles in Filipino compared to specific functions of particles in Japanese. Moreover, the study have also shown the influence not only of L1 (Filipino) but of L3 (English) as well in the interlanguage of students.

How important then is the role of identifying transfer in the learning of Japanese language among Filipino students? Identifying Transfer could 1. Help in assessing the development of students' learning of Japanese. It could help in identifying their own difficulties, providing explanations for their mistakes and helping them in correcting these mistakes, and 2. It could also help students appreciate the distinctions and uniqueness between the languages involved and use this to help them in their language learning.

On the importance of identifying transfer in improving the teaching of Japanese language among Filipino students, this study may serve as guide in predicting possible grammatical aspects which students may find difficult in learning Japanese. Analysing cross-linguistic influences will also be helpful in understanding the needs of students in language learning and in identifying which aspect teachers should pay attention to in their teaching of Japanese language which could help them in planning and designing syllabus and/or course task for Filipino students of Japanese language.

As a preliminary study, the classification and all forms of transfers presented in this paper are possible transfers that teachers may take into consideration in their assessment of the Japanese language learning of Filipino students based on the limited data gathered and analyzed in this study. It is hoped that this study will not only be able to help language teachers of Japanese, but it also hoped that this paper will be able to contribute to the contrastive and linguistic studies between Japanese and Filipino language.

References

Ellis R. *The Study of Second Language Acquisition*. Oxford : Oxford University Press, 1994. 832 p.

Ellis R., Barkhuizen G. *Analyzing Learner Language*. Oxford : Oxford University Press, 2005. 404 p.

Odlin T. *Language Transfer: Cross-Linguistic Influence in Language Learning*. Cambridge : Cambridge University Press, 1989. 210 p.

Powell G. What is the Role of Transfer in Interlanguage [Electronic resource] // Lancaster University: Department of Linguistics and Modern English Language, 1998. Access mode: <http://www.ling.lancs.ac.uk/groups/crile/docs/crile33powell.pdf>.

Selinker L. Interlanguage // *International Review of Applied Linguistics*, Volume 10, Issue 1–4 (Jan 1972). P. 209–231.

Skehan P. Individual Differences in Second Language Learning. London : Edward Arnold, 1989.

Spolsky B. The Handbook of Educational Linguistics [Electronic resource] / eds. F. M. Hult // Blackwell Publishing, 2008. Access mode: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.452.5648&rep=rep1&type=pdf>.

В. П. Балашова

Иркутский государственный университет, Иркутск

**СОСТАВ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
ГОДОНИМОВ И АСПЕКТЫ ЕЁ ТРАНСФОРМАЦИИ
(на материале сравнительного анализа топонимов
Москвы и Пекина)**

Аннотация. Рассматриваются русские и китайские топонимы на примере топонимики городов Москвы и Пекина. В ходе анализа произведены описание, сравнение и классификация корпуса топонимов, позволяющие выявить их особенности. Выявлены также основные факторы переименования рассматриваемого корпуса топонимов.

Ключевые слова: топонимика, урбанонимы, топонимы, переименование.

V. Balashova

Irkutsk State University, Irkutsk

**STRUCTURE OF TOPONYMIC SYSTEM OF STREET NAMES
AND ASPECTS OF IT TRANSFORMATION
(on Material of the Comparative Analysis of Street Names of Moscow and Beijing)**

Abstract. The purpose of this article is to consider the Russian and Chinese street names on the example of toponymics of the cities of Moscow and Beijing. During the analysis were made the description, comparison and classification of the case of street names to reveal their features, besides we have studied factors of renaming of the considered case of street names.

Keywords: toponymy, urbanonym, street name, renaming.

Топонимика представляет собой отдельную и самостоятельную научную дисциплину, развивающуюся на стыке лингвистики, географии и истории, одновременно являясь частью ономастики, представляющей значительный интерес для современных исследователей [Хамаева, 2009]. Топонимика включает в себя различные топонимические классы, одним из которых является класс урбанонимов, представляющих имя любого внутригородского топографического объекта. Одним из подклассов урбанонимов является класс топонимов. Под топонимом в современной ономастической литературе понимают «название линейного объекта в городе, в том числе проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной» [Подольская, 1988, с. 52]. Топонимия, изучающая данную группу именовании, представляет собой одну из разновидностей городской топонимии и определяется как совокупность имён улиц внутригородского пространства [Там же]. В этом качестве

годонимы, объединяя множество названий, порожденных городом, организуют городское пространство: выполняют роль своеобразных ориентиров, помогают отличить один объект от другого, привязывают реальное пространство города к системе условных знаков, понятных и удобных всем его обитателям.

В исследовании годонимов устанавливается, что данные топонимические единицы являются самым подвижным и изменяемым пластом лексики. В них отражена национальная культура, ощущаются исторические перемены времени. С одной стороны, в русле историко-филологического подхода, устанавливается, что годонимы несут большой объём информации о традициях, устоях, своеобразии менталитета и особенностях миропонимания, характеризующих то или иное языковое сообщество [Суперанская, 2007]. С другой стороны, в работах последних лет к элементам топонимики применяется коммуникативный подход, при котором устанавливается, что они выполняют роль сообщений в городе как коммуникативном пространстве, обращенных к публичному адресату и несущих определенную смысловую нагрузку [Викулова, Серебренникова, 2004].

В современной топонимике годонимы выделены как особый вид топонимов, дано их общее определение, при этом, однако, годонимы китайского языка на материале годонимов города Пекина не были объектом углубленного комплексного анализа, который бы затрагивал не только происхождение годонимов, но и факты их изменения во времени и объяснения этих фактов. В связи с этим, объектом нашего анализа стали годонимы города Пекина и города Москвы. Исследование призвано обогатить как аппарат годонимики, так и содержание курсов по истории и культуре Востока [Кобжицкая, 2007], расширить понимание способов перевода годонимов в русле современных подходов в переводе [Карачева, 2016].

Топонимы за время своего существования накапливают в себе уникальные сведения об истории, культуре, языке людей, живущих в местах, обозначенных этими именами, ценностях современного общества [Серебренникова, 2011]. Утрата исторических названий ведет к деградации народной, культурной традиции, к обеднению исторического культурного сознания, к потере национально-культурной идентичности [Груздев, 1992, с. 6]. В связи с этим возникает необходимость изучения причин и механизмов переименования внутригородских названий, а также тенденции их развития. Таким образом, актуальность исследования определяется важностью дальнейшего изучения современной топонимики, включая годонимы, определения культурологических и социальных факторов в их формировании и функционировании в различных национальных лингвокультурах и, в частности, китайской и русской лингвокультурах.

Задачей нашего анализа, как одного из этапов исследования, является выделение корпуса топонимов города Пекина и города Москвы, составление их классификации и выявление особенностей переименования топонимов.

Языковой материал представлен топонимами города Пекина и города Москвы, отобранными в результате сплошной выборки из карт, словарей и географических справочников, атласов, путеводителей [Москва. Самый подробный справочный атлас, 2011; Смолицкая, 1982; Сытин, 2011; 北京城区图, 2016; 北京交通旅游地图, 2016; 王彬, 徐秀珊, 2008]. Корпус топонимов составил более 200 единиц, в том числе около 100 топонимов китайского языка и около 100 топонимов русского языка.

При анализе используются следующие методы: классификация, описание, сравнение, элементы количественного анализа, структурно-семантический анализ, лексико-семантический анализ. Основанием для сравнения топонимов Москвы и Пекина послужили:

- 1) политический статус городов;
- 2) история городов и их роль в формировании топонимов;
- 3) социологические характеристики городского пространства.

На основании проведенного анализа были составлены следующие классификации. В ряду топонимов города Москвы были выделены следующие семантические подклассы:

- Топонимы с названиями городов, рек, озер (Хабаровская улица, Амурский переулок, Байкальская улица, Енисейская улица, Онежская улица);
- Топонимы, отражающие обозначения трудовых процессов и учреждений (Авангардная улица, Авиамоторная улица, Вокзальный переулок, Институтский переулок, улица Строителей);
- Топонимы с именами известных людей – писателей, академиков, врачей, художников, военных деятелей, революционеров (улица Академика Виноградова, улица Бурденко, переулок Васнецова, Кутузовский переулок, улица Чехова);
- Топонимы с названиями деревьев, цветов, времен года (Вербная улица, Гранатный переулок, Кленовый бульвар, Ландышевая улица, Осенний бульвар);
- Топонимы-номинации, отображающие исторические события (улица Героев Панфиловцев, улица Декабристов, Коммунистическая улица, Куликовская улица, Красногвардейский бульвар).

В ряду топонимов города Пекина были выделены следующие семантические подклассы:

- Годонимы с названия рек, гор, сторон света (北河胡同 – досл. «улица северной реки»; 山老胡同 – досл. «горный переулок»; 墨河胡同 – досл. «переулок черной реки»);

- Годонимы с названиями деревьев, цветов, животных (菊儿胡同 – досл. «переулок хризантем»; 金鱼胡同 – досл. «переулок золотой рыбы»; 竹杆胡同 – досл. «бамбуковый переулок»);

- Годонимы благополучия, богатства, процветания (国旺胡同 – досл. «переулок процветающего государства»; 国盛胡同 – досл. «переулок процветания»; 福祥胡同 – досл. «переулок благополучия»);

- Номинации, связанные с едой (干面胡同 – досл. «лапшичный переулок»; 大豆腐巷 – досл. «большой переулок тофу»; 豆角胡同 – досл. «переулок бобов»);

- Годонимы, отражающие обозначения учреждений (北兵马司胡同 – досл. «улица полицейского управления»; 外交部街 – досл. «улица министерства иностранных дел», 美术馆东街 – досл. «улица художественных галерей»);

- Годонимы, образованные от названий храмов (大佛寺东街 – досл. «восточная улица буддийского храма», 隆福寺街 – досл. «улица храма Лунфусы», 普渡寺前巷 – досл. «Храм всеобщего спасения»).

При сравнении данных семантических подклассов годонимов были выявлены особые черты в каждом из городов. В названиях улиц Пекина преобладают годонимы с обозначениями учреждений (из 100 отобранных годонимов 15 названий улиц связаны с обозначениями учреждений); названия улиц, связанные с богатством, процветанием, благополучием (11 улиц), в то время как в годонимах Москвы превалирует антропонимическая семантика (из 100 отобранных годонимов 34 названия улиц, связанных с именами известных людей). Основное отличие заключается в том, что в корпусе китайских годонимов присутствуют названия улиц, связанных с едой (7 улиц), а также годонимы, образованные от названий храмов (4 улицы); в корпусе же русских годонимов встречаются названия улиц, связанные с именами известных физиков, академиков, врачей (7 улиц).

В результате проведенного анализа также было выявлено, что названия улиц еще в большей мере, чем наименования городов, подвержены различным общественным, культурным и идеологическим влияниям [Суперанская, 2007 (б)]. Переоценка культурно-исторических ценностей влияет на изменение названий улиц. В городе Пекине из 100 рассматриваемых названий улиц подвергались многократным переименованиям 63 улицы. Волна переименований началась после образования Китайской Народной Республики (1949 г.) и во время культурной

революции (1966–1976 гг.), что отражает усиленный идеологический компонент существующей в КНР культуры государственного управления [Кремнёв, 2006]. В Москве из 100 рассматриваемых улиц переименованы были 33 улицы. Основной период переименований пришелся на 1930–1990 гг.

Таким образом, сравнительный анализ состава топонимов Москвы и Пекина показывает наличие как общих, так и специфических особенностей в системе топонимов. К общим компонентам системы относится наличие топонимов с названиями природных объектов (названия деревьев, цветов), а также с названиями гор, рек, озер. К специфическим компонентам системы топонимов Москвы относится преобладание топонимов с антропонимической семантикой. Специфическими компонентами системы топонимов Пекина являются номинации, связанные с едой, что, в целом, соответствует большому значению, придаваемому пище в восточных культурах [Кузнецова, 2016], а также топонимы, образованные от названий храмов, что отражает приверженность традиционным ценностям и значимость ритуала в китайской культуре [Терехова, 2013]. Общими являются также факторы, влияющие на трансформации системы топонимов, а именно политические и исторические события.

Перспектива дальнейшего исследования связана с изучением современной системы топонимов с точки зрения углубленного изучения факторов, способствующих как поддержанию отдельных подклассов топонимов в системе с точки зрения соответствия национальной концептосфере и исторической культурной памяти, так и их замещению.

Литература

Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф. Городское пространство как новая коммуникативная среда эпохи глобализации // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире : докл. и сообщения Междунар. конф.; ИЯ РАН, НИЦ по национал.-яз. отношениям. М. : Тезаурус – Яз. народов мира, 2014. С. 302–309.

Груздев А. И. Топонимика и общественно-политические процессы // Исторические названия – памятники культуры : II примор. краев. науч.-практ. конф. Владивосток, 1992. С. 6.

Карачева Н. С. К вопросу о месте экстралингвистического в переводе // Концепт : науч.-метод. электрон. журн. 2016. Т. 11. С. 2721–2725.

Кобжицкая О. Г. К вопросу о терминологии и понятийном аппарате в курсах по истории и культуре Востока // Преподавание истории и культуры стран Азии в средней и высшей школе России: исторический опыт и современные проблемы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, фил. в г. Железногорске; Сиб. федер. университет ; редкол.: В. Г. Дацышен (отв. ред.), Н. Н. Носков, Ф. Н. Денисенко. Красноярск, 2007. С. 68–72.

Кремнёв Е. В. Традиционные аспекты современной управленческой культуры государственных служащих КНР // Вестн. Забайк. гос. ун-та. 2006. № 4. С. 137–141.

Кузнецова О. В. К вопросу о роли пищи в корейских обрядах жизненного цикла // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 30–31 мая 2016 г. Иркутск, 2016. С. 65–75.

Москва. Самый подробный справочный атлас / ред. Г. В. Поздняк. М. : АСТ, 2011. 144 с.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. 2-е изд. перераб. и доп. М. : Наука, 1988. С. 52.

Серебренникова Е. Ф., Викулова Л. Г., Кулагина О. А. Семиметрия рефлексии о ценностях современного общества // Лингвистика и аксиология. Этносемио-метрия ценностных смыслов / Иркут. гос. лингвист. ун-т. М. : Тезаурус, 2011. С. 196–230.

Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В. Топонимия Москвы. М. : Наука, 1982. 176 с.

Суперанская А. С. Имя через века и страны / отв. ред. Э. М. Мурзаев. 2-е изд. перераб. и доп. М. : Наука, 2007. С. 130–133.

Сытин П. В. Из истории московских улиц. М. : АСТ, 2011. 464 с.

Теория и методика ономастических исследований / А. С. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская, А. Х. Султанов / отв. ред. А. П. Непокупный. 2-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. С. 110.

Терехова Н. В. Ритуал ли как форма семиотизации китайского социокультурного пространства (на материале древних канонов) // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР : тез. докл. XX Междунар. науч. конф. Москва, 16–18 окт. 2013 г. М. : ИДВ РАН, 2013. С. 428–429.

Хамаева Е. А. Семантика китайского имени собственного: опыт классификации // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук : материалы конф. мол. ученых. Иркутск, 2–05 марта 2009 г. Иркутск, 2009. С. 191–193.

北京城区图, 2016.

北京交通旅游地图. 中国地图出版社, 2016.

王彬, 徐秀珊. 北京地名典. 修订版. 北京: 中国文联出版社, 2008. 666 页.

А. Н. Булдыгерова

Забайкальский государственный университет, Чита

ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В КОНТЕКСТЕ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Статья посвящена изучению значимой в межкультурном общении оппозиции «свой – чужой» и особенностям ее реализации в речевом общении китайцев. Национальное своеобразие языкового выражения данных понятий имеет не только этимологические предпосылки, но и обусловлено спецификой мировосприятия, устойчиво закрепленной языковыми фактами. Актуализируемые культурные коннотации находят отражение в стратегиях общения китайцев и демонстрируют черты их национального поведения.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, оппозиции «свой – чужой», национальная специфика, речевое поведение, вербализация смысла, самоидентификация, коммуникативные тактики.

**THE OPPOSITION “*SELF and OTHER*”
IN THE CONTEXT OF CHINESE CULTURE**

Abstract. The suggested paper dwells upon the study of a valuable opposition “Self and Other” in intercultural communication and also on the specific ways this opposition is revealed in Chinese conversations. National peculiarity of the linguistic expression of these notions has both etymological backgrounds and local contexts of world perceptions firmly set with the language facts. The studied cultural connotations are reflected in communication strategies of the Chinese and demonstrate features of their national behavior.

Keywords: intercultural communication, opposition “Self and Other”, national peculiarity, linguistic expression, verbalization of meaning, self-identification, communicative strategies.

Оппозиция «свой – чужой» оказывается чрезвычайно значимой в современных исследованиях. Во-первых, она значима в контексте изучения процесса освоения иноязычной культуры, так как каждая реализующая коммуникативное намерение личность принадлежит к определенному социуму, этносу в целом, а значит, так или иначе, в процессе межкультурного общения соотносит свою и чужую культуры. Во-вторых, данная оппозиция может быть рассмотрена и внутри одной культуры, т. е. в процессе самоидентификации языковой личности, принадлежащей к той или иной группе, поскольку, как известно, каждая личность в процессе общения вовлекается в различные отношения в соответствии со своими социальными ролями. В связи с этим, представляется актуальным рассмотрение некоторых аспектов самоидентификации китайской языковой личности в коммуникативном поведенческом плане.

Безусловно, процесс самоидентификации личности – процесс психологического толка, формирующий основы поведения, в том числе и речевого. Национальная специфика речевого поведения китайцев во многом оказывается обусловленной действием данной концепции, которая в должной степени формирует когнитивно-ценностную структуру знаний и представлений носителей китайского языка, а вместе с тем и устойчивую систему правил и стратегий речевого поведения и моделей коммуникативного взаимодействия, принятых в рамках данного культурно-специфичного социального сообщества. Именно поэтому, данную оппозицию можно рассматривать как с точки зрения теоретического осмысления процессов погружения в иноязычное коммуникативное пространство, так и с точки зрения межкультурных особенностей коммуникативных процессов, а также разворачивающихся при этом моделей речевого поведения, протекающих в том или ином культурном сообществе и, так или иначе, находящими отражение в языковой картине мира её носителей.

Концепция *свой – чужой* построена на противоположных, практически взаимоисключающих друг друга понятиях. Своеобразна верба-

лизация данного феномена в китайском языке. Рассматриваемая концепция оказывается несвязанной с привычными значениями *свой, личный* (自, 自己) или *я, мы* (我, 我们), ее значение *свой* данной оппозиции в китайском языковом сознании соотносится со значением *внутренний*, и, следовательно, значение *чужой* – со значением *внешний*. Представляется, что причиной такого ассоциативного переноса смыслов являются особенности китайской культуры как культуры коллективной, сформированной на основе специфичного восприятия и мироустройства. Для понимания логичности выбора данных оппозиционных значений следует рассмотреть семантику и коннотации данных дефиниций: 内 *nei* – *внутри, в, внутренний* и 外 *wai* – *внешний, снаружи, вне-*. Прямое значение данных морфем в современном языке – предлогное, главным образом, они употребляются для обозначения места, это – послелого, аналоги предлогов русского языка, единицы языка служебного назначения: занимают постпозицию по отношению к слову, к которому относятся, например: 城外 – *за городом*, 窗外 – *за окном*, 关内 – *на территориях, лежащих в пределах Великой китайской стены*, 市内 – *в городе*. Выступая в послеложном значении, данные антонимичные морфемы реализуют устойчивые значения и в государственно-территориальной парадигме, например: 国内情况 – *ситуация в стране, внутригосударственная обстановка* и т. п.

Кроме послеложного значения, представленного в предложении соответственно тем или иным глаголом местонахождения, рассматриваемые нами слоги реализуют значение признака, выступая корневыми смыслообразующими морфемами в двусложных и многосложных словах китайского языка, построенных по атрибутивному типу корнесложения или образованных в результате морфемной контракции, например: 内定 – *внутреннее решение*, 内情 – *(внутренние) чувства*, 外县 – *другой уезд*, 外贸 – *внешняя торговля*, 外经 – *внешняя экономика*, 外貌 – *внешность*. Бинарность морфем «*свой*» (внешний) и «*чужой, другой*» (внутренний) реализуется в антонимичных парах слов, например, 内向 – *интровертный*, 外向 – *экстравертный*.

Этимологическая актуализация значения *свой – чужой* происходит от значения *свой*, а именно, свое место, своя семья, свой двор, частные покои, дворец. Принадлежность к роду, семье и дому имеет первостепенное, определяющее все прочие роли, которые могла бы играть личность с феодальных времен и до настоящего времени. Особенно в старом Китае, где родовая принадлежность определяла будущее человека и его семьи. В классическом языке именно слово 内 в рамках однослога реализовывало значение «двор, дворец, покои, семья»: 内廷 – *свой двор, дом; покои императора*, 内阁 – *кабинет министров, жен-*

ские покои, 内臣 – евнухи, дворцовые слуги или, 唐有东内、西内、南内 – при Танах были восточный, западный и южные дворцы. Справедливо предположить, что именно значение «внутренний» стало первым базовым компонентом оппозиции *свой – чужой*.

Не менее интересным представляется и следующее этимологическое значение данных морфем, в контексте которого они активно употреблялись для номинации терминов родства. Концептуализация семейного родства и семейности в китайской культуре является преобладающей тенденцией в номинации «свой, собственный, своего круга». Значение *свой* связано с местом проживания или пребывания человека; тот, кто живет рядом – это, согласно китайскому мировосприятию, «свой человек», например, 内人 – жена (досл. человек, который внутри, в семье), в старом Китае – дворцовые девушки, жена и наложницы, 内亲 – (своя) родня, 内助 – жена, хозяйка, 内顾 – семейные заботы. Значение «чужой» соответственно отождествляется с дислокацией за пределами дома, семьи, императорского дворца, и даже страны. Так как девушка, выходя замуж, покидала отчий дом и приходила в семью жениха извне, ее родственники назывались «чужими», например, 外兄弟 – братья жены (по женской линии), 外孙 – внуки со стороны дочери, 外婆 – бабушка (мама невесты), 外公 – дедушка со стороны матери и т. п.

В мировом пространстве, позиционируя свою страну по отношению к другим странам, представители китайской культуры стали называть все другие страны не чужими, а лежащими за пределами Среднего государства – 外国 (досл. «внешними странами») – иностранные государства, заграница, зарубежные страны. При этом все связанные с заграничной тематикой понятия получили сему со значением «внешний, чужой» в качестве атрибута соответственно: 外币 – валюта (досл. иностранные деньги), 外语 – иностранный язык, 外资 – зарубежный капитал, 外籍 – иностранное гражданство, 外派 – заграничная командировка, 外电 – новости из иностранных СМИ и т. п. Семантическая корреляция рассматриваемых значений также находит отражение и в номинации оппонента в межкультурном взаимодействии: 外国人, 外宾, 外族, 外客 – иностранцы, иностранные гости, представители других наций, чужеземцы и т. п. С этой точки зрения уместно уточнить и семантику обращения к иностранцам, бытующего в китайском языковом сознании: жители Поднебесной часто обращаются к иностранцам, называя их уважительно: 老外 – «почтенными иностранцами».

Своеобразным представляется и связанное с указанным прямым значением – переносное «профан», уместное для употребления только в определенном контексте, актуализирующее значение «человек, не вла-

деющий какой-либо информацией, т. е. человек вне данного круга», Например, при переводе предложения 他是一个老外, 你跟他说什么 необходимо уточнить контекст, поскольку возможно два варианта понимания: *Он иностранец, о чем ты с ним говоришь?* Или *Он ничего в этом не смыслит, о чем с ним говорить!*

Именно трансформация указанных значений определила актуализацию смыслов «свой» и «чужой» для парных морфем. В качестве аргументов, доказывающих справедливость данного предположения, могут выступать следующие факторы: культурно-этимологическая обусловленность (отождествление смыслов исторического и традиционного понимания смыслов); антонимичное значение (закреплено значениями производных слов); исключение негативного фактора (прагматическая установка: «чужой» не значит плохой или вражеский).

Анализ дефиниций позволяет предположить, что употребление именно этих двух слов для вербализации рассматриваемой семантики связано с этимологическим назначением данных сем для реализации значения *своя семья, люди своего круга, императорский двор и чужой дом, чужие традиции* соответственно. Такие дополнительные национально-специфические коннотации особенно четко прослеживаются в устойчивых оборотах.

Следует отметить, что парность (в данном случае антонимичная) значений *свой – чужой* находят эффективное применение в составе фразеологических единиц, обобщая их значение. Полярность значений указывает, как правило, на всеобъемлемость и повсеместность: *内忧外患 – внутренние и внешние неурядицы; 彻内彻外 – целиком и полностью*. Особенностью структуры таких фразеологизмов является парность их компонентов, а сами устойчивые полусиллабы называются чэньюями параллельной конструкции [Щичко, 2010, с. 102]. Как показал анализ языкового материала, в составе чэньюев парные компоненты *内* и *外* могут занимать как четные (1 и 3), так и нечетные (2 и 4) позиции, причем вторая пара, участвующая в образовании фразеологизма данного типа, может являться как синонимической, так и антонимической, например: *内圣外王 – постигнуть учение и стать мудрым, 内查外调 – тотальный контроль, 攘外安内 – ликвидировать нашествие врага и стабилизировать внутренние дела*.

В контексте исследуемой оппозиции данные парные значения, во-первых, приобретают особенно подчеркнутое значение, а, во-вторых, указывают на некоторые смежные с данной оппозицией бинарные конструкты (структуры), к числу которых можно отнести смысловые биномы *внутренний мир – внешность, женщина – мужчина*, которые так или иначе концептуализируют, уточняют, дополняют интересующую нас оппозицию, например: *外巧内嫉 – красноречие и благородные ма-*

неры и гнилое эго; 外强中干 или 色厉内荏 – сильный только с виду (на самом деле слабый и подлый) и др.

Согласно китайскому мироустройству, мужчина связан с внешним миром больше, чем женщина, он правит делами вне дома, на государственной службе, на благо Родины, назначение же женщины – следить за домом, семьей, ее пространство внутреннее, она не должна ведать тем, что находится за пределами дома, семьи, что подтверждает вышесказанное пословица 男不言内, 女不言外 – мужчина не говорит о семейных делах, женщина не говорит о делах, протекающих вне дома. Еще один значимый пример, 外圆内方 – *досл.* «снаружи – круг, внутри – квадрат». Именно так выглядит древняя китайская монета; круглая, с квадратным отверстием внутри. Круглая форма олицетворяет небо, а квадратная – землю, что соотносится, с мужским и женским началом теории Инь-Ян, т. е. обоснованы цепочки смыслов:

外 – 圆 – 天 – 男: снаружи – круг – небо – мужчина – чужой;

内 – 方 – 地 – 女: внутри – квадрат – земля – женщина – свой.

Элементы рассматриваемой нами оппозиции можно считать ядерными семами, концептуализирующими особенности китайского мировосприятия, что находит отражение в речевом общении китайцев. С учётом значений, установленных в оппозиции *внешний-внутренний*, открываются некоторые тактики коммуникативного поведения, зашифрованные в китайских идиомах. Прежде всего, следует отметить установки на общение, отмеченные близостью его участников. Модели поведения в общении среди своих и среди чужих не могут быть одинаковыми, что подтверждает выражение 内外有别 – *досл.* «со своими и с чужими (вести себя) по-разному».

Под «своими» понимаем близкий, (внутренний) круг общения: друзья родственники, те, кому доверяешь, те, кто находится в пределах твоего личного пространства, все остальные – чужие (внешний круг общения). Рассмотрим некоторые фразеологизмы с компонентами 内 – *свой* 外 – *чужой*, которые в той или иной степени кодируют стратегии коммуникативного поведения, характерные в общении со «своими» и «чужими»: 外圆内方 – со своими быть прямым и честным, с чужими – хитрым и обтекаемым; 外简内明 – со своими можно не задумываться над каждым словом, а при общении с чужими следует вникать в суть, анализировать все детали; 外宽内深 – внешне снисходительно соглашаться, на самом деле изучать (рассматривать) во всех мелочах и т. п.

Процесс освоения китайской культуры в качестве «чужого» предполагает как минимум два этапа: принять особенности китайской культуры, понимать свою принадлежность к тому или иному сообще-

ству и включаться во взаимодействие, четко зная правила поведения в своем и чужом окружении. Изучаемая в данной работе концепция *свой – чужой* актуализируется на уровне дислокации в пространстве и отнесенности к какой-либо территории или ее границе. Особенности восприятия пространства носителей китайского языка находят свое отражение в формировании данной оппозиции.

В отличие от привычной нам ретрансляции исследуемого значения, китайцами данное оппозиционное свойство рассматривается не в рамках принадлежности лицу или какому-либо субъекту, а в рамках пространственной парадигмы, в чем и состоит специфическое этимологически и прагматически оправданное формирование китайской модели взаимоотношений *свой – чужой*. Национально-специфичные стратегии поведения не только достаточно четко очерчивают линии поведения китайцев, но и актуализируют значимость и глубину концепции *свой – чужой* в сознании китайцев. Изучение данной концептосферы может стать интересным предметом дальнейших лингвистических изысканий.

Литература

Щичко В. Ф. Теория и практика перевода // Теория и практика перевода. 3-е изд., испр. и доп. М. : Вост. кн., 2010. 224 с.

成语大全 [Электронный ресурс]. URL: <http://chengyu.t086.com/cy14/14545.html>.

汉语词典 [Электронный ресурс]. URL: <http://cidian.xpcha.com/aa8g6bnzv6.html>.

Н. А. Бунаева

Иркутский государственный университет, Иркутск

К ВОПРОСУ О РОЛИ США В СТАНОВЛЕНИИ ЮЖНОКОРЕЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Рассматривается роль США в становлении национальной экономики Республики Корея. Южная Корея за короткий период времени превратилась из аграрной страны в мировую экономическую державу. Значительную роль в этом сыграли США, поскольку взяв РК в послевоенное время под свою опеку, они оказывали экономическую помощь Южной Корее.

Ключевые слова: национальная экономика, экономическая помощь, экономическое развитие, рынок, промышленность, экспорт, импорт.

N. Bunaeva

Irkutsk State University, Irkutsk

TO THE QUESTION OF THE USA ROLE IN ESTABLISHING OF SOUTH KOREAN NATIONAL ECONOMY

Abstract. The purpose of this article is to consider the USA role in establishing of South Korea national economy. South Korea was undergone transformation. It was an agricultural country and became a world economic nation for a short period of time. The USA played a great role in this process because taking the Republic of Korea under its guarding the USA help South Korea financially.

Keywords: national economy, economic assistance, economic development, market, industry, export, import.

Тесное сотрудничество между США и Республикой Корея (РК) установилось после Второй мировой войны, когда южная часть Корейского полуострова попала под опеку США. США участвовали в создании национальных вооруженных сил, флота и военно-воздушных подразделений Южной Кореи. По мере возможности и необходимости США старались помочь РК не только в организации, но и вооружении национальной армии. К 1950 г. США поставили в Южную Корею военной техники на сумму в 205,2 млн долл.

В годы Корейской войны США оказывали постоянную помощь своему южнокорейскому союзнику. 27 июня 1950 г. президентом США Г. Трумэном был отдан приказ о поддержке американскими ВВС и ВМС армии Южной Кореи. В это же время по инициативе американской делегации в ООН была принята новая резолюция, осуждавшая «вторжение» КНДР и призывавшая членов ООН оказать Республике Корея всестороннюю военную помощь для отражения наступательных операций северокорейских войск [Курбанов, 2009].

По окончании Корейской войны ущерб, который РК понесла от боевых действий, хотя юг не подвергался таким разрушительным бомбардировкам, как север, был достаточно велик. За годы войны в РК было разрушено 44 % зданий, уничтожено 42 % промышленного оборудования, 68 % промышленных предприятий. Экономический кризис был настолько велик, что к началу 1953 г. ценность национальной валюты упала в 11 раз, поэтому в феврале 1953 г. была проведена денежная реформа. Цены за годы войны выросли в 18 раз. Общий экономический ущерб, нанесенный Республике Корея, оценивается суммой в 3 млрд долл. США [Курбанов, 2009].

В послевоенное время правительство РК во главе с Ли Сын Маном объявило своей целью восстановление разрушенной экономики, однако даже американская помощь Южной Кореи мало способствовала поставленным задачам. Планомерную экономическую помощь РК получала от США или ООН, некоторые организации были созданы специально для работы в Южной Кореи. Всего за период с 1945 по 1961 г. США оказали помощь на сумму в 3 млрд 137 млн долл. В период после Корейской войны ежегодная сумма американских поставок колебалась в пределах 200–300 млн долл. в год с пиком в 1957 г. – 380 млн. Помощь оказывалась главным образом в виде поставок сырья или полуфабрикатов для корейских предприятий (42 %) или в форме прямых продовольственных поставок (25 %). Большая доля американской помощи шла на поддержание и развитие южнокорейской армии.

США, в первую очередь, сами были заинтересованы в продовольственных поставках в Южную Корею, поскольку эти поставки позволяли избавиться от избыточного продукта и тем самым держать под кон-

тролем собственный рынок продовольствия. Для Южной Кореи поставки пшеницы, кукурузы, ячменя, риса, с одной стороны, облегчили бедственное положение населения, особенно в первые годы после окончания Корейской войны, а с другой – впоследствии стали тормозом в развитии собственного сельского хозяйства и привели к ухудшению положения южнокорейского крестьянства.

Правительство РК считало приоритетным развитие легкой промышленности для восстановления экономики страны. Ведущими отраслями легкой промышленности считались так называемые «белые промышленные производства» (*самбэк коноп*), т. е. мукомольная, сахарная промышленности и производство хлопчатобумажных тканей. Сравнительно дешевое сырье для трех «белых промышленных производств» поставлялось из США, что позволило на первых порах получать владельцам предприятий большую прибыль.

Следует отметить, как об этом пишет С. О. Курбанов в своей монографии «История Кореи», что, несмотря на общее тяжелое экономическое положение в 1950-е гг. в Южной Корее, все же происходил процесс накопления национального капитала и создания крупных концернов, которые впоследствии стали основой стремительного экономического развития Южной Кореи [Курбанов, 2009].

Капиталистическое производство в Республике Корея пошло по так называемому японскому пути, который предполагал создание крупных семейных финансово-промышленных корпораций, получивших название чеболь, что дословно означает «род [владеющий] богатствами». По состоянию на 1960 г. ведущей считалась корпорация «Самсунг», история которой началась еще в 1935 г. В нее входило 19 компаний, крупнейшие из которых занимались переработкой сахара, выпуском автомобильных шин, удобрений, цемента и т. п. Корпорация «Лакки» (впоследствии вошедшая в хорошо известную в России группу «Эл Джи») находилась на пятом месте в списке крупнейших чеболь и уже тогда занималась торговлей полупроводниками и химическим производством. В списке чеболь, в то время еще не занимая ведущих позиций, были представлены корпорации «Хёндэ» и «Голд Стар» (Кымсон).

И всё-таки к началу 1960 г. экономическая ситуация в стране оставалась очень тяжелой. Дефицит внешнеторгового баланса достиг уровня в 310 млн долл., ежегодный уровень инфляции превышал 20 %, число безработных составляло порядка 40 % трудоспособного населения, росла преступность.

Политика действующего главы государства Ли Сын Мана особенно в сфере экономики вызывала неприятие у народа, поскольку она строилась главным образом на помощи со стороны США, поэтому летом 1960 г. произошла смена власти. Ликвидация старой «капиталисти-

ческой диктатуры» Ли Сын Мана подтолкнула общественность к поиску новых путей развития Южной Кореи. Несмотря на смену власти, которая была более демократическая, чем предыдущая, Республика Корея все еще зависела от американской помощи. Гарантом южноамериканских отношений в новых условиях было экономическое соглашение, подписанное 8 февраля 1961 г., которое позволяло Америке вмешиваться в государственные дела Южной Кореи. Данное соглашение вызвало всенародный протест. В марте 1961 г. были приняты «Временный чрезвычайный антикоммунистический закон» и «Закон о контроле над демонстрациями», чтобы подавить протест и повлиять на желание корейцев объединиться с Севером. В связи с принятием этих двух актов 22 марта начались народные волнения.

Новое правительство Демократической партии во главе с Чан Меном не оправдало ни политических, ни экономических надежд южнокорейского народа, несмотря на обсуждение возможности введения элементов планирования экономики, начатое в марте 1961 г. Низкий уровень экономического развития и жизни большинства населения Республики Корея не давали возможности использовать все преимущества демократии, а лишь усугубляли и без того тяжелое положение. Страна нуждалась в жесткой, сильной патриотической власти, способной отстоять национальные интересы.

В 1961 г. к власти пришел генерал Пак Чон Хи. Главной целью его экономической политики было превращение страны из отсталой, аграрной в современную индустриальную державу посредством вмешательства государства в экономику. В ноябре 1961 г. Пак официально посетил США. Во время его визита Кеннеди пообещал ему всевозможную экономическую помощь. Страна очень сильно зависела от американских кредитов, и в этом Пак чувствовал уязвимость своего режима. 50 % государственного бюджета составляла американская помощь, причем ассигнования на оборону на 70 % состояли из помощи США. Она же в период с 1953 по 1962 г. покрывала 70 % южнокорейского импорта и 80 % капиталовложений. Как впоследствии написал сам генерал, «у меня было такое чувство, как будто я принял дела обанкротившейся фирмы» [Асмолов, 2003].

Экономическая программа Пака была основана на развитии тяжелой промышленности, экспорта и государственном регулировании. Тяжелую и химическую промышленность он называл «сердцем корейской промышленности», хотя к строительству ее подошли далеко не сразу. Изучив японский опыт, режим взял курс на приобретение патентов и лицензий. Суть схемы заключалась в том, что на иностранные займы создавались предприятия, которые работали на импортируемом сырье по иностранной технологии. Продукция этих производств шла на экс-

порт, а прибыль на закупку нового сырья и новых технологий, развитие инфраструктуры и образования, что позволило бы перейти к новому этапу индустриализации. При этом внутри страны существовала политика жесткого протекционизма в области импорта [Асмолов, 2003].

Начиная с 1962 г. в стране стало применяться пятилетнее планирование экономики. Первый пятилетний план экономического развития (1961–1966 гг.) был разработан и принят планово-экономическим советом. Для того чтобы осуществить этот план государству пришлось прибегнуть к инвестиционному планированию. Главным вопросом было финансирование основных промышленных инвестиционных проектов. Согласно условиям, преобладавшим в начале 1960-х гг., в Южной Корее был низкий уровень внутренних сбережений, отсутствовал фондовый рынок. Таким образом, в стране на тот момент не было ни капитала, ни технологий. ВВП на душу населения составлял в 1961 г. всего лишь 82 долл. Прирост населения менее 3 % в год. Единственным ресурсом была рабочая сила. Плановая экономика опиралась на использование человеческих ресурсов и развитие трудоемких производств. В первую очередь, правительство развивало легкую промышленность и иные отрасли, которые отличались немалой трудоемкостью, но не требовали квалифицированной рабочей силы, сложных технологий или крупных капиталовложений. Приоритетом для этих отраслей был экспорт. Например, в 60-е гг. половину всего корейского экспорта составляли ткани и одежда (41 % в 1965 г.).

В 1965 г. Корея стабилизировала свои отношения с Японией. Япония из врага превратилась в партнера. Генерал Пак сумел не только лавировать между США и Японией, но и обеспечил приток в страну японских инвестиций размером в 800 млн долл. Уже на следующий год Япония опередила Соединенные Штаты, а в 1971 г. она имела инвестиций в Корею больше, чем любая другая страна, – 54 % (США – 26 %), хотя общий объем экономической помощи оставался за Америкой. Установив дипломатические отношения с Японией, Сеул принял участие во Вьетнамской войне и направил в Южный Вьетнам две дивизии корейских войск (общим числом около 60 тыс. человек). Таким образом, РК заслужила не только благодарность американцев, но и их заказы на военную амуницию, и военное строительство. За это Пак добивался от США компенсационных кредитов и модернизации южнокорейской армии. В 1966 г. разнообразные доходы Кореи от этой войны составили 40 %, а всего в период войны США поставили Южной Корее в виде экономической и военной помощи 12,6 млрд долл.

С 1972 г. начался второй период политики экономического развития, который был направлен на развитие тяжелой и химической промышленности. Этот переход от легкой промышленности к тяжелой

произошел благодаря благоприятным условиям, сложившимся в стране, и вхождением Республики Корея в четверку так называемых Новых индустриальных стран первой волны. В Корее появились огромные металлургические комбинаты, которые вскоре превратили страну в одного из крупнейших в мире производителей стали, а также верфи, которые уже к 1980 г. по грузоподъемности производили около трети всего мирового тоннажа новых кораблей. За металлургией и судостроением последовали более технoемкие отрасли – автомобильная промышленность, развертывание которой началось после 1976 г., и электроника, эпохой развития которой стали уже 80-е гг. Благодаря собственной тяжелой и химической промышленности, корейская индустрия в ряде отраслей перешла от сборки к освоению всей цепочки производственного процесса, что позволило сократить импорт сырья и комплектующих и снизить торговый дефицит, достигавший в начале 70-х гг. уровня в 1,1 млрд долл. Следует упомянуть и о том, что предприятия тяжелой промышленности создавались в значительной степени как основа ВПК Южной Кореи. Разработки в области ядерного оружия, проводившиеся в 1972–1975 гг. и приостановленные лишь под давлением США, являются лучшим свидетельством успехов в этой области [Асмолов, 2003].

Стоит отметить, что экономическая система, сложившаяся в годы правления Пак Чон Хи, включала в себя элементы и государственного капитализма, и свободной торговли. Также в стране была проведена масштабная национализация, что позволило правительству сохранить за собой право собственности на железные дороги, источники электроэнергии, водоснабжение, автодороги и порты. В результате национализации под контроль государства попала вся банковская система. Реформы коснулись и аграрного сектора: крестьяне (в 1961 г. крестьянство составляло 58 % населения) были освобождены от выплаты долгов по ростовщическим процентам, была принята программа стабилизации цен на сельскохозяйственную продукцию. Правительство увеличило процент выплат по банковским вкладам, что способствовало притоку в банки денежных средств, следовательно, было легче получить займы.

При администрации генерала Пака функционировало Управление экономического планирования, которое доводило задания до всех секторов хозяйства и бизнеса путем контроля и поощрения инициативы. Государство жестко контролировало внешнюю торговлю посредством лицензирования и налоговой администрации, которая следила за тем, чтобы средства расходовались рационально и с пользой. При этом государство регламентировало распределение кредитов и экспортных субсидий, контролируя внешнеторговые операции и регулируя цены. Существенным рычагом давления на бизнес был запрет на создание своих банков (их денационализация началась только в 70-х гг.), и лишенные

финансовой независимости корпорации вынужденно развивали производства, которые государство считало приоритетными. Пятилетки в РК существовали до 1984 г., но южнокорейский политолог Ян Сын Чхоль пишет, что методы планирования были основаны не на прямом вмешательстве государства, а на использовании экономических методов регулирования рынка, налоговой или монетарной политике [Асмолов, 2003].

Государственное регулирование проявлялось и в стремлении удерживать дешевизну рабочей силы, что достигалось целым рядом факторов: низким уровнем жизни в начале процесса роста экономики; низкой долей заработной платы по отношению к получаемой прибыли; продолжительной рабочей неделей, жесткой антирабочей политикой властей, при которой стачки решительно подавлялись полицией, а подчас и специальными частями.

Администрация Пак Чон Хи определила следующие экономические цели: усиление ключевых отраслей промышленности, уменьшение безработицы и разработка более эффективных управленческих методик. Были приняты меры в сфере экспорта, а именно увеличение количества экспортируемых товаров, что способствовало высокой конкурентоспособности южнокорейских товаров и производительности труда. В результате принятых мер рост промышленного производства составлял 25 % в год, причём в середине 70-х гг. темпы увеличились до 45 % в год. Уже в 1963 г. корейский ВВП вырос на 9,1 %, и на протяжении всего правления Пак Чон Хи его годовой рост составлял 8–10 %, изредка поднимаясь до 12–14 % и никогда не опускаясь ниже 6 %. Ежегодный прирост экономики за период с 1962 по 1966 г. составил 8,9 %, что значительно превышало запланированный уровень в 7,1 %. В легкой промышленности этот показатель был еще выше (15,1 %), а среднегодовой прирост экспорта достигал 29,2 %. На рубеже 60–70-х гг. объемы производства возрастали в среднем на 11,1 % в год, экспорт увеличивался на 28,7 % и к 1971 г. составлял 15,8 % от ВНП. Урбанизация и модернизация шли параллельно. В 1960 г. в городах насчитывалось 7 млн, а в 1985 г. – 27 млн жителей. Число живущих ниже черты бедности сократилось с 40 % в 1965 г. до 10 % в 1980 г., а доход на душу населения поднялся до 1 тыс. долл. в год.

Можно сделать вывод, что администрация генерала Пака сыграла ключевую роль в становлении РК в качестве ведущей мировой экономической державы. На протяжении всего периода становления и развития южнокорейской экономики роль иностранных инвестиций была очень велика. После формального окончания Корейской войны помощь иностранных государств, в частности США, стала самым значимым источником ресурсов в восстановлении страны.

Литература

Асмолов К. В. Генерал Пак Чон Хи: Очерки политической биографии [Электронный ресурс] // Сеул. вестн. 2003. № 77–80. URL: http://malchish.org/lib/politics/korea_Pack.htm.

Курбанов С. О. История Кореи с древности до начала XXI в. [Электронный ресурс]. 2009. URL: <http://e-libra.ru/read/339961-istoriya-korei:-s-drevnosti-do-nachala-xxi-v.html>.

Ван Ланьцзюй

Иркутский государственный университет, Иркутск

王兰举

伊尔库茨克国立大学, 伊尔库茨克

东方认识论两座灯塔

摘要：如同哲学中的其他问题一样，人类对自己及外部世界的认识的哲学审视和反思也经历了不同阶段。中国古代认识论的基本特点是侧重于探讨客体的规定性，以及如何确定这种规定性。因此，本文作者对《易经》《道德经》的认识论的思考探索从如下着手：1. 《易经》《道德经》眼中的世界（对客体的规定性）；2. 《易经》《道德经》作者认识世界的形式（确定客体规定性的形式）；3. 《易经》《道德经》认识世界的主要途径（因果联想）。由此可见，《易经》《道德经》虽然在表述世界所使用的方式有区别，但他们对世界本质的表述却是一致的，确属异曲同工之妙。

研究中国学首先应该研究中国哲学。研究中国哲学，必须懂得中国哲学中的两部巨著，即：《易经》和《道德经》。从哲学认识论角度来讲，《易经》和《道德经》是东方乃至人类认识现实世界的两座灯塔。

通过人类的智慧，借助科学技术（工具）来探测、观察，现在我们已经可以对宇宙进行了层次性的认识，同时还可以对时空的构成进行接近自然本质的搭建，基本形成了天体-星座-天体系统-太阳系-地月系的层次。再者我们还可以科学地认识宇宙一定领域以及天体运动的本质规律。宇宙的存在形式和自然现象在科学较昌明的今天来说，是较容易认识的。但时至今日，我们还不能穷尽宇宙间的所有一切，人类的认识力囿于人类本身的智慧。人类对宇宙的认识是区域性和近远性的。也许今天，我们仅认识了宇宙整个领域中极窄的一角而已（以地球为中心，认识的辐射半径不大），但我们今天至少知道了天体（包括太阳、地球等等）、天体系统的动态构成，还有由于天体的星际运动使地球上产生和出现了许许多多常规和超常规的物质和现

象。诸如我们生活的地球是属于太阳系的一颗行星；太阳对地球来说相当重要；地球绕太阳旋转；地球自西向东的自转和公转，才有日夜轮换和四季交替的天文地理意义；还有，太阳源源不断地给地球，给万物送来了信息和能量，使人类和万物受惠滋润和恩泽，得以孕生和生存和死亡这新陈代谢的过程等等。古人如何认识时空而形成时空观（宇宙观）？古代没有今天的科技水平，那时的生产力低下，但古人经过直观观察，感悟而理解了自然宇宙，乃至宇宙的神秘性。东方古文化对时空的认识而形成的时空观，可以从《易经》和《道德经》来理解。《易经》和《道德经》对揭示自然宇宙及其神秘性有一定作用。在这里，我们来破译一下《易经》和《道德经》等经书典籍，从而弄清古人的时空观。

一、《易经》的时空观。

《易经》对宇宙的认识，对时空的认识，在《易经·系辞上传》上的：“易有太极，是生两仪，两仪生四象，四象生八卦。”得到了最深刻最生动的体现。《易经》就是以这句话进入宇宙时空的。八卦后来又衍生变化出八宫六十四卦（每宫各八卦），八卦八宫符合自然的“道”。

《易经》：“一阴一阳谓之道”。这两仪即是“道”包含的“一阴一阳”（有人认为可以是天地，或乾坤之类）。我们知道，八卦每卦都是由阳交“—”或阴交“-”符号三叠而成。八卦的生成和含义，《系辞上传》：“易有太极，是生两仪，两仪生四象，四象生八卦。”太极指宇宙本原，即天地未判之前浑然一体的元气其实也就是“道”。太极分化、生出阴阳，一阴一阳两相对立的状态就是两仪。从宏观上说，宇宙万物都分阴阳，如日月、向背、正反、雄雌、男女、高低、大小等等（在探析之三《阴阳回互，万象成真》我对阴阳有专题论述）。阴阳之分体现在卦上，就是爻形符号“-”和“-”。宇宙进一步化生，又在天地阴阳之上生出了四象，即春、夏、秋、冬四时；体现在卦上，就是“-”、“-”之上再生“-”、“-”，形成。为少阳，象征春；为老阳，象征夏；为少阴，象征秋；为老阴，象征冬。这四个符号可以视之为卦的初爻和二爻。在天地四时形成并运行之后，又形成宇宙万物。在古人看来，宇宙万物中最基本的八种自然物为天、地、雷、风、水、火、山、泽；体现在卦上就是四象之上再生阴阳，即是乾、坤、震、离、兑、艮、坎、巽

八卦。因此，从宇宙的本质来看，由太极产生天地阴阳，天地阴阳产生四象，即春、夏、秋、冬四时，四象产生乾（天）、坤（地）、震（雷）、巽（风）、坎（水）、离（火）、艮（山）、兑（泽）八卦，代表八种自然物质，这就是《易经》上所说的“八卦成列，象在其中”。综上所述，天地万物都是从太极产生出来的，太极是天地万物产生的本质。

自然万物如何生化？《易经》以乾、坤和咸卦来说明，揭示出自然有机联系的神秘性。两仪即阴阳，也就是乾坤，乾为阳为天为父，坤为阴为地为母。在《易经》中，乾坤二卦是阴阳之象。《辞传》中《乾卦》：“大哉乾元，万物资始，乃统天。云行雨施，品物流形。”《坤卦》：“至哉坤元，万物资生，乃顺承天。坤厚载物，维合无疆，含弘光大，品物咸亨。”至于天地万物如何化生而成？《易经》认为是通过阴阳二气交感结合的方式进行并实现的。《咸卦》：“咸，感也，柔上而刚下，二气感应以相与；止而说（悦），男下女...天感地，而万物化生”。《系辞下传》：“天地氤氲，万物化醇；男女媾精，万物化生”。这即是《系辞上传》：“易有太极，是生两仪，两仪生四象，四象生八卦。”《易经》以乾坤为阴阳二物，把天地化生万物的过程比拟为雌雄交媾，并进一步追溯了阴阳的本质，即太极这阴阳未分之气

上面是对《易经》破译宇宙间万物的生成进行一番考察和研明。《易经》上如何用卦来确定方位？八卦划定八方位。八卦表示方位（约定俗成的搭配），主要有两种排列方式，即是伏羲八卦方位和文王卦方位。伏羲八卦方位：1 乾（南），2 兑（东南），3 离（东），4 震（东北），5 巽（西南），6 坎（西），7 艮（西北），8 坤（北）（此为先天数）；文王八卦方位：1 坎（北），2 坤（西南），3 震（东），4 巽（东南），5 中，6 乾（西北），7 兑（西），8 艮（东北），9 离（南）（此为后天数）。先天八卦是乾坤定南北，离坎定东西。后天八卦是坎离定南北，震兑定东西。对于伏羲方位，即先天方位，《说卦传》：“天地定位，山泽通气，雷风相薄，水火不相射。八卦相错，数往者顺，知来者逆，是故易逆数也。”宋人绘出一幅先天八卦方位图，解释了《说卦传》的这段话：乾坤定上下之位，离坎列左右之门，艮、兑、巽、艮为阴，所以以乾 1，兑 2，离 3，震 4 为顺，

象征天左旋；以巽 5，坎 6，艮 7，坤 8 为逆，象征阴阳相错，并按以上顺序画出了中间的太极图 S 曲线，以之表示阴阳消长的旋转运动。文王方位，即是后天方位。《说卦传》：“帝出乎震，齐乎巽，相见乎离，致役乎坤，说言乎兑，战乎乾，劳乎坎，成言乎艮。万物出乎震，震东方也。齐乎巽，巽东南也...离也者，明也...南方之卦也，坤也者，地也...兑，正秋也...战乎乾，乾西北之卦也，言阴阳相薄也。坎者，水也，正北方之卦也...艮，东北之卦也...”宋人画图以释明：乾卦被置于西北方向（原因是周族崛起于西北，周人以西方为上，于是便把乾坤二卦都移到了西方。乾坤在八卦中居于领先地位，没有乾坤，其他六卦也就没有。因此，乾坤两卦是最重要的）。离卦为火，象征炎热，故以之表示南方；坎为水，象征寒冷，故以之表示北方；震为雷，春日雷作于东，故以之表示东方；兑为悦，夕阳无限好，令人喜悦，故以之表示西方；艮为山，为万物所成终结之处，黑夜将尽，黎明即至，故以之表示东北方。伏羲先天八卦方位，应该说是来源于先天太极图，也就是“天地自然之图”，即俗称的“阴阳鱼”。其黑白两部分正好是一个圆等分为两半。“熟玩之有太极函阴阳，阴阳函八卦之妙。”在《易图明辨》中，清人胡渭曾广采众说，对太极图详加解释：其环中为太极，两边黑白回互，白为阳，黑为阴。阴盛于北，而阳起薄之：震东北，白一分，黑二分，是为一奇二偶；兑东南，白二分，黑一分，是为二奇一偶；乾正南全白，是为三奇纯阳；离正东，取西之白中黑点，为二奇含一偶，故云对过阴在中也。阳盛于南，而阴来迎之：巽西南，黑一分，白二分，是为二偶一奇；艮西北，黑二分，白一分，是为二偶一奇；坤正北全黑，是为三偶纯阴；坎正西，取东之黑中白点，为二偶含一奇，故云对过阳在中也。坎、离为日、月，升降于乾坤之间，而无定位，故东西交易，与六卦异也。先天八卦方位图正好揭示了天体运动的方向，破译宇宙之初的景象。宇宙大爆炸的结果，天体均向逆时针方向旋转，因此先天八卦方位图所画成的八卦顺逆线路图，正好揭示了宇宙的神奇，使人能容易地走进宇宙的内在（本质规律）。先天方位立足于自然的破译，目的在于认识宇宙这一本体。后人借助这图能认识宇宙天体的神秘。

文王后天方位把先天方位从远到近给拉回来，建立了新的方位学，它从另一角度—从自然界的信息和能量角度来确定方位。正如上面所说的“离卦为火，象征炎热，故以之表示南方；坎为水，象征寒冷，故以之表示北方；震为雷，春日雷作于东，故以之表示东方；兑为悦，夕阳无限好，令人喜悦，故以之表示西方。”东、西、南、北方位定格，这同样符合自然运行的规律。我们知道，地球绕太阳自西向东旋转，自转和公转，公转一年十二个月，这样太阳给地球的能量和信息随时间和空间的不同而变化，东方得天气之先。一年十二个月分四时八方，与八卦的关系：震卦为东方，春二月之令，太阳东升，普照万物生长之期。巽卦为东南方，三、四月之令，太阳已经升起，照耀万物而鲜明。离卦为南方，五月之令，正是太阳当空，明显地看到万物生长的情况。坤卦为西南方，六、七月之令，坤为地，养育万物，物之成熟之时。兑卦为西方，八月之令，正是果实累累，喜庆丰收之时。乾卦为西北方，九、十月之令，秋冬相交，太阳西沉，明与暗，阴与阳发生争斗之时。坎为北方，十一月之令，坎为水，不停止地流动，是劳苦之义。太阳在这一方位，完全沉没，万物劳累，应该休息之时。艮为东北方，十二月、正月之令，正是冬春之交，黑暗即将过去，光明立刻来临，万物到此，既是一天的完结，又是新的一天开始之时（这是我们现在对后天方位的《说卦传》的“帝出乎震……”的解释）。后天八卦恰好弥补了先天方位的不足，从方位上起了补充作用。一个揭示了天体的运行方向，一个则揭示了地球本身的运转方向—主要是从接受太阳能量和信息而对地球本身的影响和作用来说。这都符合自然的“道”。尽管先天方位和后天方位有明显的不同，但它们都从方位来揭示自然的本质内涵，破译宇宙的神奇，使后人能认识宇宙天体的神秘。无论是先天方位，还是后天方位都是科学的，都有着巨大的作用。古人能从不同角度而制订二种方位，真正的绝顶智慧！

八卦衍演变成六十四卦（每八卦成一宫，八宫有六十四卦）。八卦每一卦都与其他卦搭配组成了六十四卦（八经卦重卦而成六十四卦）。每卦都有六个爻。六十四卦各由六爻组成，其位自下而上，名曰：初爻、二爻、三爻、四爻、五爻、上爻。古人认为事物的发展是由低渐高，由微而著的，因此，六爻自下而上排列成卦。《周易乾凿

度》说：“《易》，气从下生。”郑玄注：“《易》本无形，自微及著，故气从下生，以下爻为始也。”所以六爻各有象征意蕴：初位之爻象征事物发端萌芽；二位之爻象征事物崭露头角；三位之爻象征事物功业小成；四位之爻象征事物新进高层；五位之爻象征事物圆满成功；上位之爻象征事物发展终尽。这符合自然万物的生化发展过程—六爻揭示了宇宙万物的动态发展的趋势。

在《易经》中，不仅仅用八卦来定八方位分四时，同时把六十四卦分为八宫对应天象地理，从而更细详地划分宇宙时空。古人在六十四卦中拿出十二个特殊的卦形，即是复、临、泰、大壮、夬、乾、姤、遁、否、观、剥、坤卦，配合一年十二个月的月候，以分四时（古代历法，五日为一候，一月共六候。十二消息卦，一卦当一月，一爻当五日即恰当一候，而一月六候，故十二消息卦共有七十二候）。十二消息卦和十二个月的配合情况如下：复卦，一阳息阴，建子，十一月。临卦，二阳息阴，建丑，十二月。泰卦，三阳息阴，建寅，正月。大壮卦，四阳息阴，建卯，二月。夬卦，五阳息阴，建辰，三月。乾卦，六阳息阴，建巳，四月。姤卦，一阴消阳，建午，五月。遁卦，二阴消阳，建未，六月。否卦，三阴消阳，建申，七月。观卦，四阴消阳，建酉，八月。剥卦，五阴消阳，建戌，九月。坤卦，六阴消阳，建亥，十月。其中泰、大壮、夬卦代表春季；乾、姤、遁卦代表夏季；否、观、剥卦代表秋季；坤、复、临卦代表冬季。这称为“十二消息变通而周于四时”。《易经》如何用卦来表示二十四节气？它用震、离、兑、坎四卦分别与一年春、夏、秋、冬四季相配，和这四个卦的二十四爻分别与一年的二十四节气相配（这叫卦气）。震主春，离主夏、兑主秋，坎主冬。每卦六爻，一爻主一节气，四卦各主六节气：

——惊蛰——芒种

—雨水——小满

——立春——立夏

坎——大寒 震——谷雨

—小寒——清明

——冬至——春分

—白露——大雪

--处暑—小雪

—立秋—立冬

离—大暑 兑--霜降

--小暑—寒露

—夏至—秋分

至于卦的六爻如何与地支、十二月份相配来看时间？这从爻辰可看出。爻辰就是用重卦的六爻与地支即月份相配。六十四重卦，每卦六爻，而每一爻的爻性均有阴阳两种可能，这样六爻共有十二种可能，即六个阳爻和六个阴爻。这十二种性质和爻位不同的爻，正好配一年的十二个月。六爻和地支月份的配合有两种方式：一是按月份排列：正月（寅）-九二爻；二月（卯）-六五爻；三月（辰）-九三爻；四月（巳）-上六爻；五月（午）-九四爻；六月（未）-初六爻；七月（申）-九五爻；八月（酉）-六二爻；九月（戌）-上九爻；十月（亥）-六三爻；十一月（子）-初九爻；十二月（丑）-六四爻。二是按爻的性质和爻位排列：初九爻-十一月（子）；九二爻-正月（寅）；九三爻-三月（辰）；九四爻-五月（午）；九五爻-七月（申）；上九爻-九月（戌）。初六爻-六月（未）；六二爻-八月（酉）；六三爻-十月（亥）；六四爻-十二月（丑）；六五爻-二月（卯）；上六爻-四月（巳）。由依爻的性质和爻位排列得出的结果可以看出，这里是有规律可循的，即：凡阳爻皆配单月，其对应关系是初爻至上爻六爻分别配从十一月至九月六个月；凡阴爻皆配双月，其对应关系是从初六爻至上六爻分别配从六月至四月六个月。上面是乾、坤卦的爻辰，其它六十二卦可依此类推。古人以十二卦来表示一年十二个月和四个季节，同时还另抽出四卦即震、离、兑、坎来表示春、夏、秋、冬四季和由这四个卦的二十四爻分别与一年二十四节气相配，再者以六爻来与一年十二月份配合看时间，把卦纳入时间来认识宇宙时空，从而更有效地破译宇宙时空的神秘。这里很有必要论述一下河图和洛书。河图和洛书以数字来表示方位，这也是很深刻的。

河图数字图的排列为：一、六居下，二、七居上，三、八居左，四、九居右，五、十居中。前后左右自成方位。纳入东、西、南、

北、中方位来认识，河图有口诀：一与六共宗而居乎北，二与七为朋而居乎南，三与八同道而居乎东，四与九为友而居乎西，五与十相守而居乎中。

洛书数字图的排列：戴九履一，左三右七，二、四为肩，六、八为足，五居中央成“龟形”方位。洛书的方位纳入八卦来认识，其实就是九宫图。九个数字配八卦即形成了固定的关系：坎 1，坤 2，震 3，巽 4，中 5，乾 6，兑 7，艮 8，离 9，方位即是 1（北），2（西南），3（东），4（东南），5（中央），6（西北），7（西），8（东北），9（南）。这也就是洛书阴阳气旋的运行方式。古人从不同角度去考察，即仰观天，发现了河图；俯视地，悟出了洛书。但由于这河图和洛书假借神话传说，所以弄得很神秘。《系辞上传》“河出图，洛出书，圣人则之。”相传，伏羲时有龙马出于黄河，其背有旋毛如星点，后一、六，前二、七，左三、八，右四、九，中五、十，称作龙图（即河图）；夏禹治水时，有神龟出于洛水，其背有裂纹，前九，后一，左三，右七，中五；前左四，后右文，后左八。其纹如字（即是洛书）。古人先哲用河图旋臂左旋揭示了天外有天的银河系作用于地球的宇宙气旋，这破译了宇宙之初的景象。如果说河图是说天的。那么洛书则是道地的。假如从不动的北极星上俯视地球，发现的就不仅仅是顺时针左旋的阳性气旋了，而且还有宇宙遗传给地球自身逆时针右旋阴性气旋的加入，还发现了两种相反气旋阴阳交替而成的∞字气旋，这揭示了自然的神奇，破译了宇宙的内涵。

无论是河洛，还是出自河洛的先天八卦和后天八卦（包括方位），都是以动态的观点来破译天体，研明时空，揭示宇宙的本质规律。这是我国特有的，古人的智慧为我们留下了宝贵的文化遗产。

二、《道德经》的时空观。

古人认识宇宙，认识时空，是用直观的方法来感悟的。《易经》的时空观在上面已经论述了。《道德经》（老子）的时空观（宇宙观）是如何一种情性呢？老子从“道”这一哲学范畴来揭示自然宇宙的神秘性和浩瀚性（广延性）。老子从各个方面来架搭进入宇宙的桥梁。让我们循着老子的“道”来进入宇宙，追踪时空。

“道”是宇宙最神奇最内在的东西，是宇宙最本质的东西。在《道德经》中，老子对“道”有充分的论证和描述。“有物混成，先天地生。寂兮寥兮，独立而不改，可以为天地母。吾未知其名，言之曰道。吾强为之曰大。”“道之为物，唯恍唯惚。惚兮恍兮，中有象兮！恍兮惚兮，中有物兮！窈兮冥兮，其中有精兮！其精有真，其中有信。”这是对“道”的形成之初的形象表述，是对宇宙形成之初情形的认识，同时是对“道”的形态的认识和揭示，说明“道”在天地之前就早已出现、存在了。“天下之物生于有，有生于无。道生一，一生二，二生三，三生万物。万物负阴而抱阳，冲气以为和。”“道”化生了自然界中的生命和非生命，这是万物生化而成大千世界芸芸众生的道理。由于有了“道”，才有了自然界万物的生死及其变化过程，即是事物生生不息的运动变化发展的过程。《易经·系辞上传》“易有太极，是生两仪，两仪生四象，四象生八卦。”“一阴一阳谓之道。”“两仪”就是“道”包含的“一阴一阳”。由于有“道”就有了“一阴一阳”这两个对立面，于是形成了事物交替（生死的新陈代谢）的变化发展。任何事物都有其对立的双面性，即阴、阳互相对立、互根、消长和转化，从而走向新的对立，直到形成了新的事物。《道德经》曰：“道生之，德畜之，物形之，势成之。是万物莫不尊道而贵德...故道生之畜之，长之育之，亭之毒之，养之覆之；生而不有，为之不恃，长而不宰。是谓玄德”。老子再一次，说明“道”的功用之大，“道”对万物有生养和抑强济弱的神秘作用。“道”生化育成了万物万事，使自然成芸芸众生，衍化成大千世界。老子同时论述事物的无限繁衍性，万物有生化关系：母子相生关系，这样才使万物生生不息地衍生演化进化下来。《道德经》：“天下有始，以为天下母，既得其母，以知其子，既知其子，复守其母，没身不殆。”由于事物不是纯一的线性绵延，而是交错迂回的曲线运动。因为阴阳互相对立，促成了事物的矛盾运动，相对立的事物的出现自然成为现实。有生，当然就有死。生是造化的有情，死同样是造化的有情。死是对生的否定，其中既有“内在”的东西退化衰亡的因素，也有外界的其他因素的作用。因为事物的联系是最深刻且广泛的。老子在《道德经》：“天之道，其犹张弓乎！高者抑之，下者举之，有余者损之，不足者补之，故天之道，损有余而益不足。”“故事或行或随，或热或吹，或强或挫，

或培或堕。”“有、无之相生也，难、易之相成也，长、短之相形也，高、下之相盈也，音、声之相和也，先、后之相随，恒也。”这里老子充分论述了事物联系的普遍性，同时指出了事物的发展性（由于大压小，强欺弱而造成的）。自然界的万物总是处于同一整体之中，相互关系是本质所在，既然有联系，就包含了对立统一的意思。既然有相生和依赖关系，同时也存在对立转化的关系，这是万事万物的相生（生化）和相克（对立）的动态平衡运动的变化发展的观点。有了这观点，才可理解万物的生化、运动、变化、发展的过程：自然界的所有生灵和非生灵正是循着这动态平衡运动而汇成长河永远向前驶进的。

《道德经》上有言：“道”“为之大”。宇宙从时间上说，是无始无终；从空间来说，是无边无际。宇宙是异常的浩瀚广大，这是很难用语言来形容、比拟和描述的。但老子以其高深莫测的智慧，对宇宙进行探索，同时进行破译，并用特殊的语言加以表述。《道德经》：“天长地久。天地之所以能长且久者，以其不自生也，故能长生。”老子揭示出了自然宇宙的浩瀚，生生不息，且无边无际无始无终，但由于自然界万物有周而复始的新陈代谢的特点，老子无忘作了逼真的描述：“物壮而老，是谓不道，不道‘早亡’。”“致虚，极也，守静也。万物旁作，吾以观其复也。天物芸芸，各复归于其根，曰静。静谓复命。复命常也。”“万物万事，无限者也。”老子表述的这些观点深入浅出，符合自然运作的对立统一的观点，他论述了宇宙为什么能如此无始无终无边无际。“天下之至柔，驰骋乎天下之至坚。无有入于无间，吾是以知无为之有益也。”“天下莫柔弱于水，而攻坚强者莫之能先也，以其无以易之也。柔之胜刚也，弱之胜强也，天下莫弗知，而莫之能行也。”老子用形象的比喻，指出了时间适时的伟大。凡事应适时而作，否则应伺机而动，经过时间的流逝换取转变性的胜利，这能获得最佳的结果，做到以柔胜刚，以弱胜强。时间能使双方的条件发生改变。空间的存在物质经过时间的流逝而发生根本性的变化，即经过从量变到质变这一流变的过程。时间是最好的见证人！再者，时间的流逝经过的空间存在物也是不同的，因而是随时而变，所谓：“时过景迁。”总之，时空不是凝固不变的，是运动变化发展的。正是由于这，许多现象的

发生，事物的出现就不难理解了。宇宙整体中的局部神奇的变化，也就成为最自然明了了。因此，时空的存在不仅仅有物理意义，同时也有其神秘色彩的意蕴。任何事物或现象的发生都有时空性质。抛开时空，空谈万物或万事（包括现象）的产生、出现、存在是无任何意义的。

老子《道德经》是对自然界的破译，他用形象的语言揭示了自然界最深刻的内在本质。老子《道德经》建立了一个对宇宙，特别是时空的系统工程。他从本质论、矛盾论、运动论、控制论、系统论和信息论的观点来分析宇宙，揭示事物的最内在的本质和规律。老子正是从高、深、幽、远角度研通、破译宇宙，特别是时空构成的物理意义和神秘内在。

《易经》以符号破译宇宙时空，而《道德经》则用语言（其实也是符号）来感悟天地万物，不同方式，但都能破译宇宙，研通时空而形成东方哲学的时空观。就认识论而言，《易经》和《道德经》是人类暗夜海航的两座灯塔。

Н. М. Вейнберг

Иркутский государственный университет, Иркутск

ЯПОНИЯ И ХРИСТИАНСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА

Аннотация. Рассматриваются значимые моменты истории появления христианства в Японии и роль христианских миссионеров. В XVI в. первые европейцы прибыли в Японию. Одновременно с огнестрельным оружием, военной амуницией и селитрой в Японию было «завезено» христианство, впоследствии широко распространившееся по территории Японии. Христианские миссионеры вели свою деятельность до начала периода изоляции Сакоку дзидай (1639–1854). Благодаря трудам европейских миссионеров, в наши дни сохранилась информация о японском языке и культуре периодов окончания японского средневековья и нового времени.

Ключевые слова: история Японии, христианство, средневековье.

N. Veinberg

Irkutsk State University, Irkutsk

JAPAN AND CHRISTIANITY IN THE MIDDLE AGES

Abstract. In the 16th century, the first Europeans arrived to Japan. Firearms, military ammunition, saltpeter and Christianity were introduced to Japan and later spread widely throughout the country. Christian missionaries conducted their activities until the period of isolation of Sakoku Jidai (1639-1854). Due to the works of European missionaries, information about the Japanese language and culture of the periods of the Middle Ages and modern times has been preserved.

Keywords: history of Japan, Christianity, the Middle Ages.

Появление европейцев, христианства и христианских миссионеров рассматривается как одно из важных событий в истории Японии. В XV–XVI вв., примерно тогда же, когда Российское государство начало осваивать Сибирь и Дальний Восток, страны Европы расширяли сферы своего влияния, устремляясь в Америку и Азию. Так, в середине XVI в., в 1543-м г. первые европейцы – это были португальцы, прибыли на японский остров Танэгасима (префектура Кагосима), расположенный к югу от острова Кюсю, на границе Тихого океана и Восточно-Китайского моря.

Португальцы первыми привезли в Японию огнестрельное оружие (鉄砲 *Тэппо*) и печатные станки (印刷機 *Инсацуки*). Примерно в то же время испанцы добрались до острова Хирано (префектура Нагасаки). Началась активная торговля японцев с европейцами, в основном, с португальцами и испанцами. В те времена японцы называли их *Намбандзин* (南蛮人, буквально «Южные варвары»). В XVII–XIX вв. представителей стран Северной Европы, в основном, ирландцев и англичан, работавших в Китае, в Сингапуре, на Тайване, стали называть *Ко:мо:дзин* (紅毛人, «красноволосые»). «Южные варвары» и «красноволосые», помимо принадлежности к разным странам, отличались и направлением христианства, которое исповедовали: португальцы и испанцы («варвары») были католиками, а ирландцы и англичане («красноволосые») – протестантами.

Благодаря тесному соприкосновению с португальцами и испанцами, одновременно с огнестрельным оружием, различной военной амуницией и селитрой, в XVI в. в Японию было «завезено» и христианство, которое впоследствии широко распространилось, особенно в западной части Японии и на острове Кюсю. В Японии того времени даже появились несколько *Даймё*: военных феодалов, принявших христианство, а на их территориях велась активная религиозная деятельность. В повседневной жизни японцев стали появляться элементы португальских и испанских обычаев, распространявшихся в связи с деятельностью миссионеров.

Первым католическим миссионером в Японии стал представитель семьи испанских аристократов, иезуит Святой Франциск Ксаверий (1506–1552), который прибыл в Японию в 1549 г. и провел там почти три года. Он оставил впечатление харизматичной и неординарной личности, обладавшей многочисленными талантами, в том числе лингвистическим.

Ода Нобунага (1534–1582), военно-политический лидер, управлявший Японией на стыке исторических периодов Сэнгоку (1467–1590) и Адзуты-Момояма (1573–1603) (единой точки зрения относительно датировок эпох Сэнгоку и Адзуты-Момояма нет), поддерживал христиан-

ство, активно сотрудничал с португальскими торговцами, пользовался уважением и доверием японских христиан. К концу XVI в. в Японии насчитывалось несколько сотен тысяч католиков.

Следующий правитель Японии, Тоётоми Хидэёси (1537–1598), продолжил дело объединения страны, при этом в 1587 г. он начал гонения на католиков. Был принят указ об изгнании миссионеров, согласно которому христианские миссионеры должны были покинуть страну в течение 20 дней. В 1596 г. группа христиан, состоявшая из 26 священников-францисканцев и японцев, была арестована за нарушение приказа о запрете миссионерства. Они были подвергнуты пыткам и рязпаты на крестах в г. Нагасаки (1597).

Поскольку европейские миссионеры традиционно поддерживали политику колонизации, а также политику распространения христианства силой, принято считать, что изгнание миссионеров и преследование католиков стало попыткой Тоётоми Хидэёси предотвратить экспансию европейских государств.

Позднее, в период Эдо (1603–1867), когда к власти пришел Токугава Иэясу (1543–1616), основатель сёгуната Токугава, была введена так называемая *Тэраукэ сэйдо* (寺請制度), система прикрепления населения к храмам. Каждый человек был прикреплен к храму по месту жительства. Храмы выдавали своим прихожанам свидетельства о том, что те не являются христианами и не состоят в запрещенных сектах. Свидетельства нужно было предъявлять при смене места жительства, устройстве на работу и т. п. В некоторых случаях японцам нужно было доказать свою непричастность христианству с помощью так называемой *фумиэ* (踏み絵, «картина, на которую наступают»), церемонии топтания христианских религиозных символов – изображений Иисуса Христа и Девы Марии.

После полного выдворения европейских миссионеров в 1620-х гг. и подавления восстания крестьян-католиков в княжестве Симабара (1637–1638), в Японии было окончательно запрещено исповедовать христианство, началась политика самоизоляции. Сёгунат закрыл страну для иностранцев, были высланы все испанцы и португальцы; период изоляции, так называемый *Сакоку дзидай* (鎖国時代) длился с 1639 по 1854 г.

Важно отметить, что европейцы, жившие и работавшие в Японии до периода изоляции (1639–1854), оказали значительное влияние на культуру и науку этой страны. Помимо оружия, португальцы привезли в Японию первые печатные станки, миссионеры составили множество пособий по японскому языку, словарей японского языка; они публиковали и исконно японскую литературу, записывая ее на латинице. Так, например, была издана «Повесть о доме Тайра» (другое название «Хэйкэ моногатари»), повествование о борьбе кланов Тайра и Минамо-

то, созданное буддийским монахом в XIII в. и передававшееся устно, из поколения в поколение на протяжении около 300 лет, до тех пор, пока миссионеры не зафиксировали этот памятник японской литературы на бумаге. Кроме того, в 1604-м г. был напечатан японо-португальский словарь, который насчитывал 32 293 слова. Позднее, в 1630-м г. была составлена испанская версия этого словаря, а в 1869-м г. на его основе был издан японо-французский словарь.

Жуан Родригес (1561–1633), португальский миссионер, подготовил несколько трудов, включая монументальную работу *Arte da Lingoa de Iapam* (日本大文典 *нихон дайбунтэн*), грамматику японского языка в 3-х томах (1604–1608). В рассматриваемый период истории на особенности японской речи влияли местность проживания, сословная и гендерная принадлежность говорящего, различались формы устной и письменной речи. «Правильным», красивым языком того времени считалась речь столичной (Киотоской) аристократии, однако в повседневной жизни японского общества переплетались разнообразные местные диалекты, социальные стили речи. Благодаря многочисленным трудам европейских миссионеров, в наши дни возможно получить информацию о японском языке и культуре периодов окончания японского средневековья и раннего нового времени, объединения Японии.

Литература

広辞苑 [テキスト] —東京: 岩波書店, 1998. 241, 1573 ページ.

日本語大辞典 [テキスト] —東京: 講談 15. 社, 1995. 1891 ページ.

О. Ю. Вербицкая

Иркутский государственный университет, Иркутск

ЗНАЧИМОСТЬ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СИТУАЦИИ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Аннотация. Рассматриваются национально-специфические культурные ценности как устойчивые пропозиции, определяющие успешность/неуспешность акта коммуникации с юмористической интенцией. Анализ юмористических высказываний проводится при помощи инструмента теории возможных миров.

Ключевые слова: юмор, пропозиция, коммуникативный акт, успешность, теория возможных миров.

O. Verbitskaya

Irkutsk State University, Irkutsk

THE IMPORTANCE OF CULTURAL VALUES IN THE ACT OF HUMOR COMMUNICATION

Abstract. The article is aimed at the applying of nationally specific cultural values regarded as stable propositions to the study of successfulness/unsuccessfulness of speech acts with humor intention. The analysis has been performed with the help of the Theory of Relativity notions.

Keywords: humor, proposition, communication act, successfulness, Theory of Relativity.

Юмор, юмористический речевой акт, – понятие с ярко выраженной культурной составляющей. Чувство юмора присуще любому *homo sapiens*, однако, для того чтобы ситуацию юмористического общения можно было считать успешной, иными словами, для достижения желаемого перлокутивного эффекта – смеха, должны соблюдаться определенные параметры. Так, для успешного юмористического речевого действия (термин В. И. Карасика) важным фактором является контекст произнесения. Согласно Серлю и Вандервекену, контекст произнесения состоит из пяти элементов – говорящего, слушателя, времени, места и некоторых характеристик говорящего, слушателя, времени и места (или так называемого «мира произнесения»). Последнее связано с возможными мирами, которые необходимы, по меньшей мере, по двум причинам [Серль, 1986, с. 242]. Во-первых, для того чтобы установить точную природу иллокутивной силы, т. е. успешность/неуспешность речевого взаимодействия, нам нужна определенная информация о говорящем, слушателе и объектах референции в мире произнесения, представление, о котором удобно рассуждать при помощи инструмента теории возможных миров. Более того, пропозициональное содержание удобно объяснять с помощью понятий теории возможных миров потому, что пропозиция идентифицируется условиями, при которых она является истинной (ложной) в произвольном возможном мире [Степанов, 1995, с. 243], что играет значительную роль в условиях юмористического общения.

Понятие «пропозиция» представляется необходимым, хотя для выяснения иллокутивной силы акта коммуникации и для понимания того, является ли данный акт успешным, информации требуется не так уж и много. Необходимо знать, каких иллокутивных целей намерен достичь говорящий и какой перлокутивный эффект он реально достигает, какими способами и с какой интенсивностью совершается пропозициональный акт, какие при этом делаются пресуппозиции, каковы психологические состояния и с какой интенсивностью все это выражается в мире произнесения. Так, попытка пошутить может быть успешной в одном мире произнесения и неудачной в другом, в зависимости от отношений между говорящим и слушающим.

Доказано, что комический эффект базируется на столкновении двух смыслов в рамках одной плоскости пространства (следуя логике теории возможных миров) или в рамках одной пропозиции. Под пропозицией мы понимаем семантическую константу (диктум в логике схоластов, образ у Декарта, интенционал в современной логике), способную получать истинностное значение. Помимо пропозиции, в высказывании есть субъективная переменная, выражающая отношение предложения к действительности (модальность), оценку сообщаемого говоря-

щим, коммуникативную задачу высказывания и эмотивное отношение говорящего к сообщаемому [Арутюнова, 1990, с. 401]. Пропозиция безотносительна ко времени в том смысле, что она не может быть истинной в один момент времени и ложной в другой: если она истинна, она истинна всегда; если ложна, то ложна всегда, особенно пропозиции, имеющие культурные ценности в качестве своей основы.

К примеру, референция, построенная на культурных ценностях американцев и русских и гетеростереотипно предполагающая восприятие внешности китайцев как идентичной, не совпадает с автореференцией носителей китайской культуры. Таким образом, англоязычная шутка «A recent study has revealed the greatest mystery of life that people struggle with on a daily basis: If Chinese people all look the same, why do they need passports?» и русскоязычная «Бог создавал всех людей разными, но когда дошел до Китая, ему надоело» вряд ли достигнут желаемый перлокутивный эффект, и, будучи рассказанными носителям китайской культуры, заденут чувства патриотизма и любви к своей культуре и семье китайцев. Анализ данной шутки предполагает существование по крайней мере двух возможных миров: мира «своих» и мира «чужих», таким образом неспособность распознавать представителей других рас объясняется тем, что человек неосознанно предпочитает делить людей на «своих» и «чужих», причем «своих» он узнает гораздо лучше.

В 2005 г. Геерт Хофстеде в книге «Cultures and organizations: software of the mind» представил модель культуры в виде луковицы, имеющей четыре «слоя»: в сердцевине луковицы, как основание любой культуры, находятся культурные ценности, (культурно специфические, неизменные и часто неосознаваемые), затем, в порядке возрастания возможного межкультурного взаимодействия, ритуалы (иными словами, модели поведения), герои (культурно, исторически и социально значимые фигуры) и символы (признаки принадлежности к некоторой группе/социуму, динамичные и нестабильные) [Hofstede, 2011, p. 201].

Анализ модели культуры Г. Хофстеде позволяет предположить, что культурные ценности выступают как неизменные константы-пропозиции, являющиеся табуированными предметами осмеяния. Так, для русского человека неприемлемыми могут быть шутки, касающиеся сострадания, терпения, страдания; для американца – демократии, патриотизма, конкурентоспособности, равенства возможностей; для китайцев – гармонии, социальной справедливости, семьи. В итоге, представление о культурных ценностях партнеров по коммуникации как устойчивой пропозиции в мире произнесения способствует успешности/неуспешности речевого акта с комической интенцией, и, следовательно, знание различных характеристик мира произнесения дает говорящему возможность устранить неоднозначность в понимании и избежать ситуацию неуспеха акта коммуникации.

Литература

Арутюнова Н. Д. Пропозиция // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М. : Сов. энцикл., 1990. 401 с.

Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18. С. 242–263.

Степанов Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX в. М., 1995. С. 35–73.

Hofstede Geert, Gert Jan Hofstede. Cultures and organizations: software of the mind. New York : McGraw-Hill, 2011. 362 p.

О. Ю. Воронина

Иркутский государственный университет, Иркутск

К ПРОБЛЕМЕ СОЗДАНИЯ ПОЛНОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ЯЗЫКА С ИДЕОГРАФИЧЕСКИМ ТИПОМ ПИСЬМЕННОСТИ

Аннотация. Даны основные результаты анализа подходов к периодизации истории языка с идеографическим типом письменности, представленных в работах европейских и китайских языковедов. На основании осуществленного анализа предпринимается попытка моделирования периодизации как способа изучения языка в диахронии. Поднимается вопрос о построении полной периодизации истории китайского языка с учетом идиоэтнического фактора письменности.

Ключевые слова: периодизация, уровневость, модель, знак, культура письменного знака.

O. Voronina

Irkutsk State University, Irkutsk

ON THE ISSUE OF COMPILING THE COMPLETE PERIODIZATION OF THE HISTORY OF THE LANGUAGE WITH IDEOGRAPHIC TYPE OF WRITING

Abstract. The article highlights the main results of the analysis of the approaches to the periodization of the language with ideographic type of writing presented in the works by European and Chinese sinologists. On the basis of the analysis, the modeling of the periodization of the history of the Chinese language is conducted. It is also suggested to include the periodization of the Chinese character evolution to compile the complete periodization of the history of the Chinese language.

Keywords: periodization, hierarchy, model, character, culture of written character.

Вся история человечества представляет собой непрекращающийся процесс взаимодействия и взаимовлияния народов, их культур, а также научной мысли, являющейся продуктом развития культуры.

Восточная культура, ее самобытность, разительная непохожесть на культуру европейскую на протяжении многих столетий была объектом притяжения европейцев. Временем установления регулярных контактов между Китаем и Европой принято считать XIII–XIV вв., период монгольского владычества. С этого периода начинается постепенное открытие Китая Западу, а также «европеизация» Поднебесной, затронувшая все области материальной и нематериальной культуры ее носи-

телей. Значительное влияние испытало и языкознание, развивавшееся вплоть до XIX в. преимущественно автохтонно. Доминирование европейской научной мысли проявлялось в анализе и описании китайского языка по модели европейских языков, в поиске грамматических категорий без учета его типологических особенностей. Однако по мере знакомства с китайским языком лингвисты отказались от ярого стремления втиснуть его в «прокрустово ложе» европейских языков. Тем не менее европоцентризм в научной мысли преодолен не до конца, а достижения китайской лингвистической мысли еще ожидают момента быть оцененными по достоинству. Это, в частности, проявляется при описании истории развития китайского языка, выработке подходов при построении периодизации его истории.

В результате рассмотрения работ западных, отечественных и китайских востоковедов на предмет определения способов и принципов описания периодизации истории китайского языка, нами была осуществлена классификация периодизаций, которая представлена одноуровневой, двухуровневой, трехуровневой и четырехуровневой: членными моделями, по сути, специально созданными лингвистами мысленными конструктами, имитирующими структуру и функционирование реального объекта [Большой энциклопедический словарь, 1998, с. 304]. Наименование представленных моделей связано с количеством уровней языка, на материале изменений которых исследователи показывают языковую эволюцию. Одноуровневые модели отражают факт рассмотрения истории развития языка лишь на материале изменений, которые претерпела фонетическая система языка. При построении двухуровневых моделей лингвисты учитывают преимущественно изменения морфологической и синтаксической подсистем китайского языка. В основе трехуровневой модели лежат изменения фонетической, морфологической и синтаксической подсистем языка. При построении четырехуровневых моделей, помимо учета изменений на трех вышеуказанных уровнях, во внимание также принимаются изменения лексического строя языка. Под членностью модели понимается количество периодов, выделенных в процессе эволюции языка.

Следует отметить, что во многих работах не представлено полной периодизации китайского языка от начала его формирования и до наших дней. Зачастую приводится периодизация лишь того временного периода языка, особенности которого явились предметом научных исследований ученых.

В работах Б. Карлгрена, А. Масперо, У. Бакстера, Хуан Дяньчэна, С. А. Старостина нами были установлены пять одноуровневых четырех-, пяти-, шести- и девятичленных моделей соответственно. В качестве критерия периодизаций выступают парадигматические противоре-

чия – сдвиги, приводящие к изменениям в синтагматике и фонетической системе в целом [Воронина, 2017, с. 41].

Двухуровневые трех-, четырех- и семичленные модели представлены в работах Пань Юньчжуна, М. В. Крюкова и Хуан Шуин, И. С. Гуревич и И. Т. Зограф, Люй Шусяна. Основанием периодизаций в данном случае служат изменения способов образования грамматических форм, переход от преимущественно префиксального способа к суффиксальному за счёт грамматикализации знаменательных единиц. На уровне синтаксиса критерием выбраны изменения синтаксиса порядка слов, а также преобразования системы служебных морфем [Воронина, 2017, с. 58].

Трехуровневая пятичленная модель представлена лишь в работе М. В. Софронова. Для анализа преобразования каждой из подсистем китайского языка Софронов выбирает те же критерии, принимаемые лингвистами при описании одноуровневой и двухуровневой моделей [Воронина, 2017, с. 58].

Комплексные четырехуровневые трех-, семи- и десятичленные модели были представлены в работах С. Е. Яхонтова, Ван Ли, Сян Си и Чжоу Цзумо. Для выявления изменений на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях авторы данного типа моделей в отношении критериев периодизации разделяют мнение авторов предыдущих моделей. При анализе развития лексического уровня в качестве критерия был принят переход от моносиллабизма к полисиллабизму в образовании лексических единиц [Воронина, 2017, с. 61].

Любая модель должна полностью обладать объяснительной силой, поэтому наиболее приемлемыми и претендующими на всеохватность признаются четырехуровневые шести-, семи- и десятичленные модели периодизации, представленные в работах Ван Ли, Сян Си и Чжоу Цзумо.

Таким образом, как европейские, так и китайские лингвисты, следуя традиции, сложившейся в европейском языкознании, при описании истории развития китайского языка применяют системный и структурно-функциональный подходы [Серебренников, 1970, с. 213].

Однако китайский язык характеризуется не только отнесенностью к группе языков, типологически отличных от европейских, но и наличием идеографического типа письменности. Иероглифический знак представляет собой единый комплекс, состоящий из определенного количества элементов, комбинация и перестановка которых дает неограниченные возможности для создания других иероглифических знаков и одновременно является примером устройства мироздания. Иероглифическая письменность – основополагающий фактор, формирующий языковую картину мира китайцев. Она является фундаментом для возник-

новения и существования культуры «вэнь», культуры, выраженной в письменном знаке. На протяжении длительного времени для китайской культуры первичен был именно письменный знак и письменный язык вэньян, воспринимаемый исключительно визуально, а не на слух [Торчинов, 2007, с. 31]. Письменность детерминировала развитие китайского языка и способствовала формированию китайской филологической науки. Эволюция структуры, графики иероглифического знака, а также его этимология являются предметом пристального внимания языковедов и по сей день.

В связи с установленным выше, для целей формирования целостного представления об истории развития китайского языка и его периодизации, наряду с учётом диахронических изменений на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях, нам представляется целесообразным дополнить четырехуровневые периодизации сквозным ветором – периодизацией истории развития знака иероглифической письменности как одной из семиотических систем, влияющих на развитие китайского языка, и, одновременно, системой, являющейся основой для его существования.

Литература

Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Большая рос. энцикл., 1998. 687 с.

Воронина О. Ю. Принципы и способы периодизации языка с идеографическим типом письменности: диссертация магистра лингвистики. Иркутский государственный университет, Иркутск, 2017. 104 с.

Серебренников Б. А. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М. : Наука, 1970. 602 с.

Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб. : Азбука-классика, Петерб. востоковедение, 2007. 329 с.

Н. Н. Воропаев

Институт языкознания РАН, Москва

ОТ ИЕРОГЛИФА К СЛОВУ: ОПЫТ РАБОТЫ С КИТАЙСКИМ СЛОВОМ

Аннотация. Статья знакомит с авторской концепцией обучения китайскому языку, представленной в опубликованной книге, основу которой составляет попытка объяснить широкой аудитории, как древние китайские иероглифы функционируют в качестве и в составе современных слов и словосочетаний. Раскрываются основные содержательные положения, в том числе представленные в книге древние начертания и исходные значения самых употребительных китайских иероглифов, что помогает лучше понять их современные графические формы и значения; описывается важнейшее явление двух форм существования китайского слова.

Ключевые слова: китайский язык, китайский иероглиф, китайское слово.

**FROM CHARACTER TO WORD:
WORK EXPERIENCE WITH THE CHINESE WORD**

Abstract. The article introduces the author's new book, in which an attempt is made to explain to the general audience how the ancient Chinese characters function as modern words and in the composition of modern words and word combinations. The book presents the ancient inscriptions and initial meanings of the most common Chinese characters, and this helps better understand their modern graphical forms and meanings. Also in the book in detail, and in this article only partially the author describes the important phenomenon of coexistence of two Chinese word forms.

Keywords: Chinese language, Chinese character, Chinese word.

В сентябре 2017 г. из печати вышло учебное пособие по китайскому языку «Учим китайский язык: от иероглифа к слову (= 学习汉语：从字到词)» [Воропаев, 2017]. В книге представлено небольшое количество иероглифов (50), но задан, на наш взгляд, оптимальный алгоритм работы с китайским словом. Кратко представим концепцию данного сборника. Прежде всего, о том, почему у книги такое название.

Китайские иероглифы – письменные знаки китайского языка. По-китайски слово *иероглиф* обозначается иероглифом 字 zì. Это обозначение больше подразумевает односложные (состоящие из одного иероглифа/слога/слогоморфемы) слова древнего или письменного языка.

В древнекитайском языке слова в подавляющем большинстве были односложными. Однако с началом доциньской эпохи (периоды Чуньцю [Весны и осени] и Чжаньго [Сражающиеся царства]) общественное развитие привело к необходимости порождения большого количества новой лексики, и тогда в целях избежания возрастания количества омонимов и с тем, чтобы устранить явление двусмысленности, которое влияло на языковую коммуникацию, в китайском языке начался процесс увеличения количества слогов в слове [Ма, 1998, с. 284].

Согласно научной статистике, в восьми крупных литературных произведениях доциньской эпохи общее количество многосложных слов уже составило 3432 слова (не считая имён людей и топонимов). Если исключить редуцированные однослоги, то количество многосложных слов составило 2772 слова, что равно 20 % от числа однослогов (расчёт производился из примерного количества однослогов в 10 тыс. слов). Эти многосложные слова в основном были представлены двуслогами [Се, 2000, с. 499]. В словаре «Мэнцзы цыдянь» (孟子词典) односложные слова составляют около 66 %, а многосложные – около 34 %. Однако за многие сотни лет существования и развития китайского языка в нём произошли коренные изменения [Горелов, 1989, с. 19].

Например, как сообщает Ма Чжэнь [Ма, 1998, с. 284–302], в «Шицзине» и в «Цзочжуане» слово 官 guan ‘чиновник’ употреблялось в трёх значениях:

1) 行政机关 xingzheng jiguan – ‘административное учреждение’ (микрореконтекст: 不见宗庙之美, 白官之富 / 论语·子张 / – *Bu jian zongmiao zhi mei, bai guan zhi fu* ‘Не стало в государстве былого благородства, а в ведомствах – достатка’, «Луньюй», «Цзычжан»);

2) 行政机关的长官 xingzheng jiguan de zhangguan – ‘начальник административного учреждения’ (микрореконтекст: 君薨, 白官总已以听于冢宰三年 / 论语·宪问 / – *Jun hong, bai guan zong ji yi ting yu zhongzai san nian* ‘После смерти князя, начальники всех ведомств в течение трёх лет всегда с уважением относились и повиновались советнику по делам личного состава’, «Луньюй», «Сяньвэнь»);

3) 行政职务 xingzheng zhiwu – ‘административная должность’ (микрореконтекст: 祁午得位, 伯华得官 / 左传·襄公三年 / *Qiwu de wei, Bohua de guan* ‘Циу получил титул, а Бохуа получил должность’, «Цзочжуань», третий год правления Сян Гуна).

И чтобы устранить эту ситуацию многозначности и двусмысленности в периоды Чуньцю и Сражающихся царств появились четыре двусложных слова:

1) 官府 guanfu – ‘органы власти’ (микрореконтекст: 及都邑官府, 其白吏肃然 / 荀子·强国 / *Ji duyi guanfu, qi baili suran* ‘И даже все чиновники органов власти столицы и всех городов службу несут образцово’, «Сюньцзы», «Как укрепить государство»);

2) 官长 guan zhang – ‘старший чиновник’ (микрореконтекст: 贤者举而上之, 富而贵之, 以为官长 / 墨子·上贤中 / *Xianzhe ju er shang zhi, fu er gui zhi, yi wei guan zhang* ‘Талантливых и способных рекомендовать императору, дать им средства и положение с тем, чтобы они стали руководителями высшего звена’, «Моцзы», «Шансяньчжун»);

3) 官吏 guanli – ‘чиновники, чиновничество’ (микрореконтекст: 官吏豪杰与计坚守者... ..., 皆师赐公乘 / 墨子·号令 / – *Guanli haojie yu ji jianshouzhe, jie shi ci gongsheng* ‘Чиновники и герои, защищая город, стояли насмерть, всем, согласно уложению, был дарован наградный титул гуншэна’, «Моцзы», «Хаолин»);

4) 官职 guan zhi – ‘должность’ (микрореконтекст: 臣有臣之威仪, 其下畏而爱之, 故能守其官职, 保族宜家 / 左传·襄公三年 / – *Chen you chen zhi weiyi, qixia wei er ai zhi, gu neng shou qi guan zhi, baozu yijia*

‘Чиновники умеют показать свою солидность и достоинство, народ при этом относится к ним с благоговейным трепетом и любит их, поэтому чиновники могут сохранять за собой свои должности, защищать свой род и приносить пользу своей семье’, «Цзочжуань», Третий год правления Сян Гуна) [Ма, 1998, с. 284–302].

И такие двусложные слова уже стали называться 词 cí в отличие от 字 zì.

Конечно же, основная масса двусложных слов стали появляться после периода эпохи династий Цинь – Хань (III в. до н. э. – III в. н. э.), и особенно в начале XX в. В современном китайском языке явно заметна тенденция превращения лексики в двусложное большинство, двуслоги постепенно занимают главенствующие позиции [Се, 2000, с. 499–500]. Ныне в китайском языке многосложных слов значительно больше, чем односложных. Согласно подсчётам, проведённым китайскими исследователями, односложные и многосложные слова соответственно составляют 24,6 % и 75,4 % [Семенов, 1985, с. 84].

Ма Чжэнь причинами дисиллабизации указывает лишь устранение двусмысленности и упрощение актов коммуникации. Разумеется, это очень понятные причины. В то же время, как нам видится, не менее важными были и факторы стремления к ритмически устойчивым и благозвучным, удобным для произнесения единицам.

Итак, в современном китайском языке большинство иероглифов не могут работать в тексте как самостоятельные слова. Они объединяются друг с другом для создания сложных, чаще двусложных слов или словосочетаний. Поэтому очень важно не только понять этимологию и запомнить значение отдельного иероглифа, но и осознать его роль и место в языке, изучить его способность к созданию слов в сочетании с другими иероглифами. Иероглиф в современном китайском языке реализует свой потенциал в основном только в составе сложных слов и в контексте. С точки зрения запоминания иероглифов также полезно учить их именно в составе широко употребительных слов современного языка, полезно читать и анализировать тексты и отдельные интересные или новые слова. И основная задача этой книги показать важность тесного взаимодействия этих двух ипостасей китайского языка: письменного знака 字 zì слова/однослога/чаще носителя широких смыслов и понятий и звучащего в потоке китайской речи слова 词 cí слова/двуслога/многослога/чаще носителя конкретных, узких смыслов. Ведь если не знать хорошо отдельные иероглифы, то невозможно читать, понимать и писать китайские тексты. А если упор делать только на иероглифы и не расширять словарный запас, не учить новые слова, не отрабатывать и не анализировать словообразовательные модели и

фонетику, не вырабатывать беглость произношения потока китайской речи, то невозможно воспринимать китайскую речь на слух и самому говорить на хорошем, богатом и лексически разнообразном современном китайском языке в быстром естественном темпе.

В связи с этим статьи в этом сборнике состоят из следующих частей:

1. Номер иероглифа (присваивался спонтанно, просто для удобства пользования сборником).

2. Изображение иероглифа и его чтение. Даются два варианта написания иероглифа: упрощённый и традиционный. Если упрощённого варианта не существует, то вместо иероглифа написано слово «нет». Чтение иероглифа даётся алфавитом *ханьюй пиньинь* с указанием этимологического тона; в квадратных скобках даётся чтение, переданное русскими буквами по нашей авторской методике.

Заметим, что для данной книги традиционное написание иероглифов обязательно, так как только в традиционной форме иероглифа и можно увидеть истоки его происхождения, например, если рассмотреть иероглиф № 30 参, который в древнем начертании изображал три звезды над головой человека, то в упрощённом варианте получается осталась только одна звезда: 参.

3. Основные значения данного иероглифа в современном китайском языке.

4. Изображение данного иероглифа, каким оно было в глубокой древности.

5. Информация о том, что изображал иероглиф древнего начертания, каково исходное значение иероглифа, какие значения у иероглифа появились после расширения исходного значения и/или для передачи каких значений иероглиф был заимствован.

6. Современный рисунок, ясно иллюстрирующий то, что изображал иероглиф древнего начертания.

7. Некоторые слова и словосочетания современного китайского языка, в состав которых входит данный иероглиф.

8. Примеры анализа некоторых многосложных слов, представленных в части 7, по компонентам. Иногда такой анализ помогает или быстрее запомнить слово или точнее понять суть его значения.

При анализе слов необязательно заикливаться на определении типа связи между компонентами, главное правильно осознать с каким из своих значений данный иероглиф участвует в определённом слове/словосочетании и понять правильно суть, значение анализируемого слова. Например, в процессе работы с иероглифом 备 удалось точнее осознать слово *меморандум* на китайском языке: 备 *bèi* **уберечься от** + 忘 *wàng* **забывать** + 录 *lù* **записи** = **меморандум**. Как видно, в составе этого слова иероглиф 备 участвует со своим периферийным значением

‘убережся от, остережся, принять меры предосторожности против (чего-л.)’.

9. В данной части представлены примеры употребления описанного иероглифа/слогоморфемы в предложениях. Причём в первом предложении мы старались показать работу иероглифа в качестве односложного самостоятельного слова (если данный иероглиф на это способен). А во втором и последующих предложениях иероглиф используется уже в составе многосложного слова.

Также в книге есть два приложения. Первое помогает неподготовленному русскоязычному пользователю прочитать любое китайское слово, записанное алфавитом *ханьюй пиньинь*. Во втором приложении предлагаются материалы для самостоятельного анализа многосложных китайских слов по компонентам.

В предисловии к сборнику мы постарались подробно рассказать о важном явлении, которое в советской и российской китаистике принято называть двумя формами существования китайского слова. Китайские исследователи определяют это явление как выбор односложного или двусложного слова, например: 国 *guo* ‘страна; государство’ – 国家 *guojia* ‘страна; государство’, 学 *xue* ‘учиться’ – 学习 *xuexi* ‘учиться’, 能 *peng* ‘мочь’ – 能够 *nenggou* ‘мочь’ и т. п.

В терминологии Н. В. Солнцевой это явление рассматривается как чередование сложного слова с его односложным вариантом в речи. Как пишет Н. В. Солнцева, одной из ярких особенностей сложных слов изолирующих языков является чередование их обычной двусложной формы с тем или иным их односложным компонентом, который метонимически берёт на себя выражение значения всего этого слова.

Н. В. Солнцева говорит, что в изолирующих языках имеется два вида чередований: чередование двух форм существования слов (вслед за В. М. Солнцевым) и чередование по метонимии. Если явление двух форм существования слов, по-видимому, есть историческое чередование и представляет собою проявление сдвига в количественной норме слова, то чередование, при котором один компонент берёт на себя метонимическое выражение целого, происходит в условиях уже сложившейся двусложной нормы слова. В самом деле, если в китайском языке слово 房 *fang* ‘дом’, безусловно, предшествует слову 房子 *fangzi* ‘дом’, а слово 眼 *yan* ‘глаз’ предшествует слову 眼睛 *yanjing* ‘глаз’, точно так же, как слово 事 *shi* ‘дело’ предшествует слову 事情 *shiqing* ‘дело’, то мы не можем считать, что слово 飞机 *feiji* ‘самолёт’ родилось на базе слова 机 *ji* с тем же значением, поскольку слово 机 *ji* никогда значением «самолёт» не обладало и только в контексте (например: 机翼 *jiyi* ‘крыло самолёта’, 机场 *jichang* ‘аэропорт’, 机长 *jizhang* ‘командир са-

молёта’, 机舱 jīcāng ‘кабина самолёта’, 机身 jīshēn ‘фюзеляж самолёта’, 机尾 jīwěi ‘хвостовое оперение самолёта’, 专机 zhuānjī ‘специальный самолёт’; ‘спецрейс’, 客机 kèjī ‘пассажирский самолёт’, 大型班机 dàxíngbānjī ‘авиалайнер’, 护航机 hùhángjī ‘самолёт сопровождения’, 客货两用机 kèhuòliàngyòngjī ‘грузо-пассажирский самолёт’, 机务大队 jīwùdàduì ‘инженерно-авиационный отряд’, 机组人员 jīzǔrényuán ‘экипаж самолёта’, 机上服务员 jīshàngfúwùyuán ‘стюард’) метонимически приобретает это значение (само по себе 机 jī обозначает ‘прибор’, ‘аппарат’, ‘механизм’).

Два вида чередований демонстрируют разные процессы, происходящие в сфере внутренней морфологии. Если в случае двух форм существования слов движение идёт от однослога к двуслогу, то при метонимическом использовании однослога вместо двуслога движение идёт от двуслога к однослогу. В первом случае двуслог включает в себя семантику однослога, которая становится его собственной семантикой. Во втором случае семантика однослога только участвует в формировании семантики двуслога, но не совпадает с его семантикой. Однослог продолжает существовать в языке в своём исходном значении и только в определённых контекстах приобретает значение того сложного слова, в формировании которого он участвовал. Таково различие этих двух видов чередования. Их сходство состоит в том, что в обоих случаях происходит как бы чередование односложной единицы с двусложной [Солнцева, 1985, с. 179–181].

Использование односложных компонентов при чередовании вместо многосложных есть проявление тенденции экономии языковых средств.

Таким образом, эта книга не только описывает происхождение некоторых китайских иероглифов и как они работают в современном языке, но и в какой-то мере знакомит всех интересующихся китайским языком с важнейшими механизмами и аспектами функционирования данного языка. Надеемся, в дальнейшем мы сможем продолжить эту работу и опишем подобным образом другие наиболее употребительные иероглифы современного китайского языка.

Литература

Воропаев Н. Н. Учим китайский язык: от иероглифа к слову = 学习汉语: 从字到词 / под ред. Ма Тяньюй. М. : АСТ, 2017. 224 с. : ил. (Школа китайского языка.)

Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка. М. : Просвещение, 1989. 318 с.

Семенас А. Л. Формальные особенности словосложения в китайском языке // Языки Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Проблемы сложных слов. М., 1985. С. 84.

Солнцева Н. В. Проблемы типологии изолирующих языков. М., 1985. С. 179–181.

Ma Zhen. Xian qin fuyinci chutan // Beijing daxue bai nian guoxue wencui, yuyan wenxianjuan, Beijing daxue Zhongguo chuantong wenhua yanjiu zhongxin bian, Beijing daxue chubanshe, 1998. [马真 《先秦复音词初探》，见 北京大学百年国学文粹·语言文学文献卷，北京大学中国传统文化研究中心编，北京大学出版社，1998]。(Ма Чжэнь. Предварительное исследование многосложных слов Доциньской эпохи // Альманах Пекинского университета «Сто лет китайской синологии», материалы по языку / Исслед. центр по традиц. кит. культуре Пекин. ун-та. Пекин, 1998. С. 284–302).

Xie Honghua. Xiandai hanyu dan shuang yinjie tongyici xuanze de xianzhi yinsu. // Di liu jie guoji hanyu jiaoxue taolunhui lunwenxuan. Beijing daxue chubanshe. 2000. [谢红华 《现代汉语单双音节同义词选择的限制因素》 第六届国际汉语教学讨论会论文选，北京大学出版社，2000]。(Се Хунхуа. Факторы, ограничивающие выбор односложных и двусложных синонимов современного китайского языка // Шестой Международный симпозиум по преподаванию китайского языка : избр. ст. / Пекин : Изд-во Пекин. ун-та, 2000).

Го Яньпин

Шаньдунский институт бизнеса и технологий, Яньтай

国艳萍

山东工商学院,烟台

元认知视阈下提高日语自主学习能力的策略研究

摘要：本文以元认知为理论依据，围绕提高日语自主学习能力这一主题，进行了全面的分析和研究，提出了形成元认知意识、建设教师监控下的自主学习平台、充分利用教学实验基地等策略，以促使学生在学习进程中形成自觉认识、规划、评价和调节的自主学习能力。

关键词：自主学习；元认知；策略；平台；实验基地。

Guo Yanping

Shandong Technology and Business University, Yantai

ON STRATEGIES OF IMPROVING JAPANESE AUTONOMOUS LEARNING ABILITY FROM THE PERSPECTIVE OF META-COGNITION

Abstract. Based on the meta-cognition theory, this paper makes a comprehensive analysis and research on the theme of improving Japanese autonomous learning ability. It puts forward such strategies as formation of meta-cognitive consciousness, construction of independent learning platform under the supervision of teachers, and full usage of experimental bases for teaching. The aim is to promote students to form a conscious self-learning ability in the process of learning in understanding, planning, evaluation and regulation.

Keywords: Autonomous learning, Meta-cognition, Strategy, Platform; Experimental base.

1.引言

近年来国内外对自主学习能力的研究越来越重视，尤其元认知理论的引入给自主学习能力的研究提供了理论基础和框架。国内高校除了在理论上加强对提高自主能力策略的研究以外，在实践方面也在积极地探索。许多学者，以元认知理论为框架，结合我国英语听力教学的实

际,阐述了元认知在英语听力理解中 的重要作用,从不同的角度,对如何提高学生的听力元认知能力,改革我国英语听力教学模式,提高听力教学的效率和学生的听力能力,进行了有益的探讨[许梅英, 2009, J. 134]。但由于受各种条件的限制,缺乏一个物化的自主学习平台,教师一味地强调提高学生自主学习能力,却不能给学生提供好的自主学习条件,加之,教师正常教学与科研的压力,使得其并没有时间投入自主学习的引领、督导工作,因而自主学习实际操作起来比较困难,收效不甚理想。

为此,本文试图在元认知理论的框架下从教授学生形成元认知意识、建设教师监控下的自主学习平台、开辟利用教学实验基地三个方面对提高学生自主学习能力进行研究,以期探索出适应现代教育的日语自主学习模式,挖掘学生的学习潜能。

2.提高日语自主学习能力的必要性

随着科学技术的不断进步,网络的迅速发展,知识更新的速度逐渐加快。尤其日本这个国家,它对外来文化有着特殊的敏感,对它有用的东西几乎都能学为己用,这也就决定了日语更新的速度。因此,仅仅通过在学校课堂上的学习,远远不能适应社会的发展。自主学习能力的高低决定了学生走向社会后能否适应市场的需求,跟上时代的步伐。

然而,学生在进入大学前接受了十多年的教师为主导的传统教学,教师的绝对主导作用使他们对教师的依赖性很强,缺乏自主学习的意识和自觉性。尤其对于日语的学习,大部分学生都是初次接触,缺乏认识,自主学习能力更是无从谈起。

因此,如何提高学生的自主学习能力是每个大学都要面临的实际问题。帮助学生在校期间养成自主学习的习惯,毕业后凭借自主学习的能力不断充电,完善自己的知识体系,对学生来说受益终身,对教育工作者也显得十分必要。

3.元认知理论框架

元认知这一概念是由美国心理学家 J. H. Flavell 最早提出的,其实质是对认知的认知,即对认知过程的自我意识、自我控制、自我评价和自我调节。O'Malley 和 Chamot 根据信息加工的认知理论提出了元认

知策略、认知策略和社会情感策略。其中元认知策略是高层次的学习策略，能够帮助学习者掌控自己的学习过程和学习行为 [邵思源. 赵蓉, 2011, J. 60]。

学习主体对整个学习过程的自我规划、自我控制和自我调节，学习的内容、目的、时间、地点、方法、进度以及验证学习效果，都要靠自我来决定和完成。元认知能力的高低决定了学生自主学习的效果，其策略分为四个方面，即认识策略、计划策略、监视策略和调节策略，这四个方面涵盖了自主学习的整个过程。

元认知为培养学生的自主学习能力提供了理论框架，学生在元认知理论指导下自觉地规划学习行为，脱离传统的对教师的依赖作用，逐步提高自主学习能力，是学生成才的重要途径。

4.提高自主学习能力的策略研究

自主学习能力的培养是一个循序渐进的过程，不可一蹴而就。首先要引导学生形成元认知意识，使学生自觉地运用元认知理论指导自己的学习。同时，学校也应该给学生提供物质上的保证，如建设及维护自主学习平台等。其建设之初需要投入大量的人力、物力，搜集有关信息资料、编纂整理、输入。要确保输入资料既能满足低年级学生的需要，还要考虑高年级学生的需求，并且要不断地更新维护。另外，还要充分利用已有教学实验基地，实时地将所学知识进行实践应用。

4.1 形成元认知意识

针对元认知和外语学习关系的研究成果显示，元认知水准越高，在学习过程中就越有把握，就越能明确认识自己的认知水平，有效开发自己的学习潜能[马晓明, 2015, J. 370]。为此，教师必须高度重视元认知理论，在教学进程中引入元认知策略，促使学生形成元认知意识。

首先，学生入学之初就把元认知的概念输入给学生，通过引导学生总结反思中学阶段的英语学习，进行自我认识和反省。接着，引导学生对日语学习进行科学规划，在学习过程中反复进行师生、生生和自我监控、评估、调节，从而使学生在实践中逐步形成元认知意识，认识日语的学习规律，掌握有效的学习方法，自觉主动地以元认知策略指导自己的学习进程，形成良好的学习习惯。

4.2 建设多媒体互动式自主学习平台

自主学习不仅需要教师对学生学习方法的引导，更需要强有力的物质保证。通过建设多媒体互动式自主学习平台，培养学生的元认知能力，逐步形成定式的自主学习习惯显得尤为重要。

计算机技术的发展为教学和学习平台建设提供了科学保障。该平台应该具备复读机、多媒体、智能翻译机等多项功能，利用学校局域网，充分对学生开放。

平台的建设要求教师根据不同的学习阶段，把不同的自主学习材料，制成声像文件等上传平台，注意既要突出语言交际能力的提高，也要突出跨文化交际能力的提高[修刚，2011，J. 4]。学生可以根据自己的学习基础自主选择，反复操练强化[张晓希，2005，J. 60]。值得一提的是：教师对学生的指导模式要有的放矢，采取初级阶段大量引领、中级阶段重点指导、高级阶段形成完全自主学习的模式。

同时，为了避免学生在自主学习时容易偏离原定目标，把时间浪费在使用原本不需要的信息上，平台可以通过数字证书，对学生使用权限进行限制，引导他们有计划、有目的地使用。基础阶段的学生可以通过平台强大的听说功能练习发音，通过动漫影视作品等接受日语的视觉刺激。已具备良好的知识基础的高年级阶段的学生，则可以充分利用智能翻译功能等，把自己的翻译材料跟翻译机的材料进行比较，找出差距，及时调节自己的学习计划。该平台中很重要的一个模块就是自测模块，根据测试的成绩，帮助学生调节并改善下一步的学习计划。

该平台的链接功能，可以帮助学生充分利用其它网站的学习资源包括词汇归纳、语法解释、会话素材、读解材料、听力材料以及大量的练习、各种考试的试题集等等。

通过这种师生若即若离的关系，学生的自我规划能力和调节能力得到提高，从而逐步形成自觉运用元认知策略指导自己学习行为的习惯。

4.3 充分建设和利用教学实验基地

兴趣是学生最好的老师，对日语学习的兴趣也是学生自主学习习惯形成的关键。培养学生学习日语的兴趣可以利用教学实验基地，通

过学生真实的接触日语使用环境来完成。该基地必须具有充分的日语使用环境，学生在这里必须使用日语交流、生活、工作。

除国内的教学实验基地外，还要充分利用友好学校的资源，将教学实验基地设在日本。学生在学习日语的第一学期后，就开始安排其利用暑假或者寒假的时间赴日进行短期学习交流，改变以往学生基本学成才派出交换留学的做法。选择这一时间的主要原因是，学生学习日语时间不长，语音声调习惯等方面还没定型，可塑性强。而且大部分学生对日本充满了好奇。通过安排学生赴日学习，不但能激发学生的学习兴趣，同时对培养他们的自主学习能力也有很大的促进作用。

5.小结

元认知策略是指导自主学习的重要理论，学生刚入学就要认真领会其精神实质，掌握其策略，并自觉地用于实践。建设一个涵盖初级阶段教师大量引领、中级阶段教师重点指导、高级阶段学生完全自主学习的模式的自主学习平台，可以确保学生能在教师监控、指导下逐渐学会自我计划、自我监控、自我管理、自我调节的策略，同时利用教学实验基地，提高学生的学习兴趣，提升学生日语自主学习的能力。

参考文献

- 马晓明. 元认知理论视阈下高校英语学习举措探微[J]. 山东社会科学, 2015(12): 370
- 邵思源, 赵蓉. 元认知策略与自主学习能力研究[J]. 外语电化教学, 2011(141): 60
- 修刚. 转型期的中国高校日语专业教育的几点思考[J]. 日语学习与研究, 2011(04): 4
- 许梅英. 国内元认知理论研究述评[J]. 郑州大学学报, 2009(01): 134
- 张晓希. 基础日语教学新模式的探讨与研究[J]. 日语学习与研究, 2005(S1): 60

Е. А. Гонтаренко

Иркутский государственный университет, Иркутск

ПОНЯТИЕ «ДИСКУРС» В ЕВРОПЕЙСКОЙ И ВОСТОЧНОЙ МЫСЛИ

Аннотация. Рассматриваются основы понятия «дискурс» в современной лингвистике. Проводится сравнительный анализ дефиниций понятия «дискурс» с точки зрения европейской и восточной мысли, выделены особенности китайского дискурса.

Ключевые слова: дискурс, дискретность, холизм, китайская традиция, устная речь, письменный текст.

THE DEFINITION OF 'DISCOURSE'
IN EUROPEAN AND EASTERN MENTALITY

Abstract. In This article describe definitions of discourse in modern linguistics. A comparative analysis of «discourse» definitions from the point of view of European and Eastern mentality, the author highlighted features of Chinese discourse.

Keywords: discourse, discontinuity, holism, Chinese tradition, oral speech, written text.

Несмотря на активное употребление в лингвистике и, шире, в гуманитарном знании, понятие «дискурс» остаётся дискутируемым с точки зрения различных подходов.

Слово «дискурс» происходит от фр. *discourse*, лат. *discursus*, англ. *discourse*, нем. *discus* – беседа, разговор, процесс речевой деятельности [Григорьева, 2007]. Явление «дискурс» в лингвистической науке активно исследуется со второй половины XX в. В данной области исследования языка достигли больших результатов представители различных научных школ Европы и США. В частности, широко известны работы З. Хэрриса, Т. А. ван Дейка, М. Фуко, Н. Д. Арутюновой, Ю. С. Степанова, Ю. А. Караулова, М. Л. Макарова, В. И. Карасика и мн. др. Обратимся к некоторым базовым определениям данного понятия.

В английском языке в словарях *Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus*, *English Oxford living dictionary* и *Dictionary of Contemporary English* даются следующие определения: **discourse**-[U] communication in speech or writing (*общение в устной или письменной форме*); [C] a speech or piece of writing about a particular, usually serious, subject: a discourse on/upon the nature of life after death (*речь или письменный текст написанный на какую-либо, как правило, важную тему/о природе или жизни после смерти*) [Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus].

Discourse – Written or spoken communication or debate (*письменная или устная передача информации или дебаты*) [English Oxford living dictionary].

Dis-courese 1) [C] – a serious speech or piece of writing on a particular subject (*важное выступление, или письменное произведение/сочинение на определенную тему*): 2) serious conversation or discussion between people: Candidates should engage in serious political discourse (*серьезный разговор, или дискуссия между людьми: кандидатам следует выступать в серьезном политическом дискурсе*), 3) [U] – the language used in particular types of speech or writing: a study of spoken discourse (*словосочетания, используемые в речевой или письменной форме: изучение разговорного дискурса*).

Dis-course – speech about something, or to discuss something seriously (*разговор о чем-либо, или серьезное обсуждение чего-либо*) [Dictionary of Contemporary English].

Исходя из приведенных выше дефиниций, следует отметить характерные черты дискурса с точки зрения европейского сознания. Во-первых, акцент сделан на понимание дискурса как *«speech – устная речь»*, или, если это письменный текст, то он является знаковым выражением *смысла* того, что *сказано*. Во-вторых, в определении дискурса отмечена *важность обсуждаемой или описываемой темы* (*usually serious, subject; serious conversation*). В данном случае можно предположить, что обычная беседа на бытовую тему (например, акт покупки сигарет в короткой беседе покупателя и продавца), не может нести статуса дискурса. Однако в науке существует классификация дискурса, где обыденная сфера коммуникации отнесена к бытовому дискурсу как типу личностно-ориентированного дискурса [Карасик, 2002].

В отечественной лингвистической науке *дискурсу* дается более развернутое определение. Согласно Н. Д. Арутюновой, «дискурс (от фр. *discours* – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как **целенаправленное социальное действие**, как компонент, участвующий во **взаимодействии людей** и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погружённая в жизнь». Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно.

В большом лингвистическом словаре автора В. Д. Стариченок, понятие *дискурс* рассматривается как особая интерактивная деятельность участников общения, установление и поддержание их контактов, оказание воздействия друг на друга, на эмоциональном и информационном, вербальном и невербальных уровнях. В дискурсе отражаются идеология, мышление, коммуникативные стратегии представителей определенной эпохи [Стариченок, 2008].

Анализ дефиниций показал, что основной характеристикой дискурса в отечественной мысли является, прежде всего, *устная речь*, рассматриваемая как *целенаправленное социальное действие*, как компонент, участвующий во *взаимодействии людей* и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Мы можем говорить о том, что в дискурсе обязательно наличие участников (субъектов), речевого акта [Дж. Остин], например, продавец и покупатель в рекламном дискурсе [Кузнецова, 2014], автор, переводчик и реципиент перевода в переводческом дискурсе [Карачева, 2015]. Текст же, в свою очередь, является не

только формой фиксации и реализацией дискурса, а также объектом исследования дискурса, т. е. тем материалом, посредством которого мы можем исследовать разные виды дискурса и речевую деятельность человека в нем [Серебренникова, 2013]. Однако древние тексты, связь с настоящей жизнью которых невозможно восстановить, не могут исследоваться в рамках теории дискурса.

Китайское слово «дискурс» является двусловием и состоит из двух логограмм 语篇, что обозначает *текст, дискурс* [Большой русско-китайский словарь]. В данном понятии заложено два смысла 语 *речь, слова, беседа, разговор; язык* и 篇 *бамбуковая дощечка (для письма); письмо; лист (шивной), бумага (для брошюровки)* [Там же].

В этимологическом словаре китайского языка 漢典 мы можем найти следующие объяснения понятия дискурс 语篇, где 话 в основном используется в значении «язык/речь», 2. 指“谚语”或“古语”(поговорка, пословица или архаизм): ~云 (книжный вариант глаголу говорить, гласить); 旗~(язык развивающегося флага). В словаре также приведены примеры употребления данного слова в устойчивых сочетаниях: 汉语 (китайский язык), 标语 (лозунг, призыв (например, написанный на плакате или транспаранте), 成语 (идиома, идиоматическое выражение), 谚语 (поговорка, пословица), 隐语 (намек, загадка), 呓语 (разговор во сне), 语言 (речь; язык), 絮语 (пустая болтовня), 词语 (слова, выражения, обороты) и др.

Слово «篇» имеет следующие значения: 1) 首尾完成的文章或诗词 (законченный, целостный текст, статья или стихотворение): 章. (часть, глава) 诗~. (стих, стихотворение) ~幅. (свиток) 长~大论. (длинные рассуждения); 2) 指文章、纸张、书页: 一~论文 (статья, бумага в листах), научная работа), примеры употребления в различных сочетаниях: 篇章(страницы и главы; книги; литература, сочинения; статья), 诗篇(стихотворение; стихи; поэзия), 篇幅 (объём (книги)) и др. При анализе данных сочетаний мы видим, что слово «дискурс» в китайском языке в сочетании 语篇 трактуется как «речь в тексте».

Согласно мнению А. И. Кобзева, восприятие европейцами и китайцами окружающего мира и их культура в корне различны, в силу разности психотипов. Европейское сознание относится к «левополушарному» психотипу и основано на *дискретности* и *аналитичности* (деление целого на части). Китайское же, относится к «правополушарному» психотипу и строится на принципах *холизма* (приоритет целого) и *континуализма* (непрерывность). Данные различия между психотипами стали причинами отличительного осознания и интерпретации природных процессов в науках этих цивилизаций [Рубец].

В традиционной китайской лингвистической науке исследование дискурса ориентировано на изучении не только современных текстов, но и древних текстов. Тексты создавались согласно правилам китайского письма в силу своего особого значения, представляющего интерес для исследователей уже в течение довольно длительного времени [Готлиб, 2014].

По мнению китайских исследователей, исследование понятия «дискурс» соотносится с наукой древних текстов («文章学» *вэнь чжан сюэ*), далее (НДТ), которая зародилась в период правления династии Сун (960–1279 гг.).

Автор книги «*语篇语言学研究 Discourse Linguistics*» Цзян Вантси подчеркивает, что в древнем Китае умение письменно отражать свои мысли и описывать природу считалось высшим мастерством, поэтому китайцы и по сей день, с раннего детства прежде всего учатся писать [姜望琪, 2011].

Исследование НПТ продолжается непрерывно, о чем свидетельствуют научные труды китайских ученых в области литературы, философии и лингвистики, например, Лю Цижуй 1913 «*文章学十讲*» (10 толкований НДТ), Тай Вейтин 1920 г. «*白话文做法*» (метод байхуа), Лиу Суньюй 1933 г. «*文章作法*» (метод статьи), Цзян Цзунцзя 1942 «*文章学纂要*» (продолжение НДТ), а также Ван Кайфу 1983 г. «*古代文章学概论*» (очерки древней НДТ) и др. [Там же].

В 80-е гг. XX в. в китайской лингвистической науке начинается эпоха лингвистики текста и дискурса. За основу в исследовании данной теории китайская лингвистическая наука берет европейскую модель [Нагибина, 2015].

В 2005 г. в Пекине была опубликована научная диссертация профессора Цао Фэнфу «*主题在汉语中的功能研究 – 迈向语段分析的第一步*» «*Functional of Study of Topic Chinese: The First Step Toward Discourse Analysis*». В данной работе Цао Фэнфу раскрывает значимую роль подлежащего в построении предложения в китайском языке. По мнению Цао Фэнфу, дискурсивные исследования в китайской традиции можно соотнести с исследованием грамматики китайского языка [姜望琪, 2011].

Книжный письменный стиль всегда имел большое значение в написании обычного послания, официального документа или литературного произведения. Текст не просто является набором иероглифических знаков, в нем содержатся личные взгляды автора, общественно-культурные традиции [Адилханян, 2016], социальные ценности [Хадеева, 2014]. В китайском письменном произведении кратко и логично от-

ражены философия, социология, история и другие явления жизни общества. Все это придает тексту особый характер [Хадеева, 2014].

Китайская культура – это прежде всего «письменная культура», или «культура, выраженная в письменном знаке» [Торчинов, 2007, с. 32].

В каждый исторический период существовали определенные правила написания текста. Например, в X–XIII вв. правила сочинения (文则/вэнь цзэ) автор Чэнь Цзюнь, Ли Ту «Истинный смысл статьи» («文章精义»), в эпоху Юаньской (монгольской) династии (1280–1367) Ни Ши И «Секрет сочинения» («作文要诀») и др. В последствии вплоть до династии Цинь (1616–1911) учение художественной литературы «辞章之学» и исследование школы китайской традиции также процветало и развивалось.

Таким образом, в настоящее время исследование китайского дискурса происходит посредством письменных текстов, в то время как в Европе и России дискурс исследуется не только на основе материалов письменных текстов, но на материале живой речи. Тем самым, китайский дискурс рассматривается в первую очередь как письменный текст.

Литература

Адилханян Н. Л. Бестиарий «Шань хай цзин» («山海经») как феномен китайской культуры // Китайский язык: лингвистические и методические аспекты материалы международной научной конференции (Чита, 27 окт. 2016 г.). Чита : ЗабГУ, 2016. С. 92–95.

Арутюнова Н. Д. Дискурс [Электронный ресурс] // Лингвист. энциклопед. словарь. URL: <http://tapemark.narod.ru>.

Большой русско-китайский словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info>.

Готлиб О. М., Кремнёв Е. В., Шишмарева Т. Е. Отечественные труды по грамматологии китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX в. (результаты науч. исслед.) // Культуры и языки стран Дальнего Востока: изучение и обучение : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 16–17 окт. 2014 г.). Иркутск, 2014. С. 92–96.

Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагматический и когнитивный аспекты : монография. Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2007. 288 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

Карачева Н. С. Переводческий дискурс как пространство интерпретации // Концепт : науч.-метод. электрон. журн. 2015. Т. 13. С. 2551–2555.

Кузнецова О. В. Стилистические особенности рекламных американских текстов // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2014. С. 144–148.

Нагибина И. Г. Культурно-философские компоненты формирования теории дискурса в китайском языкознании // Грамота. 2015. № 12 (54). С. 136–138.

Остин Дж. Как производить действия при помощи слов How to do things with words [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studmed.ru>.

Рубец М. В. Когнитивные особенности китайской культуры и языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.synologia.ru>.

Серебренникова Е. Ф. Аксиологическая параметризация социального дискурса // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. 2013. № 2 (23). С. 13–18.

Словарь английского языка Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.cambridge.org>.

Словарь английского языка Dictionary of Contemporary English // Pearson Education Limited. 2009. С. 481.

Словарь английского языка English Oxford living dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com>.

Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д : Феникс, 2008. С. 177.

Торчинов Е. А. Пути философии востока и запада. СПб. : Востоковедение, 2007. С. 32.

Хадеева А. П. Китайская ритуальная символика в аксиологическом аспекте // Культуры и языки стран Дальнего Востока: изучение и обучение : материалы Международ. науч.-практ. конф. Иркутск, 16–17 окт. 2014 г. Иркутск, 2014. С. 251–261.

Этимологический словарь китайского языка 漢典 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zdic.net>.

姜望琪 «语篇语言学研究 Discourse Linguistics» [文章] –北京大学出版社. 2011. N 12–13. P. 187, 188 页.

В. Г. Дацышен

Сибирский федеральный университет, Красноярск
Хэбэйский педагогический университет

БОРИС КЛИМЕНТЬЕВИЧ ПАШКОВ

Выдающийся русский синолог

и основатель иркутского университетского китаеведения

Аннотация. Рассматриваются жизненный путь и научная биография Бориса Климентьевича Пашкова, стоявшего у истоков иркутского университетского китаеведения. Поднимаются вопросы становления востоковедения в Иркутском университете, вклад в развитие университета Н. Д. Миронова. В Иркутске молодой китаевед Б. К. Пашков получил ученое звание профессора, именно он возглавил первую в Сибири кафедру китайского языка. Научная биография Б. К. Пашкова рассматривается на фоне становления и развития советского китаеведения на Дальнем Востоке и в Москве.

Ключевые слова: Б. К. Пашков, Иркутский университет, советское китаеведение.

V. Datsyshen

Siberian Federal University, Krasnoyarsk
Hebei Normal University

BORIS KLIMENTIEVICH PASHKOV

Outstanding Russian sinologist and the founder of Irkutsk university major sinology

Abstract. The purpose of the article is to examine the life path and scientific biography of Boris Pashkov, who was at the source of Irkutsk University major sinology. The article raises questions of the formation of oriental studies at the Irkutsk University, the contribution to the development of the University of N. D. Mirovnov. In Irkutsk, young sinologist B. K. Pashkov received the academic title of professor, he was the first person who headed the first in Siberia department of the Chinese language. The scientific biography of B. K. Pashkov is considered against the backdrop of the formation and development of Soviet Sinology in the Far East and Moscow.

Keywords: B. K. Pashkov, Irkutsk University, Soviet Sinology.

У истоков иркутского университетского китаеведения стоял выдающийся русский синолог Борис Климентьевич Пашков. Жизненный путь его является отражением сложного и противоречивого XX в. Вклад Б. К. Пашкова в отечественное и мировое китаеведение недостаточно оценен, имя его вспоминают редко. Например, в вышедших в последние годы двух томах воспоминаний российских китаистов имя Б. К. Пашкова ни разу не упоминается. Но его богатая научная биография, его научные труды достойны того, чтобы современные ученые обратили на них внимание и использовали в своей работе.

Родился Б. К. Пашков в 1891 г. в крестьянской семье в Пензенской губернии, начальное образование получил в духовном училище, затем окончил Пензенскую духовную семинарию. В 1913 г. Б. К. Пашков поступил во Владивостокский Восточный институт. Восточный институт был открыт в 1899 г., и он стал вторым высшим учебным заведением в Азиатской России. В годы обучения в Институте Б. К. Пашкова директором его был известный китаевед А. В. Рудаков. Высшим органом института являлась Конференция Восточного института, в ее работе принимали участие представители различных учреждений, расположенных во Владивостоке: епископ, председатель суда, комендант крепости, начальник порта и др. Среди учителей Б. К. Пашкова были такие известные китаисты, как П. П. Шмидт и А. В. Кюнер. Вместе с Б. К. Пашковым, но старше курсом в Восточном институте учились знаменитые синологи Б. И. Панкратов, В. Ф. Михайловский, другие известные востоковеды, такие как дальневосточники З. Н. Матвеев, Н. П. Мацокин, иркутянин И. А. Клюкин¹ и др.

Общепринятой в литературе является точка зрения, что Б. К. Пашков окончил Восточный институт в 1917 г. Калмыцкие ученые утверждают: «В 1913 г. ...поступил в Восточный институт... и в 1917 г. окончил два его отделения – маньчжуро-китайское и японо-китайское, затем остался вольнослушателем на один год и прошел полный курс монгольско-калмыцко-китайского отделения... Кроме того, прослушал на историко-филологическом отделении Государственного Дальневосточного университета курсы лекций по языкознанию и санскриту, отсутствовавшие в учебных планах» [Ученые Калмыцкого института ..., 2001, с. 298]. Глава дальневосточных университетских китаистов А. А. Хаматова пишет: «Б. К. Пашков, окончивший в 1917 г. маньчжурско-китайское и японо-китайское, а в 1918 г. – монгольско-калмыцкое отделение Восточного института...» [Хаматова, 1994, с. 36]. Иркутские историки указывают: «... Восточный институт во Владивостоке. В 1917 г. Борис Климентьевич оканчивает его по двум отделениям – маньчжурско-китайскому и японско-китайскому, а затем проходит

¹ Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 115. Оп. 2. Д. 13.

полный курс монгольско-калмыцко-китайского отделения и слушает лекции по корейскому языку» [История и историки ..., 2008]. Но в архивных фондах Восточного института сохранился аттестат об окончании этого института в 1919 г. Вот его полный текст:

«Предъявитель сего, **Борис Климентьевич Пашков**, православного вероисповедания, родившийся 1-го июля 1891 года, по аттестату об окончании курса Пензенской Духовной Семинарии был зачислен в осеннем полугодии 1913 года студентом Восточного Института и прослушал курс наук по китайско-маньчжурскому отделению, причем представил *письменное сочинение, которое признано **весьма удовлетворительным***: при отличном поведении в течение пребывания своего в Восточном Институте на переводных и окончательных испытаниях показал следующие успехи: по *богословию, китайскому языку, политической организации Китая, маньчжурскому языку, политической организации Маньчжурии, английскому языку, географии и этнографии Китая, Японии и Кореи, новейшей истории Китая, Японии и Кореи, коммерческой географии Восточной Азии и истории торговли Дальнего Востока, политической экономии, международному праву, государственному праву. Гражданскому и торговому праву и судопроизводству, товароведению и французскому языку – **весьма удовлетворительные***. Вследствие этого, на основании утвержденного в 24-й день мая 1899 года Положения о Восточном Институте, **Борис Пашков** определением Совета Восточного Института от 5-го Сентября 1919 года, удостоен **аттестата об окончании с отличным успехом курса Восточного Института**, со всеми правами и преимуществами, присвоенными окончившим по первому разряду курс высшего учебного заведения. В удостоверение чего и дан аттестат этот **Борису Пашкову** за надлежащей подписью и с приложением печати Восточного Института. Город Владивосток. *31-го Декабря 1919 года*¹.

Выше отмеченные противоречия вызваны проблемами и противоречиями революционной эпохи. Б. К. Пашков в годы Гражданской войны в Восточном институте, вероятно, в качестве вольнослушателя изучал монгольский, японский и корейский языки. Одновременно он организовал при 14-м городском начальном училище вечерние курсы для рабочих, где преподавал китайский язык.

В середине 1919 г. Б. К. Пашков по рекомендации руководства Восточного института и по приглашению совета профессоров Иркутского государственного университета выехал в столицу Восточной Сибири. Здесь необходимо отметить, что молодой русский синолог во время Гражданской войны, когда российская интеллигенция по мере успехов Красной армии на фронте выезжала на восток, отправился в противоположном направлении.

¹ ГАПК. Ф. 115. Оп. 2. Д. 13. Л. 128.

Университет в Иркутске был основан в августе 1918 г. Второй университет в Сибири, в отличие от своего предшественника, был основан в эпоху социальных потрясений, в это время власть не могла игнорировать социальные и гуманитарные науки. Не случайно во втором университете Сибири, в отличие от Томского императорского университета, сразу же был открыт историко-филологический факультет. Сибирь еще помнила потрясения, вызванные неудачной политикой царского правительства на Дальнем Востоке, а регион оставался тесно связанным со странами Центральной и Восточной Азии. Естественным для той эпохи стало открытие в столице Восточной Сибири, находившейся под властью Сибирского правительства, университетского Восточного отделения. В августе 1918 г. в иркутской газете «День» сообщалось: «Авторитетные ученые... выработывавшие устав первого университета Вост. Сибири, ввели в план его историко-филологического факультета восточное отделение. Другими словами – новый университет должен стать одним из немногих пока русских центров востоковедения»¹.

При основании Иркутского университета туда в качестве экстраординарного профессора был рекомендован из Центральной России известный индолог Н. Д. Миронов, ставший основателем иркутского университетского востоковедения. Профессор Н. Д. Миронов дал свое видение принципов и содержания будущего иркутского китаеведения. Учтя недостатки и слабые стороны китаеведения в Санкт-Петербургском университете и Владивостокском восточном институте, Н. Д. Миронов предложил опереться на немецкий опыт. Он писал: «Нам представляется весьма целесообразной постановка этого дела в Берлине. Здесь в университете существуют кафедры восточных языков, преследующие исключительно теоретические интересы. Наряду с ними в семинарии восточных языков, состоящем при университете же – ведутся чисто практические курсы востоковедения, в широком смысле слова... При подобной постановке профессор (с довольно ограниченным кругом студентов) может посвятить свои силы научному изучению, наприм., Китая – его языка, литературы и культуры... Тогда как компетентный преподаватель практик (лектор) руководит изучением живого языка, пользуясь газетами, образцами официальной и торговой корреспонденции и др. В семинарии кроме языка изучается, конечно, коммерческая география, туземное право, преподаются необходимые сведения по международному праву, история сношений России и (Сибири) с данной страной и т. п. ... В семинарий же могли бы допускаться не только студенты, но все желающие при условии минимального образовательного ценза...»².

¹ Дело. 1918. 22 авг.

² Дело. 1918. 22 авг.

Восточное отделение в Иркутском университете было открыто в 1919 г. В первом университете Восточной Сибири было введено преподавание санскрита, монгольского, китайского, японского и тибетского языков. Сам профессор Н. Д. Миронов возглавил кабинет востоковедения. Главным специалистом по странам Дальнего Востока в момент становления Иркутского университета стал молодой востоковед Б. К. Пашков. И после установления в Иркутске власти большевиков Б. К. Пашков не покинул своего места службы, остался работать в Советской Сибири. Молодой китаист стал одним из первых советских китаеведов-профессоров. В личных документах Б. К. Пашкова было указано «с 1915 не служил, беспартийный, сын крестьянина»¹.

В Иркутском университете Б. К. Пашков заведовал кафедрами китайского и японского языков, а также стоял у истоков кафедры монгольского языка, и в 1923 г. синологу было присвоено ученое звание профессор. Позднее коллеги писали: «Помимо заведования кафедрой китайского языка, где он впервые в университетской практике за пределами Китая читал курс байхуа, Б. К. Пашков исполнял обязанности заведующего кафедрой японского языка. В университете он также организовал кафедру монгольских языков... В это же время он читал и факультативный курс маньчжурского языка... Б. К. Пашков является одним из первых красных профессоров: в начале 1923 г. он был утвержден Государственным ученым советом в должности профессора по кафедре китайского литературного языка в Иркутском университете» [Концевич, 1962, с. 214].

Работа Б. К. Пашкова в Иркутском университете была успешной и плодотворной. Появились перспективы образования полноценной китаеведческой школы. В качестве учебно-вспомогательного учреждения на факультете общественных наук, где работало Восточное отделение, был Кабинет китайского языка. Этим кабинетом заведовал еще один выпускник Восточного института бывший контрразведчик и пленный белый офицер китаевед К. Г. Каттерфельд. В мае 1923 г. был избран преподавателем Факультета общественных наук еще один воспитанник Восточного института – Сергей Петрович Кузнецов. Он еще в 1914 г. окончил курс Института во Владивостоке по китайско-монгольскому отделению, учился и работал в Монголии и Китае, служил в белой армии, и лишь в 1922 г. вернулся на Родину. Именно Б. К. Пашков аттестовал нового сотрудника – С. П. Кузнецова, дал положительный отзыв на его лекцию.

В первый же год работы в Иркутском университете Б. К. Пашков подготовил и издал учебное пособие, ставшее его первой научной публикацией (Пашков Б. К. Пу Сун-лин «Сихуджу». Рассказ. Пособие при

¹ ГАПК. Ф. Р-117. Оп. 3. Д. 65. Л. 32.

изучении китайского языка /разговорного и литературного/. – Иркутск, 1920) [Великий Октябрь ..., 1988, с. 167].

Преподавание китайского языка в Иркутском университете было обеспечено образованными носителями языка. В «Списке профессорско-преподавательского состава Восточного отделения Иркутского университета (1918–1925 гг.)» в качестве помощников преподавателей, ведущих практические занятия по китайскому языку и каллиграфии, указано пять китайцев (Ман-Чин-Гуань, Ван-Кан-Чинь, Лю-Ше-Чин, Джао-Дзун-Сан, Джау-Си-Ку).

Китайский язык, наряду с другими восточными языками, в начале 1920-х гг. преподавался в Иркутске не только в Университете. В иркутской летописи Романова за 29 марта 1922 г. было отмечено: «Открыты Иркутские курсы языков, учрежденные профессором Г. Ю. Маннс и проф. Университета К. Г. Каттерфельдт (английского, немецкого, французского, японского, китайского, монголо-бурятского)» [Романов, 1994, с. 453]. В летописи города Иркутска за 1922 г. отмечено: «29 августа на курсах восточных языков при Иркутском университете выпуск 30 воспитанников, окончивших 2-летний курс» [Романов, 1994, с. 459].

Среди первых учеников Б. К. Пашкова были ставшие известными в будущем востоковеды студенты Иркутского университета. Среди первых студентов Восточного отделения были иркутянин по рождению Г. Б. Эренбург и А. П. Рогачев. По причине закрытия отделения, этим Китаистам пришлось покинуть Сибирь и завершать свое образование в Москве.

Преподавательскую и организационную работу в Иркутске молодой синолог совмещал с исследовательской деятельностью. Уже в 1921 г. в «Сборнике трудов профессоров и преподавателей Иркутского государственного университета» была опубликована работа Б. К. Пашкова «Ляо-джай джи и. Опыт критико-библиографического обозрения». Позднее, уже после отъезда из Сибири, в Иркутске была опубликована еще одна заметная работа Б. К. Пашкова – «Линь Цинь-нань и его школа. К характеристике литературных движений в Китае» [Бюллетень № 1 ... , 1926].

Летом 1922 г. Б. К. Пашков совершил первую научную поездку в Китай для изучения постановки преподавания родного языка в китайских школах и усовершенствования в знании языка байхуа. Позднее коллеги отмечали, что молодой профессор: «обратил внимание на сборник Пу Сун-лина «Ляо-чжай чжи и» и впервые в европейской синологии дал всестороннюю характеристику этого памятника по местным – китайским, маньчжурским и монгольским источникам» [Концевич, 1962, с. 214].

В январе 1922 г. Б. К. Пашков создал и возглавил Иркутское отделение Всероссийской научной ассоциации востоковедов (ВНАВ).

Необходимо отметить, что эта организация была создана декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) от 12 декабря 1921 г. ВНАВ находилась в ведении Народного комиссариата по делам национальностей и объединяла все востоковедные силы Советского России. Научная продукция Ассоциации печаталась в журнале «Новый Восток». Созданное Б. К. Пашковым отделение было одним из первых региональных организаций ВНАВ. Вообще, возглавляемое молодым синологом иркутское китаеведение было образцом, основой для развития всего сибирского востоковедения. В январе 1923 известный политик-востоковед М. М. Абрамсон писал Б. К. Пашкову из Читы: «В связи с намеченной в средних числах января моей поездкой в Москву по делам Ассоциации Востоковедения, было бы очень желательно в срочном порядке получить от Вас информацию о жизни и деятельности Иркутской группы востоковедов, Факультета Восточных языков и курсов, для личного доклада Правлению Ассоциации... Мельком, от приехавших из Иркутска студентов слышал, что кое что делается и у Вас. Прошу проинформировать, что именно делается и поставить все вопросы кое по Вашему должны были бы быть разрешены в центре»¹.

После того, как большевики добились стабилизации в России, Москва начинает политику сворачивания гуманитарного образования в регионах. В числе первых ликвидации подлежали востоковедные направления в Сибири. По причине отсутствия перспектив развития китаеведения в Иркутске летом 1923 г. Б. К. Пашков возвращается во Владивосток. Факультет общественных наук в Иркутске в 1924 г. был окончательно ликвидирован вместе с Восточным отделением.

С августа 1923 г. Б. К. Пашков работал уже в Государственном Дальневосточном университете. В списке научных работников и служащих ГДУ за 1924/25 уч. год Б. К. Пашков отмечен в качестве штатного профессора с 4 августа 1923 г. Здесь же были перечислены читаемые им курсы: «История и анализ китайск. иероглиф. и алфавитн. письменности. Китайск. яз. Современ. литер. ... газетный стиль с новой терминологией»². В следующем списке за 1923 г. были указаны такие курсы, читаемые профессором Б. К. Пашковым: «Анализ китайск. иероглифов и алфавитн. письмен. Синтаксис и стиль разговорного языка. Современ. литерат. язык и газетный стиль с новой терминологией. Газета «Гунь-жен-джи-лу». Современ. китайск. литер. язык. Сравнит. фонетика кит. наречий»³.

¹ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИАДВ). Ф. Р-4342. Оп. 1. Д. 3. Л. 15.

² ГАПК. Ф. Р-117. Оп. 3. Д. 65. Л. 2.

³ ГАПК. Ф. Р-117. Оп. 3. Д. 65. Л. 32.

В июле 1925 г. ГДУ командировал Б. К. Пашкова в Китай для руководства языковой практикой студентов восточного факультета и продолжения исследований в области байхуа.

Б. К. Пашков заведовал кафедрой китайского языка Государственного Дальневосточного университета до 1926 г. Результатом его научных исследований на Востоке России стала изданная во Владивостоке небольшая, но основательная работа «Основные этапы в развитии китайского языка». Издана была работа во Владивостоке в виде отдельной книжки, 15 страниц текста, хотя в начале работы сам автор называет ее «статьей». Б. К. Пашков анализирует взгляды «профессора фонетики в Пекинском Национальном Университете Линь Юй-тан» со ссылкой на публикацию работы этого профессора в журнале «The Chinese Social and Polical Sceience Review» за 1925 г., Ху Шичжи, Ло Чжэньюй, и даже китайских ученых эпохи династий Мин и Цин – Гу Нин-жэнь, Дуань Мао-тань. В работе имеется обращение к трудам различных западных ученых – Р. Лепсиус, Э. Кун, О. Есперсен, А. Конради, Б. Калгрэн, Г. Масперо, есть ссылки на британские издания английских ученых.

В своей работе синолог выделил четыре эпохи развития китайского языка. В свою очередь, последняя – «Эпоха диалектического роста китайского языка», разделена на три этапа, последний из которых «Период ново-китайского языка с XIII в. до наших дней» [Пашков, 1926, с. 11]. Б. К. Пашков пишет: «Значительная древность китайского языка, как такового, определяющаяся, по крайней мере, в 5000–6000 лет, уже сама по себе, независимо от исследования языковых фактов, предполагает его длительную эволюцию. Если же прибавить к этому другие факторы развития языка, наиболее отчетливо выдвигаемые историей Китая... то многообразная эволюция китайского языка должна быть необходимой». Русский синолог утверждал: «Из предложенного краткого обзора эпох или этапов в эволюции китайского языка мы видим глубокую древность последнего, восходящую по крайней мере к VI или VII тысячелетию от нашего времени. Язык такой древности и в то же время современный нам не может не заинтересовать ученых языковедов. Эволюционный путь, пройденный им, характеризующийся постепенной утратой словоизменений и заменой их определенным словосочетанием, развивающим у слушателя способность к чисто логическому анализу, напоминает до некоторой степени и эволюционный путь индоевропейских языков, из которых английский язык считается самым развитым. Но китайский язык по сравнению с последним в эволюционном процессе считают даже превзошедшим его» [Пашков, 1926, с. 13].

В 1920-х гг. во Владивостоке Б. К. Пашков, как писали его коллеги: «завершает составление обширной политико-экономической хре-

стоматии (28 п. л.) на китайском языке... (Тяньцзинь. 1925). Тексты, отобранные Б. К. Пашковым для нее, представляют интерес как в плане изучения истории возникновения советско-китайских отношений, так и в плане языковой стилистики. Во Владивостоке ученым написаны еще две работы – «Линь Цинь-нань и его школа. К характеристике литературных движений в Китае»... и «Основные этапы в развитии китайского языка»... Первая статья является частичной разработкой темы «Революция и литература в Китае»... В другой работе Б. К. Пашков высказывает ряд новых положений относительно истории китайского языка и его периодизации» [Концевич, 1962, с. 214].

Период работы Б. К. Пашкова в ГДУ был еще менее продолжительный, чем в Иркутском университете. В конце 1926 г. он переехал в Москву, на должность профессора китайского языка в Московском институте востоковедения им. Нариманова. Б. К. Пашков читал в Институте курс байхуа. Правда, связь с Владивостоком еще не была прервана. 8 марта 1927 г. в ГДУ утвердили В. К. Пашкова профессором по кафедре китайского языка¹.

В Москве круг научных интересов и обязанностей Б. К. Пашкова расширился. В Научно-исследовательском институте этнических и национальных культур народов Востока Б. К. Пашков выступал с докладами «Проблемы советской синологии», «О литературной революции в Китае», «О характеристике диалектной эволюции шипящих согласных внутри северного наречия в китайском языке»..., «О семантической роли так называемых фонетиков в структуре фонетической категории китайских иероглифов», «Анализ теории о монгольском происхождении китайцев и их культуры», «О степени соответствия монгольского алфавита фонетической системе языка», «Японские народные сказки (к характеристике культурных связей между Китаем и Японией)» и др.

В 1928 г. Б. К. Пашков завершает свой большой труд «Происхождение и развитие китайской письменности» (35 авт. л.). В работе он рассматривает важнейшие вопросы самобытности и древности китайской иероглифики. Данная работа Б. К. Пашкова осталась неопубликованной. В печати появился только статья по теме исследования, опубликованная в Журнале научно-исследовательской ассоциации при Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) [Пашков, 1927].

В начале 30-х гг. Б. К. Пашков плодотворно работал во Всесоюзном центральном комитете нового алфавита при ЦИК СССР. В 1931 г. появляется его работа «Проблема латинизации китайского иероглифического письма в свете нового учения о языке» [Пашков, кн. 7–8, 1931, с. 58–70]. Статья разбита на разделы: «Зависимость системы письма от типа языка», «Агглютинативный тип современного китайского языка» и

¹ ГАПК. Ф. 117. Оп. 5. Д. 112. Л. 32.

«Решающая роль китайского полисиллабизма». Как отмечали исследователи, в своей статье Б. К. Пашков «отметил значение агглютинации в грамматическом строе современного китайского языка, обычно тогда рассматриваемой как аморфный» [Концевич, 1962, с. 214]. В следующем номере периодического издания «Культура и письменность Востока» была опубликована статья Б. К. Пашкова «Неотложность латинизации корейской письменности» [Пашков, кн. 9, 1931, с. 32–37]. В этой работе синолог дал анализ проблем использования традиционной корейской письменности и сделал вывод: «Перечисленные недостатки энмуна не дают никаких оснований сохранить его как самостоятельный алфавит хотя бы и в виде реформированном. Поэтому вполне естественно, что среди корейцев Советского Приморья возникло движение за отказ от своей традиционной письменности, т. е. от китайской иероглифики и от алфавита энмун» [Пашков, кн. 9, 1931, с. 34]. Вскоре Б. К. Пашков опубликовал статью о латинизации калмыцкого языка [Пашков, 1934, с. 118–134]. Работая по проблемам языков народов СССР, Б. К. Пашков не порывал с китайским языкознанием. В 1933 г. в журнале «Письменность и революция» была опубликована его статья – «Рецензия на два китайских словаря, изданных в 1932 г. в Хабаровске на основе латинизированного алфавита» [Пашков, 1933].

Труды Б. К. Пашкова нашли отражение в других публикациях в выходившем в 1920–1930-х гг. журнале Всесоюзного Центрального Комитета Нового Алфавита «Революция и письменность». Например, в статье «Итоги латинизации алфавитов в СССР» есть сноска «В подборе материала к этой статье принимали участие тт. Рябов, Пашков и Лайхтер» [Яковлев, 1932, с. 25].

В 1930-х гг. синолог покидал столицу, работая в регионах. Б. К. Пашков «был приглашен» в Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского в качестве руководителя калмыцкого отделения педагогического факультета, а затем он вместе с отделением переехал, в Астрахань. Находившийся за пределами российских столиц Б. К. Пашков занимался разработкой трудов, посвященных латинизации восточных письменностей: китайской, японской, корейской, монгольской.

В 1935 г. синолог смог вернуться в Москву. С сентября 1937 г. и по 1941 г. профессор Б. К. Пашков заведовал кафедрой китайского языка в Московском институте востоковедения им. Нариманова, по совместительству. Во время Великой Отечественной войны Б. К. Пашков не прервал научную и преподавательскую деятельность. В 1943 г. он руководил группой преподавателей дальневосточных языков и вел занятия по китайскому и монгольскому языкам на курсах иностранных языков при Министерстве внешней торговли.

В послевоенные годы основным направлением работы Б. К. Пашкова становится академическое китаеведение. В 1950 г. Б. К. Пашков участвовал в работе по реорганизации советского китаеведения. В частности, он был участником расширенного заседания Президиума АН СССР, посвященного вопросам усиления научно-исследовательской работы по Китаю и подготовке высококвалифицированных кадров китаеведов. С 1951 г. Б. К. Пашков работал в Институте востоковедения АН СССР. В 1956 г. в Институте востоковедения АН СССР он издает обстоятельную работу по истории российской маньчжуристики [Пашков, 1956, с. 3–18].

В конце 1956 г. Б. К. Пашков вместе с группой советских китаистов был направлен в Китай. Во главе группы был заместитель директора Института китаеведения Л. И. Думан, в ее составе были зав. сектором языка И. М. Ошанин, и мл. науч. сотр. Н. В. Солнцева. Целью командировки было установление связей с соответствующими научными учреждениями Академии наук Китая, обсуждение с коллегами 5-летнего плана Института китаеведения АН СССР, а также сбор материалов для большого академического китайско-русского словаря. Предполагалось обсуждение совместных мероприятий по работе над словарем и «Новейшей истории Китая», издание архивных документов по истории русско-китайских и советско-китайских отношений и проч. С поставленными задачами сотрудники Института китаеведения в Китае справились быстро, всего за два месяца работы.

По возвращении из Китая Б. К. Пашков вновь был направлен на усиление региональной науки. В 1950-х гг. Б. К. Пашков работал в Астраханском педагогическом институте. В июне 1957 г. синолог был назначен директором только что вновь открытого Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории. Но уже в октябре 1958 г. китаевед передал свою должность своему заместителю И. К. Илишкину. До 1964 г. он работал на кафедре калмыцкого языка и литературы в Калмыцком педагогическом институте. Калмыцкие ученые отмечают вклад Б. К. Пашкова в «развитие калмыковедения» [Ученые Калмыцкого института ..., 2001, с. 19].

Работа в Калмыкии не остановила исследований Б. К. Пашкова по китайскому языкознанию. В 1958 г. он совместно с Г. В. Астафьевым опубликовал рецензию на «Очерки экономических отношений СССР с Китаем» М. И. Сладковского [Астафьев, Пашков, Сладковский, 1958]. В 1960 г. в «Проблемах востоковедения» выходит большая статья Б. К. Пашкова «Древнейшие диалекты китайского языка и историческая давность пекинского наречия» [Пашков, 1960, с. 163–173].

В 1960-х гг. Б. К. Пашков особое внимание уделил маньчжурскому направлению своих исследований. В 1963 г. был опубликован

«очерк» «Маньчжурский язык» [Пашков, 1963]. Следует отметить, что это было первое в советской науке опубликованное исследование, специально посвященное маньчжурскому языку. Позднее коллекция маньчжурских ксилографов Б. К. Пашкова пополнила фонды Ленинградского филиала Института востоковедения РАН [Пан, 2006, с. 22].

В 1960-х гг. Б. К. Пашков внес заметный вклад в восстановление китаеведческого образования на Дальнем Востоке. Директор Восточного института ДВГУ А. А. Хаматова писала: «Одним из первых приехал во Владивосток с лекциями по истории китайского языка после возобновления в ДВГУ подготовки востоковедов профессор Б. К. Пашков» [Хаматова, 1994, с. 87]; «Первыми протянули руку помощи восстанавливавшемуся востоковедному центру Владивостока выпускники Восточного института и восточного факультета ГДУ, которые стали известными в нашей стране учеными. Это прежде всего проф. Б. К. Пашков...» [Хаматова, 1999, с. 36]; «Трудно перечислить всех, кто оказал помощь в превращении восточного факультета ДВГУ в учебный и научно-методический востоковедный центр на Дальнем Востоке, но не назвать имена некоторых просто нельзя. В разных формах такую поддержку востоковедам университета оказали китаисты Б. К. Пашков, Л. Д. Позднеева...» [Хаматова, 1999, с. 37]. Ветеран ДВГУ Н. К. Терентьев в своих воспоминаниях пишет: «Нередко вуз пользовался также услугами московских профессоров. В 1965/66 г. у нас читали лекции профессор Б. К. Пашков, профессор Н. А. Сыромятников (оба из Академии наук)» [Терентьев, 2005, с. 10]. Представляется очевидным, что если бы власти Советского Союза пошли на восстановление китаеведения в Иркутском университете, Б. К. Пашков обязательно бы приехал в город своей молодости, туда, где и начался его трудовой путь в отечественную синологию. Но университетское китаеведение вернулось в Иркутск лишь после падения советской власти, через три десятилетия после смерти основателя иркутской китаистики, выдающегося российского синолога Бориса Климентьевича Пашкова.

Литература

Астафьев Г. В., Пашков Б. К., Сладковский М. И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем // Сов. китаеведение. 1958. № 3.

Бюллетень № 1 Иркутского филиала Всесоюзной научной ассоциации востоковедения. Иркутск, 1926. С. 167.

Великий Октябрь и развитие советского китаеведения. М.: Наука, 1988. С. 167.

Дацышен В. Г. Изучение китайского языка в России (XVIII – начало XX в.): учеб. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2011. 214 с.

Дацышен В. Г. История русского китаеведения 1917–1945. М.: Весь мир, 2015. 352 с.

История и историки: 90 лет исторической школе Иркутского государственного университета. Иркутск: Оттиск, 2008. 230 с.

Концевич Л. Р. К 70-летию со дня рождения проф. Б. К. Пашкова // Народы Азии и Африки. 1962. № 1. С. 214.

Пан Т. А. Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. СПб. : Петербург. востоковедение, 2006. С. 22.

Пашков Б. Основные этапы в развитии китайского языка / Тр. Гос. Дальневост. ун-та. Сер. 6, 1. Владивосток, 1926.

Пашков Б. К. Революция и язык Китая // Революцион. Восток. 1927. № 2.

Пашков Б. К. Проблема латинизации китайского иероглифического письма в свете нового учения о языке // Культура и письменность Востока. Кн. 7–8. М., 1931. С. 58–70.

Пашков Б. Неотложность латинизации корейской письменности // Культура и письменность Востока. Кн. 9. М., 1931. С. 32–37.

Пашков Б. К. Библиография о книгах на китайском языке // Письменность и революция. 1933. № 1.

Пашков Б. Новый латинизированный алфавит в Калмыцкой автономной области // Алфавит Октября. Итоги введения нового алфавита среди народов РСФСР : сб. ст. / под общ. ред. Н. Нурмакова. М. ; Л., 1934. С. 118–124.

Пашков Б. К. Вклад русских ученых в изучение маньчжурского языка и письменности // Кр. сообщ. Ин-та востоковедения АН СССР. 1956. Т. 18. С. 3–18.

Пашков Б. К. Древнейшие диалекты китайского языка и историческая давность пекинского наречия // Проблемы востоковедения. 1960. № 3. С. 163–173.

Пашков Б. К. Маньчжурский язык. М. : Изд-во вост. лит., 1963. 68 с.

Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 453.

Свинин В. В. Сергей Петрович Кузнецов: трагическая судьба ориенталиста-дипломата // Взаимоотношение народов России, Сибири и стран Востока : докл. Второй Междунар. науч.-практ. конф. Кн. 2. М. ; Иркутск ; Тэгу, 1997.

Терентьев Н. К. Возрождение востоковедения в ДВГУ // ИВИ. 2005. № 9. С. 10

Ученые Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской Академии наук. Элиста : Джангар, 2001. 440 с.

Хаматова А. А., Ильин С. Н. Школа востоковедов в ДВГУ (1962–1994 гг.) // Изв. Вост. Ин-та. 1994. № 1. С. 37.

Хаматова А. А. Восточный институт ДВГУ – центр востоковедного образования на Дальнем Востоке России // Изв. Вост. Ин-та. 1999. № 5. С. 37.

Яковлев Н. Итоги латинизации алфавитов в СССР // Революция и письменность. 1932. № 4-5. С. 25–43.

Д. М. Домашевская

Иркутский государственный университет, Иркутск

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПИСЬМЕННОСТИ: ФОНОГРАФИЯ VS. ИДЕОГРАФИЯ

Аннотация. Представлен взгляд на письменность как коммуникативное семиотическое пространство этнолингвокультуры. Освещены точки зрения грамматологов (И. Гельб, И. Фридрих, О. М. Готлиб) на различия фонографического и идеографического типов письма. Представлены феноменологические и сущностные характеристики последнего с опорой на концепцию О. М. Готлиба. Отмечена культурологическая ценность идеографического письма в формировании этноязыковой картины мира.

Ключевые слова: грамматология, коммуникативное пространство письменности, идеографическое письмо, фонографическое письмо, этнолингвокультура.

COMMUNICATIVE SPACE OF WRITING:
PHONOGRAPHY VS. IDEOGRAPHY

Abstract. The article presents a view on writing as a communicative semiotic space of ethnolinguistic culture. The views of grammatologists (I. Gelb, I. Friedrich, O. Gottlib) on the differences in the phonographic and ideographic types of writing are covered. The phenomenological and essential characteristics of ideography (according to O. Gottlib) are presented. The cultural value of ideographic writing in the formation of the ethno-linguistic picture of the world is noted.

Keywords: grammatology, the communicative space of writing, ideographic writing, phonographic writing, ethnolinguistics.

Графический континуум языка способен воплотить и пронести через века внеязыковое содержание всех познавательных процессов человечества. С одной стороны, ареальная, типологическая или генетическая отнесенность письма как принадлежащее определенной этнолингвокультуре и языку явление, позволяет проследить механизмы процессов категоризации внеязыковой реальности членами именно этой этнолингвокультуры, поскольку письмо в этом случае может рассматриваться, вслед за языком, как «орудие жизненно-смыслового общения людей, прежде всего фиксирующее ту предметность, для общения с которой он вообще существует и без которой он перестает быть знаком предмета, значением слова и орудием человеческого общения» [Лосев, 1982, с. 187].

С другой стороны, письменность представляет собой универсальное коммуникативное знаковое пространство, доступ к которому открывает перспективу для исследования любой системы, поскольку из реальности бытия человека в мире вытекает реальность процесса человеческого познания. Синкретизм письма, таким образом, позволяет нам, первично, выйти на уровень языковой картины мира, т. е. отследить знаковые репрезентанты когнитивных процессов, протекающих в пространстве языка определенной общности индивидуумов. И через пространство и посредство языковой картины мира письменность приводит нас к возможности выделения структур человеческого знания, универсальных для когнитивных процессов людей любой этнолингвокультуры, позволяет выделить ядерный набор знаний, отражающих мышление. На сегодняшний день грамматологические аспекты существования языковых явлений мыслятся неотъемлемой частью анализа при освещении проблематик языков с идеографическим типом письменности, поскольку позволяют увидеть предмет исследования в новой системе связей и закономерностей, наличествующих в силу самого характера идеографического письменного знака.

Письмом в его эволюционном (историческом) развитии и функционально-феноменологическом аспекте (как знаками языка) интересуется наука грамматология, родившаяся под сенью лингвистики и культурологии. Из обширной литературы, посвященной исследованию систем письма, можно выделить следующие системные работы: применимо к происхождению алфавитных систем – работы Игнациуса Гельба «Опыт изучения письма: Основы грамматологии» и Иоганнеса Фридриха «История письма», применимо к логографической системе – работы наших соотечественников Василия Павловича Васильева «Анализ китайских иероглифов», Сергея Михайловича Георгиевского «Анализ иероглифической письменности китайцев, как отражающей в себе историю жизни древнего китайского народа», Ильи Михайловича Ошанина «Происхождение, развитие и структура современного китайского письма», Юрия Владимировича Бунакова «Китайская письменность», Олега Марковича Готлиба «Основы грамматологии китайской письменности», Михаила Викторовича Софронова «Китайский язык и китайская письменность».

Сам термин «грамматология», понимаемый как наука о письме, впервые ввел в обиход в 50-е гг. XX в. Игнациус Гельб, предложивший и выстроивший наиболее общую теорию письма в своей книге «Опыт изучения письма (основы грамматологии)». Ученый разграничивает письмо и речь, указывая на факт невозможности полнейшего отождествления этих двух явлений на всех ступенях их развития и на факт способности зрительных образов выражать значения, «обходясь без языковых одежд» [Гельб, 1982, с. 21]. Совпадение речи и письма в практическом плане происходит на этапе перехода последнего в фонографическую стадию развития, воспроизводящую непосредственно элементы речи [Там же, с. 22]. Из этого знания Гельб выводит постулат о «колоссальной разнице между *семасеографической* ступенью письма (выражающей значения и представления, лишь слабо связанные с речью) и его *фонографической* ступенью (выражающей речь)» [Там же, с. 25]. Таким образом, точкой бифуркации в эволюции письма явился принцип фонетизации, разделивший историю его существования на «до» и «после». Однако ученый предупреждает нас от умаления значимости письменностей семасеографического этапа и от ошибочного полагания их слаборазвитыми в сравнении с фонографическими. Причина этого кроется в единстве цели служения письма, а именно – как средства «взаимной коммуникации людей с помощью зримых условных знаков» [Там же, с. 26]. По той же причине выбор логографического или алфавитного написания «представляет собой случайный выбор одной из возможностей письма и не должен удивлять нас» [Там же, с. 27]. В качестве примера такого явления ученый приводит явления логографии (использования словесных знаков) в алфавитных письменностях:

«– в функции слов: 2 – «два», «второй», ° «градус», & (восходит к лат. et) «и», &c «et caetera, и т. д., и т. п.», \$ «доллар»;

– в функции слогов: изображение стрелы = ti в шумерском = слоговому значению ti, 7 = septem в сокращении 7ber (September), & = et в средневековом написании videlic& вместо videlicet;

– в функции отдельных звуков: изображение пчелы (bee) = b в английских ребусных написаниях» [Гельб, 1982, с. 26].

Уже из вышеприведенных примеров очевиден факт присутствия логографии во всех типах письменности. Просто логографии разного толка, которые мы, вслед за различиями Гельба характеров письма, именуем как на *историческая* и *функциональная*. И если логография историческая свойственна письменности на определенном этапе эволюции, то функциональная логография тяготеет к синхроничности своего существования, вслед за неизменной тенденцией человечества к упрощению способов коммуникации, и имеет свое воплощение в различных типах письменности (например, стремящийся к универсальности интернет-сленг или языки программирования).

И. Гельб настаивает, что письмо никогда не сможет рассматриваться как полный эквивалент устной речи, никогда не сможет достичь стадии, на которой одна единица речи имела единственное выражение в одном письменном знаке, и наоборот, один знак выражал бы только одну речевую единицу. Даже в алфавитных типах письма, признаваемых учеными наиболее развитым из всех форм, что, на наш взгляд, является весьма спорным заявлением, не наблюдается тотального единства между звуком и словом (напр., слова англ. яз. sea-see-si, cheque-check, compliment-complement) [Там же, с. 27]. За пределами фонетической системы знаков находятся и так называемые сублингвистические идеограммы (термин Уэстона Ла Барра), к которым ученый причисляет, например, замкнутую кривую вокруг печатного текста при передаче слов лица, изображенного на рисунке, и имеющую значение «он говорит», изображение следов со значением «он идет», изображение пилы при передаче значения «он храпит», изображение лампочки в значении «есть идея», а также знаки *{&#^ как означающие «неудобопроизносимый». Вне фонетической системы также находятся и обозначения, используемые в математике, логике и некоторых других науках.

Попытки найти письмо в чистом виде «словное» (термин Фридриха) [Доблхофер, Фридрих, 2002, с. 31] никогда не увенчаются успехом. Письмо всегда синархично, открыто и нелинейно, даже на этапе постфонетизации объединяющее в себе, как мы убедились выше, и фонографию, и логографию. Письмо всегда симбиоз, в результате которого «получается восхитительно нелогичный, но захватывающий и постоянно меняющийся хаос и в то же время стройное законченное целое» [Там же, с. 32].

И письмо, и речь есть виды *сообщения*, сюда же мы вполне справедливо можем отнести и различные типы сигналов (звуковые, световые и т. п.), и жесты. Однако принципиальной разницей между письмом и прочими типами сообщений является его пространственная и временная протяженность, способность продолжать свое существование много дольше сообщения произнесенного. Фридрих определяет письмо как «такое средство сообщения, которое – состоит ли оно из условных или не требующих пояснений знаков – помогает человеку преодолеть время и пространство» [Уорф, 1960, с. 30]. Письмо дистантно, речь контактна. Письмо – достояние, речь – состояние. И письмо, и речь как сообщения имеют внешнюю форму (выражение) и внутреннюю форму (содержание). Однако соотношение этих аспектов весьма различно, причем, даже не только в режиме «речь – письмо», но и в режиме «письмо – письмо», поскольку разные типы существования письма предполагают неодинаковое соотношение внешней и внутренней форм. Это явление можно пронаблюдать и в диахронии (то есть один письмо-тип в преломлении своей эволюции), и в синхронии (несколько сопоставленных письмо-типов в одном временном срезе). Умы историков письма главным образом занимает вопрос, каким образом письмо, будучи изначально передающим только смысл, развилось в передающее по большей части звучание. Теоретики письма увлечены разграничением эволюционных кренов в истории развития письма, от так называемых примитивных письменностей индейцев, ацтеков, египтян, до «высокоразвитых» индоевропейских, за основу высокоразвитости наивно полагая степень функциональности и конвенциональности знака написанного, в основном в целях передачи звучания слова, которое (звучание) и должно уже запустить в реципиенте процесс распознавания смысла. В этом месте фактически сближается письмо и речь, в этапе фонетизации письма. Внутренняя форма знака фактически сравнялась с внутренней формой устного сообщения. Процесс же понятийности и взаимодействия реципиента со смыслом без звукового посредничества, казалось бы, остался за кадром эволюции, рассматриваемый как рудимент, признак примитивности и отсталости. И ведь, казалось бы, несложно «обвинять» письменности почивших народов типа майя, шумеров, инков, египтян в отсталости и примитивизме, но ведь есть еще и китайская письменность, понятийным и идеографическим характером которой сложно пренебречь, равно как и уровнем эволюции этноса, имеющего эту письменность в основе своей великой цивилизации и по сей день.

В самом аспекте своей важности для цивилизации изобретение письма не вызывало разногласий среди ученых. Джеймс Г. Брестед, знаменитый чикагский историк и востоковед, отметил: «Изобретение письма и удобной системы для записи на бумаге имело большее значение

для развития человеческого рода, чем какое бы то ни было другое интеллектуальное достижение в истории человечества» [Цит. по: Гельб, 1982, с. 211].

Историки письма (Гельб, Фридрих, Доблхофер) видят процесс эволюции письменности в схожих зарисовках. Так, И. Гельб выделяет следующие ступени развития письма:

1-й этап. Не-письмо. *Рисунки*. Письмо полагается берущим свое начало из рисунков.

2-й этап. Предписьменности. *Семасиография*. Включает фазы, которые, еще не являясь письмом как таковым, содержат в себе элементы, из которых развивалось собственно письмо. Гельб называет эту фазу «письмо мыслей», «письмо содержания», «письмо представлений», «описательная», «изобразительная» [Гельб, 1982, с. 44]. К примитивным способам семасиографии Гельб относит два приема: описательно-изобразительный, суть которого сводится к передаче посредством рисунков существенных для сообщения элементов, и идентифицирующе-мнемонический, а именно использование символа как способа отождествления лица и предмета, с целью запечатления события для потомков (например, фиксация значимых событий временного промежутка для летоисчисления, запись песен и преданий). В целом семасиография по Гельбу – это совокупность «приемов, с помощью которых человек впервые пытался передать свои мысли и чувства [Там же, с. 184]. Это «предвкушение» письма путем установления соответствий через связи рисунков с отождествляемым предметом или лицом, связи, которые становятся все более прочными и условными, формируя новую веху познания мира человеком – способности к абстракции и метафоре. Логичным образом, а именно передачей одного слова одним письменным знаком, мы, по мнению Гельба, добрались до логографической ступени эволюции письма, словесному письму, логографии. Однако ученый отрицает возможность существования полностью развитой логографической системы. «Создать и запомнить тысячи знаков для тысяч слов и наименований, существующих в языке, а также постоянно изобретать новые знаки для новоприобретенных слов и наименований – дело настолько неосуществимое, что либо логографическое письмо должно было употребляться только как система ограниченных возможностей, либо ему следовало найти новые способы преодоления возникших трудностей с тем, чтобы превратиться в поистине полезную систему. <...> Даже китайское письмо, наиболее логографическое из всех письменностей, не представляет собой логографической системы в чистом виде, так как с древнейших времен оно использовало словесные знаки в функции знаков слоговых» [Гельб, 1982, с. 187]. Гельб не считает логографическое письмо собственно письмом, утверждая, что первое может развиваться в систему письма только при условии приобретения его зна-

ками фонетического чтения, независимого от значения, которое они имеют в качестве слов. В этом суть принципа фонетизации, который принято считать исключительным в своем значении шагом в развитии письма. В результате развития и систематизации фонетизации развились, по мнению ученого, полноценные системы письма, представленные в третьем этапе.

3-й этап. Собственно письмо. *Фонография*. На этом этапе уже господствует разделение по типам письма, по типу внутренней формы слова написанного. И. Гельб выделяет словесно-слоговые типы письма и алфавитные системы. Общей чертой первых явилось то, что они с самого своего становления стали фонографическими, имеющими в своем составе знаки трех классов: логограммы (суть словесные знаки), слоговые знаки и вспомогательные знаки. К этому типу относятся системы шумерской, хеттской, египетской и китайской письменностей. Они объединены на основании схожести словообразовательных механизмов, общности лексических значений образованных слов и сочетаний и идентичности принципов употребления вспомогательных знаков, таких как директивные, пунктуационные и разделительные. И. Фридрих в своей работе: «О собственно письме можно говорить лишь там, где сообщение может быть передано пословно; неважно, какими средствами – с помощью ли словесного, слогового или звукового письма» [Фридрих, 1979, с. 42].

О. М. Готлиб в своей работе «Основы грамматики китайской письменности» рассматривает письмо как феномен и относит его к одному из самых великих изобретений человечества [Готлиб, 2007, с. 6]. Так, феноменологично, письмо рассматривается им как реализующееся в трех проявлениях.

Во-первых, как «орудие и средство фиксации исторической памяти» [Там же, с. 6]. Именно письмо явилось воплощенным средством хранения и передачи человеческих знаний. «С изобретением письма, в руках человека оказалось долговечное средство закрепления сказанного, теперь он был в состоянии удерживать знания своей истории на краю бездонной пропасти, в которую оно могло всегда провалиться, несмотря на усилия коллективной памяти, в течение тысячелетий сохранявшей это знание благодаря устной традиции» [Ажеж, цит. по: Готлиб, 2002, с. 6].

Во-вторых, как «участвующее в формировании этнокультурного облика того или иного этноса» [Там же], оформляющее этносемантический облик индивидуальной этнической культуры. Так, говоря о Китае в его этнокультурном аспекте, т. е. охватывающим « всю совокупность жизненных проявлений высшего порядка, как то: предпочтение определенных видов искусств (круглой пластики и фрески у эллинов, контрапункта и масляной живописи на Западе) и решительное отвращение

к другим (к пластике у арабов), склонность к эзотеризму (Индия) или популярности (античность), к речи (античность) или письму (Китай, Запад) как формам умственного сообщения, тип государственных образований, денежных систем и общественных нравов» [Готлиб, 2002, с. 7], мы ассоциируем его с определенными памятниками архитектуры, своеобразием пищи и письменностью.

В-третьих, наиболее значимая ипостась проявления письма видится О. М. Готлибом в «участии письма в семантическом членении мира» [Там же]. В истории индоевропейской цивилизации алфавиту отводилось почетное осознание как «модели мира» [Dieterlich, цит. по: Готлиб, 2002, с. 7]. Соответственно, знаки алфавита мыслились как «элементы мира» [Там же], а алфавит в целом как «имя мира» [Там же].

Особенность китайской письменности, ее последовательная идеографичность свидетельствует о том, что культурологическая ценность письма в формировании этноязыковой картины мира значимостно и сущностно отлична от роли фонографических алфавитных систем. Иероглифическая письменность создает своего рода язык письменной культуры. Этот процесс объясняется тем, что иероглифическая письменность является особого рода графической структурой, сохраняющей определенную независимость по отношению к языку, и, в силу этого, предъявляющей определенного рода требования к письменному языку. Так, иероглифическая письменность может успешно реализовывать функцию письменного выражения при условии ограниченного числа морфограмм, которые получают графическое выражение, ибо количество знаков китайского языка, встречающихся в письменных текстах, несоизмеримо больше количества знаков, которые способна удержать человеческая память [Софронов, 2007, с. 606].

Письмо появляется тогда, когда, по сути, становится «технологией, т. е. появляются элементы, из которых строится сообщение, и правила соотнесения этих элементов» [Горчаков, цит. по: Алефиренко, 2006, с. 3–27], так называемые компоненты. Общим свойством письма как открытой нелинейной системы в эволюционном плане явились процессы «все большей структурности и устойчивости, когда знак из индивидуального превращался в общественный, из аморфного – в системный, из хаотичного – в жестко организованный» [Готлиб, 2002, с. 8]. Процесс конвенционализации знака свойственен всем письменностям на протяжении их развития, просто западные лингвокультуры пришли к этому путем создания или заимствования алфавита, а китайская лингвокультура – путем последовательного развития собственного исходно-пиктографического письма.

Лингвистический знак как и любой другой состоит из означающего и означаемого. Означающее лингвистического знака составляет

его план выражения. Для устного языка – это звучание лингвистической единицы. Означающее лингвистического знака составляет его план содержания, т. е. его значение. Знак письменности имеет те же два плана: план графического выражения и план содержания знака, но отношения между ними много сложнее. Алфавитное письмо, являя собой «единый зрительно-слуховой комплекс» [Степанов, Проскурин, 1993, с. 72], служит для передачи лингвистических единиц плана выражения, величина этих единиц бывает различна. Среди известных алфавитных письменностей имеются такие, которые обозначают отдельные фонемы, и письменности, которые обозначают целые слоги. В алфавитном письме один графический знак в идеале передает одну фонему, но в действительности может передавать несколько разных фонем. В слоговом письме письменный знак чаще всего передает один слог. Общим признаком как фонемных, так и слоговых алфавитных письменностей является то, что обозначаемые ими лингвистические единицы, в принципе, не имеют собственного значения, а тесно связанное со звучанием развитие внутренней формы более неподвижно.

От алфавитных письменностей иероглифические отличаются принципом обозначения. Иероглифическое письмо обозначает значимые лингвистические единицы – слова и морфемы. Иначе говоря, оно непосредственно передает план содержания лингвистических единиц, членит мир семантически, а не фонетически. Знак иероглифического письма представляет собой некое условное графическое изображение, которое в частном случае может быть изображением самого референта, но не последовательность слогов и фонем, входящих в состав соответствующей лингвистической единицы. Однако, отбросив критерий степени отражения фонетичности, мы обнаружим единство процесса эволюции: «сближение письменных знаков с языковыми значениями, формирование устойчивых корреляций между знаками языка и знаками письменности» [Готлиб, 2002, с. 17]. Именно этот критерий, по мнению О. М. Готлиба, позволяет разграничить предписьменности и собственно письменность, становящейся таковой лишь по мере обретения массовости, общепользования, «с жестким закреплением знака за языковым значением» [Там же, с. 16].

Иероглифическое письмо отличается от алфавитного не только формой или степенью сложности отдельных знаков. Различия проявляются во всех свойствах знаков этих двух видов письменности. Графическое отличие иероглифических письменностей от алфавитных состоит в том, что знак иероглифического письма всегда сложнее алфавитных знаков, а число самих знаков достигает многих тысяч.

М. В. Софронов в книге «Китайский язык и китайская письменность» указывает на различия отношений фонографического и идео-

графического письма с языком, который они передают. Так, фонографическое письмо статично, «предназначено для какого-то определенного состояния одного языка: без соответствующих изменений оно не может быть использовано для другого языка или для другого состояния одного и того же. Иероглифическая письменность, наоборот, пригодна для любого исторического состояния языка. Как бы ни менялся язык, иероглифическая письменность не требует изменений. Теоретически иероглифы универсальны: они могут быть использованы для письма на любом языке» [Софронов, 2007, с. 445–446]. Иероглифическая письменность имела опытом своего многовекового применения: вьетнамский, ряд тайских, тангутский, японский и корейский языки. Наиболее успешно она накладывается на языки изолирующего слогоморфемного строя, в силу того, что каждый знак письменности соответствует морфеме или слову. Агглютинирующие же языки требуют дополнительного использования алфавитного письма или других фонетических средств для восполнения многосложности слов и развитой морфологии. Тем не менее содержательно (пропозиционально насыщено, понятийно) знаки идеографического письма способны покрывать языки любого строя, в том числе и флективные. Просто формально пропозиция будет требовать более морфологического оформления, свойственного грамматике данного языка.

Независимость знака от его чтения как способ связи языка и письменности, вообще, присущ ранним формам письма. «Связь между письмом и речью, – писал И. Гельб, – была на ранних ступенях письма весьма слабой, так как письменное послание не соответствовало определенным формам речи. Всякое послание имело только один смысл и могло быть интерпретировано читателем только одним определенным образом, но «прочесть», т. е. выразить его словами, можно было по-разному и даже на разных языках» [Гельб, 1982, с. 22]. Это свойство китайской иероглифики сохраняется и в настоящее время. Китайский иероглиф может иметь любое количество чтений в соответствии с числом языков, которые пользуются этим письмом. Так, китайские иероглифы имеют не только китайское, но также и корейское, японское, вьетнамское чтения. Внутри Китая каждый иероглиф имеет как единое «национальное» чтение, так и множество диалектных. При этом во многих диалектах, особенно в южных, один и тот же иероглиф может иметь два чтения: разговорное и литературное. Второе используется при чтении письменных текстов вслух и при произнесении терминов науки и культуры. Вариативность фонетической традиции на фоне инвариантности письменной и внутренней формы и являет собой удивительный феномен жизнеспособности и эволюционной устойчивости китайской идеографической письменности.

Превалирование письменной традиции над устной обосновал в 1866 г. отечественный китаист Василий Павлович Васильев в своем учении о китайских письменных знаках «Анализ китайских иероглифов»: «Нет ни одной страны в мире, в которой бы, с одной стороны, письменный язык не отличался так от разговорного, как китайский, а с другой стороны, разговорный язык отличался бы столь значительно по местности произношения, <...> потому что каждая местность произносит по большей части иначе, по-своему, ту букву, которая слышится при чтении слова, выражаемого иероглифом в другой местности» [Васильев, 1898, с. 1].

В качестве же главного отличия письменного языка от разговорного Васильев указывает на способность двуслогов, характерных для устной речи и нерасчленяемых в ней, по отдельности употребляться в письменной речи в значении всего целого двуслога. Причина такого употребления, по мнению ученого, заключается в содержательной наполненности одного слога «корнем и смыслом всего двуслога» [Там же, с. 2]. Этот факт, в свою очередь, диктует необходимость изучения и разговорного языка посредством письменного.

На разнохарактерность знаков письма и речи указывает и О. М. Готлиб, отмечая, что в современном индоевропейском этносознании графическая оболочка срослась с фонетической, образуя некий единый план выражения, «единый зрительно-слуховой комплекс» [Готлиб, 2002, с. 8]. Для китайского этносознания же, напротив, характерно четкое противопоставление знака написанного (文) и знака произнесенного (言), первый из которых понимается как письменная форма языка и этимологически восходит к изображению тату на теле человека, второй же больше относится к устной форме существования языка (语言), и этимологически является изображением высунутого языка или чего-то, выходящего изо рта [Там же, с. 8].

Изложенная О. М. Готлибом позиция относительно особого статуса идеографического письма свидетельствует о необходимости признания того факта, что система письменности и система языка не представляют собой некоего единства, но в достаточной степени независимы друг от друга и до известной степени обладающие самостоятельностью, что дает нам основание говорить о совместном сосуществовании письменной языковой системы и звуковой (фонетической) языковой системы, находящихся между собой в отношениях дополнительности.

Китайская письменность предстает перед нами как естественная самоорганизующаяся система, с которой необходимо вступить в диалог, вступить в отношение к ее семиотическому пространству, чтобы сквозь призму знака написанного прикоснуться к механизмам познания и смыслопорождения. Идеографическое китайское письмо есть наполнен-

ная внутренней формой внешняя память человечества, запечатлившая в себе когнитивную деятельность человека от дорефлективного типа мышления (чувственного восприятия, представленного рисунчатými пиктограммами) через включенность механизмов рефлексии (которые осознанием предшествующего опыта сформировали механизмы апперцепции¹, явно выраженные во внутренней форме знаков-идеограмм) на уровень трансформации, конвенционального характера, отвлеченного от чувственного и опытного восприятия (проявление уровня можно наблюдать на примере китайских символюграмм, значение которых не имеет корреляции с их внутренней формой, а есть лишь результат «договоренности»).

Независимость от действительного произношения обозначаемой лингвистической единицы придает иероглифической письменности также и вневременные качества: при знании грамматики, текст, написанный иероглифическим письмом, может быть понятен независимо от того, когда он был написан, а его знаки могут быть прочитаны любым удобным способом. Так, например, тексты древних классических канон сегодня могут быть прочитаны с современным национальным чтением иероглифов, с любым диалектным чтением, а также с японским, корейским, вьетнамским чтением совершенно независимо от того, как именно эти тексты читались в момент создания. Все эти свойства иероглифической письменности сыграли важную роль в обеспечении необыкновенной устойчивости китайской традиционной культуры. Письменная традиция, в свою очередь, обеспечивает графическую и лингвистическую однородность текстов культуры во все времена ее существования. Тексты культуры, созданные в разное время и даже в разные исторические эпохи, были в одинаковой степени доступны любому владеющему ее лингвистическим кодом. Такого рода письменная традиция целиком соответствует установке любой культуры на универсальность – ее повсеместное распространение во все времена. Поэтому идеографическая письменность оказалась удобным средством передачи текстов культуры из поколения в поколение, а грамматологические аспекты знаков пространства идеографического письма предоставили почву для формирования новых исследовательских направлений, в частности, таких как канонведение и грамматологические исследования древних письменных памятников.

Литература

Бунаков Ю. В. Китайская письменность // Китай, история, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость. Л., 1940. № 1. С. 352–384.

¹ Апперцепция (от лат. *ad* – ‘к’ *perceptio* – ‘восприятие’) – процесс активного воздействия на восприятие ранее накопленного опыта, приобретенных ранее знаний.

Васильев В. П. Анализ китайских иероглифов. Ч. 1. 2-е изд. СПб. : Тип. Безобразова и Комп., 1898. 133 с.

Гельб И. Е. Опыт изучения письма (основы грамматиологии). М. : Радуга, 1982. 376 с.

Готлиб О. М. Основы грамматиологии китайской письменности. М. : Восток-Запад, 2007. 282 с.

4. Горчаков А. Е. Алфавит: когнитивная версия // Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия. 2010. № 6. С. 3–25. Цит. по: Алефиренко Н. Ф. Когнитивная семантика: миф или реальность? // Вестн. ТГПУ. Сер. Гуманит. науки (филология). 2006. Вып. 5 (56). С. 43–48.

Доблхофер Е., Фридрих И. История письма: Эволюция письменности от Древнего Египта до наших дней : пер. с нем. / сост. К. Королев. М. : Эксмо ; СПб. : Terra Fantastica, 2002. 400 с., ил.

Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М. : Моск. ун-т, 1982. 480 с.

Софронов М. В. Китайский язык и китайская письменность : курс лекций. М. : АСТ, Восток-Запад, 2007. 640 с.

Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Концепты мировой культуры. Алфавиты и алфавитные системы в период двоеверия. М. : Наука, 1993. 158 с.

Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. М. : Изд-во иностр. лит., 1960. Вып. 1. 464 с.

Фридрих И. История письма. М. : Наука, 1979. 463 с., с ил.

Д. Д. Дондоков

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГЕНДЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В КНР

Аннотация. Проведён краткий обзор гендерных исследований в китайской лингвистике, начало которых датируется концом 70-х – началом 80-х гг. XX столетия. В гендерных исследованиях в китайском языкознании рассматривается широкий круг вопросов: взаимосвязь языка и пола, особенности мужского и женского произношения, отражение гендерной дискриминации в иероглифике и языке, гендерные различия в общении, гендерная дифференциация языка.

Ключевые слова: гендерная лингвистика, гендерная маркированность, гендерные различия, гендерная дискриминация.

D. Dondokov

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg

DEVELOPMENT OF GENDER LINGUISTICS IN CHINA

Abstract. The purpose of this paper is to analyze development of gender linguistics in China. A brief overview of gender research in Chinese linguistics which began in the end of the 1970s – beginning of the 1980s is given in the paper. A wide range of topics is discussed in gender-related articles in China: relationship between language and gender, pronunciation characteristics of men and women, gender discrimination in Chinese characters and language, gender differences in communication, gender differentiation of language.

Keywords: gender linguistics, gender markedness, gender differences, gender discrimination.

Несмотря на существование огромного количества работ по гендерной лингвистике в Китае, приходится соглашаться с китайскими учёными и констатировать, что в китайском языкознании комплексных исследований, предметом которых является исключительно китайский язык, немного. Правомерно считать, что гендерная лингвистика зародилась как самостоятельное научное направление в китайском языкознании в XX в. В последние годы в китайской лингвистике наблюдается растущий интерес к гендерной проблематике, о чём свидетельствует многочисленное количество исследований.

Следует отметить, что основой названий практически всех исследований по гендерной лингвистике является слово «性别» «пол». В большинстве исследований по гендерной лингвистике в КНР [杨春, 2008; 杜晓莹, 2010; 史耕山, 2006; 王娜, 2005; 赵学德, 2008] используется термин «性别差异» «гендерные различия, гендерная дифференциация», также употребляется сокращённое название вышеуказанного термина – «性差» «гендерные различия, гендерная дифференциация».

Согласно неполной статистике, в настоящий момент в китайском языкознании существует более 20 монографий и более 200 исследовательских работ, затрагивающих гендерные различия [杜晓莹, 2010, с. 9].

Гендерные исследования в китайской лингвистике начались достаточно поздно, в конце 70-х – начале 80-х гг. XX столетия. Первыми работами в КНР, в которых изучалась взаимосвязь языка и пола, были «Язык и общественная жизнь» (1980) и «Социолингвистика» (1983) Чэнь Юань [Приводится по: 陈丛耘, 2008], «Введение в социолингвистику» (1985) Чэнь Сунцэнь [陈松岑, 1985], «Введение в социолингвистику» (1992) Чжу Ваньцзинь [祝畹瑾, 1992] и др. Кроме этого, следует отметить работу Чжао Юаньжэня «Исследование современных диалектов У» (1929) [Приводится по: 陈丛耘, 2008], в которой исследовались различия в произношении у мужчин и женщин.

В разной степени тема гендерно маркированных единиц китайского языка рассматривалась в работах Е Фэйшэн, Сюй Тунцян «Очерк лингвистики» (2008) [叶蜚声, 徐通锵, 2008], Лю Ниншэн «Очерк лингвистики» (1987) [Приводится по: 李海霞, 2009] и др.

Нельзя не отметить и следующие статьи: Вэй Чжицян «Различия в использовании языка у мужчин и женщин» («Преподавание языка», 1983, № 3) [卫志强, 1983], Ху Минъян «Пять исследований о фонетике и лексике пекинского диалекта» («Труды по китайскому языку», 1983, № 1) [胡明扬, 1983], Цао Юнь «Гендерные различия в фонетике пекинского диалекта» («Изучение китайского языка», 1986, № 6) [曹耘, 1986].

В начале декабря 1987 г. в Пекине была открыта первая в КНР научная конференция по социолингвистике, среди 77 статей, представ-

ленных на конференцию, были и работы, посвященные гендерной лингвистике: Гэн Эрлин «Анализ факторов и гендерные различия пунхуа с диалектной окраской», Цю Дажэнь «Гендерные различия в книжном языке», Вэй Чжицян «Краткий очерк гендерной лингвистики», И Хунчуань «Как выражаются супруги?» [陈丛耘, 2008, с. 6].

После этой конференции исследования гендерной дифференциации в китайском языке в КНР начали обретать китайскую специфику: о чем свидетельствуют статьи «Исследование женского произношения в пекинском диалекте» («Создание языка», 1988, № 1) [胡明扬, 1988], Яо Япин «Теория и способы коммуникации (гендерный аспект)» («Изучение китайского языка», 1988, № 1) [姚亚平, 1988].

В 1997 г. была издана книга Сунь Жуцзянь «Гендер и язык» [孙汝建, 1997]. Цянь Цзинь (Нанкинский университет) считает, что это первая в китайской лингвистике комплексная монография о связи языка и гендера [钱进, 2004, с. 49]. В этой монографии гендерные различия в китайских иероглифах рассматриваются с точки зрения социальной психологии, автор считает, что в китайской иероглифике существует дискриминация женщин, которая отражается в иероглифах с боковым элементом «女». Также в монографии рассматривались гендерные различия в китайской антропонимике, анализировались различия в речевых действиях, с точки зрения психологии и культурологии анализировались причины формирования гендерных различий [孙汝建, 1997].

Изучением иероглифа «女» (женщина) также занимались Ли Лихун (2002), Чэнь Фэн (2002) и Пань Шисун (2004) [李海霞, 2009, с. 3].

В статье Гу Цзинхэн «Временные и пространственные изменения гендерно маркированных иероглифов китайского языка» (2001) с точки зрения истории письма проанализированы пять пар иероглифов «牝牡 – самец и самка, 雄雌 – самец и самка, 男女 – мужчина и женщина, 公母 – самец и самка, 阴阳 – женщина и мужчина» [古敬恒, 2001].

К исследованиям по гендерной лингвистике, выполненным в XX в. также следует отнести работы: «Очерк социолингвистики» Чжу Ванцзинь (1992) [祝畹瑾, 1992], глава «Язык и гендер, возраст, класс, профессия» в «Курсе по социолингвистике» Дай Цинся [Приводится по: 杜晓莹, 2010, с. 9].

Самыми ранними работами о гендерной дискриминации в языке являются «Гендерная дискриминация и гендерные различия в языке – «Заметки о гендерной лингвистике» Хань Цзюньчжэн (1987) и «Гендерная дискриминация в языке» Янь Юнь (1987) [孙汝建, 1997, с. 190].

В статье «Гендерная дискриминация в китайской иероглифике» Су Цзе («Языкознание», 1999, № 4) [苏杰, 1999] с точки зрения изуче-

ния древних текстов исследовались гендерные различия и гендерная дискриминация, выраженные в форме и значении китайских иероглифов. Ван Чжицян в статье «Гендерная дискриминация в обращениях в китайском языке» («Языкознание», 2000, № 1) рассматривал гендерную дискриминацию, существующую в использовании обращений в китайском языке. Например, учитель может назвать свою жену «你们师娘» «супруга вашего учителя», также может сказать «我妻子» «моя жена», но учительница, рассказывая ученикам о супруге, может сказать «我先生» «мой супруг», но не может сказать «你们师爹» «муж вашего учителя». В статье также отмечается, что соотношение 他 (он) и 她 (она) в литературе таково: 4:1 [王志强, 2000, с. 33–34].

Интерес к теме гендерной дискриминации в китайском языке повысился в начале 2000-х, примерами работ по этой тематике служат «Гендерная дискриминация в китайском языке» Чэнь Цунъюнь (2005) [陈丛耘, 2005], Чжан Цзюнь «Дискриминация в обращениях к женщинам в китайском языке» (2006) [Приводится по: 杜晓莹, 2010, с. 10].

Чжоу Лян (2000) разделил гендерную дискриминацию в «Путешествии на запад» на два вида: первый – принижение женщины через описание речи, действий, психики и внешности; второй – выражение презрения к женщинам через ожидания мужчин от женщин [周亮, 2000].

В следующих работах проведены исследования лексики: «Гендерные различия в употреблении модальных слов» Цао Чжюнь (1987), «Культурная составляющая гендерных различий в чэньюй и поговорках» Цянь Цзинь (2003), «Гендерная дискриминация в обращениях в китайском языке» А Минь (2003), «Гендерные различия в употреблении инвективной лексики в китайском языке и анализ причин» У Сяоянь (2009) [Приводится по: 杜晓莹, 2010, с. 10]. Цзинь Фунянь провел исследование о выборе цветов представителями обоих полов, после анализа произведений 20 авторов обнаружил, что по сравнению с авторами мужского пола авторы-женщины используют метафоричные и удвоенные цветоименования. При использовании цветоименований женщины более изысканны, обладают более богатой фантазией, могут точно и образно описать цвет предмета [金福年, 2004]. Чэнь Линьсэнь (2005) с точки зрения социолингвистики исследовал новые обращения – имена существительные в китайском языке [陈林森, 2005].

Отдельную группу исследований составляют исследования гендерных различий в общении. Можно выделить исследования в стилистическом аспекте: «Исследование гендерных различий в стиле языка» Сюй Лишэн (1997) и «Исследование гендерных различий в стиле языка» Ли Ин (2004). Работы по исследованию речевого акта: «Гендерные различия речевого акта просьбы» Дин Фэн (2002), «Исследование ген-

дерных различий речевого акта извинения» Пань Сяоянь, «Гендерные различия перебиваний в разговоре» Чжан Хунлянь (2009) [Приводится по: 杜晓莹, 2010, с. 10]. Дин Фэн выявил, что при выражении просьбы женщины более вежливы и тактичны, чем мужчины [丁凤, 2002]. Исследование Вэй Яочжан (2001) выявило, что существуют гендерные различия при выборе темы комплимента. Перед одинаковыми получателями комплимента, мужчины сосредотачивались на успехе, а женщины в большей части выбирали объектом комплимента одежду и внешность [魏耀章, 2001]. Ван Сяньчжи и Яо Чуньлинь исследовали различия речевого акта извинения, ответа на извинение в китайском языке [王显志, 姚春林, 2008]. Цюань Лихун (2004) и Ши Гэншань (2008) исследовали гендерные различия похвальных слов [权立宏, 2004; 史耕山, 2008].

Растет количество монографий по гендерным различиям: «Исследование прагматики и культуры гендерно маркированных единиц языка» Бай Цзехун (2000) [白解红, 2000], Чжао Жунхуй «Язык и гендер: социолингвистическое исследование разговорного языка» (2003) [赵蓉晖, 2003], однако объектом исследования этих трудов не является исключительно китайский язык, зачастую это сравнительные исследования.

Авторы статьи «Дискриминация по признаку пола и её источники» (2003) Гао Юйфэнь, Жэнь Вэйпин считают, что одним из источников этого явления выступает учение Конфуция [高玉芬; 任维平, 2003]. В работе «Словообразование в китайском языке и гендерные различия» автор Ван Диншоу видит причины гендерной дискриминации в китайском языке в потере женщинами экономического положения и субъективного сознания [王定寿, 2002].

В гендерных исследованиях в китайском языкознании рассматривается широкий круг вопросов: взаимосвязь языка и пола, особенности мужского и женского произношения, отражение гендерной дискриминации в иероглифике и языке, гендерные различия в общении, гендерная дифференциация языка. Несмотря на то, что гендерные исследования языка в Китае начались 30 лет назад, ученые утверждают, что они до сих пор находятся на начальном этапе развития. Вместе с тем необходимо отметить, что история гендерной лингвистики в КНР и специфика гендерных исследований китайского языка требуют дальнейшего исследования.

Литература

- 白解红. 性别语言文化与语用研究[M]. 长沙: 湖南教育出版社, 2000.
曹耘. 北京话语音里的性别差异[A]. 汉语学习, 1986 (6).
陈丛耘. 汉语词语与性别关系研究[D]. 南京师范大学硕士学位论文. – 南京, 2008. 53 页.
陈丛耘. 汉语的性别歧视[A]. 南通大学学报 (哲学社会科学版), 2005, (3).

- 陈林森. 汉语称谓名词的性别化趋势[A]. 阅读与写作, 2005 (5): 23-24.
- 陈松岑. 社会语言学导论[M]. 北京: 北京大学出版社, 1985.
- 丁凤. 汉语请求言语行为中的性别差异[A]. 西安外国语学院学报, 2002, 第 1 期: 第 46-50 页.
- 杜晓莹. 现代汉语交际中的性差研究[D]. 山东大学硕士学位论文. - 山东大学, 2010. 61 页.
- 高玉芬; 任维平. 汉语中的性别主义及其根源[A]. 河北师范大学学报 (哲学社会科学版), 2003 (2): 99-100.
- 古敬恒. 汉语性别字的时空演变[A]. 汉字文化, 2001 (3): 21-23.
- 胡明扬. 北京话“女国音”调查[A]. 语言建设, 1988 (1).
- 胡明扬. 关于北京话语音、词汇的五项调查[A]. 中国语言学报. 商务印刷馆, 1983, (1).
- 金福年. 不同性别表达者选用汉语颜色词的差异[A]. 修辞学习, 2004, 第 1 期: 第 51-52 页.
- 李海霞. 现代汉语常用性别词及其习得研究[D]. 暨南大学硕士学位论文. - 暨南大学, 2009. 63 页.
- 钱进. 语言性别差异研究综述[A]. 甘肃社会科学, 2004, (4).
- 权立宏. 汉语中男女在称赞语和称赞语回应使用上的差异分析[A]. 现代外语, 2004, 第 1 期: 第 62-69, 107 页.
- 史耕山; 张尚莲. 国内语言性别差异研究概述[A]. 外语教学, 2006, 第 1 期: 第 24-27 页.
- 史耕山. 汉语称赞语中的性别研究[M]. 北京: 科学出版社, 2008. 第 300-302 页.
- 苏杰. 汉字中的性别歧视[A]. 语文学刊, 1999, 第 4 期: 第 38-41 页.
- 孙汝建. 语言与性别[M]. 南京: 江苏教育出版社, 1997.
- 王定寿. 汉语构词与性别差异[A]. 咸宁师专学报, 2002 (2): 104-105.
- 王娜. 汉语中的性别差异探析[A]. 山东理工大学学报, 2005, 第 4 期: 第 70-72 页.
- 王显志, 姚春林. 基于道歉言语行为的性别文化差异研究[A]. 山花, 2008, 第 8 期: 第 147-151 页.
- 王志强. 汉语称谓中的性别歧视现象[A]. 语文学刊, 2000, 第 1 期: 第 33-34 页.
- 魏耀章. 恭维语的性别差异研究[A]. 西安外国语学院学报, 2001, 第 1 期: 第 1-5 页.
- 卫志强. 男女语言使用上的差异[A]. 语言教学与研究, 1983, (3).
- 杨春. 性别语言研究综述[A]. 中华女子学院学报, 2008 (4): 54-58.
- 姚亚平. 论性差交际学的理论和方法[A]. 汉语学习, 1988 (1).
- 叶蜚声, 徐通锵. 语言学纲要[M]. 北京: 北京大学出版社, 2008 年第一版
- 赵蓉晖. 语言与性别: 口语的社会语言学研究[M]. 上海: 上海外语教育出版社, 2003.
- 赵学德. 汉语的性别差异研究综述[A]. 妇女研究论丛, 2008, 第 6 期: 第 77-81 页.
- 周亮. 论《西游记》中的性别歧视[A]. 贵州文史丛刊, 2000, 第 2 期: 第 37-41 页.
- 祝畹瑾. 社会语言学概论[M]. 长沙. 湖南教育出版社, 1992.

М. Ю. Дондокова

Бурятский государственный университет, Улан-Удэ

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК ТУРИСТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. Статья посвящена изучению проблем номинаций Байкальского региона, а именно особенностей их перевода на китайский язык. Вопрос единообразия перевода географических названий получает новизну в силу необходимости его решения с точки зрения туристической привлекательности. Рассматриваются проблемы перевода топонимов с русского на китайский язык на примере восточного побережья озера Байкал. Автором изучены имеющиеся переводы и предложены некоторые их альтернативные варианты с учетом туристского значения.

Ключевые слова: перевод топонимов, туризм, Байкальский регион, китайский туризм.

M. Dondokova

Buryat State University, Ulan-Ude

PROBLEMS OF TRANSLATION THE TOURIST'S OBJECTS CLOSE TO LAKE BAIKAL TO CHINESE

Abstract. The article is dedicated to research into some nominations of Baikal lake region and their translation into Chinese. The problem of geographical names' uniformity must be studied with the view of their tourist attractiveness. The article considers translation of toponyms found on East Coast of lake Baikal from Russian into Chinese. The author researches present translations and offers a few alternative translation versions taking into account tourist audience.

Keywords: the translation of toponyms, Baikal region, Chinese tourism.

Активное развитие туристической отрасли в последние несколько лет в Байкальском регионе обусловило ряд задач, необходимых к скорейшему решению. Основные задачи, которые необходимо решить в процессе развития туризма, представляются следующими.

Для того чтобы принимать большое количество туристов из Китая, необходимо провести хорошую подготовительную работу. Главным образом, необходимо подготовить специалистов и необходимый материал на китайском языке. Для решения двух задач, необходимо изучить и перевести топонимы нашего региона. Особенностью Байкальского региона является его многонациональность, как следствие, многообразие названий местностей, отражающее культурную и историческую специфику.

Сравнительное изучение географических названий «представляет большой научный интерес и позволяет решать многие вопросы древней истории, палеолингвистики, доисторического прошлого человека. Внимательный анализ географических названий часто дает географу, геологу, ботанику, зоологу, экономисту, этнографу интересный материал для суждения о ландшафтах, месторождениях полезных ископаемых, преобладающих растительных группировках, промысловых животных, господствующем типе хозяйства, расселении человека» [Мурзаев, 1979].

Топоним – это имя собственное, которое относится к любому объекту, природному или созданному человеком. Исходя из характера именуемых объектов можно выделить: названия водных объектов – гидронимы (озеро Байкал, река Верхняя Ангара); названия объектов сухопутной поверхности – оронимы (гора Эльбрус, Боровицкий холм, Воробьевы горы); названия подземных объектов – спелеонимы (Красная пещера); названия мелких объектов – микротопонимы (скала Парус, ручей Трех Туристов); названия населенных мест – ойконимы (город Улан-Удэ, село Баргузин); названия внутригородских объектов – урбанимимы (проспект Автомобилистов, улица Вандышева, магазин «Пятерочка», кафе «Лимонад»). Общее свойство всех топонимов – это отражение социальных, экономических и географических аспектов жизни человеческого общества. Название географическому объекту дается не случайно, объект называется по какому-либо признаку, свойству, отличающему этот объект от других объектов. Основная функция топонимов – это выделение, индивидуализация, идентификация именуемых объектов среди других объектов [Ожегов, 1992]. Топонимы, отражая культурную и историческую самобытность, представляют особый интерес всех, кто приезжает в Байкальский регион.

Современные названия многих топонимов, имея национальное происхождение, достаточно сложны по звуковому составу, например, Тарбагатай, Баргузин, Чивыркуй и др. Национальные названия несут в себе национальный колорит, историческую нагрузку, связь с легендами и влияют на самосознание местного населения. Поэтому правильное понимание топонимов важно и интересно не только заезжим гостям, но и иностранным туристам. В силу того, что основной способ перевода топонимов – это транслитерация, то её применение представляет особые трудности при переводе на китайский язык.

Первым вопросом при переводе топонимов можно назвать необходимость единообразия используемых иероглифов, так, например, название местности Листвянка в некоторых китайских картах упоминается как 利斯特维扬卡 利斯特维扬卡. Более принципиальным вопросом является вариант перевода Забайкальского края 后贝加尔边疆区, 外贝加尔边疆区 по первому варианту АРВМ по второму Хэйлунцзян.

Второй вопрос касается туристической привлекательности некоторых номинаций. К примеру, такие популярные туристические пункты, как Тарбагатай, Гремячинск, Горячинск и пр. для русскоязычного туриста несут определенную коннотацию, которую сложно донести до иностранца. Возникает дилемма: переводить транскрибированием, т. е. сохранить изначальное звучание номинанта, либо сохранить коннотацию, использовать дескрипцию. Так, например, на данный момент имеется

несколько названий села Тарбагатай 塔尔巴哈台村 и 旱獭村 (в некоторых случаях упоминается просто как деревня староверов 老信徒村).

Если в первом вопросе достаточно принять единую форму, то по второму вопросу необходимо рассматривать каждый объект отдельно и комплексно. Так, например, курорт Горячинск 戈里亚钦斯克 в некоторых источниках указывается как 国利亚钦斯克, кроме того, для русскоязычных гостей топоним сразу указывает на то, что место обладает горячими источниками. Для китайских же туристов название, во-первых, очень сложное и трудно запоминающееся, во-вторых, не несет той коннотации, которую имеет в русском языке. Хотя именно здесь это играет немаловажную роль, так как горячие источники представляют большой интерес для китайского туриста. Возможно, именно в данном случае, в целях повышения туристической привлекательности объекта, необходимо использовать все имеющиеся ресурсы в том числе номинацию в создании бренда.

Создание единого названия важно особенно в плане создания карт на китайском языке и продвижения туристического продукта. Так, например, туристический объект гора Бычья обозначается 公牛山 и 贝齐亚山, т. е. номинация выполнена двумя разными способами перевода. Первый способ – калькирование, придает номинанту культурную коннотацию. Второй способ – транскрипция передает особенность звучания номинанта, но не несет никакой другой коннотации.

Топонимы имеют большое значение не только для сохранения культурного наследия региона, но и для повышения туристической привлекательности региональных объектов. В свете общей тенденции развития китайского туризма в Байкальском регионе необходимо разработать варианты перевода на китайский язык туристических объектов. Так, возможно, село Горячинск можно было перевести калькированием, например 温泉村. Необходимо также учитывать разные варианты перевода при создании туристических карт.

Литература

Мурзаев Э. М. География в названиях. М. : Наука, 1979. 133 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка (С–Я) М. : Азъ, 1992. 660 с.

Yu. Dyundik

Irkutsk State University, Irkutsk

Yu. Seredina

Private Institution of Supplementary Vocational Education
«Baikal Institute of Lifelong Learning», Irkutsk

THE USA AND NORTH KOREA: COLLAPSE OF WORLD DIPLOMACY?

Abstract. The goal of the article is to present the development of nuclear program in North Korea and the US response to nuclear challenge. There is a description how the relationship between these two countries is deteriorating. The article also features some countries' (South Korea, China, Japan, Great Britain) role in the conflict and their position concerning the North Korea nuclear power.

Keywords: The USA, North Korea, nuclear power, nuclear program, political challenge, conflict escalation; missile.

The whole world has recently been shocked by the situation on the Korean Peninsula which was on the eve of the break out of a nuclear war between North Korea (N. K.) and the United States. It is quite possible that because of this fact the Norwegian Nobel Committee awarded the Nobel Peace Prize of 2017 to the International Campaign to Abolish Nuclear Weapons (ICAN) «for its work to draw attention to the catastrophic humanitarian consequences of any use of nuclear weapons and for its ground-breaking efforts to achieve a treaty-based prohibition of such weapons». The text of the award stated: "We live in the world where the risk of nuclear weapons being used is greater than it has been for a long time... There is a real danger that more countries will try to procure nuclear weapons, as exemplified by North Korea". [https://www.nobelprize.org/nobel_prizes/peace/laureates/2017/]

In the last two years N. K. has tested two nuclear bombs (in 2016) and two intercontinental ballistic missiles (in 2017). On July 25th, N. K. tested an intercontinental ballistic missile that could hit Los Angeles and its environs. Before long, N.K. was able to mount nuclear warheads on such missiles, as it already can on missiles aimed at Japan and South Korea. It is also considering some plans for a missile strike on Guam, which means an attack on the United States. Guam is a small remote island, 2,100 miles from N. K. and 1,600 from Japan and the Philippines, captured by the Americans from Spain in 1898. Since 1950, it has been an incorporated organized territory of the USA and about one third of the island is controlled by the U. S. military. It houses the U. S. Air Force military base, a submarine squadron, B 1 long-range bombers, B 52 bombers and fighter jets, and a Coast Guard group. Besides, Guam has the U. S. Terminal High Altitude Area Defense which is able to intercept missiles. The same anti-missile system is stationed in South Korea, one of the U. S. allies in the region. North Korea claims it can strike the USA with nuclear-tipped missiles, arguing that those missiles are legiti-

mate means of defense against the USA and its joint military drills with South Korea. One should keep in mind that N.K. is technically still at war with both the U. S. and South Korea, since the 1950–53 war ended with a truce, not a peace treaty.

It was a real shock for the U. S. Administration, for N. K. causes so much trouble, being not a superpower. It is a fact that N.K. economy is only fiftieth as big as that of South Korea, its industrial infrastructure is nearly beyond repairs, the country suffers from food, energy and electricity shortages and many of its people are malnourished. And yet young N. K. leader Kim Jong-un managed to grab the attention of the whole world, and even of the American President, with its nuclear weapons, plus the rocketry needed to deliver them.

In charge of this terrifying arsenal is Kim Jong-un, whose grandfather Kim Il-sung wanted nuclear weapons in 1972 and built a nuclear research reactor in Yongbyon that could be a source of plutonium. The young N. K. leader, as well as his father and grandfather, sees nuclear weapons as the only way to guarantee the survival of his regime. More likely, he wants to make North Korea a relevant player in international affairs, respected for its military strength and especially its nuclear strength, assert his equivalence with D. Trump, and make N. K. a prominent issue at the U. N. General Assembly and other international meetings. Keeping in mind the fate of Iraq and Libya, he thinks that if you have nukes no one – not even the USA – is going to try any funny business, especially when it is clear that a seriously aggressive move by the US would result in the death of more than two million people (including American soldiers housed in South Korea).

Was this situation new to the international community? As far as we know it was not. The N. K. nuclear program has been continuing since 1972. When B. Clinton first learned about it in 1994, a surgical strike against its reactor might have sufficed to send Pyongyang a message that nuclear North Korea was unacceptable. But instead, B. Clinton allowed J. Carter, a former US President, to engage in some private foreign policy and broker a deal whereby North Korea promised to freeze and dismantle its nuclear program, moreover, to accept international inspection of all existing facilities. The US Administration gave N. K. four billion dollars in form of heavy fuel oil and light water reactors and signed an agreement named the “Agreed Framework”. B. Clinton considered this deal to be of great value for the United States. He said, “This U. S. – North Korean agreement will help to achieve a long-standing and vital American objective: an end of the threat of nuclear proliferation on the Korean Peninsula. ... It is good for the United States, good for our allies, and good for the safety of the entire world. It reduces the danger of the threat of nuclear spreading in the region. It is a crucial step toward drawing North Korea into the global community.”

(<http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=49319&st=north+korea&st1>) Later G. W. Bush referred to it as a “mistake”. The “Agreed Framework” broke down in 2002, when it was found that N. K. had a highly enriched secret nuclear program, had bought technology and equipment abroad, and made some secret deals with Pakistan. In January 2003, North Korea withdrew from the “Agreed Framework”.

The world is well aware of this particular danger coming from North Korea. D. Trump got furious because it was him who had to solve this mess. He declared that the U. S. Administration could not allow N. K. leader to threaten the American nation or its allies with imaginable loss of life. In turn, he began to threaten North Korean leader, against the advice of the national-security aids. For months, the aids who briefed the President on the conflict had advised him not to personalize the dispute. At first he complied, and even complemented Kim, calling him a “smart cookie” and expressed willingness to meet with him. But then he erupted with threats to unleash “fire and fury” on N. K and started to mock Kim Jong-un personally, calling him a “Little Rocket Man” in front of scores of heads of state, which was specially humiliating for Kim. D. Trump promised to “totally destroy” N. K. if the U.S. or its allies were attacked. A few days later D. Trump said in his tweet that North Korean’s leadership may not “be around much longer” if it continues its threats.

D. Trump’s words were damaging enough and his personalization of the conflict made Kim respond his speech, and he called D. Trump a “mentally deranged U. S. dotard”. Kim personally delivered this message in a video that was broadcast on N. K. television. It means that Kim refused to back down. It also signals that the two leaders were in a war of egos. They are eroding a once-spoken assumption that leaders seek to defuse confrontation, not cultivate it.

So, the conflict has been escalating. “What is to be done to avoid a catastrophe?” – the question people ask each other and the government. One observer, a M. Curtis, discusses four possible alternatives in his article dated from October 8, 2017 entitled “The United States Must Meet the North Korean Threat” (http://www.americanthinker.com/articles/2017/10/the_united_states_must_meet_the_north_korean_threat.html).

One is the removal of Kim, peacefully or not, though the assassination of the leader of another country is unlawful.

Second is the elimination of the N. K nuclear facilities – it’s a difficult task because much of them and N. K important military infrastructure is underground.

Third is strengthening of sanctions by other states as well as the USA. Sanctions have targeted institutions and people involved in developing and financing the weapons programs, arms trade, human rights abuses, oil im-

ports, violation of cyber-security, limiting access to the international finance system. We should state that on August 5, 2017 the UNs Security Council unanimously passed Resolution 2371 to impose the strictest and most damaging sanctions yet on North Korea. The new sanctions ban N. K export of coal, lead ore, iron ore, sea food. They also targeted banks and joint ventures with foreign companies as a means of reducing hard currency available to the regime for its nuclear weapons and ballistic missile programs. The new sanction as it is estimated will cut export revenue by more than one billion. China and Russia supported the UN sanctions. It was a difficult decision especially for China because it backed North Korea for decades in hostilities with the USA for North Korea is a buffer from the USA troops stationed in South Korea. Chinese soldiers had fought in the Korean war. Ninety per cent of N. K. overseas trade is with China. But since taking power in 2011 Kim Jong-un has openly antagonized the Government in Beijing. He is suspicious of China's control of his country and China has sent an unmistakable signal that Kim Jong-un had better not rely on the historic alliance between China and North Korea to resist President Trump's demands. This comparatively mild language tells the N. K. leader that in a war, China might not be on his side. Beijing doesn't trust Kim Jong-un any more, but it trusts Trump even less.

Fourth is diplomacy between North Korea and the USA and the rest of the world. But the problem is that U. S. policymakers are divided on the issue. U. S. Secretary of defense J. Mattis and U.S. Secretary of State R. Tillerson recently defined the U. S.'s policy toward Pyongyang as "strategic accountability," in which Washington and its allies are standing fast against Kim's provocations. R. Tillerson is of the opinion that the way out of the present situation may be achieved diplomatically. Of course, there is a certain doubt that Kim will agree to relinquish his nuclear program, nevertheless U. S. Secretary of State went to Asia to put together a diplomatic campaign to contain North Korea. While R. Tillerson was in Asia, D. Trump disparaged his efforts to find a diplomatic solution to the nuclear standoff with North Korea. "I told Rex Tillerson, our wonderful Secretary of State, that he is wasting his time trying to negotiate with Little Rocket Man," he wrote, using a nickname he had adopted to humiliate the N. K leader. The President was responding to R. Tillerson's recent comment that the USA is "probing" for a diplomatic solution via two or three channels. In his tweet D. Trump belittled that strategy and suggested that he is more interested in military action, "Save your energy Rex, we'll do what has to be done."

D. Trump's point of view is shared by Great Britain which leaked to the media that it is planning for a war with North Korea. It is a signal to Kim that President Trump and his allies are serious about the demands to end the nuclear weapons and missile programs. It is quite possible that the leaks are intentional and that the first purpose is to ratchet the pressure on the North

Korean leader. But what makes the leaks so important is that it indicates to Kim Jong-un that Trump is not being abandoned by his allies. On the contrary, they are lining up to press on N. K. to stop its nuclear and ballistic missile programs, stop helping Iran, to remove its engineers from there. Japan Prime Minister S. Abe negotiating with D. Trump promised to take “further action” against Pyongyang in close cooperation with the USA. Japanese officials informed that the two countries would take “concrete” steps to ensure the public is protected from the threats North Korea poses.

Without China and Russia’s help D. Trump has no choice but to respond militarily to N. K. provocations and it will be a catastrophe. D. Trump is expecting China and Russia to cooperate with the USA in this conflict, but the latter have different and at the same time serious relationship with North Korea, still there are three areas they have shared great concerns. They are: 1. both countries dislike the deployment of the U. S. defense system to South Korea; 2. both are worried about the refugee crisis on their borders that would result from the N. K. collapse; 3. both are concerned that unification on the Korean Peninsula would result in Seoul absorbing North Korea. As the N. K. – the USA crisis has escalated, China and Russia have been urging the US Administration to consider offering North Korea a deal known as “freeze for freeze”, in which N. K. will halt further tests and the USA halts or reduces joint military exercises with South Korea and Japan – exercises that China resents as well. Such a deal will be favored by China because some its politicians are secretly hoping the N. K. position can actually help drive the US forces away from the Korean Peninsula.

Right now nobody knows how this situation will be developing, what actions or words will take place tomorrow. Clearly, the best solution is a political one, and both sides have to slow down, seek to defuse confrontation, not cultivating it, and start avoiding words and actions that can bring everyone to a catastrophe after which the world will never be the same. Today not only some countries are expected to take a prominent role in diplomacy, but the whole world has to do what it can to thwart such situations and stop further escalation of the conflict between North Korea and the USA and, globally, get rid of a constant threat to humanity.

References

- URL: https://www.nobelprize.org/nobel_prizes/peace/laureates/2017/.
 - URL: <http://www.korea-dpr.com/>.
 - URL: <https://www.theguardian.com/world/north-korea>.
 - URL: <https://www.nytimes.com/topic/destination/north-korea>.
 - URL: <http://edition.cnn.com/2017/05/29/asia/north-korea-missile-tests/index.html>.
 - URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=49319&st=north+korea&st1>.
 - URL: <https://www.theguardian.com/us-news/video/2017/sep/23/trump-little-rocket-man-kim-jong-un-video>.
- Curtis, Michael. The United States Must Meet the North Korean Threat. October 8, 2017. Accessed October 12, 2017. http://www.americanthinker.com/articles/2017/10/the_united_states_must_meet_the_north_korean_threat.html.

Я. Ю. Ефременко

Международный институт культуры и образования,
Гуманитарный институт Хэйлунцзянского университета, Харбин

姬娜·耶夫列民科

黑龙江大学国际文化教育学院, 文学院, 哈尔滨市

汉俄前缀构词对比

摘要: 词缀 (аффикс), 是一种附着于词根的语素, 附加式构词法是印欧语的一种主要的构词方法。前缀是词缀的一部分, 是词根前的附加成分。汉语中出现在前面的定位语素叫做“前缀”。而俄语叫作“приставка”或“префикс”, 源自于拉丁语“praefixum”。其意为直接处于词根之前或另一前缀之前并赋予全词以新的意思的一种词素。本文以汉俄前缀构词对比为研究对象, 同时对比语言学与构词学研究的对象。汉语与俄语都有前缀, 其在构词中作用较大, 汉语前缀与俄语前缀构词方式除了相同点外, 还有许多不同点。

关键词: 词缀; 汉语前缀; 俄语前缀; 汉俄构词对比。

Ia. Efremenko

International Institute of Education and Culture,
Literature Institute of Heilongjiang University, Harbin

CONTRAST OF WORD FORMATION BETWEEN CHINESE AND RUSSIAN PREFIX

Abstract. An affix is a morpheme that is added to the root of the word. Affixation is one of the important methods in morphology of indo-european languages. Prefix is an affix which is placed before the stem of a word. The morpheme which is added before the root of a word is called “前缀” (prefix) in Chinese, but in Russian it is called “приставка” or “префикс”, both of which are derived from Latin roots “praefixum”. The morpheme which is placed before the root or the prefix gives a new meaning of a word. In this article the author introduces a research on affixation in Chinese and Russian languages, compares linguistics and morphology. There are prefixes which are frequently used in both languages. Chinese and Russian affixes have much in common, but they are different at the same time.

Keywords: Affix; Chinese prefix, Russian prefix, Contrast of word formation between Chinese and Russian.

I 汉俄语前缀的概述

一、汉语前缀的界定

“前缀”英文名为“prepositive”或“prefix”, 俄文叫作“префикс”。“前缀”位于词的前部, 所以也可称作词头或前置成分。著名语言学家任学良先生认为[任学良, p. 39]: “汉语的词缀属于附加式构词法, “词头、词尾、词嵌”是“词干”(即词根)的“附加成分”。而“前缀”就是“词根”的“前加成分”, 即它没有词汇意义,

只有语法意义。但也不能否认，部分前缀在与一些特定词素结合时具有一定的词汇意义。

论汉语前缀分类，笔者把它们归纳为以下几种：

1) 汉语“固有前缀” (собственный префикс)，又称“典型前缀” (стандартный 或 типичный префикс) 或者“纯词缀” (простой префикс)：“阿”、“第”、“初”、“老”、“小”等；

2) “类前缀” (префиксоид)，又称准前缀 (псевдопрефикс)、 “半前缀” (полупрефикс) 或“新兴前缀” (новейший 或 молодой префикс)：“可”、“好”、“准”、“类”、“不”、“无”、“非”等；

3) 外来前缀 (заимствованный префикс)：“超”、“单”、“多”、“泛”、“反”、“伪”、“亚”、“次”等。

余云霞[余云霞, 1990]对汉语前缀的语法功能指出了以下四个要点：

- 1、前缀作构词材料。即它黏着在词根前，构成派生词。比如前缀“阿”，可与名词、形容词和数词结合构成“阿姨、阿大、阿三”等名词。
- 2、赋予派生词以各种附加的语法意义。汉语前缀不仅可表示爱称、尊称、卑称等其他感情色彩，还可表示程度的深浅、范围的大小和次第、序数的语法含义。比如前缀“老”可表示自夸、自负的语义：“老子、老娘”；可表示亲切、熟悉的语义：“老兄、老爸”；可表示非正式的、显示身份的语义：“老总、老板”等。
- 3、标志派生词词类的语法功能。前缀“阿”、“小”、“第”同各类词根结合所构成的派生词均为名词，即这三个前缀是名词前缀。这种词类形态标志就是前缀语法功能的体现，即语法类化词性功能。比如，前缀“第”在这方面的表现最为突出，如果在基数词“一、二、三”的后面加上前缀“第”之后，就会变成了序数词“第一、第二、第三”。
- 4、前缀与表示动物和食物的名词结合具有衬字作用。比如“老倭瓜”的“倭瓜”与“老”结合时由双音节变为三音节，但并不改变原词根的词汇意义，只有改变音节的衬字作用，而没有特定的感情色彩，从而使这种改变了的词汇具有“音乐性”和“节奏感”。

论现代汉语前缀的性质，具有以下几个特点：

(1) 构词位置的定位性：位置是否固定是确定词缀的重要标准。典型的词缀都是定位语素。前缀与词根的位置关系是固定的，始终位于词根之前，比如“老”：“老兄、老二、老鼠、老李”。

(2) 意义虚化的程度：词缀的意义虚化，指的是词缀本身不表示任何实在的词汇意义，只表示附加的色彩意义或语法意义。这是判定词缀的一个关键性的标准。比如，“第”、“老”等都是汉语中的典型前缀，其意义都是虚化的，但是词素意义的虚实程度都不同。

(3) 非独立成词性：指的是“不单用”词素，就是它不能独立成词，而必须要依附于词根才能存在。如“初”作为前缀是不能单独成词的。

(4) 自源性：前缀的自源性指的是从本民族语言发展而来，从外语中吸收来的词就是他源性词。汉语中的词缀以自源为主，同时也受到外来语言某种程度的影响。汉语的典型词缀都是自源性前缀，如“阿”。

(5) 能产性：从构词能力上看，前缀构词的能产性仍然很强。比如，“老”在构词新词上也十分活跃。最近几年出现的一些新词，如“老总、老拳、老伴、老油子……”[吕叔湘、丁声树, p. 817]使用得相当广泛。

二、俄语前缀的界定

俄语前缀 (приставка、префикс) 是位于词根前的词缀，如 *бездомный* (无家可归的) 中的 *без-* 和 *сделать* 中的 *с-*。前缀可能表示某种词汇意义，如 *бездомный* 中的 *без-*，意为“没有…”，这种前缀称作构词前缀，因为它赋予了一个词新的含义。如果一个前缀不能改变原词的词汇意义，而只是构成该词的语法形式，如 *сделать* 的 *с-* 只是构成了 *сделать* 的完成体形式，其词汇意义不变，这类前缀叫做构形前缀。前缀有时可以同时兼具上述两种作用，即一方面构成新词，一方面使词获得新的语法意义。如：*запеть*，前缀 *за-* 既有“开始”之意，又构成了完成体形式。

有些前缀只有一种意义，但大多数前缀具有几种意义。如 **внешкольный**（校外的、中的前缀 **вне-** 只表示一种意义“在…之外”。而前缀 **по-** 却同时具备几个含义，**полетать**（起飞）中的 **по-** 表示“开始”，**поесть**（吃一点）中的 **по-** 表示“稍微”，**посидеть**（坐一会）中的 **по-** 表示“短暂”。有时一个词也可以同时具有两个或几个前缀，如 **перевыполнить**（超额完成）中的前缀 **пере-** 与 **вы-**。[王福祥, p. 136]

俄语前缀构成的新词或者词形（**словоформа**）都同原词根（**однокоренные**）或词干（**основа слова**）属于同一种词类（**часть речи**）。简言之，名词加上前缀构成名词、动词加上前缀构成动词、形容词加上前缀构成形容词。

俄语前缀分类具有以下几种：

- 1) 俄语固有前缀 (**собственные префиксы**)，是俄语构词、构形体系中固有的专门词素，用在词根或词干之前，如：**при-** (**придавить**) 译为“压住”；**рас-** (**раскрасавец**) 译为“漂亮的男人”。
- 2) 构词前缀 (**словообразовательные префиксы**)，同一词根或单词加上不同的前缀，就可构成意义不同的新词。派生词的词性与本源词相同，如：**в-** (**влететь**) 译为“飞进”；**пра-** (**прабабушка**) 译为“曾祖母”。
- 3) 构形前缀 (**формообразующие префиксы**)，这是构成不同形态的前缀，即前缀与词根或根词结合来改变该词的语法形式，而不变其词汇意义，如：**раз-** (**разбогатеть**) 译为“发财”；**о-** (**оглохнуть**) 译为“变聋”。
- 4) 转化来的前缀 (**конверсионные префиксы**)，这类前缀由前置词、虚词或一些实词转化而来的，如：**при-** (源自于前置词), **приморье** (海滨)、**пригород** (城郊); **без-** (源自于前置词), **бездорожный** 译为没有道路的。
- 5) 复合前缀 (**составные 或 комбинированные префиксы**)，也称谓综合前缀 (**комплексный префикс**)，是指有两个以上的前缀组合而成的，如：**недо-** (**недоплатить**) 译为“没有付够”。

6) 外来语前缀 (заимствованные префиксы), 是受外来语影响而产生的新兴前缀, 又称类前缀 (префиксоид)。如, анти- (反-) – антивоенный (反战的); супер- (超-) – супермаркет (超市)。

俄语前缀具有以下几个重要特点:

1. 构词前缀: 主要用于构成动词派生词, 较少用于构成形容词, 极少用于构成名词。构词前缀对词汇意义加以补充, 是用来构成新词的手段, 但不能单独充当词干。如前缀 при- 是具有表示地点或方向的含义, 如 носить (带) – приносить (带来)。词缀 про- 具有“亲”、“站在…一边”的意义, 就构成新词: пророссийский。

2. 构形前缀: 俄语构形前缀的功能比构词前缀多, 能使语法意义发生改变, 并构成该词不同的语法形式, 但词汇意义不变。(1) 只获得完成体的语法意义, 而不改变原词本身意义, 如: на+писать (写, 未完成体) – написать (写, 对应完成体)。(2) 不及物动词加前缀之后, 构成及物动词, 而且派生词的意义也随之改变。比如, вы+играть (不及物动词, 玩) – выиграть (及物动词, 赢)。

3. 俄语固有前缀: 通过增加前缀可以改变词汇的意义。例如: 前缀+动词构成新动词: про+ехать (动, 表示“行驶”) – проехать (动, 表示“驶过”);

4. 复合(综合)前缀, 能使词汇意义和语法意义同时发生改变:
①可以改变原来词的语法意义, 使其变成完成体, 如: пере+бегать (跑, 未完成体) – перебегать (跑过, 完成体); ②由于增新的意义而构成新词, 如: обез+болит (动, 疼) – обезболить (动, 止痛)。

5. 前缀具有很大的独立性: 同一前缀可以用来构成不同词类的词。比如: 前缀 под-, 可以构成 под+рыть (从下面挖出, 动)、под+земелье (地下, 名)、под+водный (水下的, 形)。

6. 修辞功能: 俄语中也有表示或加强感情色彩的前缀, 其数量为少数, 其可赋予新词以主观评价色彩, 如: раз- (非常、十分) – разлюбезный (最可爱的), 这里前缀 раз- 虽然表示程度, 但还表达对人主观评价的意义、有褒义的感情色彩。再如, при (完全、到底) +дурак (傻瓜)

- придурок(白痴, 蠢货), 在这里除了表示程度, 还表示对这种人的排斥, 带上极强的贬义色彩。

II 汉俄语前缀的异同

首先, 通过对汉俄语前缀的分类与功能的比较, 我们发现二者既有相同点又有不同点:

1) 从总体数量来看俄语前缀远远多于汉语前缀。汉语的前缀比后缀少, 而俄语前缀也没有其本身的后缀那么发达。俄语前缀较丰富, 在刘泽荣[9, 1963]编写的《俄汉大辞典》中就收录了 180 余个, 其中动词前缀占绝大多数。据考察, 在《现代汉语词典》[吕叔湘、丁声树, 2005]中最常用的前缀共有 19 类, 而在《北京话词典》[高艾军, 2013]中, 前缀有 26 类。

2) 从词汇发展的过程来看, 汉俄两种语言的前缀在新兴科技术语中的运用逐渐丰富的趋势。俄语大量吸收外来语词缀, 其影响非常大。中国大批吸收外来语的时间较晚, 从清代以后才开始的。但因为汉语与外来语的接触史不长, 所以这些词语还处于类前缀发展的阶段。

3) 从前缀的来源来看, 汉语前缀大多数由实词演变、虚化而成, 具有本源词的含义。而俄语前缀是从前置词、虚词和一些实词转化来的, 其附加意义与前置词相同。

4) 从语义学角度分析, 汉语前缀受本源词词义的影响仍然很明显, 而且语义虚化程度比其后缀弱。除了“老”、“阿”、“初”、“第”这几个外, 其它前缀则在不同程度上有较强的本源词的含义。相反, 俄语中同一个前缀, 具有多种含义, 就前缀 на-而言, 有二十多个含义。俄语前缀大多数用来表示某种强烈的程度, 而通常不表示细腻的感情色彩。那么, 汉语前缀“阿”、“老”、“小”都带有感情色彩。5) 从构词规律来看, 汉语前缀同名词结合成名词性派生词。而其次与数词(整数)结合构成序数词。汉语名词前缀多于形容词的前缀, 而动词前缀更少见。相反, 俄语前缀多用于构成动词, 用于构成形容词较少, 而构成名词更少。俄语中还有少量副词的前缀, 这与汉语相比, 只能借助副词或动补结构来表示时间和状态。

III 结语

综上所述,汉语和俄语在前缀发展上都具有自身特点。二者既有差异,又有联系。汉俄语前缀的对比有利于更好地掌握两者的词汇,并且举一反三。在对外教学中,可以有意识地指导留学生对这些带有前缀的词语进行积累、观察,同时启发他们发现一些具有派生能力的词根结构。使学生易于掌握与记住,而且增强其学习的趣味性,从而爱上“构词学”这一门学科。

Литература

Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1984. 255 с.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1990. 2 т.

Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. 3-е изд. М.: КомКвиг, 2010. 336 с.

Ширшов И. А. Проблемы словообразовательного значения в современной науке. М.: Вопр. языкознания, 1979. № 5. С. 29–40.

任学良. 汉语造词法[文]—北京: 中国社会科学出版社, 1981. P. 39.

余云霞. 汉语和俄语前缀构词对比[文]—语言教学与研究, 1990.

吕叔湘、丁声树. 现代汉语词典[文]—北京: 商务印书馆, 2005. P. 817.

王福祥. 现代俄语构词学概论[文]—北京: 外语教学与研究出版社, 2006. N 12. P. 136.

刘泽荣. 俄汉大辞典[文]—北京: 商务印书馆, 1963.

高艾军. 北京话词典[文]—北京: 中华书局, 2013.

Е. С. Задворная

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

КИНЕМАТОГРАФ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КИТАЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Рассматривается репрезентация китайской национальной идентичности средствами кинематографа, выделяются основные этапы развития отрасли, а также специфика жанровой репрезентации (военная сага, волшебная сказка, «меняющийся Китай»). Установлено, что большая часть репрезентаций посвящена обращению к великому прошлому, с целью формирования современной культурной идентичности и исторической преемственности с имеющимся культурным достоянием, а также возрождением «круга китайской культуры».

Ключевые слова: репрезентация, национальная идентичность, культурная политика, китайская идентичность, китайский кинематограф.

MOVIE INDUSTRY AND REPRESENTATION OF CHINESE NATIONAL IDENTITY

Abstract. The article deals with representation of identity of China by means of the movie industry, the main stages of development of this sphere are singled out, as well as specificity of genre representation (military saga, wonder story, “changing China”). It is found that the most part of representations is devoted to reference to the great past time, with the purpose of forming modern cultural identity and historical consistency with the present cultural property as well as rebirth of so called “community of Chinese culture”.

Keywords: representation, national identity, cultural policy, Chinese identity, Chinese movie industry.

Репрезентацию идентичности в контексте культурной политики государства следует рассматривать как процесс выстраивания маркеров идентичности. Идентичность – это качество субъекта, которое формируется в результате определения символических и знаковых характеристик в процессах распознавания и дифференциации. Значимым в данном контексте является коммуникация, вне которой идентичность не может быть актуализирована. Представление идентичности происходит посредством репрезентаций, в рамках которых происходит воспроизведение свойств, качеств, характеристик и отношений объекта [Stuart, 1997].

Репрезентации, в отличие от фактических презентаций, всегда символичны, сосредоточены на нюансировании и проецировании смыслов. В данном контексте основной задачей стало выяснение того, каким образом представляется национальная идентичность, какие смыслы при этом производятся. Смыслом в контексте репрезентации идентичности является определение того, как маркируется принадлежность к данной общности, как представлена данная общность в различных средствах репрезентации в рамках культурной политики.

В китайском дискурсе культуры распространено словосочетание 漢字文化圈, что переводится как «китайский культурный круг» (*sinosphere*). В рамках данной концепции утверждается, что китайская культура имела распространение далеко за пределами Китая в прошлом и подтверждение этому можно легко найти на территории современных Кореи, Японии, Вьетнама (это китайские иероглифы, языковые заимствования, архитектура, одежда, культура питания и пр.). Перед современными китайскими интеллектуалами ставится задача ответить на вызовы западных стран, а также стран – соседей по региону и представить уникальную, сильную с точки зрения культуры, нацию [Werner, 2006]. Поэтому в рамках культурной политики КНР происходит обращение к теме китайской истории – одной из самых длинных в мире, устойчивости китайской культуры, уникальности китайского языка, традиционной китайской философии, достижениях в различных сферах: живопись, архитектура, фарфор и керамика, традиционная медицина, музы-

ка, кухня и пр. Это является причиной того, что в культурной политике КНР выделяется ряд направлений репрезентации национальной идентичности, апеллирующих к культурным достижениям Китая прошлого. В данном контексте значительна роль кинематографа.

В 2012 г. в отчетном документе секретаря ЦК КПК XVIII съезду КПК было объявлено о необходимости наращивать силу культуры и ее конкурентоспособность, которые служат реальным показателем развития страны и подъема нации. Важно развивать философию, общественные науки, журналистику, кинематограф, телевидение и искусство [XVII Съезд Коммунистической партии КНР]. Это дало определенный толчок развитию усилий КНР относительно кинематографа в международной коммуникации.

История развития китайского кинематографа может быть представлена рядом этапов. В период образования и становления КНР старые китайские фильмы, как и иностранная продукция, были подвержены строжайшему пересмотру и запрету, одновременно происходит активное развитие национального кинематографа (рост количества кинолент, открытие Академии киноискусств в Пекине). Примечательно, что первым фильмом КНР стал «Мост» [桥] (1949), в котором аллегорично показывается жизнь рабочего класса – строителей моста. В этот период подобный сюжет – о жизни простых народов, а не элиты, интеллигенции становится наиболее распространенным. Культурная локализация наиболее активно проявилась в период культурной революции в КНР и существуют до сих пор – это ограничение количества иностранных кинолент в прокате, на телевидении, ограничение многих сетевых ресурсов. В 1980-е гг. наблюдается кризис в китайском кинематографе: серьезная конкуренция с телевидением, необходимость учитывать мнение КПК и массового зрителя. Одновременно это период появления нового поколения китайских кинорежиссеров (первый выпуск Академии кино в Пекине после завершения культурной революции, 1978–1982 гг.): Чжан Имоу – «Старый колодец» [Старый колодец], «Герои» [Герои], Чэнь Кайгэ – «Желтая земля» [Желтая земля], Чжан Цзюньчжао – «Один и восемь» [Один и восемь]. Работы этого поколения, фокусирующегося на драме китайского народа, ожиданиях изменений в Китае, стали популярными в КНР. В 2000-е гг. появляются новые режиссеры, работы которых получают мировое признание: Цзя Чжанкэ [Легенды города над морем], Ван Сяошуай [Шанхайские мечты], которые раскрывают мир современного Китая и причины его изменения.

Следует отметить, что кинематограф – это важнейший инструмент репрезентации китайской идентичности. Как полагает Ян Шук-ти (Yan Shuk-ti), основная тема китайских фильмов – это искусство войны (wu xia) [Yan Shuk-ti, 2013]. Эту тенденцию можно проследить в китай-

ском кинематографе с 1996 г., когда на экраны выходит «образец» жанра – фильм «Тень императора» [Тень императора], сюжет которого строится на противостоянии военной стратегии и музыкального искусства, которое способно победить в битве за сердца людей. Позже выходят киноленты, развивающие данный жанр в контексте темы военной стратегии («Император и убийца» [Император и убийца], «Герой» [Герой], «Дом летающих кинжалов» [Дом летающих кинжалов], «Битва у красной скалы» [Битва у красной скалы]). В результате актуализируется термин «сага о военном искусстве», который используется для обозначения уникальности китайского кинематографа. В рамках данного жанра большое внимание уделяется костюмам (которые максимально аутентичны), пейзажам Китая (зачастую имеющих гениальное сходство с китайской живописью), видам атакуемых старинных замков, сцен передвижения войск, цветовой гамме различных частей киноленты и монументальности съемок (как архитектурных сооружений, видов природы, так и батальных сцен). Можно констатировать, что именно в рамках кинематографа прошлое Китая выступает основой для репрезентации уникальности современной КНР.

В 2009 г., когда исполнялось 2560 лет со дня рождения Конфуция и 60 лет со дня образования КНР, на экраны вышел фильм «Конфуций» [Конфуций]. Режиссером выступила Ху Мэй, долгое время работавшая в театральной труппе при Главном политическом отделе Народно-освободительной армии Китая. Фильм рассчитан на широкую аудиторию – как только в кадре появляется новый персонаж, в субтитрах сообщается его имя, должность и характер отношений с главным героем. Несмотря на то, что главный герой фильма – мудрец, «Конфуций» является примером стилистика жанра *wu xia* (саги о военной стратегии), где батальные сцены сочетаются с очерками о жизни и учении Конфуция. Примечательно, что прокат фильма за рубежом оказался наиболее успешным (самые высокие кассовые сборы) в Республике Корея [Confucius box office, 2010], а в Японии на большие экраны фильм не вышел.

Одновременно следует отметить увеличение бюджетов современных кинолент, выход на международный рынок китайского кинематографа. Китайское кино занимает серьезные позиции, о чем свидетельствуют многочисленные награды на различных международных кинофестивалях. Следует упомянуть фильмы «Крадущийся тигр, затаившийся дракон» [Крадущийся тигр, затаившийся дракон], «Полководцы» [Полководцы], в которых в том или ином виде репрезентуется идея объединения (материковый и островной Китай, бывшие соперники и враги). В настоящее время акцент делается на качество выпускаемой продукции в контексте конкуренции с зарубежными студиями. В ре-

зультате в 2013 г. доля отечественной продукции в китайском прокате возросла до 58 % по сравнению с предыдущими периодами [КНР: политика, экономика, культура: к 65-летию КНР]. Китайский кинематограф вступил в новый этап, где основными задачами являются завоевание отечественного зрителя в целях сохранения национальной идентичности. Казалось бы, для китайских кинематографистов проще ограничиться территорией КНР (где гарантированы максимальные сборы), но в программных документах КПК ставится задача выхода на международный рынок, формирование представления о новом Китае, внесение китайской специфики в иностранные ленты.

В настоящее время китайские режиссеры и актеры приглашаются в Голливуд, место действия переносится в Китай, что демонстрируют фильмы «Трансформеры» [Трансформеры: эпоха истребления] – в сюжет введены герои китайского происхождения, «Петля времени» [Петля времени] – подруга главного героя – китайского происхождения, «Тихоокеанский рубеж» [Тихоокеанский рубеж] – место действия – Гонконг, одна из героических команд – китайская. В октябре 2016 г. было объявлено о покупке части крупнейшей кинокомпании Amvlin Pictures (Dreamworks, председатель Стивен Спилберг) китайскому концерну Alibaba, результатом чего должно стать привнесение китайской специфики в продукцию кинокомпании в мире [Ryan]. В данном контексте необходимо привести суждение Э. Полетаева о том, что кинематограф *транслирует национальные ценности, закрепляет в сознании исторические оценки, а также объединяет людей, вне зависимости от национальности и религии, или настраивает их друг против друга* [Полетаев].

Представляют интерес киноленты, оказавшиеся невероятно популярными в КНР в 2016 г. (они обошли даже иностранные ленты – лидеры проката в мире). Это «Охота на монстра» [Охота на монстра], «Русалка» [Русалка], анимация «Медведи: секрет цирка» [Медведи: секрет цирка], в которых представлена идея единства, борьбы, сплоченности жителей Китая перед лицом внешних трудностей. Примечательно, что данные киноленты сняты в популярном в КНР жанре так называемой волшебной сказки, которая является синтезом фэнтези, боевика, комедии и большого количества компьютерных спецэффектов. Одновременно в этих лентах поднимаются экологические вопросы и необходимость их решения в Китае, что актуализирует тему современности. Китайский кинематограф затрагивает современные проблемы в области морали и социальных взаимоотношений и предостерегает, от того, к чему может привести отказ от принципов традиционной этики.

Отрицательный баланс в обороте культурной продукции (превышение ввоза иностранных кинофильмов, сериалов, книг и прав на их публикацию в КНР над китайскими продажами произведений культу-

ры) является результатом сформировавшихся в прошлом представлений о традиционной китайской культуре, как препятствии в развитии. Кроме того, КНР почти не экспортирует традиционные продукты культуры и соответственно, не может защитить свои права, как произошло с народной героиней Хуа Мулан [Мулан], ставшей диснеевской принцессой в 1998 г. и романом «Троецарствие», превратившимся в японскую компьютерную игру в 1985 г. [Romance of the Three Kingdoms].

Современная культурная политика КНР сфокусирована на репрезентации идентичности великой державы, в связи с чем в настоящее время прослеживается обращение китайских авторов к истории и имперскому прошлому Китая [Rex, 2012]. В данном контексте КНР реализует проект идентичности, апеллирующей к далекому прошлому, когда Китай был центром региона, в котором была выстроена определенная иерархия, а отношения отличались вековой стабильностью.

Основой формирования современной идентичности Китая является распространение новых характеристик, которые постоянно употребляются в китайских кинолентах: китайцы – очень трудолюбивые люди, Китай – это миролюбивое, стабильное государство, надежный экономический партнер, Китай – стабильное и сильное государство на международной арене, Китай – страна с древней культурой и историей.

Оказавшись в ситуации необходимости дать ответ на представление Китая в медиа западных государств, сформировать идентичность модернизирующейся, сильной державы, КНР обращается к теме «великого прошлого». В репрезентациях задействованы кинематограф и анимационный сектор, а также популяризация китайского языка посредством Институтов Конфуция, артикуляция китайской мечты «о великой китайской нации», поддержка специальных мероприятий, в рамках которых актуализируется культурное достояние Китая (календарь – китайский новый год, китайская кухня, живопись, музыка и пр.). Как отмечают западные исследователи, таким образом Китай пытается возродить китайскую империю в контексте культуры. На наш взгляд, принципиальной позицией для анализа репрезентаций национальной идентичности Китая является «ситуация ответа».

Находясь в процессе модернизации, Китай фокусирует свое внимание на формирование единой китайской идентичности, нежели чем ее репрезентации в межкультурной коммуникации. То есть творческая задача выбора маркера для репрезентации значительно упрощается до уровня постоянного воспроизведения проверенных веками тем и мотивов, которые апеллируют к культурным достижениям прошлого, традиционного Китая. Этому посвящены киноленты в стиле «wu-xia» (сага о военном искусстве). В новом китайском кино сформирована тема изменения китайского общества, которая не противоречит официальному

курсу модернизации, а во многом его сопровождает, акцентируя проблемы китайской современности.

Однако изолированные факты не смогут внести новые маркеры в систему национальной идентичности, ведь какими бы важными ни были эти события, должна существовать модель, рамка, в которую данные факты будут встроены для адекватного восприятия.

Литература

- Битва у красной скалы [Кинофильм] / реж. Джон Ву. КНР, 2008. 250 мин.
- Герои [Кинофильм] / реж. Чжан Имоу. Сценарий Ли Фэн, Бинь Ван. КНР, 2002. 99 мин.
- Герой [Кинофильм] / реж. Чжан Имоу. Сценарий Ли Фэн. КНР, 2002. 99 мин.
- Дом летающих кинжалов [Кинофильм] / реж. Чжан Имоу. Сценарий Ли Фэн, Бинь Ван. КНР, 2002. 119 мин.
- Желтая земля [Кинофильм] / реж. Чень Кайгэ. Сценарий. Чень Кайгэ, Цзылян Чжан, Кэ Лань. КНР. 89 мин.
- Император и убийца [Кинофильм] / реж. Чень Кайгэ. КНР, 1998. 163 мин
- КНР: политика, экономика, культура: к 65-летию КНР. М. : Форум, 2014. 408 с.
- Конфуций [Кинофильм] / реж. Ху Мэй. Сценарий Кхан Чеи. КНР, 2009. 125 мин.
- Крадущийся тигр, затаившийся дракон [Кинофильм] / реж. Энг Ли. Сценарий Ван Хуэйлин. КНР, Тайвань, Гонконг, 2000. 120 мин.
- Легенды города над морем [Док. фильм] / реж. Цзя Чжанкэ. КНР, 2010. 125 мин.
- Медведи: секрет цирка [Анимацион. фильм] / реж. Дин Лян. КНР, 2014. 94 мин.
- Мулан [Мульт. фильм] / реж. Тони Бэнкрофт. США : Walt Disney Pictures, 1998. 84 мин.
- Один и восемь [Кинофильм] / реж. Чжан Цзюньчжао. Сценарий Чжан Цзылян. КНР, 1983. 90 мин.
- Охота на монстра. КНР [Кинофильм] / реж. Раман Хуэй. Сценарий Алан Юйэнь. КНР, 2016. 94 мин.
- Петля времени [Кинофильм] / реж. Райан Джонсон. Сценарий Райан Джонсон. США, КНР, 2012. 118 мин.
- Полетаев Э. Кино и политика на просторах Евразии: мягкая сила искусства [Электронный ресурс] // Ритмы Евразии. URL:<http://www.ritm Eurasia.org/news--2016-12-18--kino-i-politika-na-prostorah-evrazii-mjagkaja-sila-iskusstva-27434>.
- Полководцы [Кинофильм] / реж. Питер Чан, Рэймонд Ип. Сценарий Чун Тин-Нам, Го Цзюньли. КНР, 2007. 126 мин.
- Русалка [Кинофильм] / реж. Стивен Чоу. Сценарий Хань Хин Ка. КНР, 2016, 94 мин.
- Старый колодец [Кинофильм] / реж. У Тяньмин. Сценарий И Чжэн. КНР, 1986. 130 мин.
- Тень императора [Кинофильм] / реж. Чжоу Сяовэнь. КНР, 1996. 136 мин.
- Тихоокеанский рубеж [Кинофильм] / реж. Гильермо дель Торро. Сценарий Т. Бичем, Г. дель Торро. США, 2013. 131 мин.
- Трансформеры: эпоха истребления [Кинофильм] / реж. Майкл Бэй. Сценарий Эрен Крюгер. США, КНР, 2014. 165 мин.
- XVII Съезд Коммунистической партии КНР [8–12 нояб. 2012 г.] [Электронный ресурс]. URL: http://www.ifes-ras.ru/online-library/book/1-express-info/111-EI_7_2012.
- Шанхайские мечты [Кинофильм] / реж. Ван Сяошуй. КНР, 2005, 123 мин.

Confucius box office 2010 [Электронный ресурс]. URL: [http://www. boxof-
ficemojo.com/ movies/intl/?page=&id=_fCONFUCIUS01](http://www.boxoffice Mojo.com/movies/intl/?page=&id=_fCONFUCIUS01).

Hall Stuart. Cultural Representations and Signifying Practices. London : Open University, 1997. 215 p.

Meissner Werner. China's Search for Cultural and National Identity from the Nineteenth Century to the Present // China Perspective Journal. 2006. N 8. P. 41–50.

Rex Li. A Rising China and Security in East Asia // Identity Construction and Security, 2012. 317 p.

Romance of the Three Kingdoms [Electronics recours]// Britannica. URL: <http://global.britannica.com/topic/Romance-of-the-Three-Kingdoms-electronic-game-series>.

Ryan F. Steven Spielberg's Amblin Partners and Alibaba Pictures announce partnership. [Electronics recours] /China Film Insider. URL:<http://chinafilm insider.com/ steven-spielbergs-amblin-partners-alibaba-pictures-announce-partnership/>.

Yan Shuk-ti. East Asian Cinema and Cultural Heritage. Palgrave Macmillan, 2013. 218 p.

桥. 王滨 (Мост) [Кинофильм] / реж. Ван Бинь. КНР, 1949. 53 мин.

П. В. Капашина

Иркутский государственный университет, Иркутск

МЕТАФОРИКА ПЛИКАЦИИ В ГРАММАТОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению функционирования феномена повтора (пликации) в знаках китайской идеографической письменности. Анализируются особенности его проявления в структуре логограммы, выявляются особенности семантических реляций плицированных элементов, механизмов их метафорического взаимодействия в рамках логограммы.

Ключевые слова: пликация, повтор, китайская логограмма, метафорика, семантический аспект.

P. Kapashina

Irkutsk State University, Irkutsk

METAPHORICS OF PLICATION IN THE GRAMMATOLOGICAL ASPECT

Abstract. The article is devoted to consider a linguistic phenomenon of repetition (plication) in the signs of Chinese ideographic writing. The features of its manifestation in the logogram structure are analyzed, the peculiarities of semantic relativities of the plicated elements are revealed, mechanisms of their metaphorical interaction within the logogram.

Keywords: plication, repetition, Chinese logogram, metaphor, semantic aspect.

В настоящее время лингвистические исследования в области китаеведения представляют особый интерес в направлении грамматологических исследований [Шаравьева, 2009]. Грамматологический уровень языка продуктивным образом освещает явления универсального характера, встречающиеся в любом языке. К одному из такого рода явлений можно отнести повтор (редупликацию). Феномен пликации является одним из характерных явлений в идеографическом письме и языка

в целом. Данный феномен исследовался с различных точек зрения. Под пликацией в общем плане понимается «полное или частичное повторение корня, основы или целого слова как способ образования слов, описательных форм, фразеологических единиц» [Словарь лингвистических терминов]. Кроме того, пликация может становиться стилистическим приемом для усиления речевого воздействия, например в рекламном дискурсе [Кузнецова, 2014], а также имеет очень продуктивный потенциал при образовании звукоподражаний [Стефановская, 2006].

В лингвистике повтор изучался на материале разных языков, в том числе в русском, английском и других языках. Так, Е. В. Федяева определяет пликацию как повтор «звукового комплекса, передающего определенный смысл» [Федяева, 2008], т. е. в основу такого подхода положен «человек говорящий» [Серебренникова, 2003]. Вместе с тем понятие пликации расширяется, при изучении строя китайского языка. Китайский язык традиционно относят к группе изолирующих языков, которые характеризуются отсутствием словоизменения, грамматической значимостью порядка слов, слабым противопоставлением знаменательных и служебных слов. С точки зрения грамматики О. М. Готлиб обозначает пликацию как двух- и более кратное повторение простых значимых элементов в рамках сложного знака [Готлиб, 2006]. В китайском языке пликация изучалась в структурном и семантическом аспектах. Вопросы пликации китайского письменного знака рассматриваются еще в работах В. П. Васильева [Готлиб, 2014].

При этом в целостном изучении данного феномена, исследователями отмечается важность метафоричности, метафорического механизма его реализации. Квинтилиан считает, что сама метафора предназначена «для поражения ума, сильнейшего означения предметов, более наглядного представления того, о чем идет речь» [Кассирер, 1990]. Метафора как процесс всегда ярче, чем простое сравнение. Включение аспекта метафоричности в «рассмотрение грамматолого-семантического аспекта повтора как способа образования письменных знаков, позволяет дополнить картину функционирования повтора как явления смысло- и знакопорождения, опирающегося на внутреннюю синтагматику» [Квинтилиан, 1834]. Вместе с тем проблема проявления метафорического способа выражения плицированных элементов не была предметом специального анализа. Отсюда проистекает актуальность изучения метафоричности пликации, которая определяется необходимостью более глубокого изучения данного феномена с учетом семиотических, структурно-семантических особенностей его реализации в китайском языке с точки зрения грамматики.

В корпус языкового материала нашего анализа вошли более 100 логограмм с элементами плицирования, отобранных в результате

сплошной выборки современных словарей, в частности, таких как Большой китайско-русский словарь 汉语大字典 [Ошанин, 1983], а также специальной литературы, посвященной исследованиям грамматологии китайской письменности.

В ходе анализа, направленного на выявление особенностей проявления пликации в структуре логограммы, были выделены следующие виды семантических реляций простых знаков в рамках сложного:

1. Простое суммирование. Приведенный ниже ряд демонстрирует, как лексическое значение логограмм может быть выражено суммой значений их составляющих: например, логограмма «二» представляет собой сложение двух повторяющихся знаков «一» (один+один) – два; 三-три (один+один+один), 百 – двести (сто+сто), 田 два смежных поля (поле+поле), 雝 пара птиц (птица+птица), 孖 близнецы (ребенок+ребенок), 劦 объединить усилия (сила+сила+сила), 川 – большая река (речушка+ речушка+ речушка), 湄 – две реки (вода+вода).

2. Множественность. Суть такого способа заключается в самом названии, сразу дав понять о сумме значений его составляющих, умножая их. 艸 – заросли (трава+трава+трава), 林 – лес (дерево+дерево), 森 – тайга (дерево+дерево+дерево), 淼 – водная ширь, (вода+вода+вода), 巖 – родники (родник+ родник+ родник), 蟲 – насекомые, змеи (насекомое+насекомое+насекомое).

3. Интенсивность. Приведенный способ раскрывает насыщенность, проявляющуюся между знаками: 晶 – ослепительный, сверкающий (солнце+солнце+солнце), 颯 – сильный ветер, ураган (ветер+ ветер+ ветер), 赫 – огненно-красный, пламенеющий (красный+ красный+ красный). Метафора «учит извлекать признаки из предмета, превращать мир предметов в мир смыслов» [Арутюнова, 2008].

4. Действие или состояние как результат взаимодействия нескольких объектов или действий. «Семантика знака-полинома как результат взаимодействия системы импликаций метафорического выражения знаков-монономов» [Смолова, 2014]: 炎 – вздыматься (о пламени); поыхать, ярко гореть (огонь+огонь); 吽 – громко кричать, орать (рот+рот), 棘 – тернии, невзгоды, страдания (колочка+колочка), 覘 – смотреть друг на друга (смотреть+смотреть) 詈 – спорить. Данные примеры свидетельствуют о том, что «язык, как и искусство, отрывается от общей с мифом родины, он воссоздает идеальное, духовное единство искусства и мифа на новой основе» [Кассирер, 1990].

5. Квазиповтор. Такие знаки аналогичны повтору, но ни по своей семантике, ни по своей этимологии таковыми не являются. Напри-

мер, 𣎵 сказочное дерево, за которое заходит солнце – пиктограмма древесной листвы, 𣎵 шивать, сметывать – стежек.

6. Этимологические повторы. Представляют собой, как правило, «символограммы, утратившие свой изначальный смысл, да и их форма не всегда дает представление об архаичном написании» [Готлиб, 2006]. Это например, 北 – север; 从 – от, из; 比 – сравнивать(ся).

С точки зрения механизмов метафорического взаимодействия в рамках логограммы, устанавливается, что механизм может выступать в нескольких позициях. В нашем корпусе примеров, посредством сплошной выборки из 汉语大字典, было выделено 100 логограмм с элементом повтора, содержащих общее с семантикой элемента плещивания знака метафорическое поле.

Обратимся к одной из групп знаков, обладающей общим метафорическим полем. Приведенная группа слов, имеет в своем написании логограмму «从» «следовать, идти к ряду, приближаться, стать последователем». Приведем полный ряд знаков с этим значимым элементом: 从 --- 夾 --- 筴, 袂, 蛺, 莢, 浹, 袂, 硤, 狹, 陝, 峽, 俠, 鈇. Так, знак 夾 jiā (приближаться+большой) имеет значение «сжимать, сдавливать, стискивать, зажимать с двух сторон». В продолжение семантической парадигмы знак 筴 cè (бамбук+сжимать, сдавливать) имеет значение «плетёнка, частокол, ограда, палисад», каждая из взаимодействующих сем «бамбук» и «сжимать» привносит в результат процесса свои системы ассоциаций, что и обеспечивает распознавание метафорического смысла «плетёнка»; 袂 gā (демонстрировать+сжимать, сдавливать) «двойной, на подкладке (о платье)», взаимодействие двух сем «демонстрировать» и «сжимать» показывают процесс фильтрации и фокусирования, образуя новое содержание, воплощаемое в новом же значении используемого в метафоре «двойной, на подкладке (о платье)»; 蛺 jiá (насекомое+сжимать, сдавливать) «бабочка», вспомогательный объект метафоры «сжимать» как определенное языковое выражение с его «буквальным» значением задает смысл основе, т. е. семе «насекомое», вследствие чего получается новое значение «бабочка»; 莢 jiá (травя+сжимать, сдавливать) «стручок, боб», в процессе взаимодействия семы «травя» и семы «сжимать» образуется новое, метафорическое значение «стручок»; 浹 jiá (вода+сжимать, сдавливать) «пропитывать, увлажнять», в процессе взаимодействия предложенных сем, одна из них, а именно: «вода» действует как фильтр, т. е. организует новое значение – «пропитывать». Слово пропитанный водой с двух сторон; 袂 jiá (дерево+сжимать, сдавливать) «палочки для еды», при взаимодействии семы «дерево» и «сжимать», каждая из них привнесла в результат процесса свою систему ассоциации и образовала новый мета-

форический смысл. Во время приема пищи, палочки в руках человека принимают вид чего-то сдавливающего между собой: 硯 xiá (камень+сжимать, сдавливать) «тесный, узкий». В данном случае сема «сжимать», занимает доминантную позицию, где сема «камень» выполняет функцию фильтра, при котором образуется новое значение «тесный». «Тесный» – словно обложенный камнями. Аналогичный процесс наблюдается и в следующих двух примерах; 陝 xiá (бугор+сжимать, сдавливать) «узкий, тесный, сжатый; дробный, частый»; 峽 xiá (гора+сжимать, сдавливать) «узкое место, теснина, ущелье», 狹 xiá (собака+сжимать, сдавливать) «узкий, тесный». С точки зрения внутренней формы знака сема «сжимать» выступает доминантной, а сема «собака» является для нее косвенной; результатом их взаимодействия является образование нового значения «узкий»: 俠 xiá (человек+сжимать, сдавливать) «молодежь, молодняк, сжимать, стискивать с двух сторон». Сема «человек» накладывается на сему «сжимать» как фильтр и формирует новый метафорический смысл. Молодежь можно сравнить с людьми, тянущимися друг к другу, у которых одинаковые интересы: 鉗 jiá (металл+сжимать, сдавливать) «щипцы, клешни, тиски, зажим»: обе семы привнесли в новое значение «щипцы» свои системы ассоциаций. Щипцы сравниваются с металлическим предметом, который сдавливает что-либо. Как видно из приведенных примеров, все эти знаки объединены семой «сдавливать», «воздействовать с двух сторон».

Рассмотрение метафорики пликаци в грамматологическом аспекте позволило установить, что в большинстве случаев (в нашем исследовании около 90 %), значение целого знака формируется из значений и составляющих его элементов и определяется метафорической связью между ними.

В структуре таких знаков, одна из сем всегда занимает функцию доминанты, т. е. задает конечный смысл, а другая является косвенной, которая проходит как фильтр, образуя новое значение. 11 % логограмм с элементами плицирования, которые несут в себе общее метафорическое поле с семантикой элемента плицирования знака, составили знаки, в которых проявляется усиление признака.

Анализ особенностей механизмов проявления пликаци в структуре логограммы позволяет сделать вывод о том, что его реализацию можно свести к следующим способам, а именно: простое суммирование, множественность, интенсивность, действие или состояние как результат взаимодействия нескольких объектов или действий.

Литература

Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры. М., 2008. 168 с.
Большой китайско-русский словарь : в 4 т. / под ред. И. М. Ошанина. М. : Наука, 1983. Т. 4.

Готлиб О. М. Китайская логограмма как сложный знак (к постановке вопроса) // Китайское языкознание. Изолирующие языки : XI Междунар. конф. М. : Наука, 2002. С. 47–56.

Готлиб О. М., Кремнёв Е. В., Шишмарева Т. Е. Отечественные труды по грамматологии китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX в. (результаты науч. исслед.) // Культуры и языки стран Дальнего Востока: изучение и обучение : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 16–17 окт. 2014 г. Иркутск, 2014. С. 92–96.

Готлиб О. М. Основы грамматологии китайской письменности. М. : Муравей, Восток-Запад, Вост. кн., 2006. 282 с.

Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры : сборник / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. 512 с.

Квинтилиан М. Ф. Двенадцать книг риторических наставлений. СПб., 1834.

Кузнецова О. В. Стилистические особенности рекламных американских текстов // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2014. С. 144–148.

Макс Блэк Метафора // Теория метафоры : сборник / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. 512 с.

Серебренникова Е. Ф. Человек говорящий и способы его представления в языке // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории : кол. монография к юбилею чл.-корр. РАН, д-ра филол. наук Нины Давидовны Арутюновой. Иркутск ; М., 2003. С. 57–81.

Смолова Д. М. Пликация как форма логограммообразования // Magister Dixit : науч.-пед. журн. Вост. Сибири. 2014. № 4. С. 54-60.

Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.diclemedicaljournal.com/index.php/list/7-slovar-lingvisticheskikh-terminov/%D0%9F,%D0%9E,.xhtml>.

Стефановская С. В. Графосемантическое маркирование звукоподражаний в китайском языке // Вестн. Краснояр. гос. ун-та. Гуманитар. науки. 2006. № 6-2. С. 70–74.

Теория метафоры : сборник : пер. с англ., фр., нем., исп., пол. яз. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. 512 с.

Федяева Е. В. Редупликация как одно из средств репрезентации неопределенного количества // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. СПб., 2008. Вып. 73-1. 469 с.

Шаравьева И. В. Опыт этимолого-грамматологического анализа знака «人» и некоторых его производных // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. 2009. № 4. С. 42–47.

现代汉语词典[文章] / 北京: 商务印书馆出版社, 2000. 1723 页

Black M. ModelsandMetaphor: studiesinlanguageandphilosophy. Ithaca, N. Y : CornellUniversityPress, 1962. 378 p.

Н. С. Карачева

Иркутский государственный университет, Иркутск

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК МУЛЬТФИЛЬМА «СКАЗ О ФЕДОТЕ-СТРЕЛЬЦЕ, УДАЛОМ МОЛОДЦЕ»

Аннотация. Рассматриваются некоторые особенности, используемые при переводе с языка-посредника лингвокультурных явлений на китайский язык. В связи с культурной обусловленностью самого перевода, проводится сравнительно-сопоставительный анализ вариантов перевода языковых единиц, представляющих собой авторские неологизмы.

Ключевые слова: перевод, культура, лингвокультурные единицы, китайский язык.

N. Karacheva

Irkutsk State University, Irkutsk

CHINESE LANGUAGE VERSION TRANSLATION PECULIARITIES OF «THE TALE OF FEDOT-STRELETS»

Abstract. The purpose of this article is to review some of the peculiarities of translation of cultural linguistic phenomena into Chinese language from the language-mediator. In connection with the cultural conditioning of the translation itself, a comparative analysis of translations of linguistic units was presented.

Keywords: translation, culture, language units, cultural linguistic phenomena, Chinese language.

В мире живут и взаимодействуют миллиарды людей, ежедневно и ежесекундно произносится бесчисленное количество слов на самых разных языках и наречиях и это явление не считается из ряда вон выходящим, наоборот, привычным, знакомым и обыденным, так как язык и культура находятся в непрерывном взаимодействии.

Часто два человека, даже говорящих на одном языке, не могут понять друг друга. Герой «Черной книги секретов» английской писательницы Фионы Хиггинс, попав в ситуацию абсолютного непонимания со стороны друзей и знакомых, сокрушается: «Отчего люди так устроены, что им говоришь одно, а они слышат совсем другое, да еще и убеждены в своей правоте?» [Хиггинс, 2009].

Исходя из этого становится ясно, что ситуация только усугубляется, когда коммуниканты говорят на разных языках, и становится такой, как о ней сказал сербский поэт, прозаик, историк и переводчик сербской литературы Милорад Павич: «...я заглянул ему в глаза и не понял в них ничего. Он смотрел на меня на чистейшем венгерском языке» [Павич, 2003].

И вот, казалось бы, простым и достаточно доступным решением этой проблемы должен стать переводчик, человек, способный разобратся с любыми разногласиями. Но, к сожалению, как показывает

практика, знание языков не означает умения переводить с одного на другой и появление переводчика не только не решает коммуникативных проблем, но и зачастую создает новые. «Ко всем тем лексическим и грамматическим трудностям, с которыми связываются переводчики европейских языков в ходе своей работы – в переводе на китайский <...> возникает еще одна существенная сложность. Эта сложность обусловлена типом письменности китайского языка – иероглифами» [Хамаева, Шишмарева, Кремнев, 2016].

В 1987 г. в журнале «Юность» была опубликована «Сказка про Федота-стрельца, удалого молодца». Это игровое стихотворение русского писателя и актера Леонида Филатова, написанное в 1985 г., представляет собой социально-политическую сатиру о некоторых реалиях жизни в России. Персонажи смешивают архаичный русский язык, с неологизмами современного русского языка, обеспечивая дополнительный комический эффект.

Не будет преувеличением утверждение о том, что данное произведение невозможно перевести на любой язык, не потеряв значительную часть и формы, и содержания. Оно настолько национализировано и пропитано лингвокультурными реалиями, что только носитель русской лингвокультуры способен правильно интерпретировать все, что в нем было заложено автором-носителем русской лингвокультуры.

Уже в самом начале видеоряд наполнен аллюзиями на другие русские сказки, персонажи которых являются неотъемлемой частью русской культуры, например, люди ездят на печи, Баба Яга живет в избушке на курьих ножках, варит зелье, и летает на ступе, наливное яблочко катится по тарелочке с голубой каемочкой и показывает то, что хотят увидеть; Банк «Кощей», Платья «Марья Искусница», стройтрест «Черномор и Ко», почта «Сапоги-скороходы», Бюро услуг «Золотая рыбка», супермаркет «Тридевятое царство», бутик «Жар-птица», остров Буян и т. п. Данные образы и надписи возникают по мере того как главный герой, Федот, движется от своего дома к царскому дворцу. Все это разнообразие актуализирует знакомые и понятные понятия в сознании русского зрителя, принося эстетическое удовольствие от языковой игры, и остается не замеченным носителями иностранной культуры. Только в том случае, если это увидит человек, владеющий несколькими языками и обладающий достаточными фоновыми знаниями, это будет оценено по достоинству. В противном случае, данный прием останется набором табличек с непонятными буквами.

В первую очередь при переводе пострадает форма произведения, так как ни в одном языке нет эквивалентов таким словам, как «коли», «аль», «чай», «супружница», «ноне», «енто», «кручиниться», «кряля», «умыкнуть», «чаво», «шибко», «хворать» и т. п. Подобные архаизмы

встречаются практически в каждой строчке, но, тем не менее, совершенно не вызывают никаких трудностей при восприятии данного произведения русскими зрителями. К тому же это стихотворение, в переводе на английский язык переводчик попытался сохранить стихотворную форму, в переводе на китайский язык от нее ничего не осталось. Рассмотрим некоторые примеры:

Примеры перевода культурно-окрашенной лексики

То ли леший нынче рьян, То ли воздух нынче пьян	Is the goblin somewhere here? Are these tricks of the evening air?	这个小妖精躲在那里会不会是夜晚空中的诡计
Только стать твоим супругом Мне не светит ни шиша! ..	But I don't think that I can Marry you and be your man.	可是我想我没有办法和你结婚
Цыц, дуреха! .. Замолчи!.. Тесту место у печи!	Silly girl , you hold your tongue! Don't you know where you belong?	你给家闭嘴难道你不知道你出身高贵
Расшибись, а будь добёр!	Try and do it for all you're worth	你要竭尽所能
Не кручинься и не хнычь! Пусть лютует старый хрыч!	Don't you worry , don't you sob! Never mind the crazy snob!	别担心 别犯难这跳梁的小丑
Ты вчера просил ковер, – Ну дак я его припёр	I was told to get a carpet, As you see, I've really got it ,	为您呈上地毯我完成了任务又如您所见
Ну, браток, каков итог? Обмишулился чуток? Только сей чуток потянет Лет примерно на пяток!	Well, my General, I imagine, You have missed by a small margin , But this margin will make up Five years of a prison camp!	你的将军真是可惜 你离成功只差一点 要怎么弥补你个的过失 五年的监禁我看正好
Ты чаво глядишь сычом? Аль кручинишься об чем?	Tell me, why are you looking blue? Does anything worry you?	告诉我你为什么这么忧愁 你这样子我很担忧
Ну, даешь, ядрена вошь! И олень тебе не гожд? А вчера мытарил душу: Вынь оленя да положь!..	Damn! You're really being funny! The deer isn't so fine, eh? Didn't you tell me yesterday To get one for love or money?	该死你不可要说笑 难道这只鹿不能让你满意 你昨天不是对我说这是上天的旨意
Нянька гнет меня в дугу, А министр – ни гу-гу!	While the nurse is damning me The minister sits silently!	我的护士对我大放厥词 裁的大臣坐在旁呆若木鸡

Английский и русский языки являются примерами двух разных типов языков. В английском предложении, как правило, выдерживается прямой и строго определенный порядок слов. В начале мысли обозначен предмет, о котором идет речь (субъект); вот почему предложение может состоять из одного субъекта. Затем указывается факт его бытия и качество этого бытия: простое присутствие, состояние или действие (предикат). После этого, если действие обращено на определенный предмет, дается указание на этот предмет (объект). Выражающее объект дополнение может присутствовать или отсутствовать в предложении, что снова указывает на его логическое следование за подлежащим и сказуемым. Наконец, после этих трех основных компонентов предложения следует обстоятельство как указание на условия происходящего действия. Каждый из этих компонентов может быть, в свою очередь, отдельно определен [Апполова, 1977, с. 12].

В русском же языке порядок слов не ограничен строгими рамками, что и вызывает трудности при переводе и заставляет переводчиков искать подходящие варианты, используя переводческие трансформации.

Помимо проблем языковых трансформаций, которые нередко можно решить путем практического применения различных приемов перевода, существуют также проблемы коммуникативного характера, которые в большинстве своем непреодолимы. «Если говорить о способах, которые используются при переводе, то можно с уверенностью сказать, что перевод прямой – не всегда самый лучший. В силу каких-либо лингвистических или же экстралингвистических особенностей страны, на язык которой совершается перевод, порой не просто желательной, а необходимой является серьезная трансформация. Однако зачастую переводчики по причинам, иногда абсолютно необъяснимым, излишне увлекаются подобными средствами» [Кузнецова, 2014].

Так, например, «леший» в английском варианте «Федота-стрельца» стал «goblin», который с ним не имеет ничего общего, а в китайском «小妖精» (xiǎoyāojīng), которое хотя и содержит в себе значение «злой дух, нечисть», однако чаще переводится как «кокетливая девица, обольстительница». «Старый хрыч» – это далеко не то же самое, что «crazy snob» (сумасшедший сноб), и точно не «小丑» (xiǎochǒu, гороховый шут, клоун, подлец). Это придает переводу оттенки и смыслы, которых не было в оригинале. Неудивительно, что отношение к переводчикам и их труду с момента первых попыток перевода и до наших дней было и остается весьма неоднозначным.

Процесс передачи и получения информации провоцирует создание коммуникативных отношений, в результате которых конечное сообщение, пройдя через особенности восприятия каждого коммуниканта, всегда отличается от исходного, задуманного автором. И процент потери информации или появления излишек зависит только от участ-

вующих в отношениях коммуникантах, их компетентности в заданной теме, языковой грамотности и разницы в их восприятии окружающей действительности.

Самым травматичным для исходного сообщения, говоря о степени сохранения его первоизданности, является перевод с языка-посредника. Именно таким образом был выполнен перевод «Сказки про Федота стрельца, удалого молодца» на китайский язык, не с оригинала, а с английской версии. Об этом свидетельствуют некоторые практически параллельные конструкции предложений (Tell me, why are you looking blue? = 告诉我你为什么这么忧愁).

Информация проходит через нескольких переводчиков, адаптирующих и воссоздающих ее не только средствами разных языков, но и с погрешностями собственного восприятия. В какой-то степени можно утверждать, что до аудитории в конечном итоге доходит совершенно новое сообщение, достаточно сильно отличающееся от созданного автором.

Так и китайские зрители получили английскую версию русской сказки. В китайском переводе пострадали и форма, и содержание. Однако есть еще одна сторона, недоступная для иноязычных версий этого произведения – фонетическая. Русский устный разговорный язык позволяет менять корректное произношение слов, в зависимости от поставленной цели. В анализируемом стихотворении в полной мере работает эстетическая функция, для усиления комического эффекта используются все уровни языка – лексический: «Вот пушай он паразит по морям и *егозит!* Нам с тобою *енту* харю больше видеть не грозит»; «Вот те сабля, хочешь, *вдарь*. Только больше тем Федотом мне мозги не *скипидарь*»; грамматический: «Я жена твоя, Маруся, я супружница твоя»; фонетический: «воопче», «ешо», «министер», «Вызывает антирес Ваш питательный процесс: Как у вас там пьют какаву – С сахарином али без?..».

Таким образом, можно сделать вывод, чтобы понять и, тем более, перевести столь культурно-окрашенное произведение, необходимо не только блестящее владение языком, но и обладание культурным контекстом, который, безусловно, делает картину восприятия более полной.

Литература

Аполлова М. А. Specific English (Грамматические трудности перевода). М. : Междунар. отношения, 1977. 136 с.

Кузнецова О. В. К вопросу о переводе названий американских кинематографических произведений (на материале русского и корейского языков). В мире научных открытий. 2014. № 5.2 (53). С. 669–675.

Российское кино: очень краткая история [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kino-teatr.ru/kino/art/kino/175/>.

Павич М. Хазарский словарь. СПб. : Азбука, 2003. 352 с.

Хиггинс Ф. Черная книга секретов. М. : Азбука – классика, 2009. 288 с.

Хамаева Е. А., Шишмарева Т. Е., Кремнев Е. В. Транслингвографический перевод как способ экспертного перевода (на материале переводов «шань хай цзин» и «эрья»). Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2016. № 4. С. 69–79.

Л. В. Кирюхина, Е. Ф. Серебренникова
Иркутский государственный университет, Иркутск

О ПЕРВЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ГРАММАТИКАХ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Рассматриваются ранние грамматики китайского языка, выполненные европейскими авторами. В ходе исследования раскрываются особенности составления первых грамматических работ, их общие черты. В результате было установлено, что на начальном этапе авторами такого рода сочинений были миссионеры, которые создавали пособия по китайскому языку, включавшие сведения не только грамматического характера, но и культурологического плана. Ключевым моментом является то, что составители грамматик строго следовали античному грамматическому канону описания языка.

Ключевые слова: китайский язык, грамматика, грамматический канон.

L. Kiryukhina, E. Serebrennikova
Irkutsk State University, Irkutsk

THE FIRST EUROPEAN GRAMMARS OF CHINESE

Abstract. The article discusses the earliest Chinese grammars by Europeans. The study reveals special and common features of the first grammar works. As a result, it was found that the authors were missionaries who created Chinese language aids, including not only grammatical information, but also cultural. The key point is the first grammarians strictly followed the ancient grammatical canon of describing the language.

Keywords: Chinese; grammar; grammatical canon.

Интерес к изучению наиболее ранних грамматик китайского языка, выполненных европейскими авторами, связан с тем, что эти работы иллюстрируют канон грамматического описания языка.

В данной статье будут рассмотрены принципы описания китайского языка в грамматиках начального периода его изучения европейцами.

Первыми европейскими синологами были католические миссионеры, которые создавали словари и грамматики китайского языка, переводили на европейские языки китайские классические тексты. Появление работ по грамматике относится примерно к концу XVI в. В настоящее время сложно сказать, когда конкретно появились эти работы, поскольку они существовали лишь в рукописном виде.

Видимо, одними из первых трудов по грамматике китайского языка являются «Грамматика и словарь китайского языка» августинца Мартина Де Рада (1533–1578) и «Грамматика китайского языка» доминиканского миссионера Хуана Кобо (1546–1592). Эти работы были написаны на Филиппинах, они так и не были напечатаны.

В 1620 г. в Маниле (Филиппины) была написана «Грамматика чаошаньского диалекта» доминиканского священника Мельшиора де Мансано (1580–1630). В этой «Грамматике...» описываются особенности китайского произношения, тоны, падежи существительных, спря-

жение глаголов, рассказывается об использовании наречий, некоторых частиц и союзов, о том, как строить вопросительные и отрицательные предложения, также представлены числительные и счётные слова, дни недели и месяцы, китайская национальная валюта и т. п.

Первой грамматикой, которая была напечатана, является «Мандаринская грамматика» доминиканца Франциско Варо (1627–1687). Она была написана в 1682 г., но опубликована позже – в 1703 г. в Кантоне (современный Гуанчжоу, Китай). Автор рассказывает об особенностях китайского языка и речевого поведения китайцев, представлено подробное описание частей речи [Coblin, 2000].

В работе Жозефа Анри Де Премара (1666–1735) «Заметки о китайском языке» (написана в 1728 г., опубликована – в 1831 г. в Малакке, Малайзия) рассматривается не только разговорный язык, как в предыдущих грамматиках, но и письменный. Производя частеречную классификацию, Премар делит слова на знаменательные и служебные (такую классификацию приводили китайские лингвисты), а затем выделяет традиционные для европейцев части речи [Prémare, 1847].

Затем появлялись сочинения по грамматике и других авторов: Готлиба Зигфрида Байера (1730), Этьена Фурмона (1742), Джошуа Маршмана (1814), Роберта Моррисона (1815) и т. п. Необходимо отметить работу Жан-Пьера Абеля-Ремюза «Начала китайской грамматики» (1822), в которой автор не пытается навязать китайскому языку категории европейских грамматик, а также рассматривает вопрос о соотношении слова и иероглифа [Abel-Rémusat, 1822].

На начальном этапе составлением грамматик китайского языка занимались миссионеры, которые в качестве образца описания брали национальные грамматики европейских языков (Ф. Варо, например, в своей работе упоминает грамматику Антонио де Небрихи).

Большинство национальных грамматик в Европе были написаны с опорой на греко-латинский канон. Такой была первая в Европе печатная национальная грамматика Антонио де Небрихи («Грамматика испанского языка», 1492). Впоследствии были напечатаны и грамматики других языков: итальянская грамматика Франческо Фортуньо (1516), французская грамматика Жака Дюбуа (1531). Ориентируясь на античный грамматический канон, авторы находят в родном для себя языке те же категории, что есть в латинском языке. Своего рода исключение может представлять «Грамматика португальского языка» Фернана де Оливейры (1536), автор которой исходил из внутрисистемных характеристик родного языка. Следуя латинским грамматикам, авторы грамматик национальных языков пытались показать, что национальные языки не уступают латинскому и тоже достойны изучения.

При описании грамматического строя «экзотических» языков европейцы также опирались на греко-латинский канон (например, первая

грамматика японского языка португальского миссионера Жуана Родригеса 1604 г.). Неизвестные языки народов дальних стран описывались миссионерами, которым это было необходимо из практических соображений: выучить язык было нужно для того, чтобы проповедовать на нём.

Если говорить о китайских грамматиках, первые работы были выполнены на материале разговорного языка (письменный язык наряду с разговорным начинает рассматриваться в «Заметках о китайском языке» Ж. Премара). Это коренным образом отличается от исследований китайских филологов, которые до XIX в. изучали только письменный язык (не будем забывать, что в Европе до XV в. достойной изучения считалась «мёртвая» латынь, но не «живые» национальные языки). Кроме того, первые грамматики были написаны миссионерами, которые учились языку у китайцев и долгое время жили в Китае. Их труды печатались не в Европе, а в типографиях при миссиях. Позднее китайский язык начинают изучать и лингвисты-профессионалы, которые в Китае не были и интересующую их информацию получали от побывавших в Китае соотечественников (например, Г. З. Байер, Ж.-П. Абель-Ремюза).

В описаниях грамматического строя на начальном этапе обязательно присутствуют основные категории латинских грамматик, вне зависимости от того, есть ли они в китайском языке. Так, в «Мандаринской грамматике» Ф. Варо представлена следующая парадигма спряжения глагола 愛 «любить»: 我愛 «я люблю», 你愛 «ты любишь», 他愛 «он любит», 我們愛 «мы любим», 你們愛 «вы любите», 他們愛 «они любят» [Coblin, 2000, p. 117]. Автор считает, что, раз в латинских грамматиках описывается спряжение, то и в китайской грамматике оно должно быть, независимо от того, изменяется форма китайского глагола или нет.

При составлении ранних грамматик китайского языка авторам было важно следовать греко-латинскому канону грамматического описания, внутрисистемные характеристики языка не были важны. Кроме того, в этих работах помимо собственно грамматики была представлена и культурная информация (особенности обращения к китайцам, самоназвания, счётные слова, валюта и проч.), т. е. это не только свод грамматических правил, это пособия для того, чтобы помочь сделать коммуникацию более успешной.

Литература

Abel-Rémusat, J.-P. Les élémens de la grammaire chinoise. Paris : Primere Royale, 1822. 214 p.

Coblin S., Levi J. Francisco Varo's grammar of mandarin language, 1703: an English translation of 'Arte de la lengua Mandarina'. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2000. 282 p.

Prémare J. The Notitia Linguae Sinicae. Translated into English by James G. Bridgman. Canton, 1847. 357 p.

О. Г. Кобжицкая

Иркутский государственный университет, Иркутск

Ю. С. Пешкова

Иркутск

КИТАЙСКИЕ ПАРНЫЕ НАДПИСИ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. Рассматриваются парные надписи, имеющие давние традиции и сочетающие в себе искусство литературы и каллиграфии Китая. Устанавливается, что данные типы надписей являются оригинальной литературной формой, которая славится аккуратной формулировкой, глубоким символическим смыслом, парным построением, лаконичностью и изящностью.

Ключевые слова: парные надписи, парное построение, китайская культура, концепция инь-ян.

O. Kobzhitskaya

Irkutsk State University, Irkutsk

Yu. Peshkova

Irkutsk

CHINESE PAIRED INSCRIPTIONS IN THE LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECT

Abstract. This article presents paired inscriptions that have a long tradition and combine the art of literature and calligraphy of China. They are the original literary form, which is famous for its neat formulation, deep meaning, paired construction, laconicism and elegance.

Keywords: paired inscriptions, paired construction, Chinese culture, yin-yang conception.

Китайские парные надписи представляют собой ценное лингвистическое наследие, в котором отражается видение мира, национальная культура, обычаи, верования и история Китая, которое представляет особый объект для исследования.

Современный ученый Чан Цзян, занимающийся исследованиями парных надписей, дает им следующее определение: «Парные надписи представляют собой парное построение с самостоятельным значением и являются особой литературной формой Китая» [Чан Цзян, 2006, с. 1].

Исследовательница традиционного китайского орнамента Е. В. Песчанская выделяет группу благопожеланий, связанных с письменностью, а именно – парные надписи. «Древние стихотворения, строчки из известных произведений, песен, устойчивые выражения – все это также становится орнаментом. Однако стоит заметить, что данный способ передачи орнамента главным образом используется в написании парных надписей» [Песчанская, 2013, с. 189]. Она отмечает, что благопожелательный орнамент Китая включает в себе живопись, каллиграфию и поэзию. «Чтобы понять, прочесть этот непростой и глубокий по смыслу орнамент, необходимо привлечь весь комплекс китайской культуры: историю, искусство, историю литературы, археологию и, конечно, быт и фольклор» [Там же].

Как правило, парные надписи состоят из двух частей: 上联 – первая половина парной надписи и 下联 – вторая половина. Они представляют собой длинные полоски бумаги с написанными или напечатанными выражениями, вместе образующими целую фразу. Надписи располагают вертикально и симметрично на входных дверях, деревьях, мебели, вокруг алтаря. Но есть парные надписи, которые состоят из трех частей: 上联, 下联 и 横联 – «горизонтальной надписи». Эта надпись состоит из четырех иероглифов. Сочетаясь по своему содержанию с вертикальными надписями, она обобщает смысл высказывания всей парной надписи и дает общее название. Эту часть вешают на притолоке двери, поэтому данную разновидность парной надписи называют «мэньтоу» – «вверху дверей»:

Надпись сверху 横联:

合家欢乐

Всей семье радость

Вертикальные надписи 竖联:

吉祥如意春迎门;

富贵平安福满堂。

Добрые предвестия, выполнение желаний, весну встречаем у ворот.

Богатство и знатность, мир и спокойствие, счастье наполняет дом.

История возникновения парных надписей берет свое начало с мифологических времен и связана с именами братьев Шэнь-ту и Юй-лэя. Согласно «Шань хай цзин» «山海经» «Каталогу гор и морей» жившие на острове в Восточном море братья управляли призраками. Тех, кто приносил людям зло, они связывали веревками из тростника или камыша и отдавали на съедение тигру. В царствование Желтого Императора был установлен ритуал изгнания духов в должное время года. Чтобы отворотить демонов, он сделал из персикового дерева огромные человеческие фигуры, нарисовал на воротах изображения Шэнь-ту и Юй-лэя и повесил на воротах рядом с чучелом тигра тростниковые веревки» [Гроот, 2001, с. 36]. Впоследствии люди стали рисовать изображения Шэнь-ту и Юй-лэя на двух досках из персикового дерева «таофу» 桃符 и вывешивать на двери. Не случайно такие парные надписи были приурочены к празднованию Нового года 春节. В основе китайской религиозной системы покоится доктрина, «согласно которой миром управляют *шэнь* и *гуи*, порождаемые *инь* и *ян*, их чередование и составляет Дао, вселенский миропорядок» [Там же]. Одушевленность космических сил выражается в том, что положительные силы *ян*, олицетворяющие свет, являются воплощением добрых духов, отрицательные силы *инь* – воплощением злых духов. В дни зимнего солнцестояния начинался рост активной энергии *ян*, и действия людей были направле-

ны на ее усиление. Все это проявлялось в различных обрядах: отпугивании злых духов с помощью хлопушек и, в том числе, вывешивании парных надписей, чтобы преградить путь в дом нечистой силе и принести в него добро, богатство и счастье.

Вплоть до эпохи Сун 宋代 новогодние парные надписи все еще назывались «таофу». В эпоху Сун «таофу» стали писать на бумаге и стали называться «чуньтечжи» 春贴纸 – «новогодние парные надписи, наклеенные на бумаге». После династии Сун, во время празднования Нового года в Китае простонародный обычай вешать новогодние парные надписи стал общераспространенным. В эпоху Цин парные надписи достигли наибольшего расцвета. Содержащийся в них смысл и литературный эстетический вкус были выведены на новый уровень.

Выше отмечалось, что парные надписи являются разновидностью литературного творчества Китая. В связи с этим важно подчеркнуть изначальный ритуально-магический характер всей китайской письменности. Так, гадательные надписи на костях эпохи Шан-Инь служили посредником между людьми и высшими силами. Они наделялись сакральными свойствами и становились необходимым элементом государственной системы.

Дальнейшее религиозно-философское осмысление китайской письменности в эпоху Чжоу привело к появлению термина *вэнь*. «Вэнь является значимым феноменом в китайской культуре и обладает сложным, комплексным характером, в котором сопряжены культурологический, идеографический, семиотический, философский аспекты» [Шаравьева, 2016, с. 234]. Этимологические значения *вэнь* варьируются от «татуировки на теле человека» до «тканого узора». По одной из версий этот узор был выполнен синей и красной красками, служившими обозначением женского *инь* и мужского *ян* космических начал [Кравцова, 2008, с. 28]. Натурфилософская концепция *инь* и *ян* была основой древнего и средневекового китайского мировоззрения, став ядром практически всех философских и научных построений [Инь и ян]. Согласно ей, основу всех явлений и предметов окружающего мира составляют *инь* и *ян*, а их взаимодействие является залогом гармоничного существования космического универсума. Таким образом, в *вэнь* воплощается идея высшей, космической гармонии. Содержащаяся в *вэнь* сема «узор» постепенно трансформировалась и приобрела значение «словесного узора» – письменности. Но и словесный узор мыслился способным оказывать гармонизирующее воздействие на мир [Кравцова, 2008, с. 28]. «А так как стихотворный текст является самым организованным и внешне упорядоченным видом «словесного узора», то поэтическое творчество неизбежно должно было занять главенствующее положение в иерархии *вэнь*» [Там же]. Анализируемые в статье парные надписи по

своим основным характеристикам – чередованию ровных и косвенных тонов, разбиению на ритмические группы ближе поэтическому жанру и имеют древнее происхождение. Симметричное расположение обеих частей парной надписи, также как и концепция *инь-ян*, несет в себе идею некой гармонии, упорядоченности и целесообразности и подсказывает путь к познанию явлений окружающего мира во всей их глубине.

Рассмотрим структурно-семантические особенности парных надписей. Как и любое построение, основанное на параллелизме, в них четко прослеживается грамматическая идентичность, одинаковое число иероглифов в обеих частях и последовательные словесные соответствия:

水天一色;

风月无边。

Вода и небо одного цвета;

Романтика не имеет границ.

Что касается разбиения на смысловые группы и создания ритма, то место паузы первой и второй половин парных надписей должно быть единым. Так, в четверостишии ритмический рисунок будет 2 – 2, в пятистишии – 2 – 2 – 1 или 2 – 3, в шестистишии – 2 – 2 – 2, в семистишии – 2 – 2 – 2 – 1 или 2 – 2 – 3:

莫放/ 春秋 /佳日过;

最难 /风雨 /故人来。

Нельзя пропустить весенние и осенние праздники;

Нельзя лишиться возможности, чтобы старый друг пришел навестить тебя в трудные времена.

Чередование ровных и косвенных тонов «пинцзэ» 平仄 предусматривает их взаимную противоположность в обеих частях.

В современном китайском языке путунхуа к ровным тонам относятся первый тон 阴平 и второй тон 阳平; к косвенным тонам – третий тон 上声 и четвертый тон 去声.

Приведем пример парной надписи, где ровный тон будет обозначен ○, а косвенный тон – ●:

青山横北郭;

○ ○ ○ ● ●

白水绕东城。

● ● ● ○ ○

Зеленые горы пересекают северные окрестности города;

Чистые воды окружают восточные окрестности города.

Создание парных надписей на протяжении веков привело к их видовому разнообразию: праздничные, траурные, отраслевые. Приведем пример парной надписи, написанной мужчине к 50-летию:

半百光阴人未老;
几番风雨意长新。

*В 50 лет человек нестарый;
Пережив много бед, сила воли окрепла.*

Поздравительные парные надписи, используемые для юбилейных дат, часто содержат лексемы, символизирующие конкретную дату: 半百 «50 лет»; 花甲 «60 лет»; 古稀 «70 лет»; 杖朝 «80 лет»; 九秩 «90 лет» и т. п.

К лексико-семантическим особенностям парных надписей можно отнести использование различных стилистических приемов, в частности тропов: сравнения, олицетворения, метонимии, преувеличения, а также фигур речи. Так, парная надпись, основанная на метонимии (замена целого частью):

黑发不知勤学早;
白头方悔读书迟。

*Молодые думают, что усердно учиться еще рано;
Старики сожалеют, что учиться уже поздно.*

По семантическим связям между двумя частями парной надписи можно выделить 3 вида:

1. Близкие по смыслу части парной надписи (содержание одной части дополняет содержание другой):

墙上芦苇，头重脚轻根底浅;
山间竹笋，嘴尖皮厚腹中空。

У того тростника, что растет на стене, голова тяжела, ноги слабы, корень мелко сидит;

У тех побегов бамбука, что растут среди гор, острый язык, толстая кожица, в животе пустота.

Данная парная надпись основана на иносказательном сравнении. Тростник и побеги бамбука сравниваются с человеком, который, гонится за невозможным, много, бессодержательно говорит о чем-либо и является круглым неучем.

2. Противоположные по смыслу части парной надписи, с помощью которых раскрывается ее содержание:

浪费好似河决口;
节约犹如燕衔泥。

*Расточительность, словно прорыв дамбы на реке;
Бережливость, словно ласточка, которая держит во рту глину.*

3. Парные надписи, содержащие один предмет мысли, при этом связь между частями может быть причинно-следственной, условной, обозначающей цель и др.:

提高课堂教学效率;

减轻学生学习负担。

*Увеличить количество уроков;
Облегчить нагрузку обучения учеников.*

Парные надписи насчитывают давнюю историю, которая составляет более чем тысячи лет. Они прошли эволюцию развития от «таофу» 桃符 – амулетов из персикового дерева, «мэньшэнь» 门神 – богов-хранителей входа в дом и до «чуньянь» 春联 – новогодних парных надписей. Современное обозначение парных надписей как *дуйлянь* означает их растущую популярность и использование в различных сферах общественной и культурной жизни китайцев. Вслед за развитием общества, сменой исторических эпох, меняется их направленность и тематика, совершенствуется форма и стиль. Однако они по-прежнему занимают достойное место в современном литературном китайском языке.

Литература

Де Гроот Я. Я. М. Война с демонами и обряды экзорцизма в Древнем Китае. СПб. : Евразия, 2001. 448 с.

Инь и ян [Электронный ресурс]. URL: http://belousov.kz/tom1/t1_02.html.

Кравцова М. Е. *Вэнь* и начало формирования китайской поэзии // Духовная культура Китая : энцикл. : в 5 т. М. : Вост. лит., 2008. Т. 3. С. 28.

Песчанская Е. В. Способы выражения добрых пожеланий в традиционных и нетрадиционных китайских орнаментах // Изв. Алт. гос. ун-та. 2013. № 2-1 (78). С. 187–191.

Шаравьева И. В. Понятие «вэнь» в культуре Китая // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2016. С. 234–236.

白化文 闲谈写对联. – 北京: 中华书局, 2006. 219 页.

Е. К. Коваль

Международный институт культуры и образования,
Гуманитарный институт Хэйлунцзянского университета, Харбин

科瓦尔·叶卡捷琳娜

黑龙江大学国际文化教育学院, 文学院, 哈尔滨市

汉俄同义词理性意义分别分析

摘要. 同义词是语言的一个重要组成部分, 也是语言丰富性的体现。这篇文章主要介绍汉俄语同义词理性意义对比研究。这里我们提到了汉俄语中两个比较大的问题: 第一是意义范围对比, 第二个是集体与个体程度差异。在理性意义中我会细致的对理性意义进行划分, 即意义范围和集体个体程度的不同。在这篇文章里, 我还会创新性的针对汉俄语中存在着集体和个体问题进行细致的研究。

关键词: 同义词, 理性意义, 集体同义词, 个体同义词。

E. Koval

International Institute of Education and Culture,
Literature Institute of Heilongjiang University, Harbin

DISTINGUISHING ANALYSIS ON RATIONAL SYNONYMS IN CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGES

Abstract. Synonyms are one of the important parts of the foundation in language and is the abundant reflection of any languages. In this article the author distinguishes the rational synonyms in Chinese and Russian languages. The author also classifies two problems: one of which is the comparison of significance sphere of synonyms, and the other one is the difference between collective and individual degree of synonyms. In the rational meaning the author will differentiate the significance sphere in details, identify the difference between collective and individual synonyms. We will also strengthen research in collective and individual synonyms in both languages.

Keywords: synonyms, rational meaning, collective synonyms, individual synonyms.

引言

与概念相关的就是理性意义, 也可以称作是逻辑意义。这种意义也是词汇意义的核心, 反映了对象或者现象的不同之处。比如说“家庭”指的是以血缘关系或者婚姻关系为纽带的社会单位, 一般包括子女、亲戚和父母。“女墙”指的是短墙(凹凸不平的城墙)。在同义词中存在着相同的义素, 从而形成同义义场, 虽然他们的词汇意义基本相同, 但是却依旧存在着或隐或现的不同。

一. 意义范围对比

通过研究, 我们不难发现汉语和俄语中的同义词在完全同义词方面存在着定义上的不同, 也就是意义范围的不同, 在判断是否是同义词的时候, 我们了解到俄语中将完全同义词定义为意义和用法完全相同的词(任何语境都可以互换)。而汉语则不然, 汉语中认为完全同义词就是概念意义完全相同的词汇。比如公尺 - 米; 大夫 - 医生; 马

铃薯 - 土豆；番茄 - 西红柿；玉米 - 苞米 - 包谷；麦克风 - 扩音器等。汉语和俄语存在差异的根本在于，同义词之间是否存在附加意义的差别上，俄语完全同义词的定义是从属于汉语的完全同义词定义的。俄语中认为附加意义不同的词不是同义词，而俄语中主张的同义词其实只是汉语同义词的一部分内容罢了。比如：

антитеза – противоположность – противопоставление (对立);
лингвистика – языкознание – языковедение (语言学);
автономия – самоуправление (自治);
изучение – исследование (研究);
клевета – диффамация – поклеп (诽谤);
предсказывать – пророчить – предвидеть – предвещать (预言) 等。

而且在完全同义词的构成上两种语言也存在着差异，比如构成俄语同义词的时候会有同根同义词构成绝对同义词，也就是前文提到的语境外同义词，这些同义词的不同多是体现在使用范围和来源上，再比如只能使用在科学术语中的一些词和生活中的一些词形成同义关系。而汉语中有一部分完全同义词是因为语素相同并且意义相同而构成的同义词，不过汉语中也有其他形式的完全同义词存在，相对而言情况更加的复杂。也就是说，俄语中的完全同义词其实与汉语中的等义词是一致的 [信德麟]。

在汉语的不完全同义词 (也就是我们常说的近义词) 中，我们可以看到汉语中的同义词具有四个方面的差别：

首先是表达范围大小的不同。比如“心境”、“心绪”和“心情”这三个词。虽然三者都表示内在的感情，但是在表达范围上还存在着一定的差别，“心境”一般用在书面语体中，意义范围比较狭窄，多表示思想的境况，比如：最近玉米降价了，我的心境不太好；“心绪”则表示回环不断的思绪，也指内心活动比较复杂，也多用在书面语中，表达的意义范围也比较小，比如，前阵子考试复习的不好，现在有点心绪不定的；而“心情”则表达的范围非常的广泛，口头和书面都可以使用，比如“今天我心情非常好”、“今天的心情贼棒”等。还有“性命”和“生命”这两个词也能反映出同义词的意义范围不同。“性命”一般表示的是人或者动物，适用范围相对比较窄，口头语居多，比如“得亏我跑的快，要不那头牛就要了我的性命

喽！”而“生命”的表意范围非常的广还可以引申使用，比如：“饮酒过多会危害生命”、“论生命和理想哪个更加重要”、“古人言语中有很多有生命的东西值得我们探究”；“颁布”和“公布”：前者多是正规性的文件，法令条文什么的，而后者的适用范围的比较广，也相对比较随意，一般在法令、团体或者公告等通知的时候使用。

“粮食”和“食粮”这对同义词表示的范围的大小是不同的，前者的范围明显比后者大。“家眷、家属、亲属、家族”这几个词的使用范围是由小到大的，“家族”一般指的是族谱中出现的人的总称，“亲属”指的是和本人有婚姻或者血缘关系的人。“家属”一般是每个家庭除了户主之外的其他的人员总的称呼，家眷一般指的是妻儿。事变、事故以及事件这三个词表达的范围由小到大，事件是一切事情发生的总称、事故表示的是发生的所有不幸的事，事变一般形容发生的诸如战争等的事情。“虫-禽-兽”中虫代表的是所有的动物，禽代表的是飞禽走兽，兽代表的是哺乳动物（有四条腿的），也就是说这三个词从前到后的范围依次变小了。

其次是意义方面会存在着一定的差距的同义词，在前面我们为汉语同义词进行分类的时候有提到这种同义词，而这种同义词主要的差别在于表意的侧重点存在着不同。比如才干-才能-才智-才华，“才干”表示的是办事能力很强、“才能”表示的是能力和知识都很强、“才智”指的是思考能力和智慧比较强、“才华”指的是科学或者文艺方面具有的能力。例如“他具有完成我交代任务的才干。”“他的才能要比别人强很多。”“他的才智过人，我随意讲解一下他就能听懂。”“我们了解到小明在艺术方面的才华，于是开始着重培养他这方面的能力。”再如“平静”和“安静”，两者的侧重点有所不同，前者更强调没有动荡，后者则强调没有声音。比如：“大喊了很久，小明终于安静了下来。”“刚刚还非常的喧闹呢，怎么这会功夫大家都安静下来了？”“小明一直担心自己考试不及格，不过随着音乐响起，他开始平静下来。”“他仿佛心里在想些什么，皱着眉，安静的坐在不远处的小凳子上。”“看完了《唐山大地震》，我的心情久久不能平静。”下面我们一起来分析一下“辨别”和“辨认”这两个词。前者的主体一般是多个对象，比如：辨别是与非、辨别好人和坏人等

等、“狗狗可以通过敏感的嗅觉辨别各种有味道的东西。”“辨认”则强调的是搞清楚对象，一般是视觉的判断，对象可以是两个也可以是一个。“辨认方向”“辨认犯人”“笔记已经有些模糊不清，不能够辨别了。”“我从一群和尚里辨别出了我曾经的青梅竹马”。最后，在汉语同义词中还存在着语义轻重不同的情况，比如说“指责”和“指斥”以及“指摘”，这两个词虽然都有斥责的意思，但是第一个一般表示的语义比较重，比如说“他上茶的时候烫到了客人的手，现在正在被老板指责。”第二个则表示的是性质比较严重的一些事情，预期同样非常严厉。比如“这些荒谬的理论被世人指斥。”第三个词则表示指正错误，对别人犯的错进行批评，语气相对于前两个词清。“小明因为做错事被大家指摘。”“府-库”中前者指的是文书的收藏地，后者则是兵车的收藏地、“项-颈”中前者是脖子的后半部分，后者则是脖子的前半部分。“负-担”中前者表示的是用背驮着东西，后者则表示用肩挑东西。“负重有几十斤。”“我担着白菜到街上卖[大学俄语东方新版学生用书]。”

同义词还会出现轻重程度不同的状况。比如：“嗜好-爱好”中嗜好的程度就比爱好要重，前者表示特别喜爱，后者则是一般喜爱，“他有抽烟的嗜好。”“他爱好唱歌、跳舞”；“改革-改良”中后者就比前者的程度轻，“现代的教育必须进行改革。”“改良零部件的性能”；“毁坏-破坏-损坏”中前面的就比后面的词汇表示的程度重，“沙发被狗狗损坏了。”“攻击佛像是会被“一座城市就这样被众人指责的。”一座城市就这样被毁坏了”；“恨-怨”的表达程度也有所不同，前者的程度要比后者的程度深，“他恨这个社会，恨抛弃他的父母。”“妈妈把我的玩具给了妹妹，我有点怨她这么做。”；“更-改”前者指的是交替变动，后者指的是彻底清除改变，所以前者要比后者的程度轻。“轻视”和“蔑视”是一对同义词，前者的语义较轻，后者语义比较重，比如：“你怎么能轻视我，我一定会让你后悔的。”“他向那个脏兮兮的人投去了蔑视的眼神，这使我有些心惊。”还有在失望和绝望这一对同义词中，失望的语义程度比较轻，绝望的语义程度比较重。

最后是专门和通俗的区别。专门义指的是各个方面的专家对于专门的知识特殊性认识，通俗义指的是普通人对一般事物的一般性认

识。一般这两种意义是相对的，百姓也可以使用专门义，专家也同样可以使用普通义。比如对于“水”的定义，专家就会从水的化学式、无色无味、以及固化和气化的特点出发给出定义，而其通俗意义则是透明液体。

在俄语的近义词（也就是不完全同义词）中，区分俄语同义词的角度有—语义程度和语义角度、构词角度和行为方式方法角度。语义程度和语义上有所不同的同义词有：гореть（燃烧）— пылать（гореть, ярко освещающая, издавая сильный жар, 烧得很旺），бедность（贫穷）— нищета（крайняя бедность, 赤贫），красивый— прекрасный（очень красивый），большой（大的）— огромный（巨大）等。构词角度出现细微差距的同义词有：замолчать（沉默起来）— промолчать（沉默一段时间）— умолчать（故意沉默，避而不答）；попить（喝了一会）— отпить（喝一部分）— допить（喝干）— напиться（喝够）等。这些词的辨析主要是根据前缀和非同根词的词根进行区分的，这些词的区别一般是通过前缀的形式来表现的，不过也不是所有的同义词都可以通过词缀进行区别，这一点要格外注意。再次是同义词在行为方式方法方面的差异：идти— брести（идти с трудом или тихо, 蹒跚,徘徊）— шагать（идти размеренным шагом 走步, 行进），дойти（步行到）— доехать（乘行到）— попасть（意外、突然来到），закрыть（盖上）— укрыть（закрыть со всех сторон, 盖严）等。这样的同义词还有：быстрый（快的）— стремительный（急速的）；беспокоить（使担心）— волновать（使担忧）— тревожить（使惊慌）— пугать（使害怕）；удивлять— изумлять— поражать 等。这些同义词的语义基本相同，但是还存在着表现特征或者是表现程度不同上。

二. 集体与个体程度差异

在俄语的同义词中是不涉及个体和集体差异的，这是汉语同义词所独有的特征，个体和集体的差别也可以看成是具体和概括的差别。比如树—树林；人—人类；枪—枪支；湖—湖泊；花—花朵、花卉；纸—纸张；马—马匹；书—书本；山—山脉。这些同义词有一个共同的特点就是单音节词和双音节复合词（即名素+量素组成的后补式词汇）共同构成的同义词组。俄语中是不存在单音节和双音节概念的，所以也就不具备这类的同义词，还有我们在这里还要强调下，这些词属于汉语中的

完全同义词的范畴，而且这类词基本上都是名词。除了上面的例子之外，属于这种集体和个体同义关系的同义词还有一些，比如“布（集体）—布匹（个体）”；“河”以及“河流”也具有集体和个体的差别，前者是个体，后者是集体；除此之外还有“草原（草地）”和“小草”，这一对前者是集体词，后者是个体词；家和家族中前者是集体词，后者是个体词；丈夫和男人中前者是个体词，后者是集体词；军人（个体）—军队（集体），时刻（个体）—时期（集体）以上的同义词都是名词构成的同义词。俄语中虽然没有单音节和双音节复合词但是有集体和个体同义关系的词语。比如“*ткань, материя* 布（集体）— *кусок ткани, отрез материи* 布匹（个体）”；“*река, канал* 河（个体）— *реки* 河流（集体）”；“*степи, пастбища, луга* 草原（集体）— *газон, лужайка* 小草（个体）”；“*семьи, родня* 家（集体）— *семья, род, клан* 家族（个体）”；“*военнослужащий, военный* 军人（个体）— *армия, войска* 军队（集体）”等等。俄语虽然有这些词语但是俄语中它们是单数的和复数的，不算是同义词。汉语中个体同义词和集体同义词就是俄语的“*собирательные существительные*”（集合名词）。在俄语中集合名词是常见的词语[宁方景]。

在汉语中，其实还存在着量词和名词组合在一起构成的同义词，比如：“一颗石头（个体）—一堆石头（集体）；一匹马（个体）—一群马（集体）；一只狼（个体）—一群狼（集体）；一瓶啤酒（个体）—一箱啤酒（集体）；一条鱼（个体）—一筐鱼（集体）；一根鱼竿（个体）—一捆鱼竿（集体）”。汉语中存在着量词和名词组合在一起构成的同义词，俄语中也有这样的词语，比如“*камень* 一颗石头（个体）— *груда, куча камней* 一堆石头（集体）”；“*лошадь, конь* 一匹马（个体）— *стадо лошадей, стадо коней* 一群马（集体）”；“*волк* 一只狼（个体）— *стадо волков* 一群狼（集体）”；“*бутылка пива* 一瓶啤酒（个体）— *ящик пива* 一箱啤酒（集体）”；“*рыба* 一条鱼（个体）— *корзина рыбы* 一筐鱼（集体）”；“*удочка* 一根鱼竿（个体）— *связка удочек* 一捆鱼竿（集体）”等等，俄语中量词和名词组合在一起构成的同义词叫“*классификаторы*”或“*нумеративы*”，偶尔叫“*счетные слова*（量词）”。

除此之外，汉语中还存在着代词构成的集体个体关系的同义词，比如：咱-咱们；他-他们；我-我们；它-它们；她-她们；其实，不同性状的名词和名词总称也可以构成同义词，某种程度上说是集体和个体的区别，啤酒、白酒、红酒（个体）-酒（集体），花-红花、白花，人民币-纸币、硬币等等，这些同义词因为存在着上下义位，所以具有一定的集体和个体的关系，不过，有一些学者认为这种同义词中有一些应该属于修辞类同义词的范畴，白酒、啤酒和红酒都是酒的一个种类，所以啤酒、白酒和红酒分别都是个体词，酒是集体词。针对这一类别的词还有一些学者持不同的态度：这些学者认为雪白、乳白是白的种类，啤酒和白酒也是酒的种类，这样看也就可以认为这种同义词是具有集体和个体关系的。所以，这一分类还存在着分歧。俄罗斯学家认为这类的词语不是同义词，而是“обобщающие слова（综合词）”。比如“алкоголь”（酒）是综合词。“Пиво”啤酒、“водка”白酒、“вино”红酒是“однородные члены предложения”（句子的同等成分）。Пиво、водка、вино 是 алкоголь（酒的种类）。

结语

在本章中我们针对汉语和俄语同义词的意义进行了对比，从两个大的方面展开了研究，也就是在汉俄的理性意义对比的过程中我们从两个层面的展开探讨即意义范围层面和集体个体程度不同的层面。

在本章的最后，我还对我的研究进行了补充。研究中我们发现了汉语中的一些集体和个体同义词是俄语的“обобщающие слова（综合词）”；汉语中的量词和名词组合在一起构成的同义词是俄语的“классификаторы”或“нумеративы”，偶尔叫“счётные слова（量词）”。

在本章中，我认为研究的创新之处在于举出了大量的同义词例，并搭配上了较多的例句，用列举实例的方式对自己研究的成果进行展开，使读者能够更加深刻的了解到本篇文章的观点和两种语言中同义词的魅力所在。如果学者能学会更多的同义词，掌握同义词的意义，他的表达能力会强多了，说话的方式会更好听。

参考文献

- 信德麟等编，《俄语语法》[文]-外语教学与研究出版社,1990年
《大学俄语东方新版学生用书》[文]-俄语学习,2015年02期
宁方景，《俄语语法练习》[文]-俄语学习,2006年(02)

Е. В. Кремнёв, Т. Е. Шишмарева
Иркутский государственный университет, Иркутск

ГРАММАТОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ И. М. ОШАНИНА О ДОИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ СТАДИИ ЭВОЛЮЦИИ КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

*Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ,
проект «Отечественные труды в области грамматики
китайской письменности» № 13-04-00248.*

Аннотация. Рассматривается текст диссертации И. М. Ошанина, в частности изложенные в исследовании грамматологические воззрения ученого на доидеографическую стадию эволюции китайских письменных знаков с целью ввести результаты данной работы в широкий научный обиход.

Ключевые слова: грамматология, китайская письменность, эволюция китайских письменных знаков, доидеографическая стадия.

E. Kremnyov, T. Shishmareva
Irkutsk State University, Irkutsk

PRE-IDEOGRAPHIC STAGE OF THE EVOLUTION OF CHINESE WRITING IN GRAMMATOLOGICAL THEORY OF I. M. OSHANIN

Abstract. The article analyzes the thesis of I. M. Oshanin, particularly his grammatological views to the pre-ideographic stage of the evolution of Chinese written characters in order to introduce the results of this work to the modern research discourse.

Keywords: grammatology, Chinese written language, evolution of Chinese written characters, pre-ideographic stage.

В своей кандидатской диссертации 1943 г. «Происхождение, развитие и структура современного китайского письма», которую в рамках современной терминологии мы относим к грамматологическим [Готлиб, 2014, с. 4]; И. М. Ошанин в том числе обращается к вопросу эволюции китайского письма.

И. М. Ошанин представляет свою стадиальную, в рамках терминологии Н. Я. Марра, периодизацию эволюции китайской письменности. Следуя теоретическим положениям шведского синолога, выделяет в ней доидеографическую стадию, идеографическую стадию и фонетическую стадию.

Доидеографическая стадия исторически значительно более древняя, нежели иньские надписи, традиционно относимые к начальному этапу китайской письменности. О них ученый пишет: «“иньские кости” уже дают картину вполне развитой системы иероглифического письма со всеми известными в наши дни категориями письменных знаков, — включая и фонограммы (хотя удельный вес последних в этих текстах значительно меньше)». При этом, по его мнению, эти надписи произведены письмом, которое следует считать фонетическим иероглифическим письмом. Следовательно, даже древнейшие памятники письмен-

ности не позволяют исследователю проникнуть взглядом в ту седую старину, когда возникало и складывалось иероглифическое письмо древнейшей из существующих ныне культур мира. Поэтому всякая попытка нарисовать картину возникновения китайского письма всегда будет до известной степени гипотетической, причем выдвигаемые гипотезы должны сопоставляться с данными, получаемыми из других дополнительных источников [Ошанин, 1943, с. 25].

Опираясь на сегодняшние данные, с известной долей вероятности и полемичности, данный этап можно отнести к письмам культур Цзяху (賈湖), Давэнькоу (大汶口) и Яншао (仰韶), т. е. с историческим отрезком от 9000 до 3000 г. до н. э. [Готлиб, 2007, с. 12–15].

К графическим знакам этого этапа, по мнению И. М. Ошанина, относятся: татуировка, амулет, орнамент, бирки, узелковое письмо, тотемические знаки и табу, черты-символы [Ошанин, 1943, с. 28–42]. При этом, как подчеркивает ученый, «выделяющиеся письменные знаки еще не иероглифы, так как они не связаны непосредственно с устной речью и, следовательно, не обладают чтением – одним из трех необходимых составных элементов иероглифа» [Там же, с. 43].

Говоря о возникновении письменности, ученый считает, что «возникновение письменности у всех народов всегда есть результат общего развития человеческого коллектива: письменность как одна из форм проявления общественного сознания возникает в процессе развития общественных, в конечном счете, производственных, отношений, образующих всю экономическую структуру человеческого коллектива. Письменность, как средство общения, связана теснейшим образом с общим развитием материального благополучия общества и призвана первоначально выполнять задачи хозяйственного значения: обслуживание основных процессов коллективного труда, учет, пометки на местах хранения запасов, вехи в том или ином виде на путях следования и маршрутах и т. п. – вот те области общественной жизни, где раньше всего возникает потребность в таком средстве общения. В связи с этим в истории развития письма первобытных народов известны следующие предшественники письменности» [Там же, с. 27].

Для китайской культуры наиболее значимыми, по его мнению, являются тату. «У китайцев, – пишет И. М. Ошанин, – существование татуировки блестяще подтверждается данными иероглифического письма. Элемент: 文 изображается на иньских костях, как , в эпоху Инь , в раннюю эпоху Чжоу или , и явно представляет собой рисунок человеческой фигуры с татуировкой на груди: элемент 黑, изображавшийся еще в середине Чжоуской эпохи , тоже, возможно, как отметил Karlgren, был рисунком человеческой фигуры с татуиров-

кой на лице, может быть, с разрисованным лицом. О характере этой татуировки по начертаниям иероглифов судить невозможно. Еще более интересно и то, что иероглиф 文 имеет до сих пор, наряду со значением «черты, полосы, рисунок, орнамент», также и значение «письменность» и «литература», свидетельствуя таким образом, что татуировка и орнамент действительно были предшественниками письменности в Китае» [Ошанин, 1943, с. 29].

«Что касается амулета, – продолжает он, – то я склонен считать, что китайская письменность тоже сохранила следы его существования в иероглифе 白 – ныне «белый, ясный», представляющий собой в начертаниях иньских костей ☉ изображение солнца, стилизованное в виде фаллоса, присоединяясь таким образом к Karlgren'у, расшифровавшему так этот знак, хотя и не в связи с амулетом» [Там же, с. 29].

Что касается орнамента, то «случаи совпадения отдельных китайских иероглифов с орнаментом (например, 亞, 壽, 福 и т. п.) можно приводить бесконечно, но они неубедительны, ибо всегда возможно, что мы имеем дело с нарочитой стилизацией иероглифа и последующим использованием его в таком виде в качестве орнамента. Поэтому я хочу привести здесь только китайское предание о происхождении иероглифического письма от восьми триграмм /八卦/, будто бы воспроизведенных одним из мифических императоров Китая / Фу-Си – 伏羲 / царствование которого относится к XXX–XXIX вв. до н. э./ с таинственных начертаний на спине сказочного чудовища, вышедшего из вод р. Хуанхэ. Триграммы эти, связь которых с иероглифическим письмом сейчас проследить вряд ли возможно, широко употребляются в Китае и в настоящее время в качестве орнамента и излюбленного декоративного мотива в архитектуре и прикладном искусстве» [Там же, с. 29].

Маршрутные бирки в китайской письменности, по мнению ученого, не сохранились, но, как он отмечает, есть в китайском письме элемент 𠄎, изображающий зарубки на палке, который в дальнейшем своем усложнении дает значение «запись», свидетельствуя, что одной из первых форм своеобразной «записи» были зазубрины на палке [Там же, с. 30].

Что касается верительных бирок, т. е. свидетельство канонической книги ритуала и этикета династии Чжоу (周禮) об употреблении в Древнем Китае колен бамбука в качестве верительных бирок.

Узелковое письмо можно отметить в мифах о Шэньнуне (神農), в которых имеются упоминания о том, что до появления письма китайцы пользовались в качестве своеобразной «записи» веревками с узлами, причем размер узла соответствовал масштабу фиксируемого события. А в «Книге Перемен» зафиксирован миф, согласно которому «в древ-

нейшие времена управление страной производилось при помощи веревок, завязанных узлами, и лишь мудрецы последующих поколений заменили их письменными документами».

Интересным свидетельством наличия этого феномена в китайской культуре может служить знак 契, означающий сейчас «контракт, документ» и имеющий еще древнее значение «веревка с узелками», а сам является производным от 𠄎, который означал «зарубки на палке» [Ошанин, 1943, с. 30–31].

Гадательные бирки в Древнем Китае широко представлены в виде археологических артефактов эпохи Шань-Инь в виде многочисленных обгоревших панцирей черепах с гадальными письменами. Кроме того, «здесь уместно будет вспомнить также китайский миф, будто бы в царствование легендарного Хуанди (黃帝), министр его Цан Цзэ (蒼頡), которому было поручено изобрести письмо, изучил следы птиц и зверей, – и таким образом создал иероглифы, – ибо этот миф содержит определенный намек на связь гадания с появлением письма» [Там же, с. 32].

Те древние знаки, которые изображены на указанных носителях, отражают космическое мировоззрение человека. Тяжелая борьба древнего человека со стихией обессилила его перед лицом окружающего мира, резкая зависимость его благополучия и самой жизни от сил природы – при отсутствии понимания действительных причинных связей между явлениями, – приводит к развитию в первобытном человеческом коллективе фантастических представлений об окружающем мире, к созданию представлений о духах природы и об одушевлении всего материального мира. Так рождается космическое мировоззрение древнего человека, и первые его знаки, предшествующие появлению письма, естественно, должны отражать и отражают это мировоззрение. Человек символически изображает благие силы природы, способствующие его труду, и злые силы природы, губящие результаты труда всего коллектива. И поскольку на этом этапе своего существования человек неспособен правильно определять взаимоотношение явлений, он подходит к ним по признаку внешнего сходства, верит, что сходные явления якобы способны вызывать друг друга. Вот почему своим первым письменным знакам человек придает и магическое значение, верит в их способность обеспечить ему наступление благоприятных природных явлений.

В китайском иероглифическом письме мы находим такие символические картины, например в современном иероглифе 日, первоначально – , показывающем солнце, побеждающее мрак ночи, или, наоборот, в современном иероглифе 昔 – первоначально , – изображающем зашедшее солнце, в современном иероглифе 雨 как символе дождя и т. п.

В дальнейшем развитии этого принципа подобные знаки у первобытного человека несколько изменяют свой мотив: резкая зависимость благосостояния племен от удачи или, наоборот, неудачи основного хозяйственного процесса коллектива – собирания, охоты, рыбной ловли и т. п. – приводит к тому, что эти первые знаки начинают на тех же принципах изображать удачу данного трудового процесса, а в дальнейшем превращаться в средство своеобразной трудовой магии, способной якобы обусловить и обеспечить удачу. На этом этапе подлинного рисунка все еще нет, отдельные линии и черты изображают целые картины, например стрелу, попавшую в цель, или животное, пронзенное этой стрелой.

С точки зрения грамматики, «символические картины этого рода не являются еще письменностью в нашем понимании этого слова: знаки не имеют твердого, раз и навсегда фиксированного начертания и, главное, они не связаны с речью, – ибо на этом этапе развития человеческого коллектива устной речи еще нет, да и линейная речь не достигла еще апогея своего развития» [Ошанин, 1943, с. 33–34].

В конце указанного выше периода существования первобытного общества вырабатывается представление о тотеме – священном животном (реже растении, ибо основным хозяйственным процессом в это время является охота), от которого зависит благосостояние племени. Мировоззрение древнего человека становится тотемическим, т. е. и в соответствии с этим зарождающаяся письменность получает новый мотив – символическое изображение тотема. Появление коллективной собственности приводит к тому, что изображение тотема получает постоянное символическое письменное обозначение, становится первым постоянным письменным знаком человека, которым и помечаются предметы коллективной собственности рода. Вместе с тем эти знаки сохраняют и прежнее магическое значение, да к тому же становятся еще обозначением самого рода. С тотемом же первоначально связывается тамга данного племени, т. е. клеймо или сокращенный письменный символ коллективной собственности, а также знаки «табу».

Китайская иероглифическая письменность сохранила следы также и этой эпохи:

а) Тотемические изображения в китайском письме представлены очень широко. Например, знак 辰, начертания которого от иньских костей и до середины эпохи Чжоу представляют собою отчетливое изображение животного, сам же знак имеет значение «звездное небо», «светила», являясь иллюстрацией тотемического восприятия природы. К изображениям тотемического характера относятся также, видимо, древнейшие изображения животных, как, например, 能 и ныне производный от него 熊, 象, 鹿 и т. п. Наконец, здесь же необходимо указать,

что иероглифы, обозначающие основных хозяйственных животных (например 馬, 牛 и т. п.), сохранились до сих пор в употреблении в Китае в качестве фамильных знаков, подтверждая, таким образом, что отдельные роды древнего общества назывались по именам животных.

б/ Знаки тамги в китайском иероглифическом письме И. М. Ошанин склонен, в частности, видеть в большинстве современных циклических знаков китайского календаря. Это, по его мнению, подтверждается тем фактом, что почти все надписи на древних ритуальных сосудах всегда имеют в своем составе (в самом низу) циклический знак – и притом только один – из ряда десятичного цикла (甲, 乙, 丙, 丁 и т. п.). По начертанию своему эти знаки чрезвычайно удобны, как отличительные клейма, и, не отрицая их возможной связи с календарем уже в эпоху развития первобытной культуры, все же считаем их знаками собственности рода.

в) Наконец, знаки табу служат в современном письме для обозначения отрицаний. Составляя одну группу слов, чрезвычайно близких друг другу фонетически, графически они принадлежат к нескольким группам, о которых И. М. Ошанин писал отдельно:

1) Знаки табу, происходящие от изображения тотема. Сюда ученый относит 丌, а также 勺.

2) Знаки табу, связанные графически с тамгой. Сюда автор относит 弗.

3) Наконец, знаки табу более позднего происхождения – знаки рисуночного письма с элементами магического характера, куда И. М. Ошанин относит 無 – рисунок пляшущей человеческой фигуры (шаман) с перьями в руках [Ошанин, 1943, с. 35–36].

Основу формирования знаков указательной категории ученый видит в появлении и фиксации символов-жестов. Как он пишет, «с развитием линейной речи наряду с указанными выше символическими изображениями появляются еще новые элементы – черты-символы, представляющие собой графическое фиксирование жеста руки, как бы изображение жестов линейной речи. На этом этапе процесс письма делает громадный шаг вперед, так как письменное изображение впервые вступает в связь, пусть пока только с кинетической, но все же с речью. Символы-жесты приобретают быстро в письме крупнейшее хозяйственное значение для коллектива, как отметки местонахождения запасов – например наверху на дереве, в земле под деревом, в дупле внутри дерева и т. п. С этого момента жесты руки, а далее и рисунок самой руки, в письменности начинают играть важнейшую роль, сохраняя ее в пиктографии до наших дней. Символы-жесты, вместе с упрощенными начертаниями тотема, знаками тамги и табу, становятся твердо фиксированными графическими мотивами для дальнейшего развития орнамента, а потом и письменных знаков, входящих после развития навыков

рисования в состав рисуночного письма. Пока, однако, они долго еще не могут служить письменными знаками в нашем понимании этого слова, хотя бы для фиксации линейной речи, – ибо человек не может еще изображать последовательность жестов руки, т. е. связывать письмо с кинетической речью.

В китайском письме категория символов-жестов представлена довольно широко, охватывая довольно многочисленную группу элементов в количестве более 100. Сюда относятся большинство иероглифов так называемой «указательной категории» Шовэня, 指事文 по китайской терминологии. Часто же это символы-жесты типа 丿 и т. п., которые самостоятельно в современном иероглифическом письме не встречаются, а может быть, и не встречались никогда раньше, будучи лишь получившими окончательное оформление впоследствии деталями общей картины рисуночного письма» [Ошанин, 1943, с. 36–37].

Этап письма-рисунка, по мнению ученого, являл собой «большой скачок вперед в процессе зарождения письменности». В этих проявлениях эволюции письма он видит некую комплексность предшествующих этапов и их взаимосвязь. «Рисунок быстро начинает применяться в качестве условной записи, причем на первом этапе развития – это комплексная картина (рисуночное письмо), в которой постепенно получают законченное и твердое оформление отдельные детали, – т. е. происходит сложный аналитический процесс. С другой стороны, в такие комплексные картины вводятся уже готовые обозначения как тотема, тамги и языков табу, так и символ-жестов, т. е. одновременно происходит и встречный синтезирующий процесс» [Там же, с. 37–38].

В китайской иероглифической письменности И. М. Ошанин находит следующие данные, подтверждающие, что в Китае письменность прошла аналогичную стадию развития:

А. Среди современных иероглифов сохранились знаки, которые когда-то представляли собой, видимо, картины рисуночного письма, причем отдельные части их впоследствии выделились и получили самостоятельное значение, ассоциировались со словами устной речи и превратились в настоящие пиктограммы. Вот несколько примеров:

- современный иероглиф 囿, ныне «парк», в древности 囿 (кости) представлял собой целую картину – землю или поле с посаженными на них деревьями;
- иероглиф 盥 – ныне «наблюдать» – в древности 盥 (кости) – человек смотрит в сосуд, видимо, наполненный жертвенной кровью;
- иероглиф 執 – ныне «земледелие», в древности 執 (кости) – фигура коленопреклоненного человека с растением в руках;

- иероглиф 夏 – ныне «лето, Китай», изображается в середине Чжоуской эпохи и иероглиф 無 ныне «не иметь», в древности , очевидно, представляли собой человеческие фигуры с разными атрибутами, совершающие, возможно, ритуальную пляску и т. п.

В современном письме подобные знаки – если не учесть выше-сказанного – плохо поддаются объяснению и воспринимаются как очень сложные идеограммы.

Б. Надписи на ритуальных сосудах эпохи Чжоу часто не представляют собой в сущности никакого текста и не читаются по тем принципам, по которым читается обычный китайский иероглифический текст [Ошанин, 1943, с. 38–40].

Рисунчатое письмо аналитично, в нем зарождаются части, элементы будущего. «Развитие отмеченного выше аналитического процесса в рисуночном письме приводит к тому, что цельная первоначально картина рисуночного письма распадается на отдельные детали, форма которых становится постоянной и получает самостоятельное употребление. Вместе с элементами, существовавшими ранее (тотемы, тамга, табу, символ-жест), они составят в будущем арсенал не только пиктографического, но и идеографического письма. Пока же они получают самостоятельное употребление – часто практическое, еще чаще магическое или ритуальное». И далее: «в Настоящее время, когда надписи на иньских костях в значительной степени расшифрованы и изучены благодаря работам китайских ученых Сунь И-жан (孫詒讓), Ло Чжэньюи (羅振玉), Ван Го-вэй (王國維), японского ученого Хаяси, канадца Renzies'а и, наконец, крупнейшего современного специалиста Го Можо (郭沫若), – мы уже в состоянии проследить, как из первых образцов рисуночного письма выделяются их составные части, получают окончательное твердое графическое оформление, а затем и самостоятельное существование в качестве знаков, которые после ассоциирования письма с устной речью получают в дальнейшем название «пиктограммы» – или по терминологии Говэня «изобразительной категории письма» (по-китайски 象形)» [Там же, с. 40–41].

«Материалы китайского иероглифического письма ясно показывают, что выделение составных частей рисуночного письма происходило уже тогда, когда сами части эти не получали еще твердого фиксированного начертания, т. е. закрепление определенной графики за отделившейся деталью рисунка отставало от процесса выделения этих деталей. Вот почему большинство элементов китайского письма надолго (включая почерк *дачжуань* – 大篆) сохраняют 2, 3 и больше вариантов начертания, пишутся то в одну, то в другую сторону, пока, наконец, какое-либо одно начертание оказавшееся более удобным для изображе-

ния данными орудиями письма, не вытеснит остальные и не станет единственным и твердо фиксированным иероглифом. Повторяю, однако, что это дело следующего этапа, пока еще выделяющиеся письменные знаки еще не иероглифы, так как они не связаны непосредственно с устной речью и, следовательно, не обладают чтением – одним из трех необходимых составных элементов иероглифа» [Ошанин, 1943, с. 42].

Вопрос о соотношении письменных знаков и устной речи – кардинальный вопрос соотношения двух форм речевого поведения. Ученый считает, что «на дальнейших этапах развития письма отдельные выработавшиеся уже символы или рисунки начинают употребляться как условные знаки, которые должны напомнить владельцу порядок произношения целых готовых выражений и формул – большей частью ритуального или магического значения. Это ещё один крупнейший шаг вперед, так как впервые устанавливается связь между письмом и устной речью. В начале эта связь и прочна и чрезвычайно механична». В эволюции китайского письма «едва ли не большинство надписей рисуночного письма на ритуальных сосудах первой половины Чжоуской эпохи тоже служили аналогичной памяткой лицу, совершающему обряд жертвоприношения, памяткой, по которой произносилась определенная формула жертвоприношения» [Там же, с. 43].

Сам процесс соединения графических знаков с устной речью и функционирования их как некий инструмент фиксации устной речи представляется И. М. Ошанину следующим образом: «После того, как последовательность определенных и более или менее фиксированных графически знаков стала применяться человеком, как памятка для произнесения известной готовой формулы устной речи, письменности осталось сделать только один – пусть большой, но все же только один шаг, до полной ассоциации между письменным знаком и устной речью. И когда этот скачок был сделан, письменность становится на службу устной речи: отделившийся, получивший постоянное более или менее твердое начертание письменный знак становится графическим выразителем слова устной речи и носителем представления, которое это слово выражает. С этого момента письменный знак становится иероглифом в современном понимании этого слова, т. е. является сложным комплексом, охватывающим графическое изображение, определенное звучание и семантическое содержание, и с этих пор дальнейшее развитие иероглифа протекает в непрерывном изменении этих трех составляющих его сторон» [Там же, с. 43–44].

При этом, по его мнению, «ассоциация иероглифа с устной речью на первых порах не является и не может быть особенно прочной, ибо, во-первых, слово устной речи на начальном этапе развития диффузно и выражается диффузным же звуковым комплексом, – лишь впослед-

ствии, когда результатом общественного труда многих поколений вырабатывается представление морфемы, – иероглиф окончательно ассоциируется с ней и становится её графическим изображением, а в последней стадии развития письма – и обозначением силлабемы; во-вторых, и иероглифическое письмо на первых этапах развития при ограниченных ещё графических ресурсах не в состоянии удовлетворить отдельным начертанием каждое слово устной речи. Поэтому первоначально одна и та же графема служит иной раз для письменного обозначения двух или даже трех разных морфем» [Ошанин, 1943, с. 43–44].

Под морфемой для китайского языка И. М. Ошанин, вслед за Е. Д. Поливановым, понимает минимальную единицу речевого деления, совпадающую с границами слога, обладающую самостоятельным значением, повторяющуюся с тем же значением в различных словах устной речи и не разлагающуюся на части, которые обладали бы самостоятельным смысловым значением. Силлабема – «элементарная единица слогопредставления, состоящая из гласных и согласных звуков, расположенных в определенном порядке. После придания силлабеме тона и силового ударения она дает полную характеристику слога китайского языка на данном этапе его развития» [Там же, с. 44].

Выделяя основные моменты трансформации независимых графических элементов в собственно языковые, И. М. Ошанин относит к таковым:

«1. В рисуночном письме и в простых элементах-пиктограммах, выделившихся из этих картин, как мне приходилось слышать из различных «курсов китайской иероглифики», будто бы нет рисунка, который бы обозначал мужчину (а только человека), зато есть специальный рисунок, обозначающий женщину. На этом основании в отечественной синологии изредка высказывалось мнение, что рождение «изобразительной категории» китайского письма надо относить к эпохе матриархального родового строя, что переход к патриархату будто бы сопровождался появлением «идеографической категории» письма, в котором и появляется впервые иероглиф 男 – мужчина. ... Отмечу, что, во-первых, графический примитив мужчины, видимо, существует в лице иероглифа 夫, но, во-вторых, пиктограммы показывают, что в Китае во время появления пиктографического письма существовал культ предков и широко развитый фаллический культ. В числе элементов-пиктограмм есть, по крайней мере, пять изображений фаллоса: 上 или 土 – жертвенник земле в форме фаллоса, 宜 – тот же жертвенник с возложенными на него ломтями мяса; 公 – имеет разные начертания, показывающие его трактовку в разрезе фаллического культа; 且 – таблица предков в форме фаллоса, и, наконец, 白 – видимо, амулет – фаллическое изображение солнца. Полагаю, что этот факт достаточно точно и убедительно опровергает приведенное выше мнение, если учесть ещё и

семантику как указанных примитивов, так и их производных. Например: 公 – отец; 伯 – старик, старший; 祖 – предок и т. п.

2. Громадное большинство надписей рисуночным письмом на ритуальных сосудах имеет внизу начертания, бывшие прежде тамгой, впоследствии превратившиеся в так называемые циклические знаки. Я считаю возможным, что знаки эти, будучи по происхождению тамгой, – в эту эпоху могли употребляться как некоторые календарные изображения.

3. Содержание пиктограмм-элементов китайского письма крайне разнообразно: мы встречаем здесь всевозможные орудия: лук, пращу; орудия плужного земледелия и ряд культурных растений; сети и ловушки; прирученных и используемых для хозяйства животных; плетение и гончарное дело; целый ряд сложных сосудов и утвари; шелководство и ткани; довольно сложные архитектурные сооружения; лодку и телегу; наконец, первообразный обмен, весы и рынок. Если даже учесть, что часть из этих пиктограмм появилась позднее – уже на той стадии существования письма, когда превалирующей формой в ней была идиома – все же придется сделать вывод из всего сказанного, что пиктограммы китайского письма – продукт первобытной культуры, но творцом их мог быть только человеческий коллектив, находившийся, во всяком случае, на позднейшей ступени развития первобытного общества, по меньшей мере, на средней ступени варварства по терминологии Morgan'а» [Ошанин, 1943, с. 46–48].

Подводя итоги своего анализа раннего этапа эволюции китайского письма, ученый указывает на следующие моменты:

1. В Китае никогда не было (и не могло быть) периода, когда существовала чистая пиктографическая письменность из одних только элементов «изобразительной категории» или «указательной категории», так как рисуночное письмо сосуществует с пиктограммами с самого начала и является тем источником, из которого рождаются пиктограммы.

2. Первыми графическими примитивами являются знаки тотема, а также тамга и «табу» и символы-жесты, причем появление последних связано с устной речью.

3. Развитие письма проходит по линии: условные знаки ↔ рисуночное письмо ↔ появление элементов, причем происходит два противоположных процесса: аналитический и синтезирующий.

4. Окончательное закрепление определенного начертания за обособившимися элементами пиктографического письма происходит поздно, во всяком случае после их обособления из картин рисуночного письма.

5. Первоначальное развитие иероглифического письма в Китае – пиктография – происходит на высокой ступени развития родового строя в его патриархальной форме.

6. Развитие письменности в Китае совершается скачкообразным процессом от рисуночного письма, не связанного с речью, к идеографии через ассоциацию с устной речью.

7. Как пиктограммы-элементы сосуществуют с рисуночным письмом, так и идеографическое письмо сосуществует с элементами-пиктограммами, и речь может идти лишь о смене в китайском письме преобладающих в нем форм [Ошанин, 1943, с. 48].

Литература

Готлиб О. М., Кремнёв Е. В., Шишмарева Т. Е. Отечественные труды в области грамматики китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX в. В. П. Васильев, С. М. Георгиевский, Ю. В. Бунаков, И. М. Ошанин : монография. Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2014. 283 с.

Ошанин И. М. Происхождение, развитие и структура современного китайского письма : дис. ... канд. филол. наук. М., 1943. 147 с.

В. В. Круглов

ГАОУ ДПО «Центр педагогического мастерства», Москва

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ КАК НЕОБХОДИМЫЙ КОМПОНЕНТ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ

Аннотация. Рассмотрена необходимость внедрения лингвострановедения в процесс изучения китайского языка в школе, так как получение знаний об истории, географии, экономике страны изучаемого языка помогает подготовиться к реальному межкультурному взаимодействию с представителями китайской культуры во всех сферах жизни. Неспроста во Всероссийскую олимпиаду школьников по китайскому языку был включен блок лингвострановедческих вопросов. Автор подробно описывает процесс подготовки к аспекту олимпиады «Лингвострановедение Китая».

Ключевые слова: лингвострановедение, Китай, Всероссийская олимпиада школьников.

V. Kruglov

Center of Pedagogical Proficiency, Moscow

LINGUACULTURAL KNOWLEDGE AS A NECESSARY COMPONENT OF THE STUDY OF CHINESE LANGUAGE IN SCHOOL

Abstract. The article deals with the necessity of introduction of linguacultural studies to the process of learning Chinese in school because the knowledge about history, geography and economy of the country helps pupils prepare well for the intercultural interaction with the Chinese in all spheres of life. Examination of the linguacultural knowledge was included in the All-Russian School Chinese Language Olympiad. The author also describes the process of preparation for this complicated part.

Keywords: linguacultural studies, China, the All-Russian School Olympiad.

В современной методике обучения иностранному языку большую популярность приобретает коммуникативный подход. В основе этого подхода лежит идея формирования билингвального навыка. Речевое действие является объектом обучения в рамках коммуникативного подхода. Обучение иностранному языку является специфической психофизической деятельностью, обеспечивающей производство и восприятие высказываний на данном языке как операционной готовности включения в ту или иную ситуацию реального общения.

Для каждой нации характерен свой собственный культурный код. Китай, являясь цивилизацией доосевого времени, представляет огромный интерес для исследования. Поэтому при изучении китайского языка необходимо уделять большое внимание формированию лингвострановедческого базиса. Владение иностранным языком должно быть тесно связано с получением знаний о культуре, истории, географии, экономики страны изучаемого языка. Словом, необходимым является получение знаний по всем областям жизни страны, человек, изучающий иностранный язык, воспитывает в себе диалектическое, порой сакральное отношение к народу и стране, развивает языковые, речевые и прочие способности, навыки общения в разных жизненных ситуациях.

Зачастую при изучении китайского языка в школе формированию лингвострановедческого базиса уделяется очень мало внимания. Во-первых, многие педагоги считают, что лингвострановедческие знания – это повышенный уровень сложности для обучающихся. Во-вторых, в школах многие преподаватели не имеют востоковедческого образования в широком смысле этого слова. В-третьих, в учебниках и учебных пособиях наблюдается существенный недостаток лингвострановедческих комментариев. Однако в последнее время появляется все больше новых УМК, которые построены на основе коммуникативного подхода и учитывают необходимость углублённой лингвострановедческой подготовки (например, учебник О. А. Масловец).

К сожалению, часто происходит, что все знания о стране изучающие китайский язык приобретают самостоятельно, вне учебного процесса. Как правило, это те учащиеся, который в большей степени заинтересованы в изучении китайского языка, либо те, которые прожили довольно продолжительный период в Китае, находясь в условиях иноязычной культуры.

Задания Всероссийской олимпиады школьников по китайскому языку содержат лингвострановедческий блок, что представляет собой справедливый критерий проверки знаний о стране изучаемого языка. При подготовке к этой части олимпиады участники получают огромный багаж знаний, который позволяет им подготовиться к реальному межкультурному взаимодействию с представителями китайской культуры во всех сферах жизни.

Подготовка должна проводиться по следующим блокам: История Китая, география Китая, экономика Китая, культура Китая, социально-политические учения, этнополитическая история Китая, дипломатия Китая и т. п. Ниже приводится список тем, по которым рекомендуется читать лекции для школьников при подготовке к Всероссийской олимпиаде школьников по китайскому языку:

1	Феномен «天下». Историография. История Китая с династии Ся до Хань
2	От культурного расцвета до Великой империи: генезис китайского государства от династии Хань до династии Суй
3	От империи до полуколонии. Династии Тан, Юань, Мин, Цин. Периоды раздробленности: «Пять династий», «Десять государств»
4	Китай в первую половину XX в.
5	От Мао до Дэна: взлеты и падения
6	Современный Китай
7	Архитектурный комплекс Китая
8	Традиционная дипломатия Китая. Социально-политические учения
9	Тайваньский вопрос, САР Гонконг и Макао: проблемы демократизации общества
10	Этнополитическая ситуация в Китае
11	Географическое положение Китая, ресурсы КНР, население Китая, религия
12	Развитие хозяйства КНР, Топливо-энергетический комплекс, черная и цветная металлургия, машиностроение
13	Легкая и пищевая промышленность, сельское хозяйство, транспорт, система образования в КНР, здравоохранение, сфера услуг и туризм, внешнеэкономические связи Китая
14	Символика в китайской культуре
15	Праздники
16	Литературное наследие Китая, развитие китайского языка

Полноценная подготовка к лингвострановедческой части олимпиады ведётся в течение одного академического года. Формы контроля знаний включают в себя устный зачёт и экзамен. Устный зачёт включает в себя развёрнутый ответ на два вопроса на русском языке с использованием не менее пяти лингвострановедческих терминов (умение воспроизвести и записать в иероглифике). Экзамен состоит из двух частей:

письменная и устная. Письменная часть включает в себя решение тестовых заданий, так называемые срезы. В течение учебного семестра проводится три среза, в каждом – по десять-пятнадцать вопросов с множественным выбором, что полностью соответствует формату лингвострановедческой части Олимпиады¹. Устная часть экзамена проверяет, насколько глубоко и отчетливо школьники понимают логику развития исторического процесса в Поднебесной, как они объясняют исторические события Китая, знают ли они географию Китая, основные закономерности развития экономики региона и т. п. Подобная форма контроля исключает поверхностное знание материала. Ведь зачастую школьники просто заучивают материал без понимания внутренних и внешних механизмов развития китайской цивилизации, что предельно важно при изучении китайского языка и формировании глубоких Китаеведческих знаний. Во время устного экзамена может привлекаться иллюстративный материал. К каждому билету экзамена готовится отдельный комплект иллюстраций, а сдающий должен описать в деталях предложенное ему изображение на китайском языке. Таким образом, подготовка к лингвострановедческой части Олимпиады становится наиболее комплексной и всеобъемлющей.

При изучении лингвострановедения необходимо создать тезаурус на иностранном языке, который будет обязателен для заучивания. Помимо этого, тестовый формат и различные игровые формы, например дебаты на иностранном языке на одну из тем лингвострановедения, являются эффективными формами контроля.

Для более углублённой подготовки привлекаются разного рода учебные пособия как китайских, так и отечественных авторов. Огромный вклад в становление отечественного Китаеведения внёс Олег Маркович Готлиб (1951 – 2016 гг.) – один из ведущих российских Китаеведов, специалист по грамматике китайского языка и этнологии Китая. Его учебное пособие «Китай. Лингвострановедение» является неоценимым вкладом в создание комплексного лингвострановедческого базиса при изучении китайского языка². Тексты пособия сопровождаются необходимым глоссарием и блоком упражнений, направленных на закрепление и совершенствование знаний, умений и навыков в различных сторонах языковой активности, что в большой степени облегчает олимпиадникам подготовку к этой части.

¹ 中国在哪一年加入世界贸易组织？

- A. 1975 年
- B. 2016 年
- C. 1999 年
- D. 2001 年

² Готлиб О. М. Китай. Лингвострановедение : учеб. пособие. М., 2006, 2012. 192 с.

Существует ещё ряд пособий, которые нацелены на создание комплекса знаний о Китае. Например, «Страноведение Китая» : учеб. хрестоматия (сост. И. В. Кочергин ; сост. В. Ф. Щичко ; под ред. Л. Г. Губарева. М. : Муравей, 1999); Круглов В. В. Лингвострановедение Китая : учебное пособие для подготовки к Всероссийской олимпиаде по китайскому языку (М. : Изд-во ЦПМ, 2016) и т. п. Пособие В. В. Круглова содержит обширный комплекс сведений по истории, географии, культуре, науке, искусству, геополитике Китайской Народной Республики. Последовательное системное изложение материала облегчает подготовку к аспекту «Лингвострановедение» Всероссийской олимпиады школьников по китайскому языку. Особенностью учебного пособия является то, что все термины, которые могут встретиться в заданиях олимпиады, записаны иероглифами. Изложение материала ведётся на русском языке.

Итак, лингвострановедение является материей, в которой существует язык как системно-структурное образование. Именно с помощью лингвострановедческих знаний реализуется коммуникативная компетенция в актах межкультурной коммуникации, прежде всего через адекватное восприятие речи собеседника и понимание оригинальных текстов.

О. В. Кузнецова

Иркутский государственный университет, Иркутск

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПИЩИ В КОРЕЙСКИХ ПРАЗДНИКАХ И ОБРЯДАХ ГОДОВОГО ЦИКЛА

Аннотация. Рассматриваются четыре главных народных корейских праздника, анализируется роль пищи и земледелия в проведении основных праздничных обрядов. Отдельное внимание уделено ритуальной пище и суевериям, связанным с праздничными блюдами и поведением за столом во время обрядов годового цикла.

Ключевые слова: культура, обряд, праздник, культура питания, календарный цикл, Корея.

O. Kuznetsova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE IMPORTANCE OF FOOD IN KOREAN HOLIDAYS AND CEREMONIES

Abstract. The aim of the article is to consider four main traditional Korean holidays. The author analyzes the impact of agriculture and food traditions on different holiday ceremonies. Particular attention is turned to the ritual food and superstitions about holiday meals and people's behavior at the table.

Keywords: culture, ceremony, holiday, nutritional education, seasonal cycle, Korea.

Элементы традиционной культуры питания корейцев, виды пищи, находятся в тесной связи с обрядами годового цикла, представляют собой сложный и многогранный комплекс, отразивший и сохраняющий до сих пор многие исторически сложившиеся этические и эстетические представления корейского народа.

В культуре и быту корейцев значительное место занимают праздники и обряды, связанные с определенными календарными датами. Как отмечает Р. Ш. Джарылгасинова в своей работе, посвященной исследованию календарных обычаев и обрядов корейцев, особенно яркими и массовыми были праздники, связанные с двумя основными вехами в жизни древних земледельцев – началом полевых работ и временем сбора урожая. Календарные праздники были тесно связаны с семейными и общинными традициями. На их формирование оказала влияние социально-экономическая, политическая, культурная жизнь страны и народа, а также идеологии буддизма, конфуцианства и даосизма. Кроме того, в календарной обрядности корейцев особое место принадлежит системе древних шаманистических верований [Джарылгасинова, 1985].

Автор пишет, что «Китайские династийные хроники “Саньгочжи” (III в.) (автор Чэнь Шоу) и “Хоуханьшу” (V в.) (автор Фань Е) сохранили описания некоторых календарных праздников, которые бытовали у древнекорейских народов в первых веках нашей эры. Прежде всего эти праздники были связаны с двумя основными этапами в жизни земледельцев – со временем подготовки или окончания посевных работ и со сбором урожая. Сами торжества продолжались по несколько дней и ночей, во время которых люди пели и танцевали. Обильные пиршества и массовые увеселения должны были не только высказать радость людей по поводу завершения важных этапов работ, но и способствовать богатому урожаю, процветанию, благополучию всех в будущем. Всеобщее веселье, переданное китайскими учеными во фразе “пьют и едят, поют и танцуют”, было выражением радости и рассматривалось как залог грядущего процветания, более того – продолжения жизни» [Там же].

По мнению А. Н. Ланькова, праздники и ритуалы годового цикла в современной Корее изменились гораздо сильнее, чем обряды жизненного цикла. Исследователь полагает, что это объясняется тем фактом, что обряды жизненного цикла связаны с событиями, в той или иной степени одинаковыми во всех культурах. Что касается обрядов календарного цикла, они в большей степени связаны с религиозными представлениями, следовательно, неудивительно, что в настоящее время многие праздники отошли на второй план. Например, из четырех главных праздников старой Кореи – Лунного нового года, праздника Чхусок, праздника Тано и праздника Хансик, сейчас широко отмечаются только первые два [Ланьков, 2000].

Цель данной статьи – рассмотреть четыре главных народных праздника традиционной Кореи, а именно то, какую роль играла пища в праздничных обрядах и ритуалах корейцев. Можно предположить, что пища имела яркую символику и, как любой другой элемент материальной культуры, обладала определенным статусом. Еда рассматривалась как источник жизненной силы, выступала в качестве символического начала, вокруг которого временно объединялись люди, духи и боже-ства. Неслучайно большинство праздничных ритуалов посвящено именно сбору урожая или началу сельскохозяйственных работ.

При всей специфике, отличавшей праздники каждого из древнекорейских народов, у них были общие черты: главными были праздники, завершавшие сельскохозяйственные работы, отмечались праздники окончания посевного сезона. Среди обрядов важное место занимали жертвоприношения Небу. Праздники были массовыми, наряду с играми и развлечениями большое значение придавалось обильной еде и обильному питью, так как в изобилии видели залог будущего процветания [Кузнецова, 2004; 2016].

Новый год по лунному календарю Сольналь

Новый год по лунному календарю *Сольналь* (설날) является одним из наиболее популярных традиционных праздников, широко отмечаемых в современной Корее. Утро праздничного дня начинается с обряда поклонения предкам, который совершается перед поминальными табличками. На домашнем алтаре располагают приносимые в жертву блюда, среди которых обязательно присутствует тарелка *ттоккука* (떡국). Суп из отбивных рисовых хлебцев *ттоккук* является типичным блюдом для праздника Сольналь.

После обряда вся семья съедает суп, и дети совершают земной поклон родителям и старшим членам семьи в качестве поздравления с Новым годом. Даже если в доме не совершают новогодний обряд, ттоккук едят обязательно. Белизна ломтиков ттока в этом блюде символизирует чистоту помыслов, с которыми вступают в новый год, в «новую жизнь». Основной компонент ттоккука – хлебцы тток, по форме напоминающие длинные колбаски, нарезанные плоскими кружочками. Вторым важным компонентом является бульон, который варят из костей, говяжьей грудинки и коленной части коровьей туши. Говяжьё грудинку затем вынимают из бульона, мелко нарезают и приправляют соевым соусом, сахаром, мелко порубленными луком и чесноком, кунжутным маслом и поджаренным толченым кунжутом с солью [Гуенков, 2002]. Съесть *ттоккук* в Новый год означает повзрослеть еще на год, поэтому дети, пытаясь раньше повзрослеть, съедали по несколько чашек этого супа.

Еще одним угощением, которое традиционно готовят в Корее по большому праздникам, включая Сольлаль, является сладкий рисовый напиток *сикхе* (식혜). Способ его приготовления следующий: неклеякий рис варят до готовности. Затем в воде разводят солод, добавляют в раствор сваренный рис и оставляют на ночь в теплом месте при температуре примерно 50–60 °С. В процессе брожения рисинки всплывают на поверхность. После этого напиток процеживают. Рис промывают холодной водой и обсушивают. Затем в отцеженную жидкость добавляют сахар или мед и доводят ее до кипения. При варке часто также добавляют мелко нарезанный имбирь или сок лимона. Это придает напитку своеобразный вкус и запах. Подается сикхе в сильно охлажденном виде. Перед подачей в пиалу наливают напиток, добавляют одну ложку риса и несколько зернышек кедрового ореха, семена граната или плоды жужубы.

Большие праздники в Корее редко обходятся и без такого напитка, как *сучжонгва* (수정과), приготавливаемого из имбиря, хурмы и корицы с сахаром или медом [Гуенков, 2002].

Новогодний стол в Корее часто украшают такие мясные блюда, как *кальби-ччим* (가리비찜) и *кальби-куи* (가리비구이). *Кальби-куи* – это предварительно вымоченные в соусе и поджаренные на огне говяжьи ребрышки. *Кальби-ччим* представляет собой тушеные говяжьи ребра.

Еще одним украшением праздничного стола в Корее служат сонпхён (송편) – корейские вареники из риса с начинкой из красной фасоли, маша, зеленого гороха, ююбы, полыни [Гуенков, 2007].

Любопытно, что на Сольлаль часто дарят съестное – фрукты, традиционное корейское печенье, алкогольные напитки, мясо на корейский шашлык – кальби или пулькоги и даже наборы консервов.

Праздник урожая – чхусок

Чхусок (추석), который отмечается в 15-й день 8-й луны по лунному календарю, является крупнейшим и наиболее популярным праздником в Корее. *Чхусок* еще называют праздником урожая, потому что он всегда был связан с урожаем, так как 15-й день 8-й луны выпадает по западному календарю на сентябрь или изредка на начало октября, т. е. на то время, когда крестьяне заканчивали полевые работы. По традиции, в этот день семьи собирались в доме старшего из родственников, где они совершали обряд жертвоприношения духам предков. Важно, чтобы блюда, приносимые в жертву, были изготовлены из продуктов нового урожая [Ким, 2010]. Обычно на алтарь ставят тток и водку из риса нового урожая, а также свежие фрукты: хурму, каштаны, ююбу, орехи, плоды гинко, айву. По традиции оставшуюся от поминального обряда пищу разделяли между собой члены семьи. Кроме кормления

предков в канун чхусока и после него на помосте для чанов с кимчхи во дворе расстилали солому и уставляли ее угощениями из плодов нового урожая – ттоком, супом из водорослей, салатами из свежей зелени, редькой и капустой, мясным бульоном. Это предназначалось для домашнего. Сначала его угощали во дворе, затем переносили еду в дом и кормили там [Симбирцева, 2000].

Специфическим видом праздничной пищи, характерной именно для праздника Чхусок, являются *сонпхён*. По традиции в изготовлении хлебцев участвует вся семья. Делают их из свежего риса нового урожая, в качестве начинки обычно используют пасту из сладкой фасоли патх, а для ароматизации и создания специфического, только этому блюду присущего вкуса в рисовую массу добавляют свежую хвою. Кроме этого, существуют и некоторые другие виды ритуальной пищи, связанные с праздником Чхусок, но только сонпхён и в наши дни остается неизменной принадлежностью праздничного стола. По данным А. Н. Ланькова, его изготавливают по праздникам 3/4 всех корейцев [Ланьков, 2000].

Популярность данного блюда подтверждает и Т. М. Симбирцева: «Сонпхён так же любим корейцами, как любимы русскими пирожки с капустой. Когда-то его изготавливали всей семьей, собравшись дома вечером в канун праздника. Если хлебцы получались красивыми – это предвещало женитьбу на красивой жене. Некрасивые сонпхён сулили брак с уродливой женой. Поэтому, изготавливая их, молодые парни прилагали особое старание. Беременные женщины гадали о том, каков пол будущего ребенка, закладывая в специально помеченный хлебец иглу от сосны. Надкус в области того места, где сосновая игла прикрепляется к ветке, предвещал рождение дочери [Симбирцева, 2000].

С сонпхён связано еще одно любопытное суеверие: считается, что незамужняя дочь, которая умеет делать красивые рисовые хлебцы сонпхён, выйдя замуж, будет сама рожать красивых дочерей.

К празднику в больших количествах готовили водку *пэчху* из риса нового урожая. Она была обязательной составной частью жертвоприношения предкам, лучшим угощением гостей. Наличие водки за праздничным столом предполагало изобилие в доме в будущем году, способствовало укреплению отношений между людьми, считалось хорошим знаком, если кто-то из гостей, напившись, не мог встать с места или даже засыпал за столом.

Обязательным считалось наличие на праздничном столе блюда из курицы. Считалось полезным есть мясо куриц, вылупившихся весной. Их специально выращивали к празднику и часто использовали в качестве подарков старшим. Преданная дочь отправлялась в дом к своим родителям, взяв курицу или сверток с яйцами. Тещи обязательно угощали зятьев мясом куриц-несушек [Симбирцева, 2000].

День холодной пищи – хансик

День холодной пищи хансик (한식) отмечается на 105-й день после зимнего солнцестояния, и по григорианскому календарю приходится на 5-7 апреля. Традиция отмечать этот праздник пришла в Корею из Китая, где в эти дни отмечается традиционный праздник Цинмин (День поминовения усопших, Праздник чистого света, Праздник чистоты и ясности или День холодной пищи). Значительно позднее произошло переосмысление праздника День холодной пищи. Согласно конфуцианской традиции в этот день происходит поминовение Цзе Цзытуя (оруженосца одного из князей царства Цзинь, жившего в VI в. до н. э.). Обычай чествования памяти стойкого и преданного Цзе Цзытуя перешел в Корею. Однако официальная конфуцианская версия происхождения этого праздника не вытеснила в сознании корейского народа древних представлений о весеннем празднике как празднике плодородия [Джарылгасинова, 1989].

В этот день в доме не полагается разводить огонь. Не является исключением и огонь в очаге, поэтому в этот день приходится есть только холодную пищу. Традиционно – это день, когда люди посещали могилы родных, приводили их в порядок после зимы и проводили на могилах жертвоприношение душам предков. Кроме того, в этот день полагалось изготавливать отбивные рисовые хлебцы с полынью (они входили и в состав жертвенной пищи). В наши дни этот обряд, как правило, продолжают соблюдать [Ланьков, 2000].

День Тано

День Тано (5-й день 5-й луны). В прошлом к этому времени крестьяне заканчивали посевы яровых культур и высадку рисовой рассады в поле. Поэтому истоки праздника связаны, с одной стороны, с окончанием посевного периода в сельскохозяйственном цикле, с другой – с переломным моментом в природе – летним солнцестоянием, о чем свидетельствуют древние наименования праздника – Сезон знойного полдня, Сезон середины Неба. В это время происходил сбор целебных трав и цветов, которыми запасались на всю зиму. Так, в 5-й день 5-го месяца девушки собирали непременно левой рукой полынь – ссук [Джарылгасинова, 1989].

Как и День холодной пищи, этот праздник связывается в традиции с памятью одного из славных мужей китайской древности – поэта Цюй Юаня, покончившего с собой в изгнании. День его ритуального самоубийства (день Дуань-у по восточному календарю) отмечается в Китае как праздник под названием Праздник Драконьих Лодок (кит. trad. 端午節, упр. 端午节) [Ланьков, 2000].

На праздник, посвященный окончанию посевных работ, готовили паровые лепешки в форме колеса телеги с добавлением листьев полыни [Корнеева, 2014].

День зимнего солнцестояния – тончжи

Еще одним праздником календарного цикла является День зимнего солнцестояния *тончжи*. По обычаю, и сейчас соблюдаемому во многих корейских домах, в том числе и городских, в этот день полагается есть специальную жидкую кашу из сладкой красной фасоли *пхатчук* (팥죽). Блюдо приносили в дар предкам, а затем подавали к столу как праздничное угощение. К нему добавляли немного клейкого риса и яйца, которые придавали еще более приятный вкус. Каждый должен был съесть столько ложек блюда, сколько ему лет.

Считается, что традиция есть пхатчук в день зимнего солнцестояния пришла в Корею из Китая. Происхождение этой традиции объясняется в древнем китайском трактате VI в. о традициях провинций Хубэй и Хунань. У одного старца был непутевый сын, который умер в день зимнего солнцестояния и превратился в злого духа оспы. Молодой человек при жизни боялся фасоли, поэтому в день зимнего солнцестояния нужно обязательно есть кашу из фасоли – советуется в этом трактате [Гуенков, 2001].

Упоминания о каше пхатчук содержатся также в корейских исторических документах эпохи Коре и Чосон. В древности в Корее считалось, что злые духи боятся красного цвета, поэтому в день тончжи для предотвращения несчастий корейцы обмазывали главные ворота дома кашей пхатчук, которая на морозе быстро застывала и хорошо держалась на воротах. Поскольку каша имеет красный цвет, то считалось, что она будет отгонять злых духов. По наблюдениям Н. И. Конрада, в некоторых домах рано утром, в 5–6 часов, хозяин или хозяйка выходили к воротам и брызгали на них кашей или выливали ложку этого кушанья на землю, приговаривая: «Боги счастья, придите, а ты, зима, съешь это и уходи подальше вместе со злыми духами» [Самсонов, 2013]. Иногда женщины, перед тем, как есть, обводили вокруг блюда ножом и призывали духов, после чего втыкали нож в кашу и некоторое время молились.

Таким образом, большинство корейских обрядов годового цикла связаны с основным способом добывания пищи в древней Корее – земледелием. Праздники приурочены к началу или окончанию полевых работ, времени сбора урожая и так далее. На формирование календарных обрядов значительно повлияли религиозные представления, господствующие в Корее в определённые периоды. Многие праздничные традиции, в том числе и пищевые, например есть только холодную пищу в хансик, были заимствованы из Китая.

Литература

- Гуенков В. И. Как избавиться от злых духов? [Электронный ресурс] // Сеульский вестн. 2001. 10 дек. URL: <http://vestnik.kr/articles/cuisine/3560.html>.
- Гуенков В. И. Что едят на лунный Новый год? [Электронный ресурс] // Сеульский вестн. 2002. 23 янв. URL: <http://vestnik.kr/articles/cuisine/3554.html>.
- Гуенков В. И. Новогодние угощения [Электронный ресурс] // Сеульский вестн. 2007. 22 янв. URL: <http://vestnik.kr/articles/cuisine/3089.html>.
- Джарылгасинова Р. Ш., Крюков М. В. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М. : Наука, 1985. 264 с. с ил.
- Джарылгасинова Р. Ш., Крюков М. В. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М. : Наука, 1989. 360 с.
- Ким Г. Н. Республика Корея. Алматы : Дайк-пресс, 2010. 589 с.
- Корнеева И. В. Паровые хлебцы *тток* в корейских обрядах // Корееведение Казахстана. Алматы, 2014. Вып. 2. С. 222–228.
- Кузнецова О. В. Что полезно одному, то вредно другому // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. Сер. Лингвистика. 2004. № 3. С. 46–52.
- Кузнецова О. В. К вопросу о роли пищи в корейских обрядах жизненного цикла // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 30–31 мая 2016 г.). Иркутск, 2016. С. 65–75.
- Ланьков А. Н. Корея: будни и праздники. М. : Междунар. отношения, 2000. 480 с.
- Самсонов Д. А. Корейский этикет: опыт этнографического исследования. СПб. : Наука, 2013. 144 с.
12. Симбирцева Т. М. Корея на перекрестке эпох. М. : Муравей-Гайд, 2000. 256 с.

О. В. Кузнецова, Е. С. Новикова

Иркутский государственный университет, Иркутск

РОЛЬ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В ТРАНСФОРМАЦИИ АМЕРИКАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В XXI ВЕКЕ

Аннотация. Рассмотрен потенциал, которым обладает семья в США в воспроизводстве ценностей на современном этапе. Во-первых, прослежена политика американской администрации в отношении института семьи с эволюционной точки зрения, во-вторых, выявлена степень влияния факторов этой политики на состояние данного социального института, в-третьих, определена роль американского населения, оказывающая влияние на трансформации в ценностных течениях базовой ячейки общества. Результаты исследования позволяют составить прогнозы в отношении политических шагов новой власти Соединенных Штатов в направлении трансформаций в области института семьи.

Ключевые слова: американская семья, семейные ценности, факторы, эволюция, политика администрации США, тенденции изменения семьи.

O. Kuznetsova, E. Novikova
Irkutsk State University, Irkutsk

THE ROLE OF FAMILY INSTITUTE IN THE TRANSFORMATION OF AMERICAN VALUES IN THE 21ST CENTURY

Abstract. The article examines the potential that the family in the United States possesses in the reproduction of values in the 21st century. First of all, the American administration's policy

toward the family was traced from the evolutionary point of view; secondly, the degree of factors' influence of this policy on the status of the social institution was determined; then, the role of the American population in transforming the values of the basic unit of society was defined. With the help of the results obtained, it seems possible to forecast the political steps of the new United States government towards transformations in the field of family institution.

Keywords: American family; family values; factors; evolution; the policy of the US administration; trends in family changes.

Ценности в контексте изучения института семьи представляют собой ту основу, которая формирует дальнейшее отношение к жизни у человека. Это моральные и этические принципы, традиционно прививаемые в семье для успешного функционирования индивида в обществе. Обычно они складываются в обществе на протяжении определенного исторического периода и связаны с созданием и дальнейшим существованием семьи.

В последние годы семейные ценности в США так же, как и сам институт семьи, претерпевают значительные трансформации, чаще всего ассоциируясь с негативной направленностью. Считается, что эволюционная тенденция так или иначе связана с эпохой, в которой проживают разные поколения. Так, поколение XXI в. является более разнообразным и открытым к восприятию новшеств, нежели предшествующие поколения, что выражается в смене ранее принятых установок. Кроме того, одним из определяющих факторов, способствующих появлению и распространению новых ценностей, считается сама природа Соединенных Штатов, которые представляют собой смешение различных народов, культур, стилей жизни. Каждый этнос, оказываясь на территории США, не обязательно стремится к ассимиляции. Наоборот, каждый отстаивает право на существование своих особенностей [Кузнецова, Новопашина, 2016].

Вместе с тем нельзя не отметить роль руководства страны в ценностном эволюционировании. Прежде всего, представители двух главных политических партий – демократов и республиканцев – имеют кардинально противоположную систему воззрений, в частности, и в отношении ценностных ориентиров американского общества. Так, ярким примером деятельности демократов стала легализация однополых браков в 2015 г., что коренным образом изменило картину традиционных ценностей в стране. Новая же администрация во главе с Дональдом Трампом не только не отменила закон, но и заявила, что решение Верховного суда уже вынесено и не подлежит очередному рассмотрению. Однако новоизбранный президент уже дал понять, что отныне в Верховный суд и суды низшей инстанции будут назначаться судьи, выступающие против однополых союзов [Donald Trump: Opposes Nationwide Marriage Equality, 2016]. Интересен тот факт, что известная позиция Трампа по отношению к нетрадиционным парам стала причиной массо-

вого заключения официальных браков представителями ЛГБТ осенью 2016 г., т. е. еще во время президентства Барака Обамы [Jamieson, 2017]. На данном этапе деятельности Трампа преждевременно говорить о том, будут ли проводиться какие-либо мероприятия по постепенному сворачиванию закона, разрешающего однополые браки, однако совершенно очевидно, что новоиспеченного президента куда больше волнует другая проблема американского общества, а именно право на аборт.

Несмотря на то что позиция Трампа по данному вопросу менялась на протяжении нескольких лет, как и любой республиканец, он выступает против абортов, обозначив лишь три причины, дающие право на проведение операции, – насилие, инцест, а также угроза жизни и здоровью женщины. Важно отметить, что через два дня после инаугурации американский президент подписал указ, восстанавливающий Global Gag Rule 1984 г. Рональда Рейгана. Данный указ запрещает предоставление финансирования американским неправительственным организациям, специализирующимся на предоставлении консультаций и услуг по широкому спектру планирования семьи, при условии проведения этими организациями абортов. Указ Трампа был подписан на следующий день после годовщины решения Верховного Суда «Роу против Уэйда» (1973), которое дало женщинам право на аборт [Terkel, Bassett, 2017]. Несмотря на ожесточенную дискуссию по данному вопросу, направленность политики новоизбранного президента кажется вполне разумной, если учитывать текущую демографическую ситуацию в стране, а также общие моральные принципы, преобладающие в американском обществе в последнее время.

Администрация Барака Обамы оказалась довольно открытой и по отношению к психоактивным веществам, в частности к марихуане. Фактом, указывающим на деградацию американского общества, является даже не то, что такая инициатива имела место со стороны президента, а то, что население активно поддержало нововведение. Так, в 1969 г. лишь 12 % одобряли легализацию каннабиса, в то время как сегодня уже 53 % выступают «за», объясняя это тем, что курение сигарет и употребление алкоголя являются более губительными привычками (69 % опрошенных) [Кузнецова, Новопашина, 2016, с. 26]. В то же время 62 % респондентов отрицательно относятся к курению марихуаны в общественных местах. Таким образом, к весне 2015 г. каннабис был в тех или иных целях (в основном в медицинских) легализован в 27 штатах: 4 штата – Колорадо, Вашингтон, Орегон и Аляска – выступили за полное узаконение марихуаны, 14 штатов отменили уголовную ответственность за употребление лишь определенного количества данного вещества [Motel, 2015]. В большинстве своем проponentами легализации выступало поколение миллениалов (68 %) [Кузнецова, Новопаши-

на, 2016, с. 85]. Однако тенденция изменила свою направленность и среди представителей других поколений и устремилась вверх, к ее одобрению: 50 % среди бэби-бумеров, 52 % среди поколения X и лишь 29 % среди «молчаливого поколения» 1928–1945 гг. Объясняя причины, по которым стоит легализовать каннабис, 41 % высказались за преимущества его использования в медицине и 36 % – за менее губительный эффект по сравнению с алкоголем и табаком. Кроме того, нашлись и те, кто верил в снижение уровня преступности ввиду того, что торговцам наркотиками стал бы невыгоден их бизнес [In Debate Over Legalizing Marijuana, Disagreement Over Drug's Dangers, 2015]. По данным на 2016 г., число сторонников легализации продолжает расти и достигает 57 % [Geiger, 2016]. Новый президент Соединенных Штатов Дональд Трамп также обозначил свою позицию по данному вопросу и заявил, что в целях медицинского использования доступ к марихуане должен быть легальным; в остальном же каждый штат определяет на свое собственное усмотрение статус каннабиса [Bell, 2017].

Население США также способно оказывать влияние на смену устоявшихся ценностей путем эволюции в сознании людей. Ставшая популярной тенденция вовлечения женщин, а именно матерей в трудовую деятельность способствует неравномерному распределению домашних обязанностей. Кроме того, наблюдается смена гендерных ролей, когда женщины посвящают себя зарабатыванию денег, а мужчины – воспитанию и заботе о детях. Согласно выводам аналитиков Бюро переписи населения США (United States Census Bureau), за последние несколько десятилетий процент женщин, которые без помощи мужчин обеспечивают семью в финансовом плане, вырос с 6 до 23 % [В США мужчины и женщины меняются ролями, 2013]. Эти данные позволяют говорить о значительном перевороте относительно гендерных ролей в семейных отношениях. Большинство американцев уверены в том, что каждый должен заниматься тем, что у него действительно хорошо получается и приносит пользу, в том числе и окружающим. Таким образом, многовековой стереотип об исключительном предназначении женщины постепенно теряет свою актуальность.

Религия в США на протяжении долгого исторического периода оказывала влияние на мировоззрение американцев, а также защищала традиционные нормы морали в данной стране. На сегодняшний же день возрастает число тех, кто не считает себя принадлежащим к какой-либо религиозной группе: по сравнению с 1970–1980-ми гг., когда лишь менее 1 из 10 американцев заявляли о непринадлежности ни к одной из религий, современная история США уже насчитывает 49 % населения страны [Lipka, 2016]. Для 53 % американцев вера в Бога никак не является причиной наличия моральных принципов и ценностей, и ввиду не-

давних событий такое заявление имеет свое обоснование: случай избия в церкви прихожанами молодых людей с целью их раскаяния в своих грехах, что повлекло смерть одного из пострадавших [Липка, 2016 Горина, 2015]. Кроме того, основываясь на данных диаграммы, приведенной в статье Н. Хвыля-Олинтер, можно сделать вывод, что из-за довольно либеральной политики, проводимой в духовной сфере жизни общества, представления американцев относительно грехов в значительной степени эволюционировали. Так, например, на сегодняшний день только наличие гомосексуальных связей и аборты приравниваются у верующих американцев к грехам, в то время как отношение к употреблению алкоголя, покупке дорогостоящих вещей и разводам совершенно противоположное [Хвыля-Олинтер, 2015]. Всё это подрывает некогда сильную веру в то, что именно церковь играет значительную роль в прививании правильных представлений о ценностях.

Таким образом, проанализировав возможные факторы, оказывающие влияние на формирование ценностей в США, невозможно сделать однозначного вывода об уровне потенциала американской семьи в воспроизводстве ценностей. Однако совершенно очевидно, что населению следует избирательнее относиться к решениям администрации страны в отношении некоторых реформ во внутренней политике Соединенных Штатов и, следовательно, доносить до молодого поколения тщательно обдуманые нормы и ценности, так как именно институт семьи несет образовательно-воспитательную функцию на ранней стадии развития подрастающего поколения.

Литература

В США мужчины и женщины меняются ролями [Электронный ресурс]. URL: <https://oko-planet.su/politik/politiklist/176159-v-ssha-muzhchiny-i-zhenschiny-menyayutsya-rolyami.html>.

Горина Т. В США прихожане убили юношу за отказ исповедаться [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/incident/2015/10/15/v-amerikanskoj-cerkvi-roditeli-ubili-syna-za-otkaz-ispovedatsya.html>.

Кузнецова О. В., Новопашина Е. С. Тенденции развития американской семьи в XX–XXI вв. // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 30–31 мая 2016 г.). Иркутск, 2016а. С. 81–90.

Кузнецова О. В., Новопашина Е. С. Факторы трансформации американской семьи в XX в. Научные исследования современных ученых : XV Междунар. науч.-практ. конф. М. : Олимп, 2016б. С. 25–28.

Хвыля-Олинтер Н. А. Ценности американские и не только [Электронный ресурс]. URL: <http://rusrand.ru/analytics/tsennosti-amerikanskie-i-ne-tolko>.

Bell G. How The Trump Administration Is Likely to Proceed on Weed Legalization [Электронный ресурс]. URL: <http://heatst.com/politics/trump-weed-policy/>.

Donald Trump: Opposes Nationwide Marriage Equality [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrc.org/2016RepublicanFacts/donald-trump-opposes-nationwide-marriage-equality>.

Geiger A. Support for marijuana legalization continues to rise [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/10/12/support-for-marijuana-legalization-continues-to-rise/>.

In Debate Over Legalizing Marijuana, Disagreement Over Drug's Dangers [Электронный ресурс]. URL: <http://www.people-press.org/2015/04/14/in-debate-over-legalizing-marijuana-disagreement-over-drugs-dangers/>.

Jamieson A. LGBT Americans' inauguration gift to Trump: a wave of same-sex marriages [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/jan/19/lgbt-americans-inauguration-trump-same-sex-marriages>.

Lipka M. Why America's 'nones' left religion behind [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/08/24/why-americas-nones-left-religion-behind/>.

Motel S. 6 facts about marijuana [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/04/14/6-facts-about-marijuana/>.

Terkel A., Bassett L. Donald Trump Reinstates Ronald Reagan's Abortion 'Global Gag Rule' [Электронный ресурс]. URL: http://www.huffingtonpost.com/entry/donald-trump-global-gag-rule_us_58822355e4b070d8cad1f774?2h0qxx9cl5edrc0udi.

О. В. Кумялова

Иркутский государственный университет, Иркутск

汉语教材与词汇关系

摘要. 对外汉语教师形成了自己的研究特点。例如：结合教学的实际需要，针对外国学生学习汉语的特点和难点开展研究；研究的重点是汉语本体和汉语与其他语言的对比；涉及的内容相当广泛，包括对汉语特点的论述和描写，对汉语语音、语法、词汇等具体语言事实的描写，对汉语词汇和句型的定量分析，对汉语语体特点的研究，汉语和外语在语音、语法、词汇等方面的对比研究，外国留学生汉语偏误分析，汉字的属性和特点研究，以及汉语教材和工具书的编写，等等。目前有许多汉语材料与教程，而教师应该自己选择最合适的教材。但怎么教师能选择？教师一定要提出根本要求。俄罗斯这样的要求就是词汇，即基础词汇、其数量与质量。

关键词：教材，词汇，语音，语法，水平。

O. Kumyalova

Irkutsk State University, Irkutsk

CHINESE TEACHING MATERIALS AND VOCABULARY RELATIONS

Abstract. The article considers approaches to the relations between Chinese teaching materials and student's vocabulary. Chinese teachers have formed their own research characteristics, such as the combination of teaching the actual needs of students to study the characteristics and difficulties of Chinese; focused on Chinese ontology; discourse and description of Chinese characteristics, Chinese vocabulary, grammar, and other aspects of comparative study. There are many Chinese materials and tutorials, and teachers should choose the most suitable one nowadays.

Keywords: teaching material, vocabulary, pronunciation, grammar, level.

研究方法已具有自身的特点。既然对外汉语教学研究的对象是汉语的学习和教学问题，那首先要把“学什么”和“教什么”研究清楚。所以，第一位是汉语本体研究，但在研究方法上、侧重点上不同于一般的汉语研究。

在汉语本体研究方法上突出的特点是运用比较语言学的方法，进行汉外语的比较，从而找出学习的难点，“所谓难点，就是中国人看来容易，外国人学起来困难的地方。在语音、语法、词汇三方面，汉语都有自己的民族特点，这些特点往往就是难点。”（王力，1985）研究语法结构，研究语音规律，对本国人来说，一般规律也就够了，但对于外国人来说，只掌握一般规律是学不会汉语的，常常一用就错，这种错误往往启发研究者去注意中国人自己不容易想到的问题，于是促使我们在研究方法上更注重“习惯用法”和“例外现象”的研究。这种从教学中发掘的研究课题，具有对外汉语教学本体研究的独特视角。其研究，不仅推动了对外汉语教学本身，也对现代汉语研究起了促进作用。

评价学习汉语的俄罗斯学生，在一些事情的中国人注意到，主要问题是缺乏词汇，不论其语言培训水平。主要原因可以分为两类：积极使用的词汇不够和词法技能不足。其根源是因为学习词汇与基本词汇的数量有问题。

大家都知道，小学和中学的时候对学生了形成积极词汇的学员大部分，这就是汉语基础知识。对4年的课程来说，第一级与第二级就是最重要的。

在这个语言课程阶段主要任务是建立交际能力，这是一种语言和言语技能的结合，提供口头活动。最重要的技能是从长期记忆把单词，短语或词组自动地发现能力，词汇能力，有关通讯问题之一。

教育过程的规划和发展适当的培训材料与具体目标和培训内容应该有密切关系。因此十分主要使用符合目标与学习的内容的材料。

在当前形势下，在俄罗斯最实用的汉语教材是德拉克诺夫，科洛科洛夫，Korotkova, Kondrashevskiyi, Zadoenko 和胡安舒因写的。这些材料的最大的缺点：材料是20-30多年前出版的，因为语言不断发展、不断改变，而材料别修改了。我们想研究在我国汉语教材的现状。

基础词汇是由许多条件形成，其中最重要的如下。第一，学习的目的与教育的计划应该符合。开始学习汉语以前每个人应该提出目的，要求等等。按这个条件下，学生选择，他要学“什么汉语”。

目前，许多汉语材料都可以分为三组：实用汉语、汉语口语、汉语教程（语言为对象）。每组还有词汇区别，即数量和质量的区别。比如，口语教材的积极词汇数量比使用汉语材料的小。对积极的词汇学习的金额口语贡献小于对一般中文的材料，而是在汉语口语材料固定词组比较多。

第二，入门级的基础词汇应该包含又能产又最使用的词汇。

第三，基础词汇应反映中国的文化特色，而该反映俄罗斯的风格。开始引起人们的注意。开始是关注汉语教学中文化背景和文化知识的介绍，继而进入了跨文化交际的研究领域，开始研究不同文化背景的人们在交际中所遇到的问题及其应对策略。这样就在一定程度上拓宽了对外汉语教学研究的领域。语言是文化的重要组成部分，是文化的民族形式，深入研究并在语言教学中引入语言所表现的文化内涵，是将语言知识转化为交际能力所不可缺少的必要条件。

为了研究小学和中学的汉语水平，我们把汉语材料进行了统计分析。分析的目的：研究词汇的数量。研究的材料是“汉语初级教程”、“中级汉语口语”、“中级汉语教程”、以及“汉语水平考试”。根据分析的结构的话，无论数量和质量上都非常相似。因此，汉语初级教程和使用汉语教程的词汇单位有 1386 个和 1100 个。中级汉语教材的基础词汇单位为 1300 个。但中级汉语教程的基础词汇包括 2200 个单位。在质量方面下，这些词汇单位有个稳定的匹配部分，相当于大约 1100 个单位。

因此，鉴于我们还需要把这个词汇添加一个反映自己国情的现实与特色的词汇，对小学和中学水平来说，学习汉语的外国人的积极词汇数量应约 3000 个单位（包括单词，短语，句子和专有名词）。

这就提出了两个问题。第一，为了得到这个词汇应该用什么材料，即：如何选择？国际实践上使用两个形成基础词汇的方法。按第一个方法，教师选择具有需要的积极词汇单位的课文。按别的方法，教师把需要的词汇创造文本。美国公司使用这种方法研制外语教材。

第二个问题，能不能具有这样的基础词汇通过 HSK 考试中？答案当然是否定的，因为考汉语水平考试（初级和中级）的时学生的知

识应该包括 3000 个单字和 8000 个词汇单位。所以学生只使用我们研究的材料不能考 HSK 考试。

因此应该使用综合培训计划。对外汉语教学研究已取得了丰硕的成果。汉语本体研究成绩尤为突出，这是汉语研究专家与对外汉语教师密切配合，通力合作的结果。对外汉语教学从一个新的角度开拓了汉语研究点，它受到汉语专家热情的关注，从理论体系、研究方法、研究视角为对外汉语教学的汉语研究提供帮助；而对外汉语教师，掌握外国人学习汉语的特点与难点，从那些中国人习焉不察的问题中，小处入手，大处着眼，发掘带有理论价值和实用价值的研究课题，体现了学科的特色，为汉语研究做出了特殊的贡献。在这种情况下汉语教师需要创造基础的教育材料。因此，在小学和中学阶段中可以使用了以下培训材料：

- 中文教材，作者 Zadoenko，胡安舒因；
- 教程讲话实践中文，作者科切尔金，Sborsky，Tkachuk；
- 现代汉语口语教程，Tan Aoshuan；
- 中级汉语教程等等。

这些教材提供了 8300 个词汇单位。具有这样的词汇量一定能考汉语水平考试。

而且学习汉语过程中，一定要使用所有的材料即技术材料。电脑化教学研究将跨向新高度。应用现代技术进行教学，越来越受到人们的重视。八十年代，视、听材料进入对外汉语教学领域，仅仅是利用电视机、收录机的效能开展教学。近年来，计算机辅助汉语教学迅速发展，也仅限于以常见情景；常用句型为线索，配以常用语词和有关的文化背景知识进行教学，还不能充分发挥这类设备为语言教学所能提供的多方面的可能性，如综合性、直观性、可选择性等，开辟教学的新路子。现代信息技术的新发展，诸如笔输入技术，多媒体技术和信息网络技术的出现，为对外汉语教学带来新的好处。如何在对外汉语教学中利用这些先进技术，开辟教学的新途径，研制新一代教材，促进科学研究，已经提到了议事日程。

总之，对中文培训材料来说，汉语教师应该自己选择或创造语言的材料，使用在俄罗斯写的教材，也使用在中国写的。因为材料是一个获得词汇的来源。教师一定要注意到下个条件：学习的目的、中国与俄罗斯文化的区别及技术功能。只遵守条件才能得到很好的成果。

词汇形成语言。语言本身也是一种文化现象，又是文化和信息的一种载体。因此，每一个民族的语言都带有该民族特有的文化印记，不同民族之间的文化差异有许多就表现在语言和交际之中。这就决定了人们在学习第二语言的过程中，特别是在学习外语的过程中，必然会遇到一些不熟悉或难以理解的文化现象，这类文化现象就成为理解和使用目的语的文化障碍。影响语言理解和语言表达的文化因素多半是隐含在语言的语音系统、词汇系统、语法系统和语用系统中的反映一个民族的心理状态、价值观念、生活方式、思维方式、道德标准、是非标准、风俗习惯和审美情趣等等的一种特殊的文化现象。因此教师的主要任务是选择最合适的词汇，因为词汇可表示本国家的语言的特点。因此，在学习汉语过程中，具有需要词汇的教材选择是最重要的问题之一。

参考文献

黄伯荣、廖序东. 现代汉语（增订二版）[M]. 北京：高等教育出版社，1997.

刘中富. 实用汉语词汇[M]. 合肥：安徽教育出版社，2003.

刘月华. 现代汉语语法（增订本）[M]. 北京：商务印刷馆，2001.

Е. В. Лесниковская

Иркутский государственный университет, Иркутск

ЗАРУБЕЖНОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ: ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

Аннотация. Рассматриваются концептуальные, методологические и организационные вызовы, с которыми зарубежное регионоведение столкнулось на рубеже XX–XXI вв. Данные вызовы рассматриваются в свете исторической обусловленности возникновения зарубежного регионоведения в 1940-х гг., при этом акцентируется связь регионоведения с холодной войной. Описываются условия, которые определили развитие зарубежного регионоведения как стратегической академической дисциплины. Выделяются четыре группы вызовов, стоящих перед регионоведением в XXI в. Аргументируется влияние современных вызовов на формирование новой парадигмы и дальнейшее развитие зарубежного регионоведения.

Ключевые слова: регионоведение, зарубежное регионоведение.

AREA STUDIES: XXI CENTURY CHALLENGES

Abstract. The article deals with conceptual, methodological and organizational challenges that area studies faces at the turn of the century. The challenges are viewed in the light of historic circumstances under which area studies came to rise in 1940-s, the emphasis being put on its connection to the Cold War. The reasons for area studies being a strategic discipline are provided in the article. The challenges that area studies faces in the XXI century are divided into four groups. The author grounds the influence of contemporary challenges on the need for a new paradigm and on further development of area studies.

Keywords: area studies, foreign area studies.

Зарубежное регионоведение представляет собой уникальную академическую дисциплину по ряду причин. На рубеже XX–XXI вв. регионоведение как область знания привлекает активное внимание исследователей: возникает оживленная дискуссия по поводу смены парадигмы регионоведения, а также перспектив и дальнейших путей развития регионоведения и как области научного знания, и как академической (вузовской) дисциплины.

Зарубежное регионоведение (Area Studies) возникло во второй половине 1940-х гг., в результате появления такого глобального исторического противостояния, как холодная война. Эта связь объясняется двумя основными причинами. Во-первых, изменение мировых политических реалий выявило нехватку организованного знания в области регионов мира, их структурных и институциональных особенностей. Во-вторых, холодная война актуализировала необходимость анализа и прогнозирования политического поведения стран – стратегических соперников. В частности, в США особенно активно развивались советология (Soviet Studies, Russian Studies), регионоведение Восточной и Центральной Европы. В свою очередь, в Советском Союзе развивается американистика – в 1967 г. основывается Институт США и Канады РАН.

Холодная война как стимул развития зарубежного регионоведения дала рост двум особенностям данной области знания: активному развитию ее «сверху» и ориентации на производство знания для (национального) государства. Развитию зарубежного регионоведения как «успешной академической инновации» (по выражению И. Валлерстайна) в США способствовало активное финансирование (Фонд Форда, Фонд Фуллбрайта), а также управление процессом его развития соответствующим исследовательским комитетом (SSRC – Social Science Research Council, Исследовательский Комитет по Общественным Наукам) [Schafer, 2010, с. 3]. Сокращение объемов финансирования грантов и программ зарубежного регионоведения в 1990-х гг., а также глобальные процессы размывания национальных границ еще больше обострили де-

баты по необходимости выработки новых концептуальных рамок, нового пути развития зарубежного регионоведения [Ludden, 2000, с. 1–22].

Стремительное развитие, значительные объемы финансирования, продуманное управление учебными и грантовыми программами по регионоведению, конкретная политическая необходимость производства знания для национального государства определили развитие зарубежного регионоведения как стратегической академической дисциплины. Такая стратегическая ориентация послужила одним из основных факторов выделения теоретиками зарубежного регионоведения как области научного знания и зарубежного регионоведения как академической дисциплины. Стратегическая направленность зарубежного регионоведения как академической дисциплины определило ее практический, прикладной характер. Специалистов зарубежного регионоведения легче обнаружить на государственных и коммерческих предприятиях, чем на исследовательских должностях.

В то же время несомненно, что зарубежное регионоведение как область знания обладает значительным потенциалом, который еще предстоит раскрыть. Наиболее ценными видятся накопленный объем лингвистической экспертизы и сочетание ее с данными по этнографии, культурологии, политической географии и т. п.

Несмотря на успешность регионоведения как академической дисциплины и присущий ей ряд неоспоримых преимуществ (междисциплинарность, трансдисциплинарность, актуальность в свете активности глобализационных процессов), окончание холодной войны и последующее изменение мировой геополитической обстановки все же создали для зарубежного регионоведения необходимость смены концептуальной и организационной парадигм. Вызовы, стоящие перед регионоведением в XXI в., целесообразно выделить в следующие группы:

1) меняющееся понимание региона, размытие традиционных границ, усиление метагеографической парадигмы;

2) соотношение с другими, смежными областями знаний (напр., географией, политической географией), их взаимное обогащение;

3) развитие современных социологических теорий универсального применения (напр., теория рационального выбора), нивелирующих значимость региональных, локальных особенностей; необходимость выработки подхода к эффективному применению таких теорий в регионоведении;

4) развитие методологической базы, поиск баланса между использованием так называемых *hard* (использование математических моделей, количественных методов, позитивистской парадигмы) и *soft* (описательные методы) моделей.

В целом, что касается смены парадигмы зарубежного регионоведения, то, как и большинство современных гуманитарных дисциплин, оно тяготеет к мультипарадигмальности. Один из наиболее вероятных сценариев развития новой парадигмы описывается в работах В. Шэфэра. Речь идет о взаимосвязи регионоведения с глобальной историей. Развитие регионоведения в XXI в., как предполагает В. Шэфэр, будет стимулироваться возникновением глобальных реальных исторических сил и глобальных процессов [Schafer, 2010, с. 4–5]. Данная идея находит отражение в организации вузовских программ по зарубежному регионоведению, в том числе и в России, в которых значительное внимание уделяется устойчивым и возникающим межрегиональным политическим и экономическим блокам; трафику людей, технологий и идей; актуальным международным взаимодействиям и соглашениям.

Действительно, на сегодняшний день регионоведение все больше воспринимается как дисциплина, направленная не столько на изучение региона и его особенностей (политических, экономических, социальных, культурно-исторических, языковых), сколько на его место и роль в глобальных процессах и актуальной конфигурации сил на мировой арене.

Литература

Ludden D. Area studies in the age of globalization // *Frontiers: The Interdisciplinary Journal of Area Studies*. 2000. N 6. P. 1–22.

Schafer W. Reconfiguring area studies for the global age // *Globality Studies Journal*. 2010. N 22. P. 1–18. URL: <https://gsj.stonybrook.edu/article/reconfiguring-area-studies-for-the-global-age/>.

Лю Иньсун

Иркутский государственный университет, Иркутск

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИГУР УБАВЛЕНИЯ В КИТАЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ КИТАЙСКИХ ЛИДЕРОВ)

Аннотация. Статья посвящена изучению прагматического потенциала стилистических фигур в дискурсе, в частности фигур убавления в современном политическом дискурсе китайских лидеров. На примерах из фрагментов выступлений Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина анализируются прагматические возможности стилистических фигур в современной политической речи; устанавливается прагматический потенциал асиндетона, эллипсиса.

Ключевые слова: политический дискурс, китайские лидеры, фигуры убавления, асиндетон, эллипсис.

THE PRAGMATIC POTENTIAL OF FIGURES OF DECREASE IN CHINESE POLITICAL DISCOURSE (ON MATERIALS OF SPEECHES OF CHINESE LEADERS)

Abstract. The purpose of this article is to study the pragmatic potential of rhetoric figures, namely figures of decrease in present-day political discourse of Chinese leaders. A brief survey of figures of decrease in the Chinese languages is given. Then the pragmatic potential of figures of decrease in the languages is analyzed on examples from public speeches of Hu Jin Tao and Xi Jin Pin.

Keywords: political discourse; Chinese leaders; figures of decrease; asyndeton; ellipsis.

Под политическим дискурсом понимается тип дискурса, реализуемый в предметной сфере политики, прежде всего политическими деятелями [Чудинов, 2006]. Данного типа дискурс, как правило, апеллирует как к сознанию и разуму человека, так и к его эмоциональной оценочной сфере в целях убеждения публичного социального адресата. К эмоциональной сфере следует отнести не только переживания человека, но и его реакцию на внешнее воздействие. В этой связи особое значение приобретает категория экспрессивности речи, которая усиливает выразительность и, как следствие, прагматические возможности убеждения адресата. Одним из наиболее востребованных видов средств выразительности в публичной речи являются фигуры, изучение функционирования которых является актуальной задачей стилистики и воздействующих средств в анализе дискурса. Фигуру определяют как необычный, особый оборот речи, придающий речи выразительность и изобразительность. Существует множество классификаций фигур (фигуры прибавления, фигуры убавления, фигуры размещения и др.), при этом каждая из них имеет свои основания [Бойкова, 1999].

Общее структурное свойство фигур убавления состоит в том, что в них какие-то единицы плана содержания остаются без соответствующих единиц плана выражения на уровне синтаксиса. Речь, следовательно, обращает на себя внимание пропуском каких-либо элементов. Анализ прагматических возможностей фигуры убавления в китайском политическом дискурсе на материале текстов выступлений Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина позволил прийти к следующим результатам.

В китайском политическом дискурсе особенно активны и частотны такие фигуры убавления, как асиндетон (бессоюзие) и эллипсис. Асиндетон понимают как намеренное опущение союзов в синтаксических конструкциях сочинительного типа, предполагающих наличие в кодифицированном литературном языке соотносительных сочинительных конструкций с союзами, признаваемых в качестве нейтрального варианта языковой нормы. Асиндетон как прием имеет место при соединении перечислительных членов предложения, состоящих не менее

чем из трех компонентов, или частей сложного предложения, имеющих добавочные экспрессивные признаки: повтор, параллелизм [Копнина, 2009, с. 375–380]. Приведем примеры из выступления бывшего председателя КНР Ху Цзиньтао:

“老师们、同学们、朋友们!” (выступление в университете Васэда, 2008)

В данном высказывании оратор использует фигуру асиндетон для достижения немедленного эффекта привлечения внимания к высказываемому. Одновременно с помощью данной фигуры политик устанавливает интерактивную связь с аудиторией, с целью вовлечения её в коммуникацию. Аналогичные примеры подтверждают частотность и активность данной фигуры в речи политика:

“中国政府和人民真诚希望，同日本政府和人民一道努力，增进互信，加强友谊，深化合作，规划未来，开创中日战略互惠关系全面发展新局面。” (выступление в университете Васэда, 2008)

“为改变受人欺凌，积贫积弱的境遇，实现民族复兴的理想，中国人民奋起抗争、前仆后继、发愤图强。” (выступление в университете Васэда, 2008)

В речах Ху Цзиньтао часто встречаются короткие фразы без союзов как **“一道努力，增进互信，加强友谊，深化合作，规划未来”**, **“奋起抗争、前仆后继、发愤图强”**. При помощи этих конструкций оратор в полной мере передает аудитории свое чувство уверенности и готовности действовать, что, безусловно, усиливает прагматический эффект выступления. Асиндетон риторически усиливает и украшает речь, придавая выступлению эмоциональную окраску.

“在漫长的历史进程中，中日两国人民相互学习、相互借鉴、相互交融，促进了国际发展进步，丰富了东亚文明和世界文明宝库。” (выступление в университете Васэда, 2008)

В данном примере тоже используются короткие фразы без союзов. Во фрагменте выступления фигура асиндетон выступает с тремя повторами «相», чем достигается подчеркивание важности таких ключевых концептуальных компонентов дискурса, как «взаимодействие», «взаимозависимость». С помощью данных конструкций оратор взаимодействует, стремится получить реакцию аудитории [赵越, 陈文科, 2010, с. 24–37].

Асиндетон, или бессоюзие, придает энергию всей фразе. Для того чтобы асиндетон стал ощутимым, обычно последний однородный член присоединяется без союза «и». Тем самым не только передается чувство уверенности, готовности к действиям оратора, но и создается особый ритм в виде повтора для привлечения интереса и внимания аудитории.

Эллипсис, или эллипс, как отклонение от нейтрального варианта нормы заключается в стилистически значимом пропуске какого-либо члена (или части) предложения, который присутствует в синтаксическом окружении (в контексте) или восполняется за счет речевой ситуации. Эллипсис тоже широко используется в китайском политическом дискурсе. Приведем примеры из выступления председателя КНР Си Цзиньпина:

“刚才，我们就气候变化、难民、反恐融资、全球卫生合作等影响当前世界经济的突出问题进行了深入和坦诚讨论，(1)提出了许多富有价值的看法和建议。国际社会需要凝聚强大的政治意愿，(2)一步一个脚印，(3)坚持不懈加以推动解决(4)。(5)认真听取了大家的发言，我认为可归纳为以下几点...” (выступление на саммите «Группы двадцати», 5 сентября 2016 г.)

В речах Си Цзиньпина обнаруживаем, что оратор опускает подлежащее «мы» – «我们» в предложениях (1) (2) (3), чтобы слушатели обратили внимание на фрагмент «мы сделали и сделаем», а не на фрагмент «нас». Опускаться могут не только подлежащее, но и второстепенные члены предложения. В предложении (отмеченном (4) в цитируемом выше фрагменте речи) пропускается дополнение «проблемы» – “问题”. Оратор хочет напомнить аудитории, что «решать» проблемы – их самая главная задача. В предложении (5) оратор опускает подлежащее «я» – “我”. Эллипсис не только передает энергию слову «внимательно» – “认真”, но и усиливает речь выступления и четко показывает отношение оратора к высказываниям всех членов группы.

Таким образом, фигуры убавления придают речи энергичность и выразительность. Главное впечатление от восприятия речи и реагирование на неё состоит в том, что фигуры убавления создают прагматический эффект готовности, энергичности, увеличение скорости в передаче самого главного в дискурсе. При этом они способны передавать и впечатление об образе самого оратора, а также отражать объективную скорость протекания событий. С помощью асиндетона речь усиливается в своей выразительности и получает особый ритм в реализации. Благодаря эллипсису оратор выражает свое мнение более кратко, четко и эмоционально. Несомненно, в группу фигур убавления включаются не только асиндетон и эллипсис, но именно данные фигуры активны и частотны в китайском политическом дискурсе.

Литература

Бойкова Н. Г., Беззубов А. Н., Коньков В. И. Публицистический стиль : учеб. пособие. СПб. : Юнити-Дана, 1999. 253 с.

- Копнина Г. А. Риторические приемы современного русского литературного языка: опыт системного описания : монография. М. : Флинта: Наука, 2009. С. 375–380.
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М. : Флинта: Наука, 2006. 256 с.
- 现在汉语》[黄廖本, 廖旭东] – 高等教育出版社, 2007 年
- 《汉语语法研究》[张斌、胡裕树] – 商务印书馆, 2003 年.
- 《向世界政要学领导力》[赵越, 陈文科] – 广西: 人民出版社, 2010 年.

С. Б. Макеева

Иркутский государственный университет, Иркутск

СОВРЕМЕННЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КИТАЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ (ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ)

Аннотация. Рассмотрен процесс влияния глобализации на формирование системы ценностей китайской молодёжи; выявлены особенности развития ценностных ориентаций молодого поколения КНР в условиях воздействия американизации на китайское общество.

Ключевые слова: молодёжь, ценностные ориентации, глобализация, американизация, социокультурный баланс.

S. Makeeva

Irkutsk State University, Irkutsk

MODERN VALUE ORIENTATION OF CHINESE YOUTH (GLOBAL ASPECT)

Abstract. The article considers the process of impact of globalization on the formation of the system of values of Chinese youth; peculiarities of development of valuable orientations of the young generation of China under the impact of Americanization on Chinese society.

Keywords: youth, values, globalization, Americanization, social and cultural balance.

В современном мире трансформация материальной и духовной культуры народов происходит под влиянием глобализации мировых стандартов и американизации мирового сообщества. Глобализационные изменения во многих странах затрагивают сферы жизнедеятельности людей разных поколений, но такая социальная группа, как молодёжь, наиболее восприимчива к процессам глобализации и американизации. Проблема формирования системы ценностей молодого поколения в условиях глобализации и американизации нашла отражение в общих и специальных работах [Беспалова, 2009; Гаврилюк, 2002; Морозова, 2007; Тертицкий, 2002]. При изучении современного состояния молодёжной среды мирового сообщества особый интерес вызывает анализ ценностных ориентаций молодого поколения в КНР. Актуальность изучения данного вопроса определяется важностью углубленного исследования влияния процессов глобализации и американизации на формирование системы ценностей китайской молодёжи.

Задачей работы является выявление и анализ основных особенностей системы ценностных ориентаций современной китайской молодежи, формирующейся в условиях, с одной стороны, сохранения традиционных ценностей китайского народа, а с другой – глобализационных изменений и американизации мирового сообщества.

В настоящее время Китай – индустриально-аграрная страна, где переплетаются черты современного хозяйства и традиционной экономики. В КНР существует множество сфер жизнедеятельности людей, где многие традиции, не изменяясь, переходят в будущее именно с помощью максимального сохранения их в первоначальном виде, и параллельно существуют сферы, для которых силой передвижения в будущее неотъемлемо является прогресс.

Вместе с тем очевиден тот факт, что в настоящее время под воздействием глобализационных процессов традиционные ценности китайского народа постепенно уступают место новым, по сути, западным ценностям, среди которых особо выделяются прагматизм, индивидуализм, материальное благополучие (обеспечение жильём, ценность потребления). Традиционные ценности, однако, не отрицаются как таковые, но адаптируются под современные условия, создавая некий синтез традиций и инноваций, что, в принципе, устраивает китайское общество и соответствует духу времени [Морозова, 2007].

В условиях современной глобализации наиболее важные вопросы, связанные с решением общих проблем развития и выживания человечества в целом, актуальны и для Китая. К их числу, несомненно, относятся проблемы перенаселения, демографического кризиса, эмансипации женщин и активизации феминистических тенденций. Одной из базовых моделей социокультурных отношений в Китае с древних времён считалась модель семейных взаимоотношений, которая закрепились благодаря конфуцианской нравственно-этической концепции и широко представлена в мифологии, религии, литературе и искусстве Китая. Китайской культуре свойственны преемственность, уважение древности и почитание старших, что обеспечивало на протяжении более чем двух тысячелетий стабильность и устойчивость существования китайской культуры, конфуцианских норм и традиций. Но под влиянием западной культуры в XX в., активизации глобализационных изменений в начале XXI в. у молодого поколения китайского общества формируются новые нормы морали, отличные от традиционного конфуцианского отношения к семейным ценностям.

Во-первых, ориентированность на социальный статус и успешность приводит к прагматичному подходу к браку [Чжан, 1992]. Во-вторых, у современных китайцев ярче проявлены эгоизм, нежелание тратить свою жизнь на семью (мужа и детей). И особенно это касается

женщин, которые более ориентированы на социальную жизнь, а не на семейную в первую очередь. Установка государства жениться как можно позднее, а лучше вообще не жениться, которая активно реализовывалась до 1978 г. [Чжан, 1992, с. 58–59], также снизила ценность семейных отношений. В-третьих, под влиянием революций и войн, которые пережил Китай в XX в., ещё более стала заметна невысокая ценность жизни как таковой, материнства и семьи. Поколение, рождённое в конце 50-х – начале 60-х гг., недостаточно высоко ценит материнство, детей и семью, что приводит к росту числа разводов и нивелированию ценности верности усопшему супругу [Там же, с. 34, 157, 165–166, 189, 479]. И также распространяется отношение к семье как к необязательному союзу мужчины и женщины с целью заведения ребёнка, союзу, в котором партнёр легко заменим. В-четвертых, изменилось понимание термина «семья» среди молодёжи. Старшее поколение понимает под семьёй все связи (со всеми детьми, родителями, бабушками, внуками и др.), молодое же поколение нередко сужает понятие семьи до «муж, жена, дети» [Доменак, 1991]. Ценность почитания старших нивелируется. Официальные власти возлагают ответственность за это на «культурную революцию», тем не менее основной причиной является развитие материальных факторов в городской жизни, растущее число работающих и зарабатывающей молодёжи, в результате чего нередко традиционное уважение к старшим подменяется отношениями, основанными на соотношении сил [Там же, с. 129–130]. В настоящее время глобализационные изменения оказывают значительное влияние на развитие социального института семьи в КНР, постепенно деформируется «семья» как ценность и основа сплочённого цельного китайского общества.

В современных условиях формирование ценностных ориентаций китайской молодёжи происходит под влиянием не только глобализации, но и американизации. Экспансия американской культуры, которая началась с 1990-х гг., оказали своё влияние почти на все страны мира, где Китай не является исключением. Культурная индустрия США занимает первое место в мире. Coca-cola, McDonald's, KFS, Disney, CNN, MTV и другие знаменитые бренды и компании стали популярными по всему миру.

Американская потребительская культура получила своё наибольшее распространение в Китае после вступления КНР в ВТО. Вследствие чего различные виды средств массовой информации (американские фильмы, телепередачи, книги, сетевые услуги и др.) начали оказывать наибольшее влияние на культуру потребления китайской молодёжи, начался процесс так называемой американизации или вестернизации. Китайская молодёжь столкнулась с этим явлением повсеместно: множество сайтов в Интернете на английском языке, тем более что

родина Интернета – США; 85 % просматриваемых фильмов – американские; большое количество китайцев предпочитают *fast food* здоровой пище, и число таких постоянно увеличивается; китайская молодёжь интенсивно изучает английский язык, и это считается престижным в китайском обществе, но такой интерес к изучению английского языка ведёт к ослаблению интереса к китайскому, в итоге многие китайские дети недоучивают иероглифы и делают множество ошибок в написании; они читают американские книги и играют в американские игры, что также ведёт к ослаблению интереса к китайской культуре; к тому же популярность продукции знаменитой американской компании Apple среди китайской молодёжи растёт очень быстрыми темпами. Нужно отметить, что наиболее не защищённой от процессов американизации сегодня является молодёжь. Американский теоретик З. Бжезинский обосновывает это тем, что американская массовая культура излучает магнитное притяжение, особенно для молодёжи во всём мире. Её привлекательность, вероятно, берет своё начало в жизнелюбии, которое она проповедует, но её притягательность во всём мире неоспорима [Бжезинский, 1998].

Необходимо отметить и то, что США проводит активную политику в привлечении талантливой китайской молодёжи к себе в страну. Например, в некоторых китайских университетах и колледжах, которые имеют договорные отношения с университетами США, вводятся в практику специальные стипендиальные программы. В Пекинском, Шанхайском университете, университете Цинхуа студенты с отличной успеваемостью имеют возможность получить специальную стипендию Honeywell.

Одной из составляющих процесса глобализации является распространение всемирной сети Интернет, которая оказывает значительное влияние на формирование системы ценностей молодого поколения во всём мире. Как известно, глобализация усиливается под влиянием распространения информационных технологий, в результате чего обмен информацией между социальными группами различных стран становится всё более доступным. Одной из отрицательных характеристик распространения Интернета является упадок печати. Использование печатных изданий как источника информации, особенно для молодёжи, отодвигается на второй план. Такая особенность делает плоским человеческое мышление. Эта ситуация также характерна и для китайской молодёжи. В силу своего возраста молодое поколение, проявляющее активный интерес ко всем нововведениям, активно использует Интернет в своей повседневной жизни, ориентируясь на новые нормы поведения и морали, навязанные глобализационными изменениями и американизацией.

В докладе о развитии китайской молодёжи, обнародованном Китайским центром по изучению проблем подрастающего поколения и отделом международных связей Центрального комитета Коммунистического союза молодёжи, отмечается тот факт, что на сегодняшний день глобализация оказывает серьёзное влияние на культуру и сферы потребления китайской молодёжи. В данном исследовании также делается акцент на том, что около 50 % современной китайской молодёжи рассматривают популярные программы увеселительного характера из Европы и Америки в качестве своего выбора развлечений. Кроме того, сетевые игры и телесериалы Японии, Южной Кореи и других азиатских стран широко популярны среди молодёжи Китая [Результаты исследования...]. Глобализация и американизация мирового сообщества оказывают значительное влияние на усиление интереса китайской молодёжи к новым явлениям развлекательной индустрии, к активному использованию в повседневной жизни новых продуктов мировой информационно-технологической среды.

В современном Китае, как отмечается в докладе, миллионы подростков получают информацию посредством телевидения, кино и сетевых игр, в результате именно под их воздействием они формируют своё понимание добра и зла, истины и лжи, смотрят на жизнь и её ценности, определяют и формируют свои отношения с обществом. Потребление уже стало главной формой самовыражения и общепризнано современным подрастающим поколением в Китае [Результаты исследования...].

В результате анализа основных особенностей системы ценностных ориентаций современной китайской молодёжи, необходимо отметить, что современное китайское руководство стремится обеспечить гармоничное сосуществование традиционного наследия и новых норм и ценностей, сформировавшихся уже под влиянием глобализации и американизации. В связи с этим предпринимаются попытки создания обновлённой ценностной системы, которая могла бы удовлетворить все слои китайского общества, и особенно интересы молодого поколения китайских граждан. Анализируя современное развитие общественных отношений в молодёжной среде Китая, можно отметить, что формирующаяся новая система ценностей и ценностных ориентаций основывается на синтезе традиционной и глобализирующейся культур. Трансформация же ценностных ориентаций китайского общества завершится установлением нового социокультурного баланса, в условиях которого будет формироваться система ценностных ориентаций всех социальных групп китайского общества, в том числе и молодёжи.

Литература

Беспалова Ю. М. Ценностные ориентации молодёжи современной России (межпоколенный переход) // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2009. № 4. С. 117–119.

Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и её геостратегические императивы. М. : Междунар. отношения. 1998. 112 с.

Гаврилюк В. В., Трикоз Н. А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации // Социол. исслед. 2002. № 6. С. 4–6.

Доменак Ж. Л., Шанмин Хуа Семейные отношения в Китае / пер. с фр. и послесл. Н. Б. Зубков. М. : Наука. 1991. 316 с.

Морозова В. С. Глобализация и её влияние на ценностные ориентации китайской молодежи [Электронный ресурс] // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2007. № 9. С. 2–7.

Результаты исследования: глобализация оказывает серьёзное влияние на культуру китайской молодёжи и её потребление [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао : газ. : офиц. сайт. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/4254981.html>.

Тертицкий К. М. Китайцы: традиционные ценности в современном мире. М., 2002. 347 с.

Чжан Синьсинь, Сан Е. Дракон меняет облик: китайцы сегодня // пер. с кит. М. : Прогресс-Академия. 1992. 496 с.

О. А. Малых

Московский городской педагогический университет, Москва

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК: К ВОПРОСУ ОТБОРА СОДЕРЖАНИЯ

Аннотация. Представлен анализ результатов анкетирования преподавателей китайского языка и их студентов. Целью проведения данного анкетирования является отбор содержания обучения фонетике китайского языка для успешного формирования фонологической компетенции студентов, изучающих китайский.

Ключевые слова: фонологическая компетенция, обучение фонетике китайского языка.

O. Malykh

Moscow City Teachers' Training University, Moscow

PHONOLOGICAL COMPETENCE OF STUDENTS LEARNING CHINESE: TO THE QUESTION OF CONTENT SELECTION

Abstract. The article presents the analysis of the questionnaire results of Chinese teachers and their students. The purpose of this questionnaire is the selection of the content of teaching Chinese (Mandarin) phonetics for the successful formation of phonological competence.

Keywords: phonological competence, teaching Chinese (Mandarin) phonetics.

На данный момент в языковые вузы России на факультеты, на которых изучается китайский язык (далее – КЯ), в основном поступают абитуриенты, для которых он (КЯ) является вторым иностранным языком после английского (далее – АЯ) (об этом подробнее см. [Малых, 2017, с. 45–48]). В связи в этом появляется необходимость более тщательного, обусловленного рядом проблем, возникающих на стыке трех фонетических систем, отбора содержания фонетических средств языка и речи в процессе обучения КЯ. В целях решения данной задачи нами было проведено анкетирование преподавателей и студентов на предмет

выявления самых трудных для освоения элементов фонетической системы КЯ для русскоязычных студентов.

В анкетировании преподавателей приняло участие 12 преподавателей кафедры китайского языка Института иностранных языков Московского городского педагогического университета (далее – ИИЯ МГПУ) со стажем работы более 5 лет. В анкете было 8 вопросов, обратимся к анализу ответов по каждому из них.

Отвечая на первый вопрос: «Что, на Ваш взгляд, является самым сложным (для освоения студентами) фонетическим явлением в китайском языке? (можно отметить несколько вариантов ответов)», респонденты дали следующие ответы: 8 человек – тоны, 6 человек – интонация в предложении, 2 – согласные звуки/ инициалы, 2 – гласные звуки/финалы, 0 – сочетание согласного и гласного звука в слоге, 6 – сочетание тонов (например, в двусложных словах), 1 человек отметил в графе «другое» – тоно-ритмическая организация. Поскольку тоно-ритмическая организация подразумевает соблюдение тонового рисунка и правильной интонации, то данный ответ можно отнести к выбору ответов: тоны и интонация. Таким образом, по мнению большинства преподавателей, тоновый рисунок (данный пункт отметило 9 из 12 опрошенных), интонационное оформление (7 из 12) и сочетание тонов (6 из 12) вызывают наибольшие трудности у русскоязычных студентов при овладении фонетической системой КЯ.

При ответе на второй вопрос анкеты: «Какие гласные звуки китайского языка, на Ваш взгляд, студентам сложнее всего корректно произнести?», 10 из 12 респондентов отметили звук *ü*, 8 – звук *i* в сочетаниях типа (z) – *i*, 4 – звук *i* в сочетаниях типа (zh) – *i*, 4 – звук *e*.

Отвечая на вопрос анкеты «Какие финалы китайского языка, на Ваш взгляд, студентам сложнее всего корректно произнести?», преподаватели, принявшие участие в анкетировании, выбрали следующие ответы (расположенные в порядке убывания популярности): 8 респондентов дали ответы – *üan*, *ueng*; 6 – *üe*, *ün*, *iang*, *uang*; 4 – *ing*, *iong*, *iu*; по 2 раза выбрали такие финалы, как: *uo*, *ui*, *ou*, *ian*, *uan*, *un*, *ang*, *eng*, *ong*.

Следующий вопрос анкеты звучал так: «Какие инициалы китайского языка, на Ваш взгляд, студентам сложнее всего корректно произнести?» При ответе на данный вопрос большинство респондентов были единодушны в том, что самый сложный согласный звук для освоения русскоязычными студентами – это звук *j*, данный вариант ответа выбрало 10 человек; далее по популярности идет звук *q* – 8 респондентов; *ch* и *x* выбрали 6 человек, участвующих в анкетировании; *d* – 4 респондента; *zh*, *s*, *r*, *l*, *n* – 2 респондента.

Четвертый вопрос анкеты предлагал респондентам определить, какие слоги китайского языка студентам сложнее всего корректно про-

изнести. Большинство отметили слог *ju* – 6 человек, а также сочетания с этой же финалью *u* в слогах *qu*, *xu* – 4 человека. Эти же инициалы в сочетании с финалью *i*: *ji*, *qi*, *xi* – 4 человека. Такие слоги, как: *jün* – *qün* – *xün*, *jiong* – *qiong* – *xiong*, *che* – *chi*, *lüe* – *lü*, отметили по 2 человека.

При ответе на вопрос «Каковы, на Ваш взгляд, причины произносительных трудностей, с которыми сталкиваются студенты?» выбор участников анкетирования распределился таким образом:

а) объективная сложность фонетической системы китайского языка – данный вариант отметило 4 респондента;

б) отрицательное влияние сложившегося произносительного уклада русского языка – 8 респондентов;

в) отрицательное влияние сложившегося произносительного уклада английского языка – 4 респондента.

Следующий вопрос анкеты звучал так: «Перечислите, пожалуйста, какие элементы фонетической системы китайского языка, на Ваш взгляд, наиболее подвержены отрицательному влиянию русского языка?» Преподаватели в большинстве своем (8 человек) отметили звук *j*, который зачастую у студентов коррелирует с русскими мягким «д'» в таких словах, как «день, дьяк» и т. п. Звуки *ch* и *zh* отметило 4 человека, они могут соотноситься у студентов с русскими “ч” и “ж”. Так же, как и в случае с *ch* и *zh*, 4 человека отметили придыхательные/непридыхательные звуки (*b-p*, *d-t*), носовые заднеязычные/переднеязычные (*-ang* – *-an*, *-ing* – *-in*).

Последний вопрос анкеты – «Перечислите, пожалуйста, какие элементы фонетической системы китайского языка, на Ваш взгляд, наиболее подвержены отрицательному влиянию английского языка?», вызвал затруднения у 6 преподавателей, что выразилось либо в пропуске данного вопроса, либо в ответе в виде прочерка. Данные затруднения могут быть связаны, в первую очередь, с тем, что большинство преподавателей китайского языка не в достаточной мере владеют АЯ или не владеют им вовсе. Четверо респондентов, ответивших на поставленный вопрос, выбрали заднеязычный носовой звук *-ng*, который зачастую ассоциируется у студентов с аналогичным буквосочетанием в АЯ.

Анализ данных, полученных в ходе анкетирования преподавателей КЯ, позволил нам прийти к следующим выводам:

1) по мнению преподавателей, тональность фонетической системы КЯ является самым сложным для овладения студентами элементом среди всех объектов овладения;

2) в системе вокализма КЯ самыми сложными для овладения признаны самостоятельный звук *ü* и финали с ним (*üe*, *ün*, *üan*);

3) в системе консонантизма КЯ преподаватели отметили самыми трудными для освоения звуки *j*, *q*, *ch* и *x*;

4) среди слогов КЯ слоги с инициалами j, q, x (ju, qu, xu – jī, qī, xī) являются наиболее сложными для освоения студентами;

5) основной причиной произносительных трудностей, с которыми сталкиваются студенты, преподаватели отметили отрицательное влияние сложившегося произносительного уклада русского языка;

6) среди элементов фонетической системы КЯ, которые наиболее подвержены отрицательному влиянию русского языка, выделяется звук j, а также звуки ch и zh.;

7) среди элементов фонетической системы КЯ, которые наиболее подвержены отрицательному влиянию АЯ, по мнению преподавателей, выделяются заднеязычные носовые финалы с -ng.

В *анкетировании студентов* приняло участие 50 человек – студенты 1-го (19 человек) и 2-го курса (31 человек) кафедры китайского языка ИИЯ МГПУ. Анкетирование проводилось в конце второго семестра, когда языковой опыт учащихся 1-го курса позволил им проанализировать собственное речевое поведение.

Анкета студента не отличалась от анкеты преподавателя, в ней также было 8 вопросов, обратимся к анализу ответов по каждому из них.

Отвечая на первый вопрос: «Что, на Ваш взгляд, является самым сложным фонетическим явлением в китайском языке?», студенты 1-го курса дали следующие ответы: 11 человек – тоны, 7 человек – интонация в предложении, 2 – согласные звуки/инициалы, 0 – гласные звуки/финалы, 0 – сочетание согласного и гласного звука в слоге, 9 – сочетание тонов (например, в двусложных словах), 1 человек отметил в графе «другое» – переднеязычные и заднеязычные звуки: -ng и -n.

Ответы студентов 2-го курса отличаются от тех, которые дали студенты 1-го курса, что вызвано, очевидно, большим языковым опытом. Так, 13 человек из 31 отметили, что тоны вызывают у них наибольшую трудность, 7 человек выбрали интонацию в предложении, 2 – согласные звуки/инициалы, 1 – гласные звуки/финалы, 0 – сочетание согласного и гласного звука в слоге, 22 – сочетание тонов (например, в двусложных словах).

Таким образом, по мнению большинства студентов, суммируя ответы студентов 1-го и 2-го курса, сочетание тонов (данный пункт отметили 31 из 50 опрошенных) и тоновый рисунок (24 из 50) вызывают наибольшие трудности у русскоязычных студентов при овладении фонетической системой КЯ.

При ответе на второй вопрос анкеты: «Какие гласные звуки китайского языка Вам сложнее всего корректно произнести?», 16 из 19 студентов 1-го курса и 14 из 31 студентов 2-го курса отметили звук ü. Вторым по популярности стал звук er, его отметили 4 студента 1-го и 9 студентов 2-го курса.

Отвечая на вопрос анкеты: «Какие финалы китайского языка Вам сложнее всего корректно произнести?», студенты 1-го курса, принявшие участие в анкетировании, выбрали следующие ответы (расположенные в порядке убывания популярности): 10 респондентов дали ответы – üan, ueng, 7 – iong, ün, 6 – üe, iu, 4 – iang, un, uang. Ответы студентов 2-го курса распределились следующим образом: 15 студентов отметило финаль ueng, 9 – üan, 8 – ün, 5 – üe, iu, ui.

Следующий вопрос анкеты звучал так: «Какие инициалы китайского языка Вам сложнее всего корректно произнести?» При ответе на данный вопрос студенты как 1-го, так и 2-го курса были единодушны в том, что самыми сложными согласными звуками для освоения являются j (17 человек всего: 8 студентов 1-го курса, 9 студентов 2-го курса) и q (17 человек: 9 студентов 1-го курса, 8 студентов 2-го курса). Далее по популярности идет звук r – 14 всего (6 студентов 1-го курса, 8 студентов 2-го курса), звук sh отметило 12 человек (4 – 1-й курс, 8 – 2-й курс), 5 человек с обоих курсов выбрало звуки zh, c, и 4 выбрали звук z.

Четвертый вопрос анкеты предлагал респондентам определить, какие слоги китайского языка сложнее всего корректно произнести. В данном вопросе варианты ответов не были предложены, именно поэтому единодушные в ответах студентов 1-го и 2-го курса не наблюдалось. 5 студентов 1-го курса отметили слоги qu и qiong, 4 – qiang, 3 – que, jiong. Среди студентов 2-го курса 6 отметили сочетания с финалью -un, а именно слоги jun – qun – xun, 4 человека отметили слог jiong.

При ответе на вопрос: «Каковы, на Ваш взгляд, причины произносительных трудностей, с которыми Вы сталкиваетесь?», участники анкетирования, заканчивающие 1-й курс, в большинстве своем видят причину трудностей в объективной сложности фонетической системы КЯ – 14 человек, эту же причину отмечают 13 студентов 2-го курса, отрицательное влияние сложившегося произносительного уклада русского языка – 8 респондентов-студентов 1-го курса, 15 студентов 2-го курса. Получается, что к окончанию 2-го курса студенты сильнее чувствуют влияние родного языка, чем на 1-м. Отрицательное влияние сложившегося произносительного уклада английского языка отметили 3 студента 1-го курса и 6 студентов 2-го курса.

Следующий вопрос анкеты звучал так: «Перечислите, пожалуйста, какие элементы фонетической системы китайского языка, на Ваш взгляд, наиболее подвержены отрицательному влиянию русского языка? Студенты 1-го и 2-го курсов в большинстве своем – 19 человек – отметили звук ü, очевидно, пересекающийся в сознании носителей русского языка со звуком «ю». Звук d, при ответе на данный вопрос, отметили 16 студентов: китайский d разительно отличается артикуляцией от русского «д», этот аспект зачастую вызывает сложности у

студентов, помимо этого русский «д» в ряде случаев тяготеет к китайскому j, такого рода зависимость отметили 15 студентов 1-го и 2-го курсов. Интерферирующему влиянию фонетической системы русского языка, по мнению опрошенных, также подвержены звуки r, q – так считают 13 студентов из 50.

При ответе на последний вопрос анкеты – «Перечислите, пожалуйста, какие элементы фонетической системы китайского языка, на Ваш взгляд, наиболее подвержены отрицательному влиянию английского языка?», абсолютное большинство студентов отметили заднеязычные носовые финалы с конечным -ng – 8 из 19 студентов 1-го курса, 17 из 31 студента 2-го курса. Такой ответ, на наш взгляд, является естественным, поскольку данный звук в АЯ, несмотря на одинаковое буквенное обозначение, абсолютно не совпадает по артикуляции с китайским звуком. По этой же причине 9 из 50 опрошенных отметили звук r.

Таким образом, анализ данных, полученных в ходе анкетирования преподавателей и студентов 1-го и 2-го курса, изучающих китайский язык, позволил нам произвести отбор содержания обучения фонетике КЯ, где наиболее важными элементами являются:

- 1) тональность фонетической системы КЯ и сочетание тонов;
- 2) в системе вокализма КЯ – самостоятельный звук ü и финалы с ним (üe, ün, üan);
- 3) в системе консонантизма КЯ – звуки j, q, r и ch. Среди них звуки j и q выделяются большинством преподавателей и студентов как самые сложные;
- 4) среди слогов КЯ – слоги с инициалями j, d, q;
- 5) преодоление интерферирующего влияния сложившегося произносительного уклада русского языка, особенно проявляющегося в звуках: ü, j, d ch и zh;
- 6) преодоление интерферирующего влияния сложившегося произносительного уклада АЯ, особенно проявляющегося в произношении заднеязычных носовых финалей с конечным -ng.

Литература

Малых О. А. Особенности трилингвизма студентов, изучающих китайский язык // Kant. 2017. № 2 (23). С. 45–48.

О. А. Масловец

Московский государственный институт
международных отношений (университет), Москва

О. С. Щелконогова

Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение
«Лицей № 11 г. Благовещенска», Благовещенск

СИСТЕМА ОБУЧЕНИЯ ИЕРОГЛИФИКЕ В УЧЕБНИКЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА (НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению актуального на сегодняшний день вопроса обучения иероглифике китайского языка на начальном этапе. Авторы представляют последние требования к умениям и навыкам обучающихся в этом аспекте, анализируют действующие учебники китайского языка в аспекте обучения иероглифике на основе выдвинутых критериев, предлагают пути решения обозначенной проблемы.

Ключевые слова: обучение иероглифике, требования к умениям и навыкам, критерии эффективной системы обучения иероглифике.

O. Maslovets

Moscow State Institute of International Relations, Moscow

O. Shchelkonogova

Municipal Autonomous Comprehensive Organization
“Lyceum № 11, Blagoveshchensk”, Blagoveshchensk

SYSTEM OF TEACHING HIEROGLYPHICS IN CHINESE LANGUAGE TEXTBOOK (BASIC LEVEL)

Abstract. The article deals with the actual problems of teaching hieroglyphics during studying Chinese at the primary school. The authors present the latest requirements to students' skills in this aspect, analyze the textbooks of Chinese language on the basis of certain criteria, and suggest ways of dealing with the problem.

Keywords: teaching hieroglyphics, requirements to skills and abilities, criteria for an effective system of teaching hieroglyphics.

В современном активно развивающемся мире, где межгосударственные отношения приобретают глобальное значение, Китай выходит на лидирующие позиции. Россияне видят перспективы в сотрудничестве с этим восточным государством. Кроме того, самобытность китайской культуры и сохранение ее традиционных корней привлекают внимание многих любителей Востока. Все это стимулирует рост интереса к китайскому языку.

В наши дни в общеобразовательных школах Российской Федерации китайский язык преподается как второй иностранный язык с пятого класса, а в ряде школ все чаще преподается со второго класса как первый иностранный.

В октябре 2017 г. впервые в истории преподавания китайского языка Федеральным учебно-методическим объединением при министерстве образования и науки РФ были утверждены примерные программы по китайскому языку. Программы, основывающиеся на требо-

ваниях Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования (ФГОС НОО), предъявляют ряд предметных требований к результатам освоения учащимися аспекта «Иероглифика». В результате первичного знакомства с этим видом письма обучающиеся научатся писать и узнавать основные черты китайских иероглифов; писать и узнавать основные базовые элементы (графемы); использовать на письме правила каллиграфии, анализировать изученные и незнакомые иероглифические знаки; определять, из каких черт и базовых элементов они состоят; определять порядок написания черт; уметь подсчитывать количество черт в иероглифе, как новом, так и уже изученном. Учащиеся получают возможность научиться записывать изученные иероглифы по памяти; безошибочно идентифицировать и читать изученные иероглифы. В области обучения письменной речи с использованием иероглифов учащийся должен научиться отвечать на вопросы в письменной форме в рамках изучаемых тем; правильно писать своё имя, фамилию, адрес по-китайски, правильно оформлять конверт для отправки в Китай; писать письмо зарубежному ровеснику, в котором школьник представляет себя, описывает свою семью и школу (с опорой на образец); вести словарь. Обучающийся также получит возможность научиться описывать свою жизнь в рамках изученных тем [Масловец, 2017, с. 200–201].

Формирование навыков письма является наиболее сложным аспектом обучения иностранному языку. Это связано с особенностями данного вида речевой деятельности. По мнению Е. Н. Солововой, любое письменное сообщение характеризуется насыщенностью, изолированностью, наличием более четкой структуры изложения материала и более жестких требований к нормативности языка. Автор отмечает, что готовый продукт невозможно изменить, а процесс формирования навыков письма требует от участников больших затрат времени и усилий [Соловова, 2010, с. 189].

Обучение письму на китайском языке осложняется его типологическими особенностями. Китайскому языку свойственны идеографичность, корнеизолированность, тонированность и слоговый характер, что вызывает психологические и механические трудности у российских школьников при овладении совершенно новой системой записи. Кроме того, отечественные методисты отмечают, что препятствия в формировании навыков иероглифического письма у начинающих изучать китайский язык встречаются также непосредственно в организации учебного процесса [Масловец, 2012, с. 125]. Так, на обучение иероглифическому письму отводится недостаточное количество учебных часов, не все образовательные организации имеют специальные комплекты для работы над формированием навыков каллиграфии, а учебно-

методический комплекс, удовлетворяющий всем современным требованиям, не существует.

Для получения более детальной информации об организации работы над формированием навыков иероглифического письма на китайском языке у начинающих изучать китайский язык нами были проанализированы действующие учебники по китайскому языку. На основе современных нормативных документов, регламентирующих структуру учебного процесса в образовательных организациях, психолого-педагогических особенностей детей младшего школьного возраста, а также учитывая требования методики преподавания китайского языка, мы сформулировали ряд критериев для оценки эффективности учебников в аспекте обучения иероглифике:

1. Полнота отражения целей и задач учебной дисциплины «Китайский язык» в содержании учебника.

2. Соблюдение когнитивно-коммуникативного подхода к обучению иероглифике [Масловец, 2012, с. 390].

3. Соблюдение принципов устного опережения, сознательности, наглядности, поэтапности формирования графических навыков письма.

4. Соответствие принципу взаимосвязанного обучения иероглифическому письму и чтению [Масловец, 2016].

5. Наличие разнообразных технологий первичного предъявления и закрепления иероглифического материала [Масловец, 2012, с. 128].

6. Наличие развернутого комплекса упражнений, направленного на формирование навыков иероглифического письма.

7. Организация учебного материала и выбор формы его предъявления в соответствии с психологическими особенностями возрастного развития учащихся младших классов.

8. Возможность использования учебника для самостоятельной работы учащихся при овладении иероглифическим письмом.

9. Наличие методических рекомендаций для учителей, организующих работу по формированию навыков иероглифического письма у учащихся младших классов.

Нами были отобраны УМК, на содержание которых учителя опираются при обучении иероглифическому письму на начальном этапе в рамках общеобразовательного процесса. Это комплексы «Китайский язык. 1-й год обучения» авторов Ван Луся, Н. В. Демчевой, О. В. Селиверстовой; «汉语乐园» – 刘富华、王巍、周芮安、李冬梅 и «快乐汉语第一册» – 罗青松, 刘晓雨, 王淑红, 宣, 雅.

Анализ перечисленных учебников показал, что ни один учебник и сопутствующие ему пособия не соответствуют в полной мере требованиям, предъявляемым современной наукой и системой образования.

Для того чтобы выяснить, как реализуется методика работы по формированию навыков иероглифического письма у учащихся младших классов, мы задали учителям китайского языка и учащимся вопросы, связанные с организацией работы по данному аспекту.

Все учителя отметили, что одним из наиболее сложных аспектов обучения китайскому языку является формирование у учащихся графических навыков письма. Это связано, в первую очередь, со сложностью соблюдения определенного порядка черт при написании знаков китайской письменности. Далее, абсолютное большинство учителей подтвердили отсутствие в книгах для учителя методических рекомендаций по формированию у российских школьников навыков иероглифического письма. Большая часть (80 %) опрошенных учителей считают, что упражнения, представленные в учебниках и рабочих тетрадях, не могут быть названы комплексом, так как не выполняют своей основной задачи, не формируют навыки иероглифического письма у учащихся. В связи с этим 100 % учителей самостоятельно разрабатывают соответствующую систему упражнений.

Было отмечено, что в УМК содержится недостаточное количество материалов, помогающих презентовать новые графические элементы. При семантизации нового иероглифического материала большая часть учителей, принявших участие в анкетировании, используют сводные таблицы иероглифических ключей, мнемотехники и карточки для проведения иероглифических игр. Таким образом, во время семантизации учителями новых иероглифов у учащихся задействованы в основном зрительные и слуховые анализаторы, далее при записи знаков в тетрадь подключается мышечный рецептор. Из этого следует, что тактильный рецептор остается не задействованным в процессе формирования навыков письма на китайском языке.

Также стоит отметить тот факт, что 75 % учителей признали, что успешность овладения новым иероглифическим материалом зависит в большей степени от способа его предъявления учащимся.

Результаты анкетирования учащихся, изучающих китайский язык, подтвердили наличие определенных трудностей в процессе овладения иероглифическим письмом на китайском языке.

Особую трудность представляют структурный анализ иероглифа и соблюдение верного порядка черт при его написании. Об этом сообщили более 85 % учащихся. Более половины опрошенных (57,14 %) считают недостаточным выполнение упражнений, предложенных авторами УМК, они вынуждены прописывать или выполнять дополнительные упражнения для того, чтобы запомнить иероглиф и научиться использовать его в письменной речи. Более того, скудность и однообразность формулировок упражнений приводит к тому, что учащиеся теря-

ют к ним интерес. Тем не менее сохраняется довольно высокий уровень мотивации учащихся к овладению иероглифическим письмом. Абсолютное большинство участников анкетирования признали, что в учебниках отсутствуют наглядные пособия, способствующие формированию ассоциативной связи «знак – значение». Использование учителем дополнительных дидактических материалов для формирования навыков иероглифического письма у учащихся младших классов не отличается многообразием. Все школьники выразили желание, чтобы учителя использовали больше иероглифических игр и дополнительных раздаточных материалов на уроке при развитии графических навыков письма.

Таким образом, современные методисты и практикующие учителя китайского языка понимают важность наличия научно обоснованной системы развития навыков и умений иероглифического письма в учебниках китайского языка для начального этапа. Отсутствие в учебнике китайского языка таковой системы значительно затрудняет организацию целостного образовательного процесса, направленного на овладение таким сложным видом письма, как иероглифическое.

Анализ действующих учебников и результаты анкетирования учащихся и учителей показали необходимость разработки полноценной системы упражнений, целью которой будет формирование навыков иероглифического письма у учащихся, начинающих изучать китайский язык.

Литература

Масловец О. А. Взаимосвязанное обучение иероглифическому письму и чтению иероглифических текстов в начальной школе // Соц. исслед. современ. проблем. 2016. № 3. URL: <http://journals.org/index.php/sisp/article/view/9060>.

Масловец О. А. Коммуникативно-когнитивный подход к обучению иероглифике в учебнике китайского языка для младшей ступени // В мире науч. открытий. 2015. № 7.1. С. 388–396.

Масловец О. А. Методика обучения китайскому языку в средней школе : учеб. пособие. Благовещенск : БГПУ, 2012. 188 с.

Масловец О. А. Основы обучения китайскому языку в вузе и школе: теория и практика : учеб. пособие. 2-е изд., испр. М. : Издат. дом ВКН, 2017. 264 с.

Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс : пособие. СПб. : Астрель, 2010. 238 с.

Д. Е. Матвейченко

Сибирский федеральный университет, Красноярск

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ КИТАЙСКОГО ЛАТИНИЗИРОВАННОГО АЛФАВИТА НА ТЕРРИТОРИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КРАЯ

Аннотация. Статья посвящена проблемам реализации китайского латинизированного алфавита на территории Дальневосточного края в начале XX в. Проведен анализ результатов исследования в методологическом и историографическом аспектах; выявлены основные причины неудачи при реализации данной системы среди трудящихся-мигрантов из Китая.

Ключевые слова: китайский латинизированный алфавит, латинизация, новый алфавит, латинизация китайской письменности.

D. Matveichenko

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

TO THE QUESTION OF REALIZATION OF THE ROMANIZED NEW SCRIPT IN THE FAR EASTERN TERRITORY

Abstract. This article is devoted to the problems of realization of the romanized new script in the Far Eastern Territory in the early 20th century. It analyzes the research results in the methodological and historiographic aspects; the author identifies the main reasons for the failure in the realization of this system among migrant workers from China.

Keywords: romanized new script, romanization, new alphabet, romanization of chinese writing.

В начале XX в. повсеместно популяризировалась идея замены китайских письменных знаков фонетическим алфавитом. Данная тенденция обуславливалась трудностью усвоения многочисленных логограмм китайской письменности, сложностью написания и, как следствие, низким уровнем грамотности среди населения Китая и трудящихся-мигрантов, в частности проживающих в Соединенном Союзе на территории Дальневосточного края.

Китайский латинизированный алфавит начала XX в. исторически не является первой системой латинизации китайской письменности; попытки передачи звучания китайских письменных знаков средствами фонетического алфавита предпринимались еще в конце Минской династии. В начале XVII в., при правлении императора Шэнь-цзуна (神宗), итальянский миссионер Маттео Риччи (利瑪竇), используя латинскую основу, сформулировал фонетический алфавит китайского языка, широко используемый в то время среди иностранцев, находящихся в Китае. Далее движение за преобразование китайских письменных знаков в фонетический алфавит только усилилось. В конце XIX в., впервые китайским лингвистом Лу Чжуанчжаном (盧懋章), был разработан латинизированный алфавит «Цейнь синь цзы» («切音新字»), в основу которого положен метод транскрибирования произношения по способу

«стяжения звуков» (反切). Первым официальным фонетическим алфавитом Китая принято считать «Чжуинь цзыму» («注音字母»), который был утвержден в 1913 г. на проходившем в Пекине «Совещании по унификации произношения», публикация же данного алфавита датируется лишь 1918 г., а применение вплоть до 1934 г. В настоящее время «Чжуинь цзыму» используется как национальная фонетическая система Тайваня [Сердюченко, 1959, с. 21–22].

Создание латинизированного алфавита китайского языка в первую очередь ставило своей задачей повышение общего уровня грамотности, но нередко данная задача приобретала политическую окраску. Применение новой фонетической системы руководство Советского Союза представляло как «колоссальнейшее средство развития национальной культуры и быстрейшего поднятия культурно-политического уровня китайских рабочих, и всех трудящихся Дальневосточного края; как средство внедрения в группу китайских трудящихся социалистических методов работы и сознательного участия в социалистическом строительстве» [ГАТО. Ф. 2413. Оп. 4. Д. 1072. Л.1].

Работа по созданию китайского латинизированного алфавита (拉丁化新文字), в рамках общесоюзного процесса латинизации, началась в конце 1920-х гг. Благодаря скоординированным усилиям таких выдающихся советских и китайских синологов, как В. М. Алексеев, А. А. Драгунов, Ю. К. Щуцкий, и А. Г. Шпринцин, Цюй Цюбай (瞿秋白), У Юйчжан (吴玉章), Линь Боцюй (林伯渠), Эми Сяо (萧三), Сюй Тэли (徐特立), основная работа по созданию китайского латинизированного алфавита была завершена к 1931 г. Как отмечает известный советский китаевед В. М. Алексеев в предисловии к своей монографии «Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация»: «Состоящая при китайском кабинете Института востоковедения академии наук СССР и мною руководимая комиссия по латинизации китайской письменности закончила свои основные работы к 1 января 1931 г. В результате их была составлена особая коллективная записка, уже печатающаяся и заключающая в себе: основные положения о китайской латинизации, алфавит с инструкцией, правила орфографии и учебные тексты» [Алексеев, 1932, с. 1].

В октябре 1931 г., при проведении первой конференции по латинизации китайской письменности в г. Владивостоке, был создан Комитет китайского латинизированного алфавита, преобразованный в 1932 г. в Дальневосточный комитет Нового Алфавита при президиуме Дальневосточного краевого исполнительного комитета, с тремя секциями: китайской, корейской и народов севера [Дацышен, 2009, с. 164].

Кроме этого, в период с декабря 1931 г. по август 1932 г. Дальневосточный комитет нового алфавита подготовил для печати следующие

латинизированные издания: «Китайско-русский латинизированный иероглифический словарь», «Букварь для начальной школы», «На фронте латинизации», «Как живут китайские крестьяне», «Первая книга после букваря», но по причине отсутствия полиграфической базы, из вышеперечисленных изданий в печать вышло только одно – «Китайско-русский латинизированный иероглифический словарь» [ГАТО. Ф. 2413. Оп. 4. Д. 1072. Л. 6].

Следует отметить, что уже с первых лет применения китайского латинизированного алфавита на территории Советского Дальневосточного края стали проявляться множественные недостатки в работе исполнительных органов, о чем свидетельствуют результаты проверки, проводившейся в период с 23 мая по 13 августа 1932 г., отображенные в «Акте обследования состояния работ краевого комитета нового алфавита при президиуме Далькрайисполкома» [ГАТО. Ф. 2413. Оп. 4. Д. 1072. Л. 4–5].

Исходя из поверочных данных, общее количество китайских трудовых мигрантов в пределах Дальневосточного края за 1932 г. составляло 55839 человек, из них 49 780 человек, подлежащих обучению китайской латинизированной письменности из Владивостокского, Хабаровского, Суйфунского, Благовещенского, Покровского и Сучанского районов. Контрольная цифра уже обучающихся составила 25 тыс. человек от всего китайского трудового населения, фактически же, по сведениям, полученным с районов обучения, данная цифра составила всего около 3 тыс. человек [ГАТО. Ф. 2413. Оп. 4. Д. 1072. Л. 4].

Нередко преподавание латинизированной китайской письменности в китайских учебных заведениях Дальневосточного края формально проводилось, фактически же нет, в связи со слабым руководством данной работой.

Кроме этого, в практике обучения ряд преподавателей допускали грубейшие нарушения и ошибки, в частности один из преподавателей Интернационального педтехникума (г. Владивосток) во время профильного занятия утверждал, что «латинизация – это язык “Латина” и только по разрешению “Лиги Наций”, данный язык может популяризироваться во всем мире...» [ГАТО. Ф. 2413. Оп. 4. Д. 1072. Л. 3]. Кроме того, было известно, что данный преподаватель курит опиум, задает студентам вопросы, на которые не знает ответа, и еще до окончания занятия покидает аудиторию [Там же. Д. 1072. Л. 3].

Из всех имеющихся недочетов работы Дальневосточного комитета нового алфавита наиболее острым, по мнению руководства Советского Союза, являлся вопрос о массовой разъяснительной деятельности, как сообщается: «На этом участке работы сделано чрезвычайно

мало, если и проводилась какая работа на местах, то она проходила очень слабо» [ГАТО. Ф. 2413. Оп. 4. Д. 1072. Л. 3].

Представляется вполне очевидным, что реализация китайского латинизированного алфавита на территории Советского Дальневосточного края велась весьма слабо, что объяснялось главным образом отсутствием квалифицированных кадров, ненадлежащей работой на местах, а также недооценкой применения латинизированной системы в общем. Организаторам так и не удалось наладить эффективную работу по реализации китайского латинизированного алфавита.

Как указывает известный американский синолог Дж. Норман, «несмотря на уверенность советских ученых в успешности эксперимента по латинизации китайской письменности, проект завершил свое существование в 1936 г., в связи с репатриацией подавляющего большинства китайских трудящихся-мигрантов» [Norman, 1988, с. 261].

В новых исторических условиях, в связи с утратой актуальности, китайский латинизированный алфавит оказался ненужным, впоследствии, по решению руководства Советского Союза, почти все языки народов СССР были переведены на кириллицу.

Литература

Алексеев В. М. Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация. Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1932. 178 с.

Дацышен В. Г. Движение за латинизацию китайской письменности и развитие китайской школы на советском Дальнем Востоке // Россия и АТР. 2008. № 3 (61). С. 160–169.

Сердюченко Г. П. Китайская письменность и ее реформа. М. : Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения, 1959.

Дальневосточный краевой исполнительный комитет (1932). Акт обследования состояния работ краевого комитета Нового Алфавита при президиуме Далькрайисполкома // ГАТО. Ф. 2413. Оп. 4. Д. 1072. Л. 1–18.

Norman J. Chinese. [Cambridge] : Cambridge University Press, 1988. 292 p.

新文字 [Электронный ресурс]. URL: <http://pinyin.info/romanization/sinwenz/>.

Мацумура Ёсико

Университет Кюсю, факультет языков и культур, Фукуока

Matsumura, Yoshiko

Faculty of Languages and Cultures, Kyushu University, Fukuoka, Japan

JAPANESE GENDER AND (IM)POLITENESS: A STUDY FROM THE DISCURSIVE APPROACH

Abstract. This paper, after reviewing briefly the earlier literature, aims at showing the relationship between Japanese gender and (im)politeness, based on the discursive approach of naturally occurring conversations.

Keywords: gender, (im)politeness, discursive approach.

日本語のジェンダーと（イン）ポライトネス

－言説的アプローチからの一考察－

要旨. 本論文では、ジェンダーと（イン）ポライトネスに関する先行研究を概観した後、自然会話を分析することで、日本語のジェンダーと（イン）ポライトネスの関係について言説的アプローチから考察を進める。

キーワード: ジェンダー; (イン)ポライトネス; 言説的アプローチ。

1. はじめに

日本語のジェンダーとポライトネスについての研究には、Lakoff (1975)、Tannen (1989)、Holmes (1995)、井出 (1985, 1997)、松村(2001)、Mills (2003)、Okamoto (2004)、宇佐美(2005)、因(2006)等々数多くの研究がある。本論文では、日本語のジェンダーとポライトネスに関係に関する先行研究のうち合理主義的アプローチ (Rationalist Approach) と言説的アプローチ (Discursive Approach) について簡単に概観した後、実際の会話を分析しながら、日本語のジェンダーとポライトネスとの関わりについて考えていく。

2. 合理主義的アプローチ vs. 言説的アプローチ

ジェンダーとポライトネスの関係について論じた研究は数多く存在するが、本研究では、ジェンダーとポライトネスの関係について合理主義的アプローチから研究を進めた Janet Holmes (1995) と言説的アプローチから研究を進めた Sara Mills (2003)を対照させることで、本研究の立場を明らかにする。

三牧(2013) は、栗原 (2008, 2009) を基に、ポライトネスの合理主義的アプローチと言説的アプローチを対照させた。三牧によると、合理主義的アプローチとはポライトネスの普遍性を追求し、Brown & Levinson (1987) を発展させた、トップダウン型の演繹的手法の研究手法をとるアプローチの法である。一方、言説的アプローチとは、ポライトネスの普遍性は追求せず、自然談話の相互作用のダイナミズムを重視したボトムアップ型の研究手法である。ここでは、合理主

義的アプローチをとる Janet Holmes (1995) と言説的アプローチをとる Sara Mills(2003)を対照させた後、本研究の立場を明らかにする。

Janet Holmes (1995) は、先ず「女性は男性よりポライトである」(1) と結論付けた上で、発話権、ヘッジやブースター、褒めとポジティブ・ポライトネス・ストラテジー、謝罪とネガティブ・ポライトネス・ストラテジー等について、量的分析を行い、上記の結論への証拠を探し出そうとした。しかし、Holmes によって出された量的結果は必ずしも「女性は男性よりポライトである」という結論を証拠立てるものではない。例えば、「誰が最も褒めを使うか?」という調査において、男性から男性<女性から男性<男性から女性<女性から女性(123)、という調査結果を膨大なデータを量的に分析することで示した。Holmes は、

この結果について、「この結果は女性と男性が褒めを異なった機能をもつと解釈しているためである。女性にとって褒めは結束やポジティブ・ポライトネスを表す感情表出の発話行為であるのに対して、男性にとって褒めは評価的判断を表す指示的意味、または潜在的にネガティブな面子を脅かす行為であるためである」(123)と議論している。しかし、上記の量的調査結果からこの議論を行うことはできない。さらに、謝罪についての議論においても同様に議論を行っている。「誰が最もよく謝るか?」という調査において、男性から男性<女性から男性<男性から女性<女性から女性(158)、という調査結果を示し、その結果に

ついて Holmes は、「男性と女性は謝罪に対して異なった認識をしている。男性は謝罪の自分の面子をおびやかすという機能を重視するのに対して、女性は謝罪を相手との調和を促進することを目指した発話行為と認識している」(159)とするが、上記の調査結果からはこの議論を行うことはできない。これらの議論は、女性と男性に対するステレオタイプ的見方を強めることになりかねない。

Sara Mills (2003) は、ジェンダーとポライトネスが不変で強い結びつきを持つとすることに対して疑義を呈した。Mills は、理想化された、ステレオタイプ化された要素に基づく主張や一般化は再考するべきであると述べた。その上で、Brown & Levinson (1987) の理論は理想化されているために、実際の会話においてポライトネスがどのように働いているのかを取り扱うことができないとした。Eelen (2001) のそれまでのポライトネス理論に対する批判、「これまでのポライトネス理論は三重の意味で概念的に偏っている。即ちポライトネス・インポライトネスのポライトネスに、話し手・聞き手の話し手に、言語産出・言語評価の言語産出に偏っている」(119) との批判を受け、Mills は「人がポライトネスやインポライトネスを判断する時には、文化的また社会的行動規範というものと関連させながら判断をおこなっていく。それ故に、人がどのようにして発話をポライトまたはインポライトと判断するのかを分析しなければならない」(159) と述べる。また、ジェンダー研究についても、「人々は利用できると考えられるステレオタイプや実際の行動を基にして、自分自身にとって適切だと考えるジェンダーストリー行動をとり、解釈の枠組みとするのであるから、女性と男性を二極化するのではなく、特定の社会において人々が「ジェンダーする」やり方に注目すべきである」(198) と述べて、実際社会におけるジェンダーストリー行動の分析の重要性を説く。最後にジェンダーとポライトネスについては、実際の会話例を分析することで、「ジェンダーを単純に発話の産出や解釈を決定づける要因とみなすべきではない」(235)と結論付けている。

本論文も、Mills が主張するように「女性は男性よりポライトである」というステレオタイプ的見方を前提とはせず、言説的アプローチで先ず分析を行うべきであると考え。次節では、実際の会話を分析することで、ジェンダーとポライトネスとの関係について考えていく。

3. 日本語のジェンダーとポライトネス

三牧(2013)は、初対面のコミュニケーションにおける談話レベルのポライトネスを分析した。その中で、ポライトネスのジェンダー一差について、男性上位者のみに観察された支配的課題管理、男性上位者のみに観察された一方的情報提供、女性上位者の協調的導入質問による課題管理、女性下位者による積極的課題管理という結果を挙げた。この結果は、Tannen (1989) の述べる男女差、即ち「男性は地位の上下をはっきりさせることが大切なので、それを強調するような行動をとる。自分の意見を主張する。女性は調和を大切とするので、対立はなるべく避ける。」という特徴と一致する。筆者も、Tannen (1989) の述べる男女差は英語のみならず日本語にも当てはまると考えるのではあるが、日本語と様々の言語を対照させると、男女差よりもむしろ文化差の方が大きい(松村 2013 参照)。Tannen (1989) の述べる女性の特徴「調和を大切とするので、対立はなるべく避ける」は、日本では女性のみならず男性にもあてはまるものではないかと思える。三牧 (2013) はマクロレベル・ミクロレベルの詳細な会話分析に基づく結果を出しており、説得される部分も多いのであるが、初対面の大学生同士の自由会話に限っているため、この分析が初対面以外の会話、日常の社会、職場等での言語行動にどこまで当てはまるかは不明である。では、日本人の友人同士の会話、職場での会話は、どのように行われているのであろうか。紙面の都合で4例のみ分析を行う。先ず、男女の不同意表明の例である。

会話例(1) 同じ寮の学生同士が寮祭で流す曲について話し合っている。

対話者: A:22歳男性学部4年、B:25歳男性修士2年

1A: おれ、あれがいい、##(曲の名前の一部)何だっけー?

2B: あれ、歌だし、ちょっと微妙ー。

3A: うそー。あれ、おれ、好きやってんけど…。

4B: (沈黙)(3秒)

会話例(2) 親しい学生同士の買い物の場面での会話

対話者： A:24歳女性修士2年、B:22歳女性学部4年

1 A: すごい、これ見て、すごくない？

2 B: うん、(沈黙2秒)きれい。

3 A: これいくら？

4 B: 安いですねー。

5 A: 二千円だし、こう見てるだけで楽しいね。

6 B: そうそう、高級感があるんですけど...

7 A: いや、これちょっと見てるだけで、いいー。

8 B: うん。

9 A: 白もある、すごい！

10 B: きれいー。

#は聞き取れなかった部分を表す。

王萌収集 『平成21年度日本語資料集』松村瑞子・王萌

(編)

会話例(1)(2)とも親しい友人同士の会話である。年下の女性のみが丁寧体を使っているという相違はあるが、何れも不同意を仄めかして伝えるという点は同じである。次に、客の苦情に対応する接客場面での会話である。

会話例(3) 客と販売員の会話

対話者： C: 女性客、S: 女性販売員 場所：デパートアクセサリー売り場 購入したアクセサリーがイタリア製という保証書が付いていないため、返品しようとする交渉の談話

1C これ保証書付いているんですか？

2S 保証書はですね。(ええ。)ゴールドカードの方にお付けいたします。

(略)

16S イタリア製ということは間違いない、ないんですけれども...

17C 間違いないって言っても保証書付いてなきゃわかんないじゃないの？

18S そうですね。でも、あのう、ああ、どうも、申し訳ございません。
あのう、修理保証書サービスはお付けするんですけども。
特に、お客様に一点一点がイタリア製である保証書はお付けし
ておりませんが、でも、これは正真正銘の...

19C 知りません、私。

20S はい。あのう、イタリアから直輸入しております。またですね、
あのう、そのう、ま、この輸入の、証明の証、そういった、
あのうインボイス、そういったものもちゃんと証明でございま
すので、イタリア製というのはもう間違いございません。

21C 保証書ついてないんだったらいりません。返金してください。

22S はい。わかりました。申し訳ございませんでした。

会話例(4) 客と販売員の会話

対話者: C: 男性客、S: 男性販売員 場所: 電気屋

場面: パソコンを買って8か月だが、修理に2回も出したが、やはりスピーカーが音割れするので修理してもらうための交渉会
話

1C ええと、前に修理に出して、あの、(はい)スピーカーが音割れするということについて修理に出して、(はい)あの、交換して戻ってきたんですけども(はい)あの、また、なんか、また音割れするんですね。

2S あ、さようでございますか。

3C はい。

4S お調べしますので、商品を拝見させていただけないでしょう
か?

(略)

78C はい、分かりました。

79S はい。大変申し訳ございませんでした。

80C はい。有難うございました。

会話例(3)(4) 胡敏男収集『平成21年度日本語資料集』松村瑞子・王萌(編集)

会話例(3)(4)については、下線部の女性の販売員も男性の販売員も客の苦情に対して、決して相手を批判せず、謝罪を述べながら、辛抱強く丁寧に対応していることが分かる。これらの会話を観察すると、ジェンダー差はあまり際立たない。むしろ、接客場面における社会慣習的ポライトネスが重要な役割を果たしていると考えられる。鈴木睦(1997)は、「丁寧さを保つためには、聞き手の領域に踏み込まず、決定権を話し手のことがらに限る」という原則が女性にも男性にも当てはまると述べた。ここで挙げた例についても、それが当てはまる。

4. おわりに

本論文では、対極的アプローチをとる Holmes (1995) と Mills (2005) を概観した後、実際の会話を観察し、ジェンダーとポライトネスとの関わりについて考えていった。ジェンダーとポライトネスについては、「女性が男性よりポライトである」というステレオタイプを前提にして議論を進めることの問題について述べた。実際の会話を分析していくと、ジェンダー差よりもむしろ社会慣習的ポライトネスが重要であることが分かる。

参考文献

- Brown, Penelope and Levinson, Stephen C. (1987) *Politeness: Some universals of language usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Eelen, Gino (2001) *A Critique of Politeness Theories*. Manchester: St. Jerome Publishing.
- Holmes, Janet (1995) *Women, Men, and Politeness*. London: Longman Group UK Ltd.
- Lakoff, Robin (1975) *Language and Women's Place*, New York: Harper and Row.
- Mills, Sara (2003) *Gender and Politeness*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Okamoto, Shigeko (2004) "Ideology in Linguistic Practice and Analysis: Gender and Politeness in Japanese Revisited," *Japanese Language, Gender, and Ideology Cultural Models and Real People*, Oxford: Oxford University Press, 38–56.
- Tannen, Deborah (1989) *You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation.*, New York: William Morrow.
- 井出祥子、堀素子、川崎晶子、生田少子、芳賀日登美 (1985) 『女性の敬語の言語形式と機能』文部省科学研究費研究成果報告書
- 井出祥子 (1997) 「女性語の世界—女性語研究の新展開を求めて—」『女性語の世界』明治書院, 1–14.
- 宇佐美まゆみ (2005) 「ジェンダーとポライトネス—男性は女性よりポライトなのか—」『日本語とジェンダー』第5号, 日本語ジェンダー学会, 1–12.

因京子 (2006) 「談話ストラテジーとしてのジェンダー標示形式」『日本語とジェンダー』第5号, 日本語ジェンダー学会, 53–72.

鈴木睦 (1997) 「女性語の本質—丁寧さ、発話行為の視点から」『女性語の世界』明治書院, 59–73.

松村瑞子 (2001) 「日本語の会話に見られる男女差」『比較社会文化』第7号, 九州大学大学院比較社会文化学府, 69–75.

松村瑞子 (2013) 『日本語のポライトネス—異文化理解教育の方法開発に向けて—』九州大学大学院芸術工学府博士論文

三牧陽子 (2013) 『ポライトネスの談話分析—初対面コミュニケーションの姿としくみ』東京: くろしお出版

Ни Айся

Шаньдунский институт бизнеса и технологий, Яньтай

НЕВИДИМОСТЬ ФУНКЦИИ ЕВРЕЙСКОГО БОГА ВОЙНЫ В КАЙФЭНЕ

Аннотация. Евреи в Кайфэне называли свое божество «Тянь», что соответствует богу в древнееврейской Библии. Однако в записях, оставленных евреями в Кайфэне, нет описания его как священного воина, помогающего верующим победить врагов. У них не упоминается самая важная традиция, описанная в древнееврейской Библии, которая происходит из Египта. Летописи, в которых египтяне отслеживали свою историю, и их ретроспекция сходны с тем, как китайцы чтут память предков, что показывает глубокое влияние конфуцианства во время ассимиляции евреев в Кайфэне.

Ключевые слова: евреи в Кайфэне, древнееврейская Библия, Тянь, бог войны.

Ni Aixia

Shandong Technology and Business University, Yantai

THE INVISIBILITY OF GOD OF WARS FOR THE JEWS IN KAIFENG

Abstract. The Jews in Kaifeng called the divine above “Tian” which corresponded to God in the Hebrew Bible, which all other Jews believe in. However, the divine function as a Holy warrior, helping believers to win in wars, could not find its equivalent in the documents left by Jews in Kaifeng. The Kaifeng Jews did not mention one of the most important traditions in the Hebrew Bible---coming out of Egypt---in the documentation and their way of tracing back to their history was expressed in the Chinese way of honoring their ancestors, which showed the profound influence of Confucianism during the assimilation of Jews in Kaifeng Fu.

Keywords: Jews in Kaifeng Fu, Hebrew Bible, Tian, God of wars.

I. Literature review

When Jews in Kaifeng, China were discovered by Matteo Ricci [Pol-lak, 1983, p. 312], the documentation and historic relics caught scholars' eyes both home and abroad. The history, assimilation [Eber, 1998, p. 48–62] of Kaifeng Jews were studied according to the historic relics and documentation they left [Yang, 1994, p. 150]. Some scholars briefly introduced the doctrines and religious lives of Kaifeng Jews, among which the Chinese scholar Jiang Wenhan talked about the characteristics of their religion, like mono-

theology, God worshiping and its rituals [Jiang, 1982, p. 175–179]; Liu Bailu touched their thoughts, religious holidays [Liu Bailu, 2006] and their Daojing [Liu Bailu, 2011, p. 26–27]; the foreign scholars including Donald D. Leslie who talked about the rituals [Leslie, 1972, p. 128] and Michael Pollak who did his research from the perspective of history [Pollak, 1983, p. 20–130]. However, few comparative studies were made from the perspective of religious comparison and the Hebrew Bible tradition. This thesis is to start from the definition of Tian in the Kaifeng Jews perspective, to analyze the similarities and differences between “Tian” and “Elohim” in the Hebrew Bible, to point out how the Kaifeng Jews made conciliation with the Jewish core concept “Elohim” in the process of sinicization.

II. Documentation applied

Besides first-hand documents like stone inscriptions, geneology, horizontal inscribed boards and couplets, drawings and scrolls, local historical records and other history books are also used in this field. In the textual analysis, this paper compared the record in the 4 tablets, 23 horizontal inscribed boards, 17 inscribed couplets with the recording in the Hebrew Bible, to compare “Tian” and “Elohim” in order to have a better understanding of “Tian” of the Kaifeng Jews. Since scholars have not reached consensus on the time when Jews came to China and settled in Kaifeng, it is hard to determine to what extent the Kaifeng Jews were influenced by Rabbinic Judaism, so that this paper did not talk about Rabbinic Judaism. This paper focuses on the comparative study of the Hebrew Bible and the documents left by the Kaifeng Jews only.

Hebrew Bible, not only the historical recordings of Jews, but also the reflections on their history, contains the law Torah, the prophets and the writings, among which Torah is the holder of the Israelite belief and the most important book. The stone inscriptions were mainly written by the Jewish Sino-Confucians (Some scholars believe that the composer of the 1689 tablet Liu Chang was not a Jew and some of the antithetical couplets were not written by Jews, but they were written for Kaifeng Jews.), representing the stage when the Kaifeng Jewish community sinicized enough to get involved into the Chinese social, political and culture life and at the same time kept some Jewish heritage [Plaks, 2008, p. 135–144]. The previous mentioned documentation, appearing during this period, is of crucial importance, which signified the ideology of the Jewish Sino-Confucians, and also the thoughts of ordinary Jewish people in Kaifeng because of the publicity of the tablets, stales and the antithetical couplets.

Many scholars have talked about the divine functions. One famous scholar is Georges Dumézil who generalized the divine functions into three parts: governing, war and life-giving [Lang, 2002, p. 4–5]. Bernhard Lange expanded the life-giving function into three, namely the God for animals, for

individuals and for harvest. Because the Kaifeng Jews did not emphasize the divine functions for animals, individual and harvest, therefore, the paper mainly adopted Georges Dumezil's theory, talking about the three divine functions.

III. The tradition of God of wars in ancient West Asia and in Confucianism

When Solemn asked God for wisdom in his dream, God gave him victory and life altogether. (1Kgs 3:9, 11–12) The three blessings signifies God's three functions: the God for wisdom, victory and life. The image of God in the ancient West Asia, including Israel is very important. God's functions are revealed in two ways: God supported people in the wars and God were directly involved in wars. When described God helped Israelites in wars, God both directly appeared in wars, for instance, when Moses led the Israelites out of Egypt, God brought the Egyptian Pharaoh and his people ten plagues (Ex 7:12) and invisible in wars but supported Israelites, for instance, when Moses led his people to cross the Red Sea, the sea was separated when Moses held his stick up. (Ex 14:16) After leaving Egypt, Moses and other Israelites sung to God, "The Lord is a man of war," (Ex 15:3) which claimed God as the God of wars.

The forming of Confucianism was influenced by Chinese mythology and thus, the function theory in ancient West Asia should also be applicable in interpreting God's roles in China while it works well in explaining God's role in the Hebrew Bible. Therefore, it could interpret the characteristic of "Tian" in China. Chinese mythology could be divided into myth of creation, myth of tribal wars, myth of flood, myth of heroes etc., among which, the myth of tribal wars are equivalent of the description of wars in the Bible, indicating God's function of wars. But differences occur when examining the myth of wars in China and in the ancient West Asia. A Chinese scholar Yang Yi believed that "the western myths like Greek myths and Hebrew myths are legends of heroes while Chinese myths are not stories but about scenes" [Yang, 1997, c. 9]. The divine in the Chinese did not appear as a person with body and flesh and their images were scattered everywhere and the myths are used mainly for teaching ethics. Therefore, in the tribal wars between Yan and Huang, Huang did not pictured as a hero and the whole event is carved as the righteous war of the King to suppress the rebellions. Because wars are not needed and the kings were not challenged or restrained by the outsiders except by himself [de Barry, 2009, p. 1]. The myth of wars were well-packed with Confucianism and the wars are blurred and infused with teaching of ethics. Confucius ideal is "everyone under Heaven would respond to his Goodness" [Waley, 1976, p. 145] and "He who can submit himself to ritual is Good." Even though Tian was mentioned 58 times in the *Analects* by Confucius, and many following scholars summarized the functions

of Tian into different kinds, like the Tian for government, for creation, for revelation, for judgment etc., no functions of wars or victory was mentioned.

VI. The Importance of the role of God of wars for Jews and its absence for Kaifeng Jews

In the Hebrew Bible, the war of God played an important role in shaping the Israelite history and the image of Israelite. The history of the Israelite leaving Egypt was repeated many times in the Bible and God came to alive as a “Savior”. (Ex 18:9; Nu 10:9; Gg 2:18; Ne 9:27, Ps 18:2, 27:1 etc.) It is emphasized many times that the history of coming of Egypt could not be forgotten. (Dt 6:20–23) The history of sojourning could not be forgotten. “Do not oppress a foreigner; you yourselves know how it feels to be foreigners, because you were foreigners in Egypt.” (Ex 23:9) “And you are to love those who are foreigners, for you yourselves were foreigners in Egypt.” (Dt 10:19) Till today, one of the four crucial Jewish festivals Passover is to memorize the history of coming out of Egypt. (Dt 5:15)。

Some scholars believe that God as a “Savior” in monotheism was established in wars [Lang, 2002, p. 186], however, even though the Jews in Kaifeng kept monotheism, they did not tell the story of their ancestors’ coming out of Egypt. In the stone inscriptions, the doctrines of “honored Heaven and worshiped the Way” [Weisz, 2006, p. 5] and the doctrine and fasting are important parts in the 1489 and 1663 stones. The 1489 stone inscription says “The limit every month was four days of fasting.” [Weisz, 2006, p. 8] and the 1663s stone inscription says the fasting is Sabbath Day and talks about “On fasting days, Did not make allowances for food.” [Weisz, 2006, p. 38] Even though the Jews in Kaifeng kept their Sabbath Day well, the origin of the festival and their history were omitted. Therefore, the Tian for Kaifeng Jews was not involved in their history and the divine function of wars is missing, the same as what happens in Confucianism.

God’s function of wars is presented by the function of kings in ordinary life and the role of kings for Jews is also replaced by the emperors in China. At the end of the 1489 stone inscription, it says “May the Great Emperor of the Ming, His virtue surpass that of Yu and Tang, and His Highness that of Yao and Xun. His intelligence and intuitive wisdom Be brought like the Sun and the Moon...” [Weisz, 2006, p. 18] When they were under the governing of Chinese emperors, they praised the emperors and gradually lost their sense of crisis in a foreign land where wars were not preferred and human Goodness was highly praised. When the Kaifeng Jews viewed their religion as immersed in daily life, God’s image of wars was gradually forgotten.

However, the Kaifeng Jews reminded themselves of their unique identity and traced their history in a Chinese way---honoring the ancestors even though they did not mention their history of coming out of Egypt. The

ancestral temple is part of the synagogue, which shows the unique status of the ancestors. In the stone inscriptions, Abraham is called “the patriarch establishing the religion” (1489 stone inscription), Moses “the patriarch of the Correct Religion” (1489 stone inscription) and it describes Moses as a Chinese saint “He was born intelligent and pure, completely righteous and benevolent, completely principled and virtuous.” [Weisz, 2006, p. 4–5] They raised “honoring the ancestors” to the same level as “worshiping Tian”. Therefore, honoring ancestors is their way of tracing back their history.

V. Conclusion

The Chinese open political atmosphere eased the Jews tension when sojourning in a foreign land, which could be seen from the omitting of their tradition of coming out of Egypt. Their connection with the past is shown from their honoring the ancestors which is also highly valued in Chinese culture. This explains partly their destiny of their assimilation to Chinese culture.

References

de Barry, Wm Theodore. *The Trouble with Confucianism*, trans. Huang Shuiying. Beijing : Peking University Press, 2009.

Jiang Wenhan. *Christianity in Ancient China and Jews in Kaifeng Fu*. Beijing : Knowledge Press, 1982.

Lang, Berhard. *The Hebrew God: Portrait of an Ancient Deity*. New Haven ; London : Yale University Press, 2002.

Leslie Donald D. *The Survival of the Chinese Jews: The Jewish Community of Kaifeng*. Leiden : E. J. Brill, 1972.

Liu Bailu. *A Study on the Inscriptions of Kaifeng Jews* (M. Phil. Dissertation). Kaifeng : Henan University, 2006.

Liu Bailu. *A Study of Daojing in the Inscriptions of Kaifeng Jews / Academia Bimestris*, 2011.

Plaks Andre H. *The Confucianization of the Kaifeng Jews: Interpretations of the Kaifeng Stelae Inscriptions / ed. Jonathan Goldstein // The Jews of China Volume One Historical and Comparative Perspectives*. New York : M. E. Sharpe, Inc., 1998. P. 135–144.

Pollak Michael. *Mandarins, Jews, and Missionaries: The Jewish Experience in the Chinese Empire*. Philadelphia : Jewish Publication Society, 1983.

Waley Arthur. *The Analects*. Beijing : Foreign Language Teaching and Research Press, 1976.

Weisz Tiberiu. *The Kaifeng Stone Inscriptions*. New York : iUniverse, Inc, 2006.

Yang Haijun. *The 80-year Research of Jewish People in China // Social Sciences in China*. 1994. P. 150.

Yang Yi. *Chinese Narratology*. Beijing : People’s Publishing House, 1997.

ЗВУКОСИМВОЛИЗМ ЭКСПРЕССИВНОЙ ЛЕКСИКИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Для дальнейшей разработки концепции звуко-символической роли лабиальных в выражении пейоративности проводится фоносемантический анализ экспрессивных слов китайского языка с отрицательно-оценочным значением. В качестве лексического материала использованы экспрессивные лексические единицы (ЭЛЕ), междометия и счетные слова китайского языка.

Ключевые слова: звуко-символизм, фоносемантика, пейоративность, лабиализация, экспрессивная лексика, китайский язык.

T. Prutckikh

Baikal State University, Irkutsk

SOUND SYMBOLISM OF CHINESE EXPRESSIVE WORDS

Abstract. The purpose of the article is to confirm the sound-symbolical role of the labial in the pejorative expression. In connection with this, the author has carried out a phonosemantic analysis of the expressive words of the Chinese language with negative connotation. Some expressive lexical units (ELU), interjections and countable words of the Chinese language were used as lexical material of the research.

Keywords: sound symbolism, phono-semantics, pejorativity, labialization, expressive words, Chinese language.

«Кажется совершенно очевидным, что существует связь между звуком и его значением; но характер этой связи редко удается описать достаточно полно, часто о нем можно лишь догадываться, а в большинстве случаев мы не имеем о нем никакого представления» [Гумбольдт 1984, с. 92]. Именно потому, что связь между звучанием и значением далеко не всегда лежит на поверхности, звуко-символические слова по-прежнему остаются малоисследованным пластом лексики любого языка и представляют большой научный интерес для исследования.

Мотивированность, произвольность языкового знака – это отношение подобия означающего и означаемого; то сходство, на основании которого происходит соединение значения и акустического образа; «пучок связей между звуковой формой слова и признаком объекта-денотата, лежащим в основе номинации» [Валуйцева, 1987, с. 6].

Начиная с Платона на наличие корреляции между звучанием и значением указывали Фома Аквинский, Г. В. Лейбниц, Ж. Ж. Руссо, М. В. Ломоносов, В. фон Гумбольдт, в XX в. – В. Вундт, Э. Сэпир, О. Есперсен, Р. Браун, Ж.-М. Петервальви, Э. Бенвенист, Р. Якобсон и многие другие. В отечественной лингвистике теорией и практикой звуко-символизма занимались А. А. Леонтьев, В. В. Левицкий, А. П. Журавлев, А. А. Потебня, С. В. Воронин, А. М. Газов-Гинзберг, И. Н. Горелов, Ю. А. Сорокин, А. М. Шахнарович. В настоящее время данную проблему на материале разных языков продолжают исследовать И. И. Валуйцева, И. Ю. Павловская, Н. В. Дрожжих, Е. В. Евенко, Т. Г. Орлянская, С. В. Никрошкина, Е. В. Сундуева, Л. П. Прокофьева и др.

Большое число фактов, полученных с помощью наблюдений над языковым и речевым материалом, с помощью лингвистических и психологических экспериментов, доказывающих теорию фонетического символизма, обусловило возникновение и становление научной дисциплины, изучающей звуко-символизм, – «фоники» (Самохвалов, 1974); «орфонимии» (Мельников, 1976); «фоносемантики» (Воронин, 1982).

Термин «фоносемантика», предложенный С. В. Ворониным, стал широко использоваться в работах современных ученых как наиболее приемлемый, так как в нем эксплицитно выражено соотношение, лежащее в основе звуко-символизма, – связь звучания и значения; определена область исследования (значение звуков), и, кроме того, указано ее положение среди лингвистических дисциплин: она существует на стыке фонетики (по плану выражения), семантики (по плану содержания) и лексикологии (по совокупности этих планов).

Особая роль в изучении звуко-символизма принадлежит экспрессивной лексике, потому что именно экспрессивные слова «служат ярким и экономным средством выражения многообразных проявлений окружающей действительности и связаны с мыслительной деятельностью человека, его чувствами и эмоциями» [Фролова, 1996, с. 149].

Высокой степенью экспрессивности и эмоциональности обладают пейоративы, которые составляют значительный пласт лексики в любом языке. Слова с отрицательно-оценочным значением практически полностью соответствуют критериям звуко-символических слов, выделенных С. В. Ворониным [Воронин, 2006, с. 94], «обладают образной и в то же время конкретной семантикой, обозначают простейшие элементы психофизиологического универсума человека, обладают стилистической ограниченностью, морфологической и фонетической гипераномальностью» [Котомцева, 2016, с. 116].

Пейоративность трактуется как свойство языковых единиц, проявляющееся в способности реализовывать семантику неодобрения, критики, презрения и порицания в адрес представителей социума, чьи поступки или личностные качества не соответствуют моральным и социальным нормам общества, что проявляется в девиантном поведении, нарушающем общественное спокойствие и общественные правила, принятые в социуме; доставляет неудобство и наносит этический, моральный или физический ущерб представителям социума [Лесина, 2010]. Единицы языка, обладающие подобной семантикой, называются пейоративами.

Лабииализация хорошо известна как один из способов выражения презрительного, негативного значения. Лабииальные пейоративы – многочисленные и чрезвычайно характерные образования в самых различных языках. В эмоционально-интеллектуальной сфере символизм дан-

ного фонемоти́па определяется артикуляторно выразительными движениями лица, сопровождающими эмоции презрения, недовольства, отвращения, которые в значительной степени выражаются посредством движения мышц вокруг рта и носа.

С целью подтвердить звуко-символическую роль лабиальных в выражении пейоративности нами было проведено фоносемантический анализ экспрессивных слов китайского языка с отрицательно-оценочным значением. В качестве лексического материала мы использовали *экспрессивные лексические единицы* (ЭЛЕ), китайские междометия и счетные слова.

О. П. Фролова [Фролова, 1996] представила оригинальную классификацию ЭЛЕ по словообразовательному способу выражения экспрессивности, мы же воспользовались данной лексической группой для проведения фонетического анализа.

I. Экспрессивная характеристика человека в словах, образованных словосложением

1. ЭЛЕ, образованные по моделям словосложения

pu² 仆 ‘слуга’ + dun⁴ 钝 ‘тупица’ → pu²dun⁴ 仆钝 ‘тупица’;
 xiong² 雄 ‘самец’ + feng¹ 蜂 ‘пчела’ → xiong²feng¹ 雄蜂 ‘трутень’;
 hao³ 好 ‘хороший’ + se⁴ 色 ‘цвет, секс’ → hao³se⁴ 好色 ‘ловелас’;
 men² 门 ‘ворота’ + ke⁴ 客 ‘клиент’ → men²ke⁴ 门客 ‘прихлебатель’.

2. ЭЛЕ, образованные путем сложения корневой морфемы

- с морфемой chong² 虫 ‘насекомое’ (1):

hu²tu 糊涂 ‘глупый’ + (1) → hu²tuchong² 糊涂虫 ‘тупица, простофиля’;

- с морфемой gui³ 鬼 ‘черт’ (2):

e⁴ 饿 ‘голод’ + (2) → e⁴gui³ 饿鬼 ‘голодранец’;

jiu³ 酒 ‘вино’ + (2) → jiu³gui³ 酒鬼 ‘забулдыга’;

- с морфемой dan⁴ 蛋 ‘яйцо’ (3):

huai⁴ 坏 ‘плохой’ + (3) → huai⁴dan⁴ 坏蛋 ‘дрянь, сволочь’;

ben⁴ 笨 ‘тупой’ + (3) → ben⁴dan⁴ 笨蛋 ‘тупица’;

- с морфемой gun⁴ 棍 ‘палка’ (4):

e⁴ 恶 ‘плохой’ + (4) → e⁴gun⁴ 恶棍 ‘дубина’;

- с морфемой mi² 迷 ‘увлекаться’ (5):

cai² 财 ‘богатство’ + (5) → cai²mi² 财迷 ‘корыстолюбец’;

- с морфемой huo⁴ 货 ‘товар, вещь’ (6):

chou⁴ 臭 ‘дурной запах’ + (6) → chou⁴huo⁴ 臭货 ‘поганец’;

jian⁴ 贱 ‘дешевый’ + (6) → jian⁴huo⁴ 贱货 ‘мерзавец’;

- с морфемой zhong³ 种 ‘вид, сорт’ (7):

e⁴ 恶 ‘дикий’ + (7) → e⁴zhong³ 恶种 ‘деревенщина’;

huai⁴ 坏 ‘испорченный’ + (7) → huai⁴zhong³ 坏种 ‘ничтожество’.

3. ЭЛЕ, образованные путем добавления экспрессивной характеристики к обычному (двусложному) слову

tou²ji¹ 投机 ‘спекулировать’ + fen¹zi 分子 ‘элемент (о человеке)’ → tou²ji¹fen¹zi 投机分子 ‘приспособленец’;

huai⁴ 坏 ‘плохой’ + dong¹xi 东西 ‘вещь’ → huai⁴ dong¹xi 坏东西 ‘подлец’;

fa² 乏 ‘недоставать’ + dong¹xi 东西 ‘вещь’ → fa²dong¹xi 乏东西 ‘простофиля’;

ben⁴ 笨 ‘глупый’ + jia¹huo⁴ 家货 ‘утварь, посуда’ → ben⁴jia¹huo⁴ 笨家货 ‘дубина, головотяп’;

qiong² 穷 ‘бедный’ + bang⁴zi 棒子 ‘палка’ → qiong²bang⁴zi 穷棒子 ‘голытьба’;

lao³ 老 ‘старый’ + bang⁴zi 棒子 ‘палка’ → lao³bang⁴zi 老棒子 ‘старый хрыч’.

II. Экспрессивная характеристика человека в словах, образованных аффиксацией

1. ЭЛЕ, образованные при помощи «чистых аффиксов», например zi 子, er 儿, tou 头:

hu² 胡 ‘борода’ + zi 子 → hu²zi 胡子 ‘бандит’;

pian⁴ 骗 ‘обманывать’ + zi 子 → pian⁴zi 骗子 ‘плут, жулик’;

hua¹ping² 花瓶 ‘ваза для цветов’ + er 儿 → hua¹ping²er 花瓶儿 ‘цаца’;

kou¹ 抠 ‘ковырять’ + er 儿 → kou¹er 抠儿 ‘скряга, проныра’;

kong¹ 空 ‘пустой’ + tou 头 → kong¹tou 空头 ‘враль’;

hua² 滑 ‘скользить’ + tou 头 → hua²tou 滑头 ‘мошенник, плут’

2. ЭЛЕ, образованные при помощи полусуффиксов zhe 者, han 汉, fu 夫, shou 手:

ji⁴sheng¹ 寄生 ‘паразит’ + zhe 者 → ji⁴sheng¹zhe 寄生者 ‘тунеядец’;

men²wai⁴ 门外 ‘дилетант’ + han 汉 → men²wai⁴han 门外汉 ‘профан’;

kuang² 狂 ‘сумасшедший’ + fu 夫 → kuang²fu 狂夫 ‘идиот’;

you² 游 ‘гулять’ + shou 手 → you²shou 游手 ‘бездельник’.

3. ЭЛЕ, образованные при помощи префиксов a¹ 阿, lao³ 老:

a¹ 阿 + fei¹ 飞 + ‘лететь’ → a¹fei¹ 阿飞 ‘баловень, пижон’;

a¹ 阿 + lin² 林 ‘лес, чаща’ → a¹lin² 阿林 ‘остолоп, дурень’ (диал.);

lao³老 + gou³狗 ‘собака’ → lao³gou³老狗 ‘старый хрыч’;

lao³老 + pi³fu¹匹夫 ‘невежда, мужлан’ → lao³pi³fu¹老匹夫 ‘кретин’.

III. ЭЛЕ, образованные при помощи повтора

hua¹花 ‘цветок’ + gong¹zi³公子 ‘молодой барин’ → hua¹hua¹gong¹zi³花花公子 ‘пижон, хлыст’.

Наглядно видно, что все слова (всего 36) имеют отрицательные коннотации, а в фонетическом составе преобладают лабиальные финали, которые составляют **81 %** (29 слов).

Семантика междометий полностью обусловлена выполняемой ими языковой функцией непосредственного выражения чувств, эмоций, переживаний человека. Пейоративы как слова с отрицательной эмоциональной окраской в языке представлены также и междометиями. Далее следует ряд междометий, отобранный методом сплошной выборки из китайских словарей по принципу выражаемого пейоративного значения с примерами их употребления.

1. **ai¹ya¹** 哎呀 выражает неприятное удивление.

哎呀! 我的手机丢了! Ой, мой телефон потерялся!

2. **ai¹yo¹** 哎哟 выражает переживания, страдания, иронию.

哎哟, 多疼呀! Ай (ой), как больно!

哎哟, 糟啦! Ой, беда!

哎哟, 说得多好听呀! Ой, ну и сладко же ты поешь!

3. **ai¹yo¹yo¹** 哎哟哟 выражает мучения.

哎哟哟, 好疼! Ой-ой-ой, как больно!

4. **ai³** 哎 выражает несогласие, отрицание.

哎, 不能这样做。Ой, так нельзя делать.

5. **ao²ao²** 嗷嗷 выражает стенания, вопли голодающих

嗷嗷待哺, 我们太饿了! Ой-ой-ой! Как есть хочется!

6. **ei³** 欸 выражает несогласие, неодобрение.

欸, 你这话真不对。Нет, вы совсем не правы.

欸, 怎么可以这样! Эх, как это так можно!

7. **he⁴** 吓 выражает недовольство.

吓, 怎么能这样呢! Ой, нельзя же так!

8. **hm** 嗽 выражает неудовольствие, порицание.

嗽, 你还不满意哪! Гм (хм)! Ты все еще недоволен!

9. **pei¹** 呸 выражает отвращение, брезгливость.

呸，真讨厌！Фу, надоел!

呸，真可恶！Фу, какая гадость!

10. **wei⁴** 喂 выражает раздражение, связанное с необходимостью торопить, нажимать (на кого-то).

喂，快点！Ну-ка, давай скорей!

11. **wei³wei³nuo⁴nuo⁴** 唯唯诺诺 выражает поддакивание, вынужденное согласие.

唯唯诺诺, 是, 我就这么做! Угу, ладно, я так и сделаю!

12. **wo¹yue¹** 喔唷 выражает страх, испуг.

喔唷, 这么高! У, как высоко!

13. **wu¹hu¹** 呜呼 выражает вздох, сожаление.

呜呼, 他已经不在了! Увы, его уже нет (умер)!

14. **xu¹** 嘘 выражает пресечение, изгнание, отвращение.

嘘! 轻一点, 屋里有病人。Тсс! Тише, в комнате больной.

15. **xu¹** 吁 выражает неприятное удивление.

吁, 可怪也! Ох, очень странно!

16. **yi¹** 噫 выражает сожаление, горечь.

噫, 我老了! Увы, я стар!

17. **you¹** 呦 выражает испуг, неприятное удивление.

呦, 你踩我脚了! Ой, ты наступил мне на ногу!

Среди представленных междометий (всего 17) лабиальные встретились в 10 примерах, что составляет **59 %**, причем в 9 словах участвуют только лабиальные финали. Значительное преобладание слогов с нулевой инициальной среди междометий исследуемой группы (11 примеров – 65 %), так же как среди общего количества китайских междометий, нельзя считать случайным. Поскольку финали – это звуковые комплексы, в основном состоящие из гласных звуков, следовательно, логично предположить, что именно эти звуки больше подходят для выражения чувств и эмоций.

При изучении счетных слов, сочетающихся со словами негативной семантической окраски, нам также удалось обнаружить примеры, подтверждающие связь между лабиальностью и отрицательным значением.

yi⁴ suo¹ zou³ si¹ fan⁴ 一撮走私犯 (один) контрабандист

yi² dun⁴ chou⁴ ma⁴ 一顿臭骂 крепкое ругательство

yi⁴ qun² qiang² dao⁴ 一群强盗 шайка бандитов

yi⁴ tuan² zao¹ 一团遭 клубок неприятностей

yi² chu⁴ ba¹ hen² 一处疤痕 (один) рубец, шрам

yi² ju⁴ shi¹ ti³ 一具尸体 (один) труп

yi² du⁴ zi gui³ tai¹ 一肚子鬼胎 нечистая совесть
yi⁴ wo¹ liu² mang² 一窝流氓 хулиган

Лексический корпус проведенного исследования составило 61 слово, лабиальные финалы встретились в 47 словах (77 %). Полученные результаты *подтверждают идею о том, что лабиальные играют существенную роль в обозначении пейоративных значений.*

В качестве перспективы для дальнейшей работы можно рассматривать фоносемантический анализ лексики современного китайского сленга, поскольку именно сленг обычно используется для обозначения экспрессии речи, постоянно обновляется и имеет ярко выраженный молодежный разговорный характер.

Литература

Валуйцева И. И. Влияние фонетической значимости текста на особенности его восприятия : автореф. ... канд. филол. наук. М., 1987. 19 с.

Воронин С. В. Основы фоносемантики. М. : ЛЕНАНД, 2006. 248 с.

Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984. 397 с.

Котомцева Е. А. Звукосимволизм пейоративов (на материале словаря В. И. Даля) // Филол. науки. Вопр. теории и практики. В 3 ч. Ч. 2. Тамбов : Грамота, 2016. № 7(61). С. 116–119.

Лескина С. В. Категория пейоративности в русском и английском языках в аспекте лингвокультурологического сопоставления (на материале фразеологических единиц) [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2010. URL: <http://www.dissercat.com/content/kategoriya-peiorativnosti-v-russkom-i-angliiskom-yazykakh-v-aspektelingvokulturologicheskog>.

Пруцких Т. А. Проявление иконизма в языке: экспериментально-теоретическое исследование : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2009. 207 с.

Фролова О. П. Типы личностных характеристик в системе экспрессивной лексики китайского языка // Китайское языкознание : материалы VIII Междунар. конф. (Москва, 25–26 июня 1996 г.). М., 1996. С. 149–153.

何杰. 量词一点通 [文本] – 北京: 北京语言大学出版社, 2003. 358.

А. С. Самарина

Дунбэйский университет экономики и финансов, Далянь

АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ТУРИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ КНР

Аннотация. Целью статьи является анализ международной конкурентоспособности туристических услуг КНР, осуществленный путем расчета индекса международной рыночной доли (IMS), индекса торговой конкурентоспособности (ТС) и индекса выявленного сравнительного преимущества (RCA) на основе статистических данных международной торговли туристическими услугами за период 1995–2016 гг. Результаты исследования показывают, что, несмотря на постоянный рост международных туристических прибытий с 1978 г., международная конкурентоспособность китайских туристических услуг имеет тенденцию к снижению. Дефицит торгового баланса международной торговли туристическими услугами КНР увеличивается с 2009 г.

Ключевые слова: международная конкурентоспособность, туристические услуги, международная торговля, Китай.

A. Samarina

Dongbei University of Finance and Economics, Dalian

ANALYSIS OF INTERNATIONAL COMPETITIVENESS OF CHINA'S TOURISM SERVICES

Abstract. Based on the trade data for the period from 1995 to 2016, the paper analyzes the international competitiveness of China's tourism services, using international market share index (IMS), trade competitive index (TC) and revealed comparative advantages index (RCA). The results show that although since 1978 China has recorded a continuous growth in international tourist's arrivals, the international competitiveness of China's tourism services is weak and presents the downward trend. China's international trade in tourism services has been in the deficit from 2009 and the deficit amount has a tendency to rise.

Keywords: international competitiveness, tourism services, international trade, China.

1. Introduction

Tourism plays one of the key roles in the economy of various countries due to its contribution to the economic growth and employment [Holjevac, 2003, p.130]. According to World Travel and Tourism Council, in 2015 travel & tourism contributed to world GDP USD 7,170.3 bn (9.8 % of GDP) and created 283,578,000 jobs (9.5 % of total employment). International tourism – is one of the main components of international trade in services. The World Tourism Organization (UNWTO) calculated that in 2015 international tourism, as a worldwide export category, represented 7 % of the world's exports, ranking third after fuels and chemicals and ahead of food and automotive products. This data underlines the importance of trade in tourism services for a majority of countries. Whereas nowadays tourism experiences a rapid growth, a number of new destinations, tourist attractions and activities are booming. As a result, market participants face a fierce competition in the international market of tourism services and have to continuously enhance competitiveness in order to keep and enlarge their market shares [Boycheva, 2017, p. 139]. The purpose of this paper is to analyze the international competitiveness of Chinese tourism services, using the trade data for recent 22 years from 1995 to 2016.

The choice of the country for research is motivated by the fact that recently China has become a fast developing country, where tourism industry plays an important role in economic and social life and also makes a significant contribution to international status of the country. Given the current contribution of tourism to the volume of international trade in China, the problem of international competitiveness of Chinese tourism services is noteworthy, yet there have been few recently published academic studies in this area.

2. Highlights of international tourism in China

As one of the most popular tourist destination countries, China experienced a steady and rapid period of tourism development [Samarina, 2017, p. 63]. According to WTO International trade statistics and National Bureau of Statistics of China, international tourist arrivals rose from 716 thousand in 1978 to 59,2 million in 2016, excluding visitors from Hong Kong, Chinese Taipei, and Macau and international tourism receipts rose from US\$263 million to US\$ 44446 million respectively. Figure 1 shows that since the beginning of implementation of Reforms and Open Policy in 1978, China has witnessed a stable growth in international tourist's arrivals (except 2003 and 2009 due to the outbreak of SARS and global financial crisis).

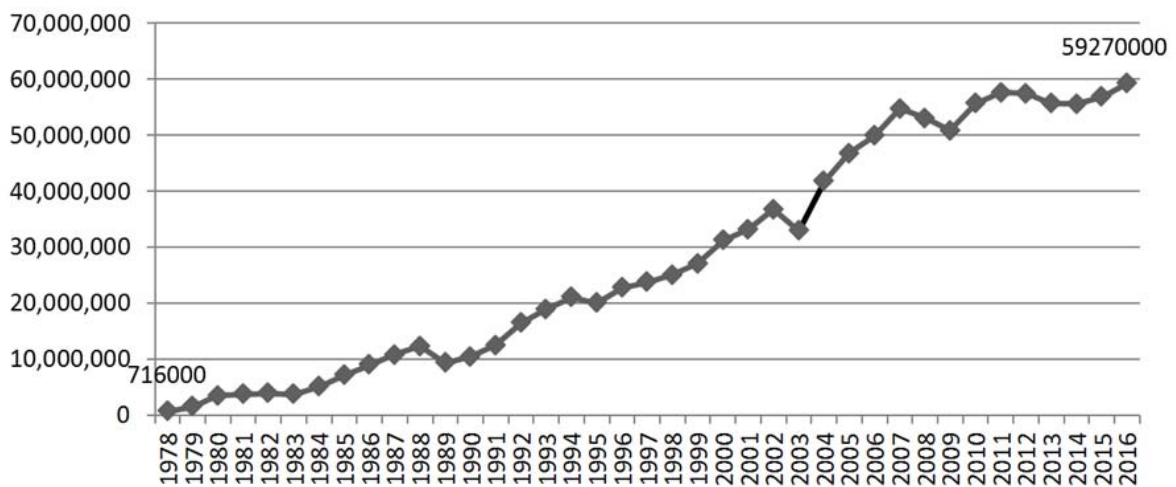

Figure 1. International tourists (overnight visitors) in China (1978-20)

Data source: National Bureau of Statistics of China

According to World Travel & Tourism Council, the total contribution of travel & tourism to GDP of China reached USD 1,000.7 bn (9.0 % of GDP) in 2016 and is forecast to rise to USD 2,150.0 bn (11.0 % of GDP) in 2027. Foreign visitors spending or international tourism receipts generated 18 % of direct travel & tourism GDP in 2016. UNWTO Tourism Highlights 2016 named China as the fourth country in international arrivals after France, the United States, and Spain.

At the end of 2009, the State Council released “The suggestion on accelerating the development of tourism” and promoted tourism industry from “important industry” to “national economy strategic pillar industry”. According to The 13th Five-Year Plan for tourism industry development, issued by the State Council in 2016, the number of tourists should grow to 6.7 billion by 2020 with investment to the tourism industry USD 2.94 billion.

At the same time, although the absolute value of exports of travel services in China is growing, the growth rate shows a decline and is less than

that of merchandise trade and also less than the growth rate of Chinese service exports [Wei, 2011, 5244]. In 2009 Chinese international trade in tourism services recorded a deficit 4,027 billion US dollars, which continued to rise to 217,021 billion US dollars in 2016 (See Figure 2). Tourism services trade deficit has become the main source of trade deficit in China and has a tendency to expand in future [丁浩, 2016, p. 8]. This data shows that after being in surplus during several years, Chinese trade in tourism services started to face big challenges in the international arena.

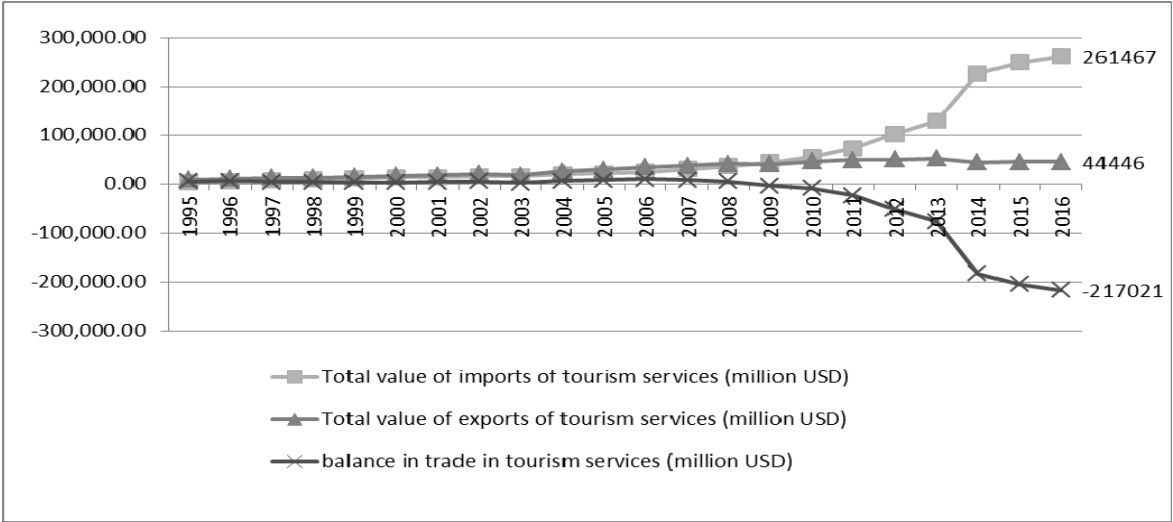

Figure 2. Balance of international trade in tourism services in China (1995-2016), million U. S. dollars
Data source: WTO International trade statistics

3. Evaluation of the international competitiveness of Chinese tourism services

In order to evaluate the international competitiveness of Chinese tourism services this paper considers its market share, trade balance, and export proportion, using the international market share index (IMS), trade competitive index (TC) and revealed comparative advantage index (RCA) to analyze the trade data from 1995 to 2016. Calculated results are shown in Table 1.

Table 1
Indexes of international competitiveness of Chinese tourism services

Year	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
TCI	0,4	0,4	0,2	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
IMS	2 %	2 %	3 %	3 %	3 %	3 %	4 %	4 %	3 %	4 %	4 %
RCA	0,8	0,8	0,8	0,9	0,9	0,9	0,9	0,8	0,6	0,6	0,6

Year	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
TCI	0,2	0,1	0,1	0	-0,1	-0,2	-0,3	-0,4	-0,7	-0,7	-0,7
IMS	5 %	4 %	4 %	5 %	5 %	5 %	5 %	4 %	4 %	4 %	4 %
RCA	0,6	0,5	0,5	0,5	0,5	0,4	0,4	0,4	0,3	0,3	0,3

Data source: sorted out and calculated by author based on data from WTO International trade statistics

3.1 International market share index (IMS)

The international market share index (IMS) refers to the proportion of a country's total exports to the world's total exports, reflecting a country's industry international competitiveness. The formula $IMS = X_i / X_w$ is used, where X_i stands for exports of tourism services of i country (Here and later i country is China), X_w stands for exports of tourism services of the world. The higher value indicates stronger competitiveness. As shown in Table 1, in 1995-2016 the international market share of China's tourism services exports remained around 4 %, experiencing slow growth from 1995 to 2012 with slight fluctuations. In 2013 the IMS has started to decrease, indicating that the international competitiveness of China's tourism services trade is relatively weak.

3.2 Trade competitive index (TC)

Trade competitive index (TC) is one of the major indicators which reflects international trade competitiveness, the formula as following: $TC_{it} = (X_{it} - I_{it}) / (X_{it} + I_{it})$, where TC_{it} – trade competitive index of i country's tourism services, X_{it} – value of exports of tourism services in country i , I_{it} – value of imports of tourism services in country i . The ratio is between -1 to 1 , the higher ratio indicates higher competitiveness. Ratio from 0.8 to 1 indicates very obvious competitive advantage, from 0.5 to 0.8 – obvious competitive advantage, from 0 to 0.5 – unobvious competitive advantage, from -0.5 to 0 – unobvious competitive disadvantage, from -0.8 to -0.5 – obvious competitive disadvantage, from -1 to -0.8 – obvious competitive disadvantage [Huang, 2014, p. 8]. According to calculation results from Table 1, trade competitive index (TC) of China's tourism services demonstrates the downward tendency, decreasing from 0.4 (unobvious competitive advantage) in 1995 to -0.7 (obvious competitive disadvantage) in 2016. It also shows that the international competitiveness of Chinese tourism services is weak.

3.3 Revealed comparative advantage index (RCA)

Revealed comparative advantage index (RCA), based on the Ricardian theory of comparative advantage, was introduced by Balassa in 1976 and is widely used to measure the competitive advantage of one country's certain good or service in international trade. It's defined by a formula: $RCA = (X_{ti} /$

$T_i / (X_{tw} / T_w)$, where X_{ti} – export value of tourism services in i country, T_i – total export value of all goods and services in i country, X_{tw} – export value of tourism services in the world, T_w – total export value of all goods and services in the world. The index > 2.5 indicates extremely strong competitiveness, $2.5 - 1.25$ – strong competitiveness, $0.8 - 1.25$ – moderate competitiveness, < 0.8 – weak competitiveness [Huang, 2014,108]. According to Table 1, from 1995 to 2001 RCA index of Chinese tourism services was within the range $0.8 - 1.25$ (moderate competitiveness). Since 2002 the RCA index shows decreasing tendency and lays below 0.8 , which verifies that China has fairly weak competitiveness of tourism services in the international market.

4. Conclusion

The paper analyzes the international competitiveness of China's tourism services using ISM, TC and RCA indexes for the period 1995 – 2016 and can draw the conclusion as follows.

Since the implementation of the Policy of Reforms and Opening, China has recorded a continuous growth in international tourist's arrivals; both export and import of tourism services maintain the overall trend to rise. However, although in recent years China's tourism industry as a whole keeps up steady development, China's international trade in tourism services has been in the deficit from 2009 and the deficit amount has a tendency to rise. In the condition of a fierce international competition, China is gradually losing its comparative advantages in the international market of tourism services. International market share, trade competitive and revealed comparative advantages indexes have the tendency to decrease, which can lead to expanding the gap between China and its strong competitors. In one word, we can conclude that international competitiveness of China's tourism services is weak and shows the downward trend.

China, with all its rich natural, cultural and historical tourism resources, has obvious preconditions to become tourism service trade power. However, to reach this goal, it has to increase the export volume of China's tourism services trade and reverse the trade deficit situation, while creating favorable economic, cultural, ecological and political environment to attract more foreign visitors, develop tourism industry and seize bigger international travel market share.

References

- Boycheva C. Innovation and Competitiveness in the Context of the Bulgarian Tourism Industry // *Economic Alternatives*. 2017. N 1. P. 137–148.
- Holjevac I. A. A vision of tourism and the hotel industry in the 21st century // *International Journal of Hospitality Management*. 2003. N 22. P. 129–134.
- Huang X. International Competitiveness of the Chinese Publishing Industry // *Publishing Research Quarterly*. 2014. N 30. P. 104–114.

Samarina A. Innovations in tourism services and international trade: the evidence from China // European journal of economics and management science. 2017. N 3. P. 62–72.

Wei I. The RCA Index Comparison of Five Countries: The Analysis of Potential Impact upon Chinese Tourism Export and E-tourism Services' Trade. Materials of IEEE Conference. London, 2011. P. 5242–5245.

丁浩. 我国旅游服务贸易发展的新趋势、新问题及对策研究—基于 2005–2014 年数据的分析/ 丁浩 // 武汉商学院学报. 2016. N 4. P. 7–12.

Се Юйминь

Шаньдунский институт бизнеса и технологий, Яньтай

Xie Yumin

Shandong Technology and Business University, Yantai

THE CONCEPT OF LANGUAGE ATTRITION AND ITS IMPACT ON KOREAN TEACHING

Abstract. At present, China has gradually set off a wave of learning Korean language. Under this Chinese context situation, the second language research especially the exploration of the concept of Korean attrition is very important. By analyzing and discussing the current situation of Korean teaching, this paper has investigated 30 college students majoring in Korean, effectively combines the concept and theory of Korean language attrition, and sums up the impact and inspiration. It is to further enhance the ability of learning Korean so as to fundamentally reduce the erosion rate of Korean.

Keywords: Language attrition, Korean teaching, Impact and inspiration.

At present, the whole country has a strong interest in learning Korean. However, after learning Korean language, Korean learners have little chances of being in contact with Korean language, and the degree of application is gradually reduced. Normally after a while, the Korean language on which they have worked hard will be forgotten. This is the phenomenon of language attrition or erosion. So how to maintain foreign language skills and avoid language erosion has a very important research value.

1.0. Concept of language attrition

Language attrition appears as «language wear» in many documents, also known as language recession, language loss and language erosion. Many linguists believe that the so-called language attrition refers to the phenomenon that a foreign language or a second language learner loses the language and its related language knowledge and skills after decades, years or months of negligence to the language. Or a native speaker immerses himself too long in a second language environment, which leads to the loss of his mother tongue skills or degradation.

2.0. Research on Language Attrition Theory

2.1. Status of Language Attrition Research

After 50 years of development, language attrition has gradually become an independent field. It is researched in almost every aspect in applied lin-

guistics, linguistic theory research, language planning and language teaching [Dou Wei, 2010(9)]. Especially at the end of 20th century, the University of Pennsylvania held the symposium on language attrition. Since then, the international field has carried on the research and discussion to the language attrition more extensively, and at the same time has established the important position of the language attrition research in the language acquisition. In Asia, Europe and North America, many linguists are constantly researching on language attrition. However, in China, the study of language attrition is relatively new, and only a few experts and scholars have made a brief review of the phenomenon of language attrition.

2.2. History of Language Attrition

International language attrition research was originated in the 1930s. The early research focuses on pathological language skills loss and immigration language intergenerational changes. It also includes the disappearance of dialects and language migration. The study of language attrition has evolved into an independent discipline after 50 years of development. Language attrition research has been widely used in educational policy, language planning and language teaching.

2.3. language Attrition Type

According to Vanels' classification standard, the language attrition can be divided into four types: language attrition in the mother tongue environment, such as the language death, language wear and tear of the elderly; language attrition in a second language environment, such as the consumption of native language of immigrants; consumption of foreign language or second language in native language environment; consumption of foreign language or second language in second language environment [Li Yingying, 2009(4)].

2.4. Related Theoretical Studies

2.4.1. Regression Hypothesis Theory

In essence, the theory of regression hypothesis is controversial. In 1880, Ribot named «Ribot rule» in his own name. Ribot thought that the new content was very easy to forget in a short term, but the content of the previous study was relatively not easily forgotten. In 1980, Freed formally introduced language attrition into the theoretical study called «Jacobson regression» at that time. This regression is manifested in two aspects, one of which is inverted regression, and the other is historical regression.

2.4.2. Key Threshold Theory

Key Threshold Theory is usually considered as a dividing line for language learners [Ni Chuanbin, 2007(5)]. In general, if Korean language learning level is near the dividing line, there exists potential language attrition. If the level of learning is below the line, the erosion rate is relatively fast, and the scope of learning is relatively large. If the level is higher than the hori-

zontal line, the student has a strong resistance against language wear. As a result, Korean learners within the range of the threshold usually form a more balanced and stable foreign language thinking schema, which can effectively resist language wear.

2.4.3. Language Extraction Failure Theory

The nature of the theory of language extraction failure is simply the theory of memory forgetting, that is, whether the forgotten language information is lost, or stored somewhere in the brain but not recalled timely by the learners [Ni Chuanbin, 2008(3)]. The process of extracting information is in fact a gradual extraction process. In the process, language learners searching for the best language expression will generally start with the wrong usage. After repeated practice, the correct expression is found out. If one can get some tips, one can get information that is temporarily unavailable.

3.0. Language Attrition on Korean Teaching

Through a survey of the purpose of learning Korean, 30 Korean language students return the feedback: 40 % of the students are to pass the exam, 20 % are out of personal hobbies, 30 % are for the convenience of employment, 10 % are for other reasons. Thus, we must stimulate the students' motivation of learning. Positive curriculum reform and dynamic language attitude can effectively avoid language wear.

A survey of the satisfaction to the Korean teaching method indicates that 36 % of the students are satisfied, 26 % neutral, and 38 % dissatisfied. From the above survey data, we can see that we must use a teaching model that calls for the student's autonomous ability to be fully developed. The Korean teaching content need to be updated, and flexible and diverse teaching methods need to be effected. Teachers must implement foreign language teaching, effectively avoiding the language erosion caused by native language interference. Relevant experimental studies have confirmed that through the language-based Korean language teaching and the master of the language erosion law, one can overcome the bondage of the traditional teaching skills which binds students' language ability.

In this way, their learning creativity and initiative could be stimulated. Therefore, the daily Korean teaching should conform to the following:

First, the Korean language teaching and life will be closely integrated. Korean teachers must choose flexible and diverse teaching methods to increase the frequency of contact between Korean language and students so as to enhance students' resistance to Korean erosion. Specific measures include Korean singing competition, Korean community activities and Korean drama performances.

Second, to stimulate students to learn Korean and to enhance their interest in learning is an essential measure against Korean language erosion. Students should not study for the exams, and teachers should not teach for

the completion of the task. Korean teachers must help students realize that learning Korean could widen their vision, increase employment chances and promote international exchanges, so that students take the initiative to learn.

Third, to learn a foreign language, its language atmosphere has a self-evident importance. Therefore, we must emphasize the importance of cultural information in language teaching so that students learn more about Korean culture. Classroom teaching is Korean. Make full use of film, network resources and television and other modern multimedia to introduce students to exotic culture. In addition, encourage students to watch Korean dramas and use network communication and practical exchanges in order to understand the Korean customs.

4.0. Conclusion

In recent years, with the further deepening of the exchanges between China and South Korea, China's demand for Korean talent has also increased. At present, China has gradually set off a Korean learning boom, and the Korean wave with its rapid trend has swept the mainland of China. The study of the foreign language, especially the concept of Korean attrition, becomes important and urgent. In the process of language learning, language erosion is an important link that can not be ignored. Studying foreign language attrition is beneficial to students in foreign language learning. Students can better maintain language learning ability and reduce wear. Korean learners and language managers must pay attention to the theory of language attrition, and choose the best anti-language erosion strategies and measures.

References

- Dou Wei. College English Teaching Strategy of Language Attrition // Theory. 2010. N 9. P. 153–154.
- Li Yingying. Foreign Language Attrition Theory and Teaching Activities // Journal of Huaiyin Teachers College (Philosophy and Social Sciences Edition). 2009. N 4. P. 557–558.
- Ni Chuanbin, Liu Zhi. Comparative Analysis of Goal Level of Second Language Acquisition and Attrition // Foreign Language and Foreign Language Teaching. 2007. N 5. P. 28–31.
- Ni Chuanbin, Liu Zhi. Reflections on Pedagogy of Foreign Language Attrition // Foreign Language and Foreign Language Teaching. 2008. N 3. P. 38–40.

Н. В. Селезнева

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ СИНОНИМОВ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

**(на примере лексических единиц со значением
успех, достижения, результаты)**

Аннотация. Китайскому языку присуща разветвленная система синонимов, которая представляет существенные трудности в практике преподавания языка, особенно в практике перевода. Целью данной статьи является анализ членов синонимического ряда «успех, достижения, результаты», выявление различий и оттенков в их значениях, особенностей сочетаемости и функционирования в текстах. В качестве иллюстративного материала используются данные китайских словарей различных типов и примеры, извлеченные из Национального корпуса китайского языка, что позволяет судить об актуальных значениях рассматриваемых лексических единиц.

Ключевые слова: китайский язык, синонимический ряд, практика перевода.

N. Selezneva

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk

REGARDING THE DIFFERENTIATION OF SYNONYMA IN CHINESE LANGUAGE (on the example of lexical units with the meaning of success, achievements, results)

Annotation. Ramified system of synonyms is a specific trait of Chinese language. This raise difficulties for the language teaching especially concerning the translation. The purpose of the article is to give detailed analysis of the entities of synonymic row «success, achievements, results», to differentiate and find the hints of their meanings, and to define the peculiarities of combinability and functioning in the texts. The article uses Chinese dictionaries of different types and examples from Chinese National Corpus as supporting data. This allows to conclude a contextual meanings of studied lexical units.

Keywords: Chinese language, synonym, practice of translation.

В теории и практике изучения и преподавания китайского языка особую трудность представляет употребление синонимичных или близких по значению лексических единиц. Вплоть до настоящего времени проблема разграничения синонимов китайского языка стоит особенно остро. Словари синонимов китайского языка, а также различные справочники по грамматике демонстрируют доминирование глагольных, атрибутивных и адъективных синонимических пар и синонимических рядов, в то время как именной лексике уделяется существенно меньше внимания. Однако различные оттенки значения, стилистическая отнесенность, контексты использования формируют не только синонимичные пары, но и целые синонимические ряды на основе именной лексики, что также представляет не меньшие сложности, чем глагольная лексика в практике преподавания китайского языка и практике перевода.

В рамках данной статьи на конкретном примере синонимического ряда китайского языка со значением *успех, достижения, результаты* планируется представить детальный анализ толкований лексических единиц, представленных в китайских толковых словарях, анализ их сочетаемости и контекстов использования на материале Национального корпуса китайского языка.

Под синонимами мы будем понимать «слова одной и той же части речи, имеющие полностью или частично совпадающие значения и способные в отдельных контекстах взаимозамещаться (нейтрализоваться)» [Фоменко, 2015, с. 93]. Аналогичной точки зрения придерживаются и китайские лингвисты (например, Ван Чжэнькун, Лю Шусинь, Чан Цзиньюй, Чжоу Цзумо и др.), по мнению которых синонимами являются слова с тождественным денотатом, тождественные или в основном сходные по смыслу.

Словарь синонимов и антонимов китайского языка фиксирует в качестве синонимической пары лексические единицы 成绩 *chéngjì* и 成就 *chéngjiù* и дает им обобщенное толкование 已经取得的结果 *уже полученный результат* [同义词反义词词典, 2004, с. 129].

Большой китайско-русский словарь переводит 成绩 как 1) достижения, успехи; 2) успеваемость (в школе), 成就 как 1) закончить, завершить; 2) успех, удача, достижение [БКРС]. Таким образом, данные лексические единицы пересекаются по линии значения *успех, достижение*, но расходятся в плане успеваемости (в школе) и удачи в каком-либо деле. Для уточнения значений рассматриваемых слов китайского языка обратимся к китайским толковым словарям.

Словарь современного китайского языка дает следующие толкования двух этих лексических единиц:

成绩 – 工作或学习的收获 *достижения в работе или учёбе* [现代汉语词典, 2003, с. 158];

成就 – 1) 事业上的成绩 *достижения в к.-л. сфере деятельности*; 2) 完成 (多指事业) *завершить, закончить (о к.-л. деле)* [Там же].

Используемые словари китайского языка позволяют расширить синонимическую пару 成绩 – 成就 до синонимического ряда, который может быть представлен следующим образом: 结果 – 成果 – 收获 – 成绩 – 成就. Обратим внимание, что 成绩 толкуется через слово с более общим значением 收获, который своим вторым (переносным) значением (*перен. достижения, результаты, успехи* [БКРС]) также включается в синонимический ряд. В то же время словарные дефиниции показывают нам, что лексическое значение 成就 *уже*, чем у 成绩, и относится только к достижениям на каком-либо поприще. Лян Цуйчжень, объясняя различия между 成绩 – 成就, отмечает, что 成绩 подчеркивает

оценки, полученные на экзамене, соревновании или конкурсе, а 成就 подчеркивает «важные достижения» в различных областях [Лян, 2013, с. 75].

Что касается стилистического и эмоционально-оценочного компонента содержания слов, входящих в рассматриваемый синонимический ряд, то слова 结果, 成果 и 成绩 характеризуются как стилистически неокрашенные, межстилевые, способные к функционированию в текстах различных стилей. С точки зрения эмоциональной окрашенности лексическим единицам 结果 и 成绩 присуща нулевая окрашенность, а 收获 и 成就 свойственна положительная коннотация, что подтверждается их сочетаемостью.

Ниже представим сочетаемость наиболее частотных лексических единиц из рассматриваемого синонимического ряда – 成绩 и 成就, выполненную по материалам Национального корпуса китайского языка¹:

成绩: 取得 ~ (добиться успехов, получить результат), 获得 ~ (добиться успехов, получить результат), 创造 ~ (установить результат), 有了 ~ (иметь успех, результат), 收到 ~ (получить результат), 做出 ~ (получить результат), 提出 ~ (извлечь результат), 保持 ~ (сохранять результат); 突出 ~ (выдающиеся успехи, результаты), 最好 ~ (лучший результат), 出色 ~ (выдающийся результат, достижение), 巨大 ~ (великие успехи, результаты), 伟大 ~ (огромные успехи, результаты), 一定的 ~ (определенные успехи, результаты), 一般的 ~ (обычные результаты), 优异的 ~ (исключительные результаты, достижения) и др.;

成就: 取得 ~ (добиться успехов, получить результат), 创造 ~ (установить результат), 有了 ~ (иметь успех, результат), 报告 ~ (докладывать об успехах); 伟大 ~ (великие успехи), 巨大 ~ (великие успехи, достижения), 领先的 ~ (передовые успехи, достижения), 主要 ~ (важные успехи, достижения), 最新 ~ (самые новые достижения, успехи), 辉煌 ~ (блестящие достижения, успехи), 微小的 ~ (малые успехи), 历史性的 ~ (исторические успехи), 科学 ~ (научные успехи, достижения), 事业的 ~ (успехи, достижения в к.-л. отрасли) и др.

Приведем несколько контекстных примеров:

1) 这可能是影响中国队主场**成绩**最危险的因素。

Это, возможно, и явилось тем самым опасным фактором, который оказал влияние на результативность игры на своём поле.

2) 中国另一选手穆祥雄获第五名, **成绩**是二分四十三秒五。

¹ 汉语语料库[Электронный ресурс]. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/dict>.

Другой китайский спортсмен Цзин Сянсюн завоевал 5-е место. Его результат составил 2:43,5.

3) *Но в её руководстве группа скрипачей постепенно добилась успеха. За 10 лет работы Роберта выявила немало талантливых и способных к музыке учеников.*

4) *Хэньцзиньцзи, несмотря на то что особый экономический район Сямынь достиг определенных успехов, но некоторые трудности по-прежнему сохраняются – инвестиционная среда еще ожидает дальнейшего улучшения.*

5) *Хэньцзиньцзи, несмотря на то что особый экономический район Сямынь достиг определенных успехов, но некоторые трудности по-прежнему сохраняются – инвестиционная среда еще ожидает дальнейшего улучшения.*

6) *Хэньцзиньцзи, несмотря на то что особый экономический район Сямынь достиг определенных успехов, но некоторые трудности по-прежнему сохраняются – инвестиционная среда еще ожидает дальнейшего улучшения.*

7) *Хэньцзиньцзи, несмотря на то что особый экономический район Сямынь достиг определенных успехов, но некоторые трудности по-прежнему сохраняются – инвестиционная среда еще ожидает дальнейшего улучшения.*

8) *Хэньцзиньцзи, несмотря на то что особый экономический район Сямынь достиг определенных успехов, но некоторые трудности по-прежнему сохраняются – инвестиционная среда еще ожидает дальнейшего улучшения.*

9) *Хэньцзиньцзи, несмотря на то что особый экономический район Сямынь достиг определенных успехов, но некоторые трудности по-прежнему сохраняются – инвестиционная среда еще ожидает дальнейшего улучшения.*

10) *Хэньцзиньцзи, несмотря на то что особый экономический район Сямынь достиг определенных успехов, но некоторые трудности по-прежнему сохраняются – инвестиционная среда еще ожидает дальнейшего улучшения.*

11) *Хэньцзиньцзи, несмотря на то что особый экономический район Сямынь достиг определенных успехов, но некоторые трудности по-прежнему сохраняются – инвестиционная среда еще ожидает дальнейшего улучшения.*

Если рассмотреть возможности замены в данных предложениях одного члена синонимического ряда другим, то обнаруживается следующая ситуация: в примере 1 成绩 не может быть заменен ни одним из членов синонимического ряда, поскольку обозначает спортивный результат. В примере 2 выделенная лексема может быть заменена на 结果; в примерах 3, 4, 5 – на 成果, а в примере 4 также и на 成就. В примерах 6 и 7 成就 не может быть заменен другими членами синонимического ряда, так как передает значение великого успеха и его замена приведет к существенному приуменьшению значимости свершений СССР и естественных наук. Таким образом, лексемы 成绩 и 成就 образуют как бы два полюса, две крайние точки синонимического ряда и могут взаимозаменяться только в исключительных случаях.

Работа с текстами общественно-политической направленности позволяет дополнить данный синонимический ряд еще несколькими членами: *业绩* *успехи*, *достижения*, *результаты*, *战绩* *боевые заслуги*; *успехи* и *劳绩* *трудовые заслуги*, *подвиги*, *успехи* [БКРС]. По сути, это сложные слова, образованные при помощи морфемной контракции из словосочетаний *事业成绩*, *战斗成绩* и *劳动成绩*. Приведем несколько примеров их использования:

8) 陈总口沫横飞的总结上个月的业绩,有表扬,也有批评,但脸上的笑容却像弥勒佛的招牌一样。

Директор Чэнь воодушевленно рассказывал о достижениях за прошлый месяц. И хвалил, и порицал, однако был очень доволен, поскольку лицо его сияло как у будды.

9) 今日上午我去拜见,他竟整整跟我吹嘘了半天自己的劳绩...

Когда сегодня утром я нанес ему визит, он только и делал, что расхваливал свои (трудовые) успехи.

10)这里的操盘手个个都有优良战绩。

Здесь трейдеры демонстрируют отличные результаты.

11)无论从哪个角度看,这都是相当骄人的战绩!

Неважно, с какой стороны посмотреть, это результаты, которыми можно гордиться.

При переводе с китайского языка на русский перевод членов синонимического ряда *成绩 – 业绩 – 战绩 – 劳绩 – 结果 – 成果 – 收获 – 成就* обычно не вызывает трудностей. Однако при переводе с русского языка на китайский часто возникают ошибки из-за недостаточно глубокого понимания оттенков значения и нюансов использования данных лексических единиц. При осуществлении перевода на китайский язык необходимо принимать во внимание возможности замещения одного члена синонимического ряда другим в определенных контекстах.

Литература

Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/>.

Фоменко Ю. В. Современный русский литературный язык. Лексикология : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2015. 172 с.

Лян Цуйчжень. Синонимы и синонимичные словосочетания в современном китайском языке: Методика использования : учеб. пособие. СПб. : Антология, 2013. 128 с.

同义词反义词词典 / 周永惠主编 – 成都:四川辞书出版社, 2004. 741 页。

现代汉语词典[Электронный ресурс]. URL: <http://www.hydc.com/cidian/>.

北京语言大学汉语语料库 [Электронный ресурс]. URL:<http://bcc.blcu.edu.cn/dict>.

Б. С. Сосорова

Иркутский государственный университет, Иркутск

ФЕМИНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В США И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА КОНСТРУИРОВАНИЕ ЖЕНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Исследуется влияние феминистского движения в США на конструирование женской идентичности. Рассматриваются основные вехи развития женского движения, процесс изменения политического, экономического и социального статуса женщин.

Ключевые слова: феминизм, феминистское движение, женская идентичность, женские исследования.

B. Sosorova

Irkutsk State University, Irkutsk

FEMINIST MOVEMENT IN THE USA AND ITS INFLUENCE ON FEMININE IDENTITY CONSTRUCTION

Abstract. The purpose of this article is to consider feminist movement influence on the feminine identity construction in the USA. In this connection the main milestones of the women's movement are considered as well as changes of political, economic and social women's status.

Keywords: feminism, feminist movement, feminine identity, women's studies.

Соединенные Штаты Америки известны во всем мире своими феминистскими традициями; ни в одной стране мира женские исследования (women's studies) не занимают такого важного места.

Первоначально женское движение возникло в Северной Америке, в период Войны за независимость (1775–1783). Естественно, о неравноправном положении «слабого пола» задумывались и раньше, уже в XVII в. появляются сочинения, доказывающие, что женщина – полноценный человек, она рождается с той же способностью быть свободной, полноценной личностью, что и мужчина. Среди этих сочинений можно выделить работу убежденного сторонника женского равноправия Пулена де ля Барра «О равенстве обоих полов» (1673 г.). В числе первых он объявил о том, что неравное положение мужчины и женщины в обществе есть результат подчинения женщины грубой мужской силе, а вовсе не предписание природы [Бовуар, 1997, с. 10].

Война за независимость и политический кризис повлияли не только на сознание женщин, но и на содержание частной жизни. Сознание женщин политизировалось: они постепенно начинают участвовать в политических дискуссиях, обсуждают политические вопросы в своих письмах и дневниках, выступают с лекциями, создают женские антирабовладельческие общества, устраиваются на работу.

19 июля 1848 г. делегатами первого конгресса по правам женщин была подписана Декларация чувств (убеждений), которая затрагивала такие важные вопросы, как равноправие женщин в браке, в правах собственности, в получении равноправного образования, в свободном вы-

боре профессий и т. п. Декларация положила начало развитию суфражистского движения, целью которого было политико-правовое равенство женщины.

Суфражизм сыграл важную роль в развитии идей феминизма, так как предоставление женщинам избирательных прав открыло доступ к политической деятельности и обеспечило социальное равенство. Сьюзен Б. Энтони (1820–1906) пишет, что «отсутствие права голоса означает невозможность строить и налаживать свою жизнь или распоряжаться ею. Не имеющие права голоса всегда вынуждены делать ту работу, получать ту заработную плату, занимать то место, которые определяют для них те, кто имеет право голоса. Не имеющий этого права находится в положении нищего: бери, что дают, иначе не получишь ничего» [Либеральный феминизм в России и на Западе: опыт сравнительного анализа]. Считалось, что женщинам не нужно право голоса для защиты самих себя, так как их обеспечивают мужчины. Статистические данные свидетельствуют, что огромное количество женщин сами зарабатывали себе на жизнь. Они вынуждены были работать в лавках и на фабриках за ничтожную плату. Женщины-работницы, занятые в различных сферах, время от времени объединялись в профсоюзы и устраивали забастовки, чтобы добиться справедливости от своих хозяев так же, как это делали мужчины. Но не известно ни об одном успешном выступлении женщин. В газетах их осмеивали и писали, что если работницам не нравится заработок, то они «вольны взять расчет и выйти замуж» [Шатерникова, 1997, с. 22]. Для достижения своих целей женщины США стали организовывать клубы, союзы, лиги, федерации. Первый клуб в США возник в 1868 г. Число их с каждым годом увеличивалось (1889 г. – 97, 1892 – 189, 1893 – 258, 1894 – 350, 1896 – 976, 1900 – 2675), они объединялись в рамках штата, и в 1896 г. была создана Генеральная федерация женских клубов. Клубы занимались самым широким спектром вопросов воспитания, образования, здравоохранения, культуры, улучшения положения работающих женщин и подростков.

На данном этапе отмечается разделение женского движения, из которого можно выделить несколько основных потоков, а именно: социалистический, боровшийся за равную оплату женского труда и участие женщин в профсоюзах; радикальный, пропагандирующий сознательное материнство и контроль над рождаемостью; и христианские женские благотворительные общества. В результате развития этих движений, стереотипы и нормы претерпели изменения, что позволило женщине выходить за пределы дома с тем, чтобы получить образование, работу. Резкий скачок в промышленности способствовал привлечению женского труда. Женщины постепенно отвоевывали экономическую независимость.

Во второй половине XIX – начале XX в. наблюдается появление многочисленных феминистских организаций в ряде стран. В 1888 г. был создан Международный совет женщин, к началу XX в. в него входили Соединенные Штаты, Великобритания, Австралия, Норвегия, Нидерланды. В 1904 г. – Международный альянс за избирательные права женщин [Большая советская энциклопедия]. В 1903 г. была образована Лига женских профсоюзов – с ее помощью представительницы среднего класса боролись за улучшение условий труда. Лига поддерживала забастовки с участием женщин, оказывала существенную помощь базирующимся в защите прав арестованных, организации пикетов, бесплатных кухонь и социальных пособий.

В результате Конгресс США санкционировал проведение детального исследования, посвященного положению работающих женщин и детей. Был сделан доклад «Женщины и дети, работающие по найму в США», который изучался с 1908 по 1911 г., состоял из 19 томов. Это привело к основанию в 1920 г. Женского бюро при департаменте труда США [Шатерникова, 1997, с. 23]. По окончании I мировой войны феминистки возобновили свою деятельность, и в 1918 г. в Палате представителей прошел закон о федеральной поправке к Конституции о женском избирательном праве, но Сенат отклонил поправку. Год спустя 26 августа 1920 г. 19-я поправка стала частью конституции США после ратификации тридцатью шестью штатами. Достижения феминизма бесспорны, но главенство мужчин во всех сферах жизни остается очевидным. Оказалось, что равноправия, документально зафиксированного на бумаге, недостаточно, необходимо было изменить отношение к женщине и в сознании людей.

В 60-е гг. наблюдается очередной всплеск женской активности. Новая волна борьбы за эмансипацию была обусловлена структурными изменениями в социуме и, прежде всего, значительным увеличением доли женского труда в общественном производстве. Так, к 1960 г. в США женщины составляли более одной трети трудовых ресурсов страны, при этом 54 % трудящихся женщин были замужними, а 33 % имели детей, что свидетельствует об экономических факторах, побуждавших женщин включаться в общественную производственную практику [Теория и практика современного феминизма: женское движение в США].

Стремясь всколыхнуть чопорную общественность, пробудить женское самосознание, освободить общественное мнение от инерции патриархально ориентированных нравственных установок, феминистки использовали, например, приемы «площадного театра»: они появлялись в обществе в вызывающих одеждах, разбрасывали листовки с провокационным текстом.

Экстремизм феминистского движения имел позитивные и негативные последствия. С одной стороны, он содействовал пробуждению женского самосознания, а с другой – давал повод для дискредитации, позволял оппонентам обвинять феминисток в том, что у них комплекс неполноценности, нездоровое пристрастие к власти, склонность к половой распущенности и т. п.

Достижение зрелости оценок, умеренности и взвешенности действий, наконец, теоретической обоснованности потребовало много времени. Значительную роль сыграло создание сети женских исследований (*women's studies*), которые одновременно вели просветительскую работу и подводили научный фундамент под движение за освобождение женщин. Женские исследования стали неотъемлемой частью учебных программ многих университетов, появилось немало специализированных научно-исследовательских центров. В 70-е гг. повсеместно в западных университетах возникают центры «женских» или «феминистских» исследований с особыми программами, включающими специалистов по биологии, физиологии, антропологии, этнографии, философии, истории, филологии. В них переместился спор, разделивший феминистов на сторонников «эгалитарного» подхода и проповедников «женской субъективности». С распространением женских исследований спор этот не только не разрешился, но развел оппонентов в разные стороны.

В 70–80-е гг. международным сообществом приняты документы, которые призывают к ликвидации всех форм дискриминации женщины. В них женщина признается таким же полноценным субъектом истории, как и мужчина, а ее личность оценивается выше, чем ее «природное назначение», в них подчеркивается, что рождение детей, продолжение рода – это право, а не обязанность женщины.

К концу 70-х гг. в ряды рабочей силы влилось больше женщин, чем за всю мирную историю Соединенных Штатов. Но по мере того, как женщины делали успехи в карьере, их возможности все более ограничивались. Термин «стеклянный потолок» характеризует невидимую преграду, которая возникает на пути многих женщин к карьерному росту, в то время как их коллеги-мужчины, обладая теми же профессиональными навыками и опытом, не сталкиваются с такими трудностями. В 80-е гг. в Соединенных Штатах был принят ряд законов, направленных на смягчение эффекта «стеклянного потолка»: так, например, в 1984 г. по решению Верховного Суда было запрещено препятствовать вступлению женщин в клубы. Ранее эти клубы давали мужчинам возможность общения друг с другом с целью продвинуться по карьерной лестнице. В том же году Верховный Суд постановил, что юридические фирмы не имеют права сдерживать карьерный рост своих сотрудников на основании признака пола.

«Женская революция» 60-х гг. возымела свои результаты: в 1969 г. женщины занимали только 3,5 % должностей в Штатах, к 1986 г. эта цифра выросла до 13 %. В местных органах власти их представительство составляло 4 % в 1975 г. и 10 % в 1981 г. Доля женщин в парламенте США составляет 11,2 % [Эванс, 1993, с. 185]. К середине 90-х мужчины занимают 375 мест в Палате Представителей конгресса США, женщины только 60. Сенат представлен 87 мужчинами и 13 женщинами. На высших министерских постах в Администрации Президента Буша работает 4 женщины. В компаниях, принадлежащих женщинам, работает каждый четвертый американец. Но при этом только 12,4 % женщин являются членами советов директоров крупнейших американских компаний.

Во времена правления президента США Джона Кеннеди была создана первая в мире специальная структура – Президентская комиссия по защите прав женщин (President's Commission on the Status of Women), которую возглавила Элеанор Рузвельт, вдова президента Франклина Рузвельта и автор Всемирной декларации прав человека. Основной задачей Комиссии было соблюдение прав женщин на рабочем месте. В 1963 г. Конгресс США обязал всех работодателей за одну и ту же работу платить женщинам так же, как и мужчинам.

В 1964 г. в США была законодательно запрещена дискриминация по расовому и половому признакам. Создана влиятельная Комиссия по равным возможностям на работе (Equal Employment Opportunity Commission), которая ставила своей целью расследовать факты подобной дискриминации [McGleone, O'Connor, 1998, p. 122].

В 1965 г. в США был принят закон о высшем образовании. Он предусматривал выделение федеральных ассигнований на укрепление учебной базы вузов, на подготовку и переподготовку преподавателей, на выплату стипендий аспирантам и студентам. В 1972 г. законодательство в сфере образования было дополнено поправками, запрещающими дискриминацию в образовательных программах, финансируемых из федерального бюджета. Это вызвало приток женщин в высшие учебные заведения США. В 1978 г. впервые в истории в американские колледжи поступило больше женщин, чем мужчин [The Timetables of Women's History: A Chronology of the Most Important People and Events in Women's History. New York, 1996, p. 388]. В 1963 г. вступил в силу Акт о равной оплате (до него женщины получали лишь 59 центов по сравнению с мужским долларом).

Отметим также, что в 1970-е гг. в Америке изменилось отношение женщин к семье и своим обязанностям внутри семьи. Культ «домашнего очага» 50-х гг. перестал превалировать в сознании американок. Все больше женщин стали совмещать работу и домашние обязанности.

Одна из характерных черт развития женских исследований в США – разнообразие журналов, посвященных данной тематике. Материалы по истории женщин можно найти на страницах признанных исторических журналов – «Американского исторического журнала», «Журнала американской истории» и других. Но появление в 70-е гг. таких периодических изданий, как «Вехи», «Женские исследования», «Феминистские исследования», «Женщины и политика», «Журнал женской истории» (1989 г.), было важным шагом по направлению к более широкой пропаганде женских исследований в США.

Приобретение опыта политической деятельности способствовало развитию уверенности женщин в себе и в своих силах. Создается впечатление, что современное движение за освобождение женщин шло сходным путем. На начальном его этапе разворачивалась борьба за достижение одних и тех же конкретных целей – таких как право на аборт, право развода, правовое преследование насильников и мужей, избивающих своих жен. Рынок труда стал еще одной важной сферой деятельности женского движения на современном этапе. Здесь борьба женщин ведется за право на получение работы, равенство возможностей продвижения по ступеням карьеры, равную оплату за равный труд. Выдвигается требование отмены законодательных актов, призванных якобы «защищать», а на самом деле дискриминационных по отношению к ним.

Таким образом, феминизм вызывает существенные и необратимые изменения в жизни женщины, конструируя ее идентичность, изменив отношение общества к ее социальному статусу, ее месту в обществе. В начале 90-х гг. положение женщин существенно изменилось во всех областях жизни – политической, экономической, социальной, психологической и культурной. Основополагающее требование женского движения о признании женщины полноценным человеком и личностью получило широкое распространение в США. Но несмотря на впечатляющие результаты феминизма, преждевременно утверждать, что острота «женского вопроса» полностью снята.

Литература

Бовуар С. де Второй пол. Т. 1, 2 : пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. С. Г. Айвазовой, коммент. М. В. Аристовой. М. : Прогресс ; СПб. : Алетейя, 1997, 832 с.

Большая советская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://bse.slovaronline.com>.

Либеральный феминизм в России и на Западе: опыт сравнительного анализа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sociologyinweb.ru/spgs-743-1.html>.

Теория и практика современного феминизма: женское движение в США [Электронный ресурс]. URL: <http://www.owl.ru/win/books/articles/popkova.htm>.

Шатерникова М. Откуда растет феминизм? // Вестн. 1997. № 16 (170). С. 22.

Эванс С. Рожденная для свободы: История амер. женщин : пер. с англ. М. : Прогресс : Литера, 1993. 317 с.

McGleone, O'Connor. Women, Politics and American Society. // Prentice Hall. N. Y. : Simon and Schuster, 1998.

The Timetables of Women's History: A Chronology of the Most Important People and Events // Women's History. New York, 1996. 459 p.

А. В. Степанов, Т. В. Федорова
Иркутский государственный университет, Иркутск

ЯПОНСКАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. В первой половине XX в. японская военная разведка представляла собой структурированный, хорошо отлаженный механизм, отражающий милитаристский настрой правительства Японии. Обладая широкой агентурной сетью и разведывательными бюро на территории Дальнего Востока, Япония интенсивно вела сбор информации о военно-стратегических объектах войск сопредельных государств, а также подрывную деятельность в рамках вербовки местного населения. На основе исследовательских и архивных материалов рассматривается японская военная разведка в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. и после ее окончания.

Ключевые слова: военная разведка, шпионаж, агентура, разведывательные бюро, Русско-японская война.

A. Stepanov, T. Fedorova
Irkutsk State University, Irkutsk

JAPANESE MILITARY EXPLORATION IN THE FAR EAST AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Abstract. In the first half of the twentieth century, Japanese military intelligence was a structured, well-established mechanism, reflecting the militaristic, the mood of the Japanese government. With a broad intelligence network and intelligence offices in the Far East, Japan was intensively collecting information on military strategic facilities of troops of neighboring countries, as well as subversion in the recruitment of local populations. In this article, based on research and archival materials, Japanese military intelligence is considered during the Russo-Japanese War of 1904-1905 and after its termination.

Keywords: military intelligence, espionage, intelligence, intelligence agencies, Russian-Japanese war.

Как известно, искусство шпионажа старо как мир. В настоящий момент известно множество синонимов для обозначения профессионалов данной сферы: разведчик, тайный агент, соглядатай, шпион, филёр, лазутчик, высмотрщик, доносчик, вестовщик, сыщик, наблюдатель, подзорщик, ищейка, вызреватель, сходник, шпик. Все эти слова называют человека, чьи функции можно определить как проведение какого-либо тайного обследования с какой-либо определенной целью. Упоминание о такого рода людях встречается еще в Библии, так называли тех, кого посылали тайно осмотреть или высмотреть землю [Библия. Ветхий завет]. Разведка работает с момента появления первых государств и организации войск. Специальная структура, занимавшаяся сбором сведений о неприятеле, возникла задолго до ее официального утверждения как части военной организации государства [Очерки истории российской внешней разведки, 1995, с. 3].

В мирное время разведчики и секретные агенты ведут себя совершенно так же, как и в военное время, но с большей уверенностью и

свободой передвижения. В это время разведчик не ставит на карту свою жизнь, так как противники становятся соседями и подозрительность населения значительно ослабевает. Маскировку разведчика и его уловки гораздо труднее разоблачить. По всей вероятности, разведчик, попутно с выполнением этих заданий, получает несколько вполне легальных, деловых поручений.

В периоды войны мир разгорожен неизбежными барьерами. Поезды контролируются, почта проходит военную цензуру, и работе разведчика противопоставляется работа контрразведки: организованное наблюдение за разведчиками, бдительность гражданского населения, что в общей сложности может послужить препятствием в работе самого опытного разведчика.

Интересно отметить, что с прекращением военных действий работа разведки не прекращается. Государства наблюдают друг за другом со всем пылом закоренелых врагов. Полки секретной службы иногда сокращаются, но никогда не демобилизуются, ни по какому мирному договору они не распускаются по домам.

Шпионаж по своей сути является незаконным актом вторжения в чужую страну. Однако государства, посвятившие себя поддержанию мира и порядка, непрестанно потворствуют шпионажу. На зловещем фронте нет перемирия. Это означает, что, хотя большая часть населения у нас живет и работает, стремясь к своему благополучию, соблюдая известные правила индивидуальной честности, в подполье ведется непрерывная борьба, интриги, признаваемые всеми естественными и в то же время незаконными [Роуан, 1937, с. 7–8].

Стоит отметить, что ни в одном из военных конфликтов до начала Русско-японской войны военная разведка не принимала такого широкого размаха, как в начале XX в. Тщательно готовясь к войне, японское правительство в лице военного ведомства обращало внимание на сбор сведений о противнике. С этой целью в Чинджоу был учрежден особый курс для подготовки военных агентов, которым поручался сбор сведений в пределах неприятельской страны, их сортировка и отправка.

Стоит отметить, что чаще всего шпионы нанимались японцами из числа граждан Кореи и Китая, часть территорий которых подверглась воздействию войск воюющих держав. В результате еще до начала войны у Японии имелась информация обо всех китайцах и корейцах, состоящих на русской службе и причисленных к категории неблагожелательных. За их действиями был учрежден строжайший надзор. Вместе с тем им давали понять, что, вступив в число японских шпионов, они будут вычеркнуты из списка неблагонадежных, чего было вполне достаточно для их вербовки за сравнительно небольшую сумму.

Сознавая, что китайцы могут быть двойными агентами, японцы тщательно следили за ними и в случае обнаружения подобного рода действий подвергали их казни. В результате японская армия получила в свое распоряжение достаточно успешных агентов, так как они находились в постоянном контакте с русскими военными и не вызывали никаких подозрений. В ведении каждого агента находилось от трех до пяти шпионов, которые составляли особую группу. Наибольшие трудности представляла доставка донесений по назначению. Для этого японцы пользовались услугами многочисленных китайских нищих, которые легко скрывались в массе населения, а также могли присоединиться к странствующим рабочим. Агенты получали вознаграждение помесечно, а нищим платили за каждое исполнение поручения.

Во время первого периода Русско-японской войны, пока японская армия передвигалась мелкими частями, т. е. до сосредоточения ее в районе Ляояна, сбор сведений был сопряжен с большими трудностями.

Значительная часть лазутчиков находилась вблизи железной дороги, около войсковых частей или же работала при возведении укреплений, сообщая сведения в штаб об их размерах. Кроме того, доставка подобного рода сведений по назначению иногда была сопряжена с непреодолимыми препятствиями.

Дело в том, что отправлять информацию приходилось при помощи пеших или иногда конных агентов, а потому при условии, что воюющие находились друг от друга на значительных расстояниях, сведения эти зачастую запаздывали. Кроме того, разведчикам не доставало достаточной опытности в деле принятия донесений, а потому данные приходилось уничтожать или они попадали в руки русских. Постепенно лазутчики приобретали необходимый опыт и прятали донесения в таких местах, как, например, косы, подошвы, швы платья и т. п. [Разведка во время Русско-японской войны, 1907, с. 7].

В течение второго периода войны от Ляояна до Мукдена сбор сведений и их доставка были гораздо легче. Армии обеих сторон оставались на месте на протяжении нескольких недель и даже месяцев, а это давало возможность устроить специальные бюро в тылу противника и особые пункты приема доставляемых сведений. Между этими учреждениями поддерживались еженедельные связи с использованием телеграфных линий для приема доставляемых сведений. Подобную тактику японская разведка продолжала использовать и в послевоенный период.

Доказательством осведомленности японцев служат, например, данные о том, что после сражения при Сандепу у одного из убитых японцев была найдена газета *Gapan Times*, в которой сообщалось, что Гриппенберг покинет армию, если Куропаткин не поддержит его во время наступления [Вотинов, 1939, с. 35].

После окончания боевых действий и победы Японии, разведка этого государства не только не прекратила свою деятельность в Дальневосточном регионе, но и приобрела больший размах. При этом ведением разведывательной работы не гнушались и представители японских дипломатических ведомств. Так, из донесений разведки Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи от 15 сентября 1909 г. за № 46 следует, что за истекшее лето «японский консул в с. Маньчжурии посвятил усиленному изучению как вверенных им районов, так и исследованию наших военных пограничных областей, причем, видимо, главное их внимание привлекли два вопроса: постройка нами Амурской железной дороги и оглашенный газетами проект проведения линии Верхнеудинск – Кяхта...» [РГВИА. Ф. 488. Оп. 2. Д. 26. Л. 125].

Каваками, проехав по территории Российской империи до Иркутска, возвратился через Кяхту. В составе партии японских исследователей, с которой выехал харбинский консул, кроме него самого, отлично владеющего русским языком, были господин Мори – представитель в Харбине общества Южно-Маньчжурской железной дороги, также говорящий по-русски, и два секретаря, один из местного консульства, другой из правления Южно-Маньчжурской дороги. В конечном пункте своего пребывания в Кяхте делегация посетила российского пограничного комиссара и интересовалась не только вопросом о проведении железной дороги, но также торговыми оборотами Кяхты и Урги, отношениями России с Китаем и пошлинами на границе [РГВИА. Ф. 488. Оп. 2. Д. 26. Л. 125].

Одновременно с Каваками выехал японский консул в Цицикаре Сакаи, сопровождаемый секретарем своим Мурата и заведующим консульской полицией. Маршрут этой партии был также до Иркутска, а затем обратно через Сретенск, Благовещенск до Хабаровска. Но предварительно подлежали осмотру наиболее крупные попутные пункты по российской Западной ветке Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД).

Манера выполнения подобного рода поездок для сбора сведений обычно была одинакова у всех агентов японского правительства, ниже приводится подробная, по дням, запись времяпрепровождения господина Сакаи за период его путешествия.

«25-го июля – выехал из Цицикара и в этот же день высадился на ст. Чжалангун. Здесь обошел все имеющиеся в китайском поселке японские публичные дома, посетил также японскую фотографию. В этот же день поехал на ст. Бохэду, где намеренно отправился в один из японских публичных домов, оставил там свои вещи, а сам зашел в следующий такой же дом, затем в японскую фотографию. В публичных домах опрашивал как хозяев, так и девиц. Переночевал в русской гостинице.

26-го июля с утра опять отправился в публичный дом в русском поселке. Днем поехал в Хайлар и остановился в русской гостинице.

27-го июля – обошел японские публичные дома, был с визитом у нашего полицмейстера, управляющего русско-китайским банком, командира нашего отряда, в китайской полиции. Вторично был в японских публичных домах.

28-го июля – был с визитом у фудутуня. Вечером в обществе 13 местных японцев сделал загородную прогулку.

29-го июля – посетил японского доктора, затем был опять в публичном доме, а после у фудутуня, где обедал.

30-го июля – пробыл около двух часов у фудутуня, потом отправился осматривать казармы китайских солдат.

31 июля – секретарь консула был у японца – часового мастера. К консулу явился с бумагой содержатель японского публичного дома.

1 августа – на станции Маньчжурия был встречен местными японцами, остановился в русской гостинице, посетил японский публичный дом, к нему явились местные японцы и японки.

2-го августа – секретарь был у японского доктора, затем вместе с консулом был в публичном доме. У консула 3 раза был какой-то неизвестный до сих пор в поселке японский фотограф, с аппаратом (есть основание думать, что снимались какие-то документы). 3-го августа – выехал в Забайкалье» [РГВИА. Ф. 488. Оп. 2. Д. 26. Л. 125].

Во всех этих пунктах была выполнена одна и та же программа. Приезжие неизменно отправлялись в местный публичный дом, долго там беседовали с хозяевами, опрашивали всех обитателей дома, везде к ним самим являлись с какими-то докладами и бумагами местные японские фотографы, часовые мастера и доктора. Этим как нельзя лучше устанавливается действительное значение всех лиц, занимающихся такого рода профессиями за границей [РГВИА. Ф. 488. Оп. 2. Д. 26. Л. 125 об.].

В следующем году та же разведка доносила и о расширении деятельности японских разведывательных бюро на территории Маньчжурии. По данным разведки от 10 января 1910 г. за № 2, на Дальнем Востоке обнаружилась усиленная деятельность японских разведывательных бюро, причем замечено, что японцы во всех случаях, когда это только окажется возможным, вербуют своих агентов среди китайцев и дают им весьма серьезные задачи. Так было установлено, что «один из чинов канцелярии вице-короля состоял агентом японского разведывательного бюро в Мукдене, причем там же имелось кроме того еще 8 человек китайцев, подкупленных японцами за крупную сумму в 2 тыс. руб. Вся эта партия, по ныне уже обнаруженным данным, имела поручение отправиться на нашу западную ветку и в нужный момент взорвать железнодорожный мост у ст. Фуляэрди через реку Нонни. Рас-

крылось все дело благодаря нескромности одного из участников, доверившегося своему приятелю, который, в свою очередь, оказался агентом китайского разведывательного бюро...» [РГВИА. Ф. 488. Оп. 2. Д. 26. Л. 165 об.].

Кроме приведенного намерения подготовить разрушение моста, обнаружилось, что в тот же период времени японское разведывательное бюро в Мукдене и Куанченцзах было занято работами по сбору сведений. Куанченцзское отделение, несмотря на наличие уже в нем двух (полковник Морита и майор Уэхара) офицеров Генерального штаба, было усилено еще одним подполковником Генерального штаба, фамилию коего выяснить еще не удалось.

Вместе с тем были приняты меры к формированию целой серии отдельных партий японских топографов, которые должны были отправиться в окрестности Биньчжоу, Харбина, Ажэхэ, Цицикара, Хуланчена, Сейхуафу и Тункена. Кроме съемок на эти же партии был возложен сбор военно-статистических сведений. Руководил всеми действиями майор Уэхара.

Прибывший из-под Тункена русский хлеботорговец сообщал, что он встретил там троих японцев, из которых один был военный и которые, по словам китайцев, занимались съемкой местности и сбором сведений, причем делали это якобы с разрешения местного китайского начальства, так как имели при себе охрану из четырех китайских солдат.

Как указывалось в разведке штаба от 15 июля 1910 г. за № 35, японцы мало стесняются с китайскими запрещениями, во-вторых – под тысячью разных предлогов умеют заставлять местных чиновников не только не мешать, но даже оберегать себя. Наиболее в этом направлении пользы приносит японцам широко раскинувшая свою деятельность фирма «Мицуй Бусан», под видом агентов которой для скупки хлеба разъезжают японские офицеры и топографы [РГВИА. Ф. 488. Оп. 2. Д. 26. Л. 165 об.].

Также фирма прочно обосновалась во многих пунктах КВЖД, и ее конторы служат не только отличными справочными бюро для японской разведки, но и распространителями японского экономического влияния на окрестное китайское население.

Таким образом, все приведенные данные с неоспоримой ясностью доказывают, что японское военное министерство после окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг. не только не прекращало своих разведывательных работ на территории Дальнего Востока, а наоборот – усиливало их и даже приготавливалось к таким действиям, которые допустимы лишь по отношению к воюющей державе.

Литература

Библия. Ветхий завет. Книга Иисуса Навина [Электронный ресурс]. URL: <https://planeta.one/bible/v.htm>.

Вотинов А. Японский шпионаж в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. М. : Воениздат НКО СССР, 1939. 72 с.

Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. Т. 1: От древнейших времен до 1917 г. М. : Междунар. отношения, 1995. 240 с.

Разведка во время Русско-японской войны // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. СПб. : Комиссионер воен.-учеб. заведений В. Березовский, 1907. 61 с.

Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф. 488. Оп. 2. Д. 26. Л. 125–165 об.

Роуан Р. Разведка и контрразведка : сокр. пер. с англ. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. 63 с.

С. В. Стефановская

Иркутский государственный университет, Иркутск

ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ФОНЕМОТИПОВ ЗВУКОПОДРАЖАНИЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Рассматриваются особенности фонетического состава звукоподражаний китайского языка, носящего слоговый характер и обладающего идеографической системой письма. В рамках фоносемантики предпринимается попытка выявить звукоизобразительные и звукосимволические функции фонемотипов звукоподражаний китайского языка и соотнести их с классификацией, предложенной профессором С. В. Ворониным.

Ключевые слова: фоносемантика, звукоизобразительность, звукосимволизм, слоговый язык, звукоподражания, инициаль, финаль.

S. Stefanovskaia

Irkutsk State University, Irkutsk

SOUND-EXPRESSIVE FUNCTIONS OF PHONEMOTYPES OF CHINESE ONOMATOPOEIA

Abstract. The article deals with peculiarities of phonetic structure of Chinese onomatopoeia as a language with ideographic writing system with syllabic nature. There is an attempt within the phonosemantic framework to reveal phonemotypes sound-expressive and sound-symbolic functions of the Chinese onomatopoeia and to correlate them with the classification proposed by Professor S. V. Voronin.

Keywords: phonosemantics, sound imagery, sound symbolism, syllabic language, onomatopoeia, initial, final.

Явление звукоизобразительности (включающее звукоподражание и звукосимволизм) с давних пор привлекает внимание ученых, хотя долгое время оно исследовалось лишь в связи с другими проблемами языкознания и было второстепенным по отношению к ним. По утверждению Станислава Васильевича Воронина, «вопреки распространенному мнению сторонников принципиальной произвольности, неотвированности языкового знака, проблема звукоизобразительности не мелка и не тривиальна – она тесным образом связана с самыми фунда-

ментальными науками о языке (происхождение языка и его сущность, природа языкового знака, характер мотивированности, онтогенез речи, экспрессивность и другие)» [Воронин, 1990, с. 8].

Под звукоизобразительностью понимается свойство слова, заключающееся в наличии необходимой, существенной, повторяющейся и относительно устойчивой произвольной связи между фонемами (непроизводного) слова и полагаемым в основу номинации признаком объекта-денотата (мотивом). Если фонетика и фонология изучают звук, а семантика – значение, то фоносемантика занимается тем, что в традиционных терминах называется «связью между звуком и значением».

В 1969 г. С. В. Ворониным на материале английского языка была предложена классификация звукоподражаний по соотношенности их с денотатом. По мнению автора, в настоящее время можно говорить о том, что уточненная в ходе дальнейших исследований классификация ономатопопов английского языка может считаться универсальной, так как оказалась принципиально применима к рассмотрению ономатопопии не только английского, но и других языков, притом не только родственных, но и неродственных. Согласно данной классификации корневые звукоподражательные слова образуются по вполне определенным моделям. Зная характер звучания-денотата, можно предсказать фонетическую структуру соответствующего звукоподражательного слова.

Такая предсказуемость структуры возможна в терминах акустических фонемотипов (т. е. акустических типов фонем), но не отдельных конкретных фонем. Ср. структуру «взрывной + низкий (по частоте) гласный + носовой сонант», характерную для обозначения удара с последующим низким резонаторным тоном: англ. *dong* «звучать» (о низком звуке большого колокола при ударе) и индонез. *bam* «бам!». Целью нашей работы является рассмотрение применимости данной классификации к звукоподражаниям китайского языка (далее в тексте – зп).

Любое звучание представляет собой совокупность (но не механическую сумму) качественных и количественных элементов. При теоретическом представлении звукоподражательной подсистемы на уровне признаков акустических денотатов можно выделить десять признакотипов: ударность, тоновость, шумность, диссонантность, низкость, высокость, интенсивность, неинтенсивность, краткость и долготу. Предложенная классификация звучаний, по мнению ее автора, не претендует на полную и всестороннюю характеристику отражаемых в языке чело века звучаний. Тем более что различия между языками по целому ряду параметров весьма существенные. Перечисленные признакотипы характеризуют собственно звучания. Однако при рассмотрении звучания реального мира важна не только характеристика самих звучаний, но и их источников.

Одну из главнейших фоносемантических универсалий С. В. Воронин формулирует следующим образом: «В звукоизобразительной системе любого языка мира наличествуют три класса и два гиперкласса ономатопов» [Воронин, 1990, с. 45]. Три класса типов звучаний – это: А. Удары. Б. Неудары. В. Диссонансы. Типы сочетаний звучаний в свою очередь, образуют две группировки, которые условно называют гиперклассами (в отличие от классов звучаний): АБ. Удары-неудары. ВАБ. Диссонансы квазиудары-неудары. Три класса ономатопов, соответствующие каждому из классов звучаний-денотатов, можно обозначить как: А. Инстанты (краткий тон или шум, воспринимаемый человеческим ухом как акустический удар); Б. Континуанты (*неудар*, т. е. слитное тоновое или шумовое звучание); В. Фреквентативы (очень быстрая последовательность серии ударов). Два гиперкласса ономатопов, соответствующие каждому из двух гиперклассов звучаний-денотатов, в классификации обозначаются соответственно как: АБ. Инстанты-континуанты; ВАБ. Фреквентативы квазиинстанты-континуанты.

Фонемотипы психоакустически можно представить как набор определенных элементов. Выделяются четыре качественных элемента и три количественных. К качественным относятся: 1) взрывной характер фонемотипа (взрывных согласных); 2) тоновый характер фонемотипа (долгих гласных, сонорных) либо тоновый их компонент (звонкость звонких фрикативных); 3) чисто шумовой характер фонемотипа (глухих фрикативных) либо чисто шумовой их компонент (фрикативность звонких фрикативных); 4) диссонантный характер фонемотипа (вибранта). Количественные элементы: 1) высота фонемотипа (гласных); 2) интенсивность фонемотипа (гласных); 3) длительность (долгота) фонемотипа (гласных).

Так как нас в первую очередь интересуют звукоизобразительные функции фонемотипов (т. е. звукоподражательные и звукосимволические), в составе которых манифестируются элементы фонетического строения ономатопа, а не разработка типологии звукоподражательных слов (что может быть темой отдельного исследования), считаем необходимым остановиться на этом вопросе подробнее.

Определяя звукоподражания как словесную имитацию звучаний окружающей действительности средствами данного языка, важно иметь в виду, что, с одной стороны, звукоподражания должны обладать прямым сходством со звуками внешнего мира, с другой стороны, они являются единицами языка, используют звуковой состав данного конкретного языка и поэтому не могут быть полностью идентичны естественным звукам мира.

По мнению А. А. Потемби, «не всем языкам свойственны все звуки, как не всем инструментам – все тоны; в каждом языке есть своя система звуков, более или менее богатая и определенная по отдельным составляющим ее звукам, но всегда строго последовательная, потому что предшествующее дает в ней направление последующему» [Потембня, 1999, с. 78]. Общеизвестен тезис М. Граммона о том, что «ономатопея – это аппроксимация, но никак не точное воспроизведение» [Цит. по: Воронин, 1990, с. 19]. Вместе с тем необходимо уточнить, насколько приблизительной является ономатопеическая аппроксимация, в каких пределах она действует, какими рамками ограничена. Выясняя характер соотношения звукоизобразительного слова и денотата, устанавливая строения таких слов, следует учитывать тот факт, что в любом языке образование звукоизобразительных слов определяется двумя факторами – внеязыковым (не зависящим от данного конкретного языка) и языковым (манифестирующимся различным образом в зависимости от конкретного языка).

Китайский язык в этом отношении занимает особое положение, связанное со своеобразием строения его фонетической системы, имеющей целый ряд отличий, касающихся как звукового состава, так и структуры слога. Китайский язык носит слоговый характер, минимально значимой единицей языка является не отдельный звук (фонема), а тонированный слог, который состоит из двух основных структурных элементов: инициали – согласной части в начале слога и финали – гласной части в конце слога. Инициаль может быть выражена только одним согласным звуком, в китайском языке 21 инициаль, из них шесть аффрикат, придающих китайской речи специфичную окраску.

Обратимся к основным звукоизобразительным функциям фонемотипов. Согласно классификации профессора С. В. Воронина, *универсальным* положением считается, что взрывной в составе ономатопеи, встречающийся как в ауслауте (позиция звука в конце слова), так и в анлауте (позиция звука в начале слова), в подавляющем большинстве случаев выполняет две звукоподражательные функции (ЗПФ). Первая и основная функция – прямое отражение удара, вторая – отражение краткости краткого резонаторного тонового неударя. Учитывая фонетические особенности китайского языка, следует отметить, что для согласных возможен только анлаут. Действительно, все шесть взрывных согласных китайского языка (*b, p, d, t, g, k*) встречаются в звукоподражаниях, передающих звук удара (橐橐 tuotuo – зп звуку ударов (при выколачивании выполосканного белья); 镗 tang – зп ударам барабана, гонга; 匡啷 kuanglang – зп ударам гонга; 平 ping – зп удару кнута; 梆梆 bangbang – зп ударам, стуку колотушки). Однако, признавая универсальность передачи данной ЗПФ, необходимо указать, что все те же

шесть взрывных согласных китайского языка встречаются как инициали звукоподражаний класса фреквентативов (扑鹿 *pulu* – зп хлопанью крыльев; 婆婆 *popo* – зп плеску, игре рыбы; 滴沥 *dili* – зп капающей воде), а четыре из них участвуют в формировании звукоподражаний, передающих тоношумовые неудары (嘎嘎 *gaga* – зп хохоту; 噗 *pu* – зп громкому выдоху; 咳咳 *keke* – зп кашлю; 吧嗒 *bada* – зп пыхтению, чавканью). Ономатопы, имеющие в своем составе взрывной элемент и передающие вторую ЗПФ (отражение краткости краткого резонаторного тонового неудары), мы не обнаружили.

Следующая *универсалия* формулируется следующим образом: для глухого фрикативного в составе ономатопа ЗПФ функция, как правило, одна: прямое отражение чисто шумового неудары. Прежде всего, подчеркнем, что для китайского консонантизма признаки звонкости и глухости не являются системообразующими дифференциальными признаками. Выделяют глухие и так называемые полувзвонкие согласные. К глухим фрикативным звукам в китайском языке относятся: *f, s, sh, x, h*. Четыре из них (зп с инициальной *f* нами не найдено), действительно, реализуют вышеуказанную ЗПФ (呼呼 *huhu* – зп фырканию; 哼哼 *hengheng* – зп кряхтению, оханью, фырканию (носом); 叻叻 *sousou* – зп шуршанию риса (при промывании); 簌 *su* – зп шуршанию, шелесту бамбука или ветвей деревьев). Однако *s, sh, x, h* также встречаются и в словах, отражающих тоношумовые неудары (嘻嘻 *xixi* – зп хихиканию; 呼噜 *hulu* – зп свисту, хрипу;); *sh, x, h* – передают диссонансы (哗哗 *huahua* – зп журчанию, плеску воды; 轰轰 *huihui* – зп раскатам грома; 烘烘 *honghong* – зп звуку пылающего огня), а звук *h* встречается и при отражении ударов (哗啦 *huala* – зп треску, грохоту; 轰轰烈烈 *honghonglieli* – зп оглушительному звуку). Это дает основание считать, что указанная универсалия не носит абсолютного характера.

Универсалия: звонкий фрикативный всегда звукоизобразительно валентен, ЗПФ одна: передача тоношумового неудары.

В китайском языке встречается только один полувзвонкий фрикативный – это звук *r*. В словарях нами найдено только одно зп, начинающееся данным звуком (仍扔 *rengreng* – зп стук мастерка каменщика). Тип звучания – удар.

Универсалия: аффриката в подавляющем большинстве случаев выполняет определенную ЗПФ – аппроксимированное отражение удара. Помимо звукоподражательной функции в ономатопах, обозначающих чавканье грязи и т. п., аффриката (вне зависимости от ее позиции) выполняет звукосимволическую функцию (ЗСФ), передавая определенный (чавкающий) элемент артикуляции, в свою очередь передающий определенный тип рефлекторного движения.

К аффрикатам в китайском языке относятся: *z, c, zh, ch, j, q*. В процессе анализа было установлено, что все эти звуки (кроме *c*), встречаются в зп, отражающих различные виды ударов (琮 qiang – зп звону (напр. яшмы, др. металла); 磬磬 qingqing – зп звону камней; 嘍 zan – зп ударам барабана; 铮铮 zhengzheng – зп звону металла), но вместе с тем звукоподражания, имеющие в своем составе аффрикаты *z, zh, ch, j, q*, могут передавать и все остальные типы звучаний (皎皎 jiaojiao – зп громкому крику животных; 啾啾 jiujiu – зп свисту флейты; 唧咕唧咕 jigujigu – зп перешептыванию, бормотанию, болтовне; 琤琤 chengcheng – зп звуку цина или струящейся воды; 吃吃 chichi – зп заиканию; 漉漉 chanchan – зп журчанию воды; 吱吱 zhizhi – зп скрипу дверей; 嗞 zi – зп пронзительному крику, визгу). Звук *c* присутствует во всех классах ономастов, кроме зп, отражающих удары (噌噌 cengceng – зп шуму; 策策 cese – зп шелесту, шороху, шуршанию (бамбука и листьев растений). Звукосимволическая функция реализуется в следующих зп (吧唧 baji – зп чавканью, чмоканию; 咕咕唧唧 gugujiji – зп чмоканию, чавканью).

Универсалия: сонорный латеральный и сонорный лабиальный могут выполнять определенную ЗПФ – передачи резонаторного тона. Более обычным является выполнение ими ЗСФ передачи движения (воды, воздуха). Латеральный еще может выполнять ЗСФ передачи латерального элемента щелкающей артикуляции (имитирующей удар).

Для подтверждения данной универсалии из всего корпуса были отобраны звукоподражания, имеющие в своем составе сонорный латеральный *l*. Установлено, что в большинстве случаев данные единицы китайского языка выполняют ЗПФ передачи резонаторного тона и ЗСФ передачи движения воды и воздуха (泠泠 lingling – зп дуновению ветра; 落落 luoluo – зп струящейся, стекающей воде; 沥沥 lili – зп шуму ветра и воды), но вместе с тем звук *l* встречается и в звукоподражаниях, передающих удары, тоношумовые неудары и диссонансы (辘辘 lin – зп стуку, громыханию, тархтению (движущегося экипажа); 轱 li – зп 1) стуку колес; 2) крику птиц; 噜噜 lulu – зп болтовне; 琳琅 linlang – зп звону драгоценных камней).

Факты, полученные в результате анализа звукоизобразительных функций фонемотипов звукоподражательных слов китайского языка, свидетельствуют о том, что классификация звукоподражаний по соотношенности их с денотатом, предложенная профессором С. В. Ворониным, не носит абсолютного универсального характера и может быть пересмотрена с учетом языков с жесткой синтагматикой слога, примером которых служит современный китайский язык.

Иллюстрацией наших выводов может служить таблица, где звукоподражания китайского языка распределены между тремя основными типами звучаний: ударами, неударными и диссонансами. Плюсы указывают на то, что слоги с определенной инициальной семиотизируют звукоподражания, соответствующие этим трем основным типам звучаний.

Инициали	Классы ономатопов, соответствующие типам звучаний-денотатов				
	инстанты (удары)	континуанты (неудары)			фреквентативы (диссонансы)
		тоновые	шумовые	тоношумовые	
b	+	+			+
p	+			+	+
m		+			
f					
n				+	
l	+	+		+	+
d	+	+		+	+
t	+				+
g	+	+		+	+
k	+			+	+
h	+		+	+	+
j	+	+	+	+	+
q	+	+		+	+
x			+	+	+
zh	+	+		+	+
ch	+		+	+	+
sh			+	+	+
r	+				
z	+	+			+
c		+	+	+	+
s		+	+	+	

Литература

- Воронин С. В. Фоносемантика: общие положения // Фоносемант. исслед. Пенза, 1990а. С. 5–24.
- Воронин С. В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании: Очерки и извлечения. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990б. 200 с.
- Потебня А. А. Мысль и язык. М. : Лабиринт, 1999. 192 с.
- Задоев Т. П., Хуан Шуин. Основы китайского языка. Вводный курс. 2-е изд. М. : Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1993. 272 с.
- Стефановская С. В. Семиотизация звукового мира. Звукоподражания китайского языка : монография. Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2015. 200 с.

ON INTEGRATING CULTURE INTO FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Abstract. Language and culture are inseparable. Language is the carrier of culture, and in turn culture is the soil of language. The progress of culture can promote language evolution. The ultimate goal of foreign language teaching is to achieve intercultural communication through the use of language. The paper first explores the relationship between language and culture. Then, based on the author's teaching experience, a few methods are suggested on how to incorporate culture into language teaching. The paper is aimed to draw language teachers "attention to cultivate learners" intercultural competence in language teaching.

Keywords: culture, intercultural competence, integration, language teaching.

1.0. Introduction

With the globalization of the world, intercultural competence has gained more and more weight which has brought a great demand for people who understand both the target language and the target culture. In order to meet the demand, foreign language teaching should be directed not only to the traditional basic skills—listening, speaking, reading, writing and translating but also to the integration of culture into language teaching to cultivate language learners' intercultural competence. Thus, this paper first discusses the relationship between language and culture. It also suggests some methods on how to incorporate culture into English teaching. The author intends to help language learners to attach importance to the target culture so that their intercultural competence can be cultivated and enhanced.

Culture is ubiquitous in all societies and its definitions are varied. Longman Dictionary of English Language & Culture (2004) defines culture as the customs, beliefs, art, music, and all the other products of human thought made by a particular group of people at a particular time. And it is defined by Cambridge English Dictionary (2002) that culture is the total range of activities and ideas of a group of people with shared traditions which are transmitted and reinforced by members of the group. People's religions, values, arts, music, customs, behaviors and languages are all different because of different cultures.

2.0. Language and culture

Language and culture are inseparable. On the one hand, language is the major carrier of culture and the principal tool in intercultural communication. Besides, language itself is an important component of culture. On the other hand, culture is the soil of language and cultural interaction can promote and facilitate language development.

Linguist Lado claims that without fully knowing the culture background, we cannot teach a language, for language is part of a culture [Lado, 1964]. Therefore, if language learners do not understand the patterns and rules of the culture, they cannot truly learn the language .

American linguist Spair also puts, “Culture is what a society does and thinks” [Spair, 1921]. From that we can say that language cannot exist without culture. Further, language reflects not only culture but the influence of culture. Therefore, learning language without understanding the culture is like a tree without roots. Either language understanding or language use cannot be separated from the society in which people use it, as each society has its own unique culture. Language speakers can form their logical thinking by depending on their social experiences and their grasp of cultural knowledge in the process of communicative activities. Without these social and cultural background knowledge, their communication may become very difficult. Moreover, different cultures give birth to their unique vocabulary, grammar rules and sentence structures which greatly influence the habits and thought patterns of the speaker. Therefore, understanding cultural differences between different countries is particularly important for language learners. As many cultural factors are involved in language learning, they may have much impact on the teaching and learning of language.

2.1. Words with different cultural connotations and cultural gaps

Many words have their connotations besides denotations. Take the word “dragon” as an example. Merriam-Webster defines it as an imaginary animal that can breathe out fire and looks like a very large lizard with wings, a long tail and large claws. However, it has completely different connotations in Chinese and Western cultures. “Dragon” in ancient China was used to symbolize the authority of the emperor, or was “the Son of Heaven”. It is also used as a symbol of good fortune in our daily lives, such as some Chinese idioms “Long Teng Hu Yue”, “Sheng Long Huo Hu”, “Long Fei Feng Wu”, “Cheng Long Kuai Xu”. It symbolizes the totem of the Chinese people, like “Chinese nation and the descendants of dragon”. However, in Western culture, “dragon” is a very domineering and aggressive giant, a symbol of “evil and violence”. For another example, Chinese and Westerners have different core values. Western culture puts an emphasis on individualism and understand it as personal independence and creativity. On the contrary, Chinese culture emphasizes collectivism. So, many students mistaken individualism to be “egoism”, which is a negative word in Chinese culture.

Lado argues that various linguistic rules are different due to cultural differences. Semantics are present in one language, but does not exist in another language. Because of various cultural characteristics, some words cannot find their equivalents in English, thus causing “equivalent vacancies.” For instance, “Xiao Kang Society” and “Bu Zhe Teng” can not find their equiva-

lents in English. Westerners may feel puzzled when we say “we are pursuing scientific development”. Instead, they will understand immediately if we translate it as “We are pursuing scientific development which means we are pursuing a balanced and sustainable development.”

2.2. Names with cultural connotations

Some prominent places or names are endowed with certain cultural characteristics because of historical and social reasons. Without some knowledge of cultural background, people are easily confused by these names. For example, Apple met “Waterloo”, which means Apple’s profits plunged 40 %. “To meet one’s Waterloo” means “suffer a decisive defeat” because “Waterloo” is place where Napoleon suffered a major defeat in 1815. For another example, a person who is a miser is often called “Shylock”, since this word comes from Shakespeare's “Merchant of Venice”, in which a major character is known for his stinginess.

2.3. Expressions derived from literary works

Language is a basic unit to construct culture. The ability to understand literary works and the sensitivity to language use are mutually reinforced. Introductions to the contents of literary works can, to a large extent, to promote language teaching. Moreover, The Bible, the ancient Greek and Roman mythologies as the major cultural origin of the English language, are categorized as literature themselves. For example, Taiwan’s May Day Band used “Noah’s Ark” as the theme of their 2012 tour. “Noah’s Ark” comes from the Bible, which intends to warn human beings the end of the world caused by excessive use of resources. Kiss of Judas is taken from the Bible, too. Judas was a traitor who betrayed the Lord. This phrase means “honey in the mouth and sword in the stomach”. Similarly, only when students learn the story about the beauty Pandora in the ancient Greek and Roman mythology, they will know that “Pandora’s box” means “a source of a lot of unexpected troubles.” People like to call “a catch-22 situation” which refers to a paradoxical situation from which an individual cannot escape because of contradictory rules. This phrase originates from the novel “Catch-22” by American author Joseph Heller.

2.4. The use of different styles

In addition to the expression of his/her thoughts, a speaker usually talks with a variety of emotions, which can be influenced by the place where the talk goes and the speaker’s identity. People in English-speaking countries often select their words to communicate according to specific situations. For example, the following 5 sentences all convey a person to ask the other to close the door, but each varies from very polite to rude command.

- a. There seems to be a bit of draft.
- b. Would you mind shutting the door?

- c. Please shut the door.
- d. Shut the door, I'm freezing.
- e. Dammit, shut the door.

Various styles should be chosen on different occasions. Just as the saying goes, being on sea, sail; being on land, settle. The choice of styles depends on the speaker's identity, gender, friendship, conversation, and some other factors. Therefore, the social environment plays an important role in cross cultural conversations.

2.5. Different cultural backgrounds and communication habits

Language is a tool for communication, but sometimes the right language fails to convey the proper meaning. Foreign language learners sometimes produce inappropriate words in social situations, the reasons for which are not caused by the language structures, but under the influence of local customs and habits. For example, Westerners may get annoyed if they are asked by such questions as "How old are you? Have you got married? How much is your salary?", because these are considered privacy in Western culture.

In addition, some other non-verbal factors can also affect the cross-cultural communication, such as facial expressions, gestures and body language, dress, pitch, which add to the difficulties in language learning and communication. Therefore, these cultural areas are worthy of research in language teaching.

3.0. Methods to integrate culture into language teaching

Professor Robinett said that the acquisition of language communication competence must be based on understanding the culture of the language reflected in the behavior and opinions [Robinett, 1978]. EFL teachers should focus on the incorporation of culture into students' language learning.

3.1. Stimulating learners' interest in culture

Before students start their college English learning, many of them know little about the culture of English speaking countries. They mainly rely on memorizing words, grammar rules and do an excessive number of exercises to get high scores in the college entrance examination. When students enter college, English teachers should stimulate their interest in language learning and culture. Teachers can organize activities to enhance students' enthusiasm for language and culture learning, like telling English stories, singing English songs, watching English movies, English TV plays, reading English novels, celebrating festivals, etc. to help students input the cultures of English-speaking countries. Classroom practice shows that students are interested in the cultural background in articles, and often ask teachers to increase the input of more cultural knowledge. Therefore, the input of cultures into class is an effective way to improve students' interest in learning language.

3.2. Integrating culture into language teaching process

Cultural information related to articles can be input at any time in class. In lessons, cultural points can occur not only in the background of the article or in the article itself, but also in vocabulary. So, the integration of culture can be achieved in the teaching process.

3.2.1. Integrating culture into vocabulary

For example, “narcissism” means “egoism”, which is very abstract, but if the story of a handsome boy called Narcissus from Greek mythology is told to students, their interest will be greatly increased. “Cereal” is a word some students know, but its etymology they may not. The students may be told the word comes from Greek mythology again, which tells of Ceres, the goddess who takes charge of agriculture, guard flowers and other plants, particularly wheat, oats, rice and other grains, so breakfast food is named after her. Students will become more interested in culture after such stories. Based on that, a comparative study on Chinese and Western breakfasts can be made to help students memorize the related words. We can be sure that students’ learning effect will be improved.

3.2.2. Integrating culture into the text or the background

The in-depth explanation of the literary works involved in the text can increase students’ cultural knowledge, because all literary works are reflections of its times and the society, from which students can learn about the then culture and society. Take a Dream of An Hour as an example. This is Chopin’s famous short story. By introducing the author and her background, students may find little difficulty understanding why Josephine, the main character in the story, feels happy over the news of her husband’s death. Such a reaction is completely against the social common sense.

3.3. Raising students’ awareness of cultural differences

It is not enough for students to acquire cultural knowledge only in textbooks and in class. In order to improve students’ awareness of cultural differences, teachers should introduce to students some supplementary materials, such as the Bible, the ancient Greek and Roman mythology, or literary works by famous British and American writers. With the popularity of modern mass media, students can acquire more and more social and cultural information on English speaking countries on the networks, newspapers, film, television and radio channels. Therefore, teachers can instruct students to take full advantage of these information resources to acquire the target culture. Teachers can also help students to organize some diverse extracurricular activities, like English Corner, lectures, celebration of western festivals, novel reading competition, etc. to introduce English culture.

4.0. Conclusion

In short, with the increasingly frequent international exchanges, opportunities for cross-cultural communication are growing. Cross-cultural communication calls for students to understand the target culture. Therefore, EFL teachers should place more emphasis on the integration of culture into language teaching in addition to the memorization of vocabulary, grammar, reading comprehension and translation practice.

References

- Cambridge English Dictionary, 2002. Cambridge University Press.
Lado R. Language Teaching: A Scientific Approach [M]. N. Y., 1964.
Longman Dictionary of English Language & Culture, 2004. The Commercial Press.
Robinett H. W. Teaching English to Speakers of Other Languages [M]. St. Paul : University of Minnesota Press, 1978.
Spair E. Language: An Introduction to the Study of Speech [M]. N. Y. : Harcourt, Brace &Co., 1921.

Сунь Цы

Шаньдунский институт бизнеса и технологий, Яньтай

Sun Ci

Shandong Technology and Business University, Yantai

ON TEACHING METHODS OF CULTURAL FACTORS IN TCSL

Abstract. TCSL has distinct characteristics of cross-context. Therefore, teachers should pay attention to the teaching of culture in TCSL. By exploring the approaches of culture teaching in TCSL, overseas students can understand Chinese culture while mastering Chinese language and avoid communication difficulties caused by cultural differences so as to achieve the purpose of cross-cultural communication. In this paper, it starts from vocabularies and pragmatics and elaborates how to introduce culture in TCSL from aspects of lexical expansion method, lexical comparison method, pragmatic comparison method, demonstration method, investigation method, lecture method and role play.

Keywords: TCSL, Culture teaching; Language teaching.

With the rapid development of China's economy and the increasing enhancement of China's international status, there are more and more foreigners who want to learn Chinese. As an important part of the national educational undertakings, Teaching Chinese as a Foreign Language (TCSL) plays an increasingly important role in introducing Chinese culture to the world and promoting international exchanges and cooperation.

TCSL is a language teaching and the teaching content is language. However, culture and language are permeated with each other. Language is the carrier of culture and language reflects its unique cultural connotation. Moreover, it is very difficult to really master the language of this nation

without the understanding of national culture. Therefore, to introduce the relevant cultural knowledge in the language teaching not only make overseas students have strong interest in Chinese culture and accelerate the absorption of language, but also can reduce cultural shocks so as to achieve purposes of cross-cultural communication.

Language is the carrier of culture and the foundation of cultural development. So the language can precisely reflect characteristics of national culture and cultural differences among different nationalities [Li Qingyuan, 2007(2)]. All customs, values and social system as well as religious beliefs can be reflected in the language. These cultural factors in language have regulated effects on language, which is mainly reflected in vocabularies and pragmatics of language.

1.0. Introduction of cultural factors in vocabularies

Vocabulary is the basis of language learning and the fundamental structural unit of the sentence. Without vocabularies, information will not be delivered and there will be no communication. Therefore, vocabulary teaching holds an important position in TCSL. For that there are many linguistic phenomena and words with semantic connotation in Chinese language, which are often directly or indirectly associated with the specific cultural background. The introduction of cultural factors in the lexical system should be carried out from following two aspects.

1.1 Expansion method

Language is the material carrier of a particular culture and the vocabulary contains rich cultural information. The meaning of Chinese vocabularies is not just the literal meaning and the cultural meaning of a word is various. In teaching, teachers interpret the basic literal meaning of a word and should also conduct appropriate extension introducing the representative and common cultural meanings. For example, in the explanation of the color word «red», other cultural meanings of «red» should also be explained besides «red color»: in China, «red» represents happiness, joy and excitement, so people paste «red character of happiness» in the marriage, the elders give the younger generation «red packets» in Chinese New Year. In addition, there are cultural meanings in «confidante», «red-eye» and other words. By this way, learners not only understand the literal meaning of «red», but also know the cultural meaning of this word so as to achieve the organic integration of language knowledge and cultural factors.

1.2 Comparison method

Through the lexical layer in Chinese language, the situation of Han Nationality culture and cultural origins of vocabularies can be glimpsed. The cultural introduction of lexical system should focus on those contents which have relations and comparisons with the native culture of overseas students

and conducting the comparison of Chinese and Western cultures is an effective teaching method. For example, «dragon» exists both in Chinese and English but there are completely opposite symbolic meanings. Dragon is the distinguished, auspicious and prosperous symbol of Chinese nation and has a supreme position in the Chinese culture. Chinese people give the dragon a lot of good meanings, such as «prosperity brought by the dragon and the phoenix», «like dragons flying and phoenixes dancing», «flying dragon and leaping tiger» and so on. The emperors are called as «real dragons and the sons of the heaven» and Chinese descendants are called as «descendants of the dragon», which reflects that the image of «dragon» has been integrated into the blood of Chinese people. In the sight of western people, «dragon» is a terrible and ferocious symbol. There are also different associations with «dog» in Chinese people and British people. Western people love dogs, which can be seen from that «He is a lucky dog.» (He is a lucky man), «Love me, love my dog.» (The love for the house extends even to the crows perching on its roof). While in the Chinese, «A dog will leap over a wall in desperation», «be as cruel as a wolf» and «a person who offers bad advice» and other words can reflect the disgust of Chinese people with dogs [Zhang Jiepeng, 2002]. Only after understanding specific extended meanings of certain things in the Han culture can people truly understand the cultural connotation of these words and ideas of Chinese people.

2.0. Culture introduction of pragmatics

Pragmatic culture is the cultural convention of language utilization. For the comparison of Chinese and Western common communication language, language often make students deeply impressed with cultural differences. The process of learning Chinese not only includes studying the rule system of Chinese language, but also needs to accept psychological characteristics and thinking mode of Chinese people. In the TCSL, teachers should adopt various methods in teaching, eliminate cultural and psychological differences of students and help students to eliminate cognitive mistakes in thinking as well as enhance the sense of identity in learning so as to achieve the best results.

2.1 Comparison method

There are relatively large differences for Chinese and Western culture. For example, when others praise you for beautiful appearance, Chinese people tend to be modest and Westerners will generously show thanks. At this time, students will misunderstand it and use wrong language without cultural education and edification, which is the taboo in Chinese learning and will have direct impacts on the normal exchanges and communication of students.

2.2 Demonstration method

Han nationality has been influenced by Confucianism for a long time. They pay attention to group consciousness, advocate the social nature of

people and think that people are members of society and also are parts of the group. Moreover, people should care for each other, love and help one another in the interpersonal communication. When meeting and communicating with others, Chinese people often ask, «Where are you going?» «Are you married?» and «How much do you earn every month?» to express concerns for others. While Western culture advocates people's individuality and emphasizes self-consciousness. As being asked about above questions, Westerners will feel offended and think that people are interfering with their «privacy». In addition, it should pay attention to the penetration of unique cultural knowledge background owned by the Chinese language in the teaching. Each language has its own unique cultural connotation. The long-standing and well-established Han culture accumulates and internalizes in its long-term development process and gives the unique connotation that is not owned by other nationalities than the nationality with Chinese language. At this time, teachers can apply the demonstration method with teaching films including «Pushing hands» directed by An Lee, «Shower» directed by Zhangyang and «You are the one» directed by Feng Xiaogang, which fully display Chinese cultural connotation and contemporary living visage and can intuitively and effectively eliminate the psychological exclusion of students.

2.3 Investigation method

Words are but wind, but seeing is believing. Let students themselves collect materials, take interviews with questions and make the analysis and summary, which turns it easier to eliminate cognitive mistakes. In the application of investigation method, teachers should make detailed pre-planning for the purpose of investigation, investigation methods and investigation plans and it is inappropriate to conduct the investigation blindly. For example, in the classroom teaching students may easily feel confused about the honorific title of Chinese people and do not understand why also call strangers with appellations that are used for relatives including «elder uncle, dama, uncle, aunt, elder brother and elder sister». When saying hello to others, Chinese people usually add an word «old» in front of the family name for people who are not too old. While the word «old» is the taboo in the Western culture for that «old» easily reminds people of old ages, old and useless, conservatism and so on. However, Chinese society is a society of respecting the old and emphasizing «respecting for seniority» and “respecting for the elderly». With the introduction of Chinese traditional ethics and morals, teachers guide students to understand why there are so many honorific titles with «old» in Chinese language, such as teachers, veteran predecessors, elder brother and so on. If overseas students do not understand the Han culture and comprehend these words with literal meanings, it is difficult for them to know what the author wants to express or even read them by mis-

take. For another example, Westerners have the strong sense of self-esteem so the method and degree of offering help to others should be based on the willingness of the recipient, which is easily in conflict with Chinese traditional customs of respecting the old and cherishing the young as well as helping the disabled. Students often feel that it is too active for people to take the initiative to offer their seats to the elderly on the bus or at other places without the demand mentioned by the elderly and such behaviors do not respect the helped enough. The investigation method can be applied for this cognitive mistake. Teachers can organize students to use their spare time to interview these above issues on the streets and conduct the analysis and summary in pairs during the class. Practice has proved that personal investigation of students is more convincing to eliminate cognitive mistakes.

2.4 Lecture method

In order to make students have a relatively systematic and complete cognition with certain part of Chinese culture, the often used methods for this model is to set up special lectures. Through the clear narration, teachers impart students the knowledge of Chinese culture with the help of interpretation, analysis, comparison and other means. For example, organize a lecture on the history and current situation of Chinese characters as a guide to the entry-level learning of Chinese characters for zero-based students to cooperate with the teaching of Chinese characters. For students in the middle and high grade, take «Chinese characters and culture» as the topic and introduce the Chinese cultural knowledge included and embodied in Chinese characters. For short-term Chinese teaching and classes for further studies, it can repeatedly interspersed with short and terse cultural lectures according to the situation of teaching hours. For the long-term Chinese professional study, it can arrange a series of lectures throughout a semester or a whole academic year and make the systematic and targeted transfer from a topic to another topic [Wu Xiaolu, 1994]. Be limited to the Chinese level of students, make the explanation to lower grade students with the mother tongue and explain to students in middle and high grade with relatively simple Chinese. As the supplement and support of lectures, going out of classrooms and carrying out field visits is also a way of teaching cultural knowledge. There is a wide range for observation including places of interest, cityscapes or exhibitions and museums. Moreover, it also can conduct field visits or investigations. Cultural visits have the entertainment and fun that general classes do not have. However, students cannot forget learning tasks loaded in the visits. Teachers need to make overall arrangements, determine the knowledge that students need to prepare according to the experience of previous visits, arrange questions for thinking as visiting and inspect and measure the achievement of students in such forms as reports after visiting.

Arranging a variety of cultural appreciation in class with the help of multimedia teaching techniques is also a means to understand Chinese culture. For example, organize a class of film or television appreciation or music appreciation, or find and play some feature films that introduce Chinese culture for students, such as «Classical Gardens of Suzhou» and «Qilu culture» and so on. The systematic explanation of knowledge accompanied by the multi-channel input of images and sounds can give full play to the synergistic effects of different senses from students and have ideal effects on the study of intellectual culture.

For feelings and experiences after lectures, visits and appreciation, it can carry out classroom discussions to conduct the interactive communication among students or among teachers and students. This kind of approach is helpful for students to consolidate and strengthen the acquired knowledge. For example, organize students to go out for a Chinese dinner and conduct a discussion about «Chinese food culture» after coming back, a series of discussions can be made from the procedures of serving Chinese dishes to the tastes and cooking methods of Chinese food, and then the table manners of Chinese people and finally the national characteristics reflected in the Chinese food, by which enhance the knowledge and understanding of students for Chinese food culture.

2.5 Role play

Classroom performance means that students play different roles and perform the communication process in a scene under the environment of Han culture. Teachers can conduct the simulation training in accordance with the existing conversation on the textbook. For senior students, teachers also can allow them to extemporaneously play based on hypothetical communication background provided by teachers or write a play and act it out according to a proposition. For example, performing that «seeking medical treatment in the hospital», «shopping in stores», «seeing off at stations», «asking directions during the travel», «helping others on the way» and so on. This kind of cultural performance cultivates the skills of students to use the body language with oral communication and integrates language and culture learning. Moreover, it is both challenging and interesting and generally welcomed by foreign students.

Besides the simulation of communication scenes in class, teachers can also boldly assign communication tasks into the real scenes of social communication according to the levels of students. This task requires many people to be in close cooperation with an appropriate division of labor and complete it through the communication at different occasions on aspects of listening, speaking, reading and writing. For example, teachers can organize an entertainment evening party, the entire preparation process is completed by

students themselves and teachers offer necessary guidance besides them. Firstly students need to break down this task into several small tasks, such as «contact the venue», «lease facilities», «purchase food and props», «design propaganda posters» and so on. Then, clear the assignment distribution of everyone. In the actual implementation process, students apply the language knowledge learned in class to the actual communication and acquire new language and cultural knowledge from the actual communication. Meanwhile, they maintain the communication and exchange of information. Finally, all the information will be summarized so as to complete all tasks. Compared with the former conversation and performance forms, this form makes students contact with real scenes of the society, which is more challenging and more powerful for language learners and communication skills can also obtain relatively adequate inspection and improvement.

3.0. Conclusion

In the practice of education, educational methods and educational theories always keep adapting to changes of student information and student quality as well as social requirements. In order to further improve the teaching ability of foreign Chinese and facilitate students to better understand the Chinese culture, it is necessary to appropriately integrate Han Nationality culture into the TCSL. The selection of cultural teaching strategies should also take into account curriculum types, characteristics of students and teaching ideas and other specific factors. In short, language teaching and teaching of cultural factors are inseparable in TCSL. Attaching most importance to language teaching, taking the teaching of cultural factors as a supplement and integrating cultural factors into the language knowledge will make learners have more targeted, more systematic and more solid language knowledge learning and has the positive significance for the language knowledge teaching.

References

- Li Qingyuan. The Study of Pragmatic Errors in Cross Culture Communication // Journal of Yunnan normal University. 2007. N 7.
- Wu Xiaolu. Speak Chinese On Culture [M]. Beijing Language and Culture University Press, 1994.
- Zhang Jiapeng, Wang Xiang. Convey of Chinese Culture [M]. Liaohai Press, 2002.

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В УСЛОВИЯХ «ИНТЕРНЕТ +»

Аннотация. С наступлением эпохи «Интернет+» и с развитием информатизации и модернизации образования, традиционное обучение иностранным языкам подвергается беспрецедентному воздействию, а также перед ним ставятся новые задачи. На этом фоне, чтобы продолжать перспективное развитие обучения иностранным языкам, необходимо проводить реформу и вводить инновации в традиционную модель обучения согласно требованиям эпохи. Посредством ряда реформ, таких как Интернет + предмет, обучение, изучение, оценка и др., проводить углубленную интеграцию обучения иностранным языкам и Интернета, реализовать преобразование метода и модели обучения, осуществлять реформу и развитие обучения иностранным языкам в условиях «Интернет+».

Ключевые слова: Интернет+, обучение иностранным языкам, реформа, развитие.

孙巧慧

山东工商学院, 烟台

“互联网+”背景下外语教学改革研究

摘要: 随着“互联网+”时代的到来, 教育的信息化、现代化程度越来越高, 这使传统的外语教学受到了前所未有的冲击和挑战。在这种时代背景下, 外语教学要得到长足的发展, 就必须顺应时代要求, 对传统外语教学模式进行改革和创新。通过“互联网+课程、教学、学习、评价”等一系列的改革, 使外语教学与互联网技术深度融合, 实现教学理念、教学方法、教学模式的转型, 以推动“互联网+”背景下外语教学的改革与发展。

关键词: 互联网+; 外语教学; 改革; 发展。

Sun Qiaohui

Shandong Institute of Business and Technology, Yantai

ON STUDY OF FOREIGN LANGUAGES TEACHING REFORM IN THE CONTEXT OF “INTERNET PLUS”

Abstract. As the “Internet Plus” era is approaching, increasingly higher degree of educational informationization and modernization makes the traditional teaching of foreign languages encounter unprecedented challenges and impacts. Obtaining considerable development in the Context of this era, foreign languages teaching has to adapt to the demands of the era and carry out reform and innovation of traditional teaching models of foreign languages. A series of reforms, implemented by “Internet Plus Curriculum, Teaching, Learning and Assessment”, enable foreign languages teaching to deeply integrated with Internet to realize the transformation of teaching concepts, teaching methods and teaching models, and to promote the reform and development of foreign languages teaching in the context of “Internet Plus”.

Keywords: Internet Plus, foreign languages teaching, reform, development.

在 2015 年第十二届全国人民代表大会第三次会议上, 李克强总理在政府工作报告中, 提出制定“互联网+”行动计划, 至此, “互联网+”战略上升至国家层面。所谓“互联网+”就是“互联网+各个传统行业”, 它是利用信息通信技术以及互联网平台, 让互联网与传统行业进行深度融合, 创造新的发展生态。“互联网+”时代的到来, 给传

统的外语教学带来了前所未有的冲击和挑战，同时，也为外语教学积极探索多元化教学改革提供了可能。本论文试从“互联网+课程、教学、学习、评价”的角度，探讨“互联网+”背景下的外语教学改革。

一、互联网+课程

基于互联网平台，“互联网+”所具备的一个明显特征就是它的开放性与资源共享性。依托互联网，教育资源能够跨越时间、空间的制约，实现最大程度的共享。

对于外语教学来说，要顺应“互联网+”时代的教育发展需求，首先，要积极开发网络课程。目前，风靡全球的慕课(MOOC)就是采用互联网技术，整合现有教学内容和在线课程资源，形成的一种免费的、开放的、全新的网络课程。慕课(MOOC)具有较强的自主性、灵活性，借助这个平台，学生可以根据自己的兴趣爱好、学习需要，自主地安排相关课程的学习时间、地点以及学习内容，摆脱时空的制约，它为学生提供了更为方便、灵活、开放的学习方式，有助于提高学生的学习积极性和主动性。

其次，要创新课程体系。在“互联网+”背景下，要培养国际化的外语人才，其课程体系设置中，除了学习专业知识外，更应该注重学生跨文化交际能力、人文素养的培养，要融文化于语言学习中，培养学生的跨文化思辨能力。同时，在设置课程时，要努力将外语教学与现代信息技术相整合，充分利用在线网络资源，有益补充课堂教学内容，以符合“互联网+”的时代特征。[郑颖，2017，J. 256]

二、互联网+教学

在“互联网+”的时代背景下，互联网等新技术在教育领域不断渗透，这使教育的信息化、现代化程度愈来愈高。在外语教学过程中，改变传统的教学理念，尝试新的教学方法，也是现代外语教学发展的必然趋势。

(一) 教学理念的转变

互联网的迅速发展，一方面为现代外语教学提供了丰富的教学资源，另一方面也在不断地冲击着传统的教育理念。只有紧跟时代步伐，更新教学理念才是推进外语课堂教学改革的原动力。[韩阳阳，2017，J. 140]

在“互联网+”背景下的外语课堂教学中，教师和学生的角色需要进行转变，教师不再是课堂上单纯的知识的灌输者和传播者，而转变为学生学习的引导者、促进者，以及语言

交际任务的设计者。教师的主要任务是调动学生学习的积极性，引导学生有效参与课堂活动以及语言探究，激发他们自主学习的动力和对一门外来语言探究的渴望，使外语教学课堂变得生动、活泼、高效。只有师生角色发生实质性的转变，实现以学生为主体，教师为主导的课堂教学，才能真正适应“互联网+”时代的外语教学发展的新需求。

（二）教学方法的转变

“互联网+”时代的到来，传统的灌输式、独白式的教学方法已无法适应新时期外语教学发展的要求，这就促使外语教学工作者必须顺应时代的发展需求，对传统的教学方法、教学模式进行改革。

1、开展“翻转课堂”的教学模式。

“翻转课堂”是互联网时代教学模式的一种革新，它不仅将课堂的中心从教师转移到学生和学习上，同时对课堂前后的时间安排也进行了重新的整合。首先，教师在课前提前将学习视频上传到网络，学生可以在课前通过个性化的网络平台，按照自己的方式和节奏学习知识。其次，课堂上，教师则由单纯的知识讲授转变为答疑解惑、评估鉴定学生的学习成果。与传统的教学模式相比，“翻转课堂”教学模式增加了师生之间的互动，教师从原本的讲台之上走到了学生之间，从知识的灌输者转变为学生学习的引导者、帮助者、服务者。也就是说，传统教学模式的课堂，教师站在学生和知识之间，而翻转式的课堂，学生直接获取知识，教师则更加关注学生获取知识的效果和能力。这种“翻转课堂”教学模式不仅能够激发学生的学习积极性和主动性，也能够加深学生对知识的掌握程度，提高所学知识的运用能力。

2、采取“微课”教学模式。

微课作为一种新型的教学模式，虽然每个微视频时间简短但却重点突出，主题明确，它的组织形式丰富多彩，依托网络，它具有较强的交互性，因此，在教育领域备受学生的青睐。将微课应用于外语教学，一方面可以利用微课主题重点突出、针对性强的特点，帮助学生更好地掌握学习要点；另一方面，微课设计的形式灵活、内容丰富，可以有效地激发学生学习的兴趣和动力，提高学生的学习主动性和积极性；此外，基于微课的外语学习，学习时间、学习地点更加自由灵活，可以满足学生随时、随地、按需学习的需求，使学习真正摆脱时空的限制。与传统的教学模式相比较，微课突破了传统教学模式中枯燥单一的学习形式，让学生能够在学习中去主动探索和讨论，进而提

高学生的学习效率。所以微课作为新兴的教学模式既能符合“互联网+”背景下外语教育的发展趋势，又能满足信息化社会的发展需求。

[刘家威, 2017, J. 35]

（三）教学载体的多元化

在新的网络化、数字化的环境下，外语学习途径变得更加丰富、多样、便捷。特别是网络技术和移动平台的飞速发展，打破了传统的时间和空间的限制，为学生提供了更为宽广的交际平台。在外语教学中，除了传统的纸质教科书、录音光盘外，平板电脑、手机等移动学习设备，都可尝试用来辅助课堂教学。在移动设备上开展的学习，一方面可以随时随地地进行，另一方面移动设备具有高便携性和高交互性的特点，在外语课堂教学中如果用来辅助课堂互动，那既能充分调动学生参与课堂互动的积极性，活跃课堂氛围，也能有效地提高课堂教学与学习效率。与此同时，教师如何在课堂上适时、适当、适度地利用移动设备，以达到既能有效地辅助课堂教学，又不会打乱教学秩序的目的，也是外语教师需要面临的挑战。

三、互联网+学习

近年来，随着互联网的推广与普及，慕课(MOOC)、微课、翻转课堂等新型的教学模式在教育界内广泛兴起，很多外语教师也开始积极地将这些新型的教学模式引进外语课堂，这给学生的学习也带来了新的机遇和挑战。

一方面，在“互联网+”时代，学生对网络有较高的依赖度和期许度，他们愿意甚至习惯通过网络去快捷、方便地获取知识，同时，他们对通过微课这样的微视频进行碎片化的知识学习也有较高的认可度，他们渴望通过便捷的手段获得简约且实用的知识。所以，目前在外语教学过程中，充分利用网络平台和网络资源，既能有效地辅助课堂教学，也能更好地满足学生的学习需求，同时也能进一步激发学生学习外语的动力。

另一方面，正因为凭借互联网的飞速发展，学生的学习途径变得更加多样化，学习不再局限于教材和课堂，学生对学习内容、学习手段有了更多选择的空间和机会。在这种形势下，教师如何引导学生“学会学习”是十分重要的。只有引导学生正确、合理地利用好网络资源和平台，才能进行有效的学习。

此外，在“互联网+”背景下的外语学习，对学生学习的自主性和能动性有更高的要求。慕课(MOOC)、微课、翻转课堂等新型的教学

模式的推行，需要学生在课前、课中、课后做好相应的学习准备工作，所以如果学生学习的主动性和能动性不高，那这些教学模式的推行将步履维艰，“互联网+”背景下的外语学习优势也将不复存在。所以，激发学生的学习兴趣，调动学生学习的主动性和能动性，是推动“互联网+”背景下的外语学习的必需条件。

四、互联网+评价

与传统的考试考核体系相比较，以“互联网+”为依托的教学评价体系，更能全面地反映出学生的学习效果。基于“互联网+”的评价体系，主要采取过程性评价与终结性评价相结合的方式，对学生的进行全面考核和评价。在过程性评价中，将学生日常学习活动的每个阶段的情况，都纳入有效的考核和评价之中，经常开展学生自我评价、学习小组成员之间互相评价、教师在各个教学阶段做出相应的诊断性评价等，采取多种评价方式相结合的方式；同时，通过举办学生作业和作品集展示等方式，提高评价的说服力，力争做到对学生的日常学习情况做出公平、公正、客观的评价，以有效地激发学生学习的积极性。

在“互联网+”的外语教学过程中，我们所追求的不仅仅是让学生获取某些语言知识，更重要的是要让学生学会如何在“互联网+”的时代背景下，适时、适度地利用好网络资源，独立地进行外语学习，并通过对自己学习行为、学习过程的及时、有效的评价与反思，探索出适合自己的学习方法，这样才能使“互联网+”下的外语学习获得最佳的学习效果。

五、结束语

“互联网+”时代，网络信息技术的飞速发展，给外语教学带来了前所未有的发展机遇和挑战。它不仅为外语教学提供了丰富的教学和学习资源，同时推动了慕课(MOOC)、翻转课堂、微课等新型教学模式的兴起，革新了传统的外语教学理念、教学方式和手段，构建了“互联网+”背景下新的外语教学、学习、评价体系，全面推动了互联网技术与外语教学的深度融合，促进了外语教学在新形势下的可持续发展。

参考文献:

蔡蕾.“互联网+”在基础日语课程中的探索及应用[J].科教文汇,2016(2):37-39.

韩阳阳.浅析“互联网+”背景下的外语课堂教学改革[J].湖北函授大学学报,2017(9):140-141.

刘家威. “互联网+”背景下的高等教育教学模式研究[J]. 黑龙江教育学院学报, 2017 (5) :33-35.

王金华. “互联网+”多元化日语教学模式探析[J]. 教育观察, 2017 (6) :84-85.

郑颖. “互联网+”背景下高等教育国际化外语人才培养研究[J]. 佳木斯职业学院学报, 2017 (2) :256-257.

Н. В. Терехова, Т. Е. Шишмарева
Иркутский государственный университет, Иркутск

КОМПОЗИЦИЯ КАНОНА «МЭН-ЦЗЫ» В КОММЕНТАРИИ ЧЖАО ЦИ

Аннотация. Осуществляется анализ структурно-композиционных особенностей древнекитайского канона «Мэн-цзы» «孟子» на основе полной версии комментария Чжао Ци 赵岐. Используются методология и терминология древнекитайской филологической науки сюньгусюэ 训诂学, теории лингвистики текста. Установлено, что в рамках комментария Чжао Ци восстанавливается заложенная в каноне «Мэн-цзы» когезия, когерентность его частей, также выявлены особые характеристики композиции (корреляция с нумерологией, системой конфуцианских категорий).

Ключевые слова: канон, комментарий, композиция, когезия, когерентность, параллелизмы, конфуцианские категории.

N. Terekhova, T. Shishmareva
Irkutsk State University, Irkutsk

COMPOSITION OF THE CANON “MENCIUS” IN ZHAO QI’S COMMENTARY

Abstract. The article presents an analysis of structural-compositional features of ancient Chinese Canon «Mencius» «孟子» on the basis of full version of Zhao Qi’s 赵岐 commentary. The work applies the methodology and terminology of ancient Chinese philology 训诂学, the theory of text linguistics. In the framework of Zhao Qi’s commentary the authors recover inherent in the Canon «Mencius» cohesion and coherence of its parts. Besides that, it reveals the special characteristics of the composition (correlation with numerology, a system of Confucian categories)

Keywords: Canon, commentary, composition, cohesion, coherence, parallelisms, Confucian categories.

Канон как текст с особым статусом задает горизонт культуры и реализует в себе конгломерат «культура-текст-традиция». Особенности национальной философии и лингвокультуры проявляются в его языке. Формой выражения философии, идеологии и науки является не просто естественный язык, а вся совокупность семиотических средств, которые используются в данной области знания. В число таких средств входит и особое построение текста. Если говорить о форме китайской философии, то она характеризуется устойчивостью и преемственностью, которая во многом обеспечивается за счет комментаторской традиции, обладающей довольно строгой и обширной методологией толкования

классических книг. Комментарий возник как необходимое дополнение канона, в нем эксперты-толкователи на разных этапах развития традиционного Китая стремились выявить, сохранить культурные смыслы и особенности литературной словесности.

Согласно принятой в синологии версии канон «Мэн-цзы» был создан в III в. до н. э., наиболее приближенный к нему по времени своего создания комментарий Чжао Ци (II в. н. э., Чжао Ци (108–201 гг. н. э.)) обладает для нас особой научной ценностью, так как комментарий был тесно связан с принятой идеологией, научной и языковой парадигмой, культурными реалиями; еще до своего создания он был частично готов в других канонических книгах и словарях, из которых использовались цитаты («Эрья» «尔雅» «Шо вэнь цзе цзы» «说文解字», «Шицзин» «诗经», «Шуцзин» «书经», «Лунь юй» «论语» и т. п.).

В китайской традиционной философии и культурологии есть понятие *цзин вэй* 經緯, которое дословно переводится как «основа и уток», исходный смысл словосочетания *цзин вэй* – ткацкоделательный; *цзин* 經 означает нити основы ткани, на которые накладываются, пересекая их, нити утка *вэй* 緯, сеть продольно-вертикальных *цзин* 經 и поперечно-горизонтальных *вэй* 緯 линий, означает геометрико-текстологическую упорядоченную структуру. Производство ткани (сети) в китайской культуре, как и во многих других цивилизациях, ассоциировалось с созданием письмен и текстов (ср. лат. *textus* – сплетение, ткань). В «Учении о символах и числах» *сяншучжисюэ* 象数之学 *цзин* 經 соотносится с *тянь* Небом 天 и с последовательностью нечетных («небесных») чисел, ассоциация с Небом как главенствующим началом выделила из пары *цзин вэй* первый член *цзин*. Он стал обозначением главного форманта культуросозидающей деятельности – писаного «канона» [Кобзев, 2006, с. 527–528].

Комментарий составляет устойчивую взаимосвязь с текстом канона. При этом классический текст и комментарий четко разделены между собой. Издания канона и канона, снабженного комментарием, имеют разные названия (например: 孟子 и 孟子章句). Последовательный комментарий по тексту 随文释义 согласно традиционной китайской филологической науке *сюньгусюэ* 训诂学 делится на несколько основных типов: 传, 注, 解, 解诂, 笺, 疏, 义疏, 正义, 集解, 音义, 章句 [郭伟宏, 2014, 页 22]. Начало комментаторского текста специально маркируется соответствующими иероглифами (чаще всего *чжу* 注 или *шу* 疏 «комментарий»). Комментарий следует за соответствующим фрагментом текста канона и записывается более мелким шрифтом.

Абсолютное большинство традиционных изданий, рассчитанных на образованную публику, переписывали и издавали без пунктуации,

без членения текста на составные части (главы, разделы, книги и т. п.). В Китае именно чисто иероглифический вариант воспринимался как истинный текст, разбивка должна гармонировать с сутью и с назначением текста, но не затенять и не подменять его. Различие глубинной и поверхностной структуры текста ощущается в китайской традиции сильнее, чем в европейской. Глубинная структура имманентна тексту и считается неприкосновенной, на поверхностную структуру требование аутентичности не распространялось, т. е. традиция допускала значительную свободу композиции [Югай, 2003, с. 188–189].

Чжао Ци составил к канону Мэн-цзы комментарий *чжан цзюй* 章句 «главы и выражения». Для данного метода комментирования характерны: 1) толкование смысла текста путем «разделения на главы и анализа выражений» *ли чжан си цзюй* 离章析句, где главы *чжан* 章 обозначают любые структурные элементы текста (раздел, часть, книга и т. п.), «анализ выражений» *си цзюй* 析句 предполагает лексикографический, грамматический, стилистический комментарий к выражению, синтагме текста канона; 2) подробное многослойное параллельное толкование *чуаньцзян* 串讲 – параллельное толкование по фрагментам текста, которое завершается обобщенным описанием логико-смыслового содержания всего произведения: может включать в первом слое толкование отдельных речений, а во втором толкование всей синтагмы, в которую входят данные отдельные предложения/лексемы; либо к первым двум слоям может добавляться еще и обобщающий комментарий фрагмента текста или главы и т. п.; данное параллельное толкование на разных слоях может включать грамматический, стилистический анализ и описание структурной композиции всего текста; 3) комментирование, осуществляемое с опорой на канонические книги и комментарии к ним [劳宝荣, 武建宇, 2004, 页 127–128].

Взаимосвязь канона и комментария к нему является взаимодополнительной, статус комментария определяется вторичностью (создается после канона), подчиненностью, несамостоятельностью (без канона не воспроизводится). Текст канона обладает протяженностью, формальной контактностью своих частей, которую нарушает комментарий, вставленный между разными фрагментами текста канона. В то же время комментарий путем разъяснений помогает преодолеть дискретность канона, т. е. комментарий явно и определенно структурирует и связывает канон в единое целое или восстанавливает свойственную канону целостность, которая заложена в нем, но не объективирована явно.

При первом чтении канона «Мэн-цзы» создается впечатление фрагментарности его изложения, композиционной неопределенности, содержание обозначенных в тексте разделов и входящих в их состав глав не развивается последовательно, а каждая глава представляет со-

бой законченный микротекст. Тематически данные главы также достаточно разнородны, они словно «скачут» в хаотичном порядке от одного вопроса к другому: общие рассуждения перемежаются с частными замечаниями, высказывания о политике, экономике сменяются обсуждениями проблем этики, семьи, человеческой природы, характеристик сердца-сознания, гуманности, долга и т. п. Главы могут состоять из притч, единичных или нескольких ситуативно привязанных коротких монологических высказываний, небольших диалогов.

«Мэн-цзы» довольно большой текст, включает 35 000 иероглифов. Чжао Ци выделил в тексте «Мэн-цзы» так называемые четыре внешних главы 外书四篇, отличающихся по стилю и содержанию, тем самым сократил количество книг *пянь* 篇 «Мэн-цзы» до семи. В каждой из книг *пянь* 篇 он выделил по два раздела *цзюань* 卷, всего 14 разделов, которые в свою очередь разделил на главы *чжан* 章, всего 269 глав. Собственно комментарий Чжао Ци составляет 65 000 иероглифов [赵岐].

В послесловии «Последовательность книг у Мэн-цзы» «孟子篇叙» Чжао Ци описывает текст трактата как когерентное целое, устанавливает логико-семантическую соотнесенность и смысловую взаимосвязь между книгами *пянь* 篇 канона. При объяснении данных связей Чжао Ци использовал цепную, причинно-следственную логику толкования: гуманность *жэнь* 仁 и долг-справедливость *и* 义 определяют успешное управление *чжэн* 大行其政, успешное управление зависит от знания правил этикета (древних правителей) *ли* 礼, этикет означает быть зорким, просвещенным *мин* 明, зоркость и просвещенность требуют соблюдения принципа уважения старших *сяо* 孝, основа почитания старших заключена в природе человека *син* 性, а природа человека в основе своей заключена в исчерпании сердца-сознания *синь* 尽心 (полная реализация внутренних возможностей), исчерпание сердца-сознания в свою очередь позволяет понять свой Дао-Путь 道.

Мы предполагаем, что данный способ толкования можно соотнести с известным в древнекитайской филологии сюньгусюэ 训诂学 «лестничным толкованием» *ди сюнь* 递训. *Ди сюнь* 递训 – способ, при котором значения лексических единиц толкуются в определенном порядке – каждая предыдущая единица поясняет значение последующей единицы. Такое толкование может включать в себя несколько высказываний. С каждым высказыванием у поясняемых единиц уточняется количество значений. Композиция данного отрывка, с помощью которой Чжао Ци поясняет композицию канона «Мэн-цзы», построена с использованием техники синтаксического и смыслового параллелизма. Параллелизмы контактируют между собой, «наслаиваются» друг на друга»,

формируют определенный ритм текста, его композиционную целостность, эффект штопора, благодаря которому создается смысловое напряжение. Посредством данной композиции автор указывает на взаимозависимость и взаимообусловленность всех представленных в отрывке философских категорий, и одновременно – постановочных тем книг канона. Параллелизмы также выполняют эмфатическую функцию, выделяют темы книг и их семантическую взаимосвязь.

Ниже приведем перевод отрывка данного послесловия:

Мэн-цзы считает, что Путь к процветанию совершенному правителя, коими являются только Яо и Шунь, заключается в гуманности жэнь 仁 и долге-справедливости и 义. [Данные добродетели] находятся впереди, поэтому Лян Хуэйван спрашивает о выгоде государства, с вопросов о гуманности и долга-справедливости начинается первая книга.

Если гуманность жэнь 仁 и долг-справедливость и 义 укоренились в сердце-сознании синь 心, то тогда может осуществиться великий Путь управления, поэтому в следующей книге Гунсунь Чоу 公孫丑 спрашивает об [управлении] Гуаня 管 как о блестящем примере. В качестве ответа был представлен ответ некогда смущенного (этим же вопросом) Цзэн Си 曾西. (Прим.: ответ Цзэн Си: Гуань Чжун пользовался особым доверием государя и управлял делами государства очень долго, а дела и заслуги его такие низкие. 管仲得君，如彼其专也；行乎国政，如彼其久也；功烈，如彼其卑也。 [«Мэн-цзы», 3.1.1])

Случается, что управление не успешно в вопросе восстановления старых порядков. Тэн Вэньгун 滕文公 с радостью возвращается к древности, поэтому в следующей главе ее герой, Вэньгун, представлен наследником владетельного княжеского дома. Начинается глава с разговора о добром, знающим Правила благопристойности ли 礼 сердце-сознании синь 心.

Уважать Правила благопристойности ли 礼 означает быть зорким/прозорливым, просвещенным мин 明 (в том числе знать Правила ли 礼 древних правителей). [Обычно] зоркость/прозорливость и просвещенность мин 明 не превосходят ту, которой обладает Ли Лоу 离娄, поэтому следующая книга начинается с разговора о зоркости/прозорливости и просвещенности Ли Лоу.

Тот, кто прозорлив и просвещен мин 明, его дело является прозорливым и просвещенным, однако случается, что его дела не отличаются уважением к старшим и соблюдением сыновней почтительности сяо 孝, поэтому следующая книга начинается с вопроса Вань Чжана 万章 о том, почему Шунь, отправился в поле и плакал навзрыд. (Прим.:

Шунь 舜: «Я прилагаю все свое усердие для обработки земли, чтобы только исполнить обязательства перед родителями, но они не любят меня. В чем же тут причина? 《。 。 。 》 Тот, кто обладает Великой сыновней почитательностью, тот всю жизнь испытывает влечение к родителям. Пример <... > вижу я в великом Шуне 我竭力耕田, 共为子职而已矣, 父母之不我爱, 于我何哉? 《。 。 。 》 大孝终身慕父母。 《。 。 。 》 予于大舜见之矣。 [«Мэн-цзы», 9.1.1])

Основа служения и почитания родителей и старших сяо 孝 заключена в природе человека син 性, поэтому следующая книга начинается с рассуждения Гао-цзы 告子 о природе человека.

Природа человека син 性 заключена внутри него, но главное заключено в его сердце-сознании синь 心, поэтому следующая глава посвящена вопросу «исчерпания сердца» цзиньсинь 尽心. Полная реализация сердцем-сознанием своих внутренних возможностей позволяет человеку познать Дао-Путь 道 Неба, достичь предела Дао-Пути, поэтому постижение Дао-Пути заключено в исчерпании своего сердца-сознания.

孟子以为圣王之盛, 惟有尧舜, 尧舜之道, 仁义为上, 故以梁惠王问利国, 对以仁义为首篇也。仁义根心, 然后可以大行其政, 故次之以公孙丑问管、晏之政, 答以曾西之所羞也。政莫美于反古之道, 滕文公乐反古, 故次以文公为世子, 始有从善思礼之心也。奉礼之谓明, 明莫甚于离娄, 故次之以离娄之明也。明者当明其行, 行莫大于孝, 故次以万章问舜往于田号泣也。孝道之本, 在于情性, 故次以告子论情性也。情性在内, 而主于心, 故次以尽心也。尽己之心, 与天道通, 道之极者也, 是以终于尽心也。[赵岐]

Во второй части послесловия Чжао Ци указывает размер составных частей трактата «Мэн-цзы» и символично-нумерологические значения для числовых данных. Книг пянь 篇 – семь, потому как Небо одно, источников счисления времени семь, небесная сфера вращается, Солнце, Луна и пять больших планет ци чжэнь 七政 разделены, совершенно-мудрые с их помощью описывают небесные светила, в этом заключен древний порядок. 篇所以七者, 天一七纪, 璇玑运度, 七政分离, 圣以布曜, 古法之也. Количество глав чжан 章 269 соответствует количеству дней в трех урожайных сезонах 三时 (весна, лето, осень). 章所以二百六十有九者, 三十之日数也. Три сезона составляют урожайное время, и в этом заключен порядок древних правителей.

Комментарий к книгам пянь 篇 – «толкование заглавия» цзе ти 解題 представлен в начале каждой книги и является, по сути, толкованием названий книг 篇. В названиях всех книг, кроме седьмой, используются имена талантливых правителей, учеников Мэн-цзы. В каждом коммен-

тарии к книге *пянь* 篇 Чжао Ци толковал имя человека, которым названа данная книга, а также описывал одно его качество. Данные качества совпадают с философскими категориями – темами книг, которые были представлены в «Послесловии». Одновременно данный человек выступает одним из главных героев книги *пянь* 篇. Кроме того, указанные качества Чжао Ци сравнивает с качествами или поступками героев главной книги Конфуция «Беседы и суждения» «Лунь юй», и данное сходство определяет как причину и основание для наименования конкретной книги *пянь* 篇.

Перечислим названия всех книг: Лян Хуэйван 梁惠王, Гунсунь Чоу 公孙丑, Тэн Вэньгун 滕文公, Ли Лоучжэ 离娄者, Вань Чжан 万章, Гао Цзы 告子, «Исчерпание сердца» 尽心. Очевидно, что название седьмой книги отличается от всех остальных, данная книга характеризуется наименьшей структурированностью, состоит из отдельных мыслей Мэн-цзы.

Приведем примеры комментария к книгам, синтаксическая и смысловая структура которых представляет собой параллелизмы:

Гунсунь Чоу. Тот, кого именуют Гунсунь Чоу. Его фамилия Гунсунь, его имя Чоу. Является учеником Мэн-цзы. Чоу обладает талантом в деле управления государством. Интересуется о лучших достижениях Гуаня, подобно тому, как в «Лунь юе» ученики интересуются управлением, поэтому так названа книга.

公孙丑章句上 (2-я книга) 公孙丑者, 公孙, 姓; 丑, 名。孟子弟子也。丑有政事之才, 问管晏之功, 犹《论语》子路问政, 故以题篇。[赵岐]

Вань Чжан. Тот, кого именуют Вань Чжан, фамилия Вань, имя Чжан. Является учеником Мэн-цзы. Вань Чжан интересуется сыновней почтительностью Шуня, подобно тому, как в «Лунь юе» Янь Юань интересуется гуманностью, поэтому его именем названа книга.

万章章句上 (5-я книга) 万章者, 万, 姓; 章, 名。孟子弟子也。万章问舜孝, 犹《论语》颜渊问仁, 因以题其篇也 [赵岐]

Указанные темы книг (гуманность *жэнь* 仁, долг-справедливость и 义, гуманное [успешное] правление 仁政 (данный термин Мэн-цзы можно считать продолжением концепции Конфуция «управления, основанного на добродетели *дэ* 德), правила благопристойности *ли* 礼, просвещенность *мин* 明 (можно соотнести с разумностью *чжи* 智), сыновняя почтительность *сяо* 孝 (является составной частью *ли* 礼), природа человека *син* 性, сердце-сознание *синь* 心, Дао-путь 道) – это ключевые конфуцианские категории, из которых природа человека *син* 性, сердце-сознание *синь* 心 были разработаны Мэн-цзы. Неслучайно

данные две категории завершают причинно-следственную цепочку смысловых связей между книгами, представляя тем самым новые звенья в конфуцианской концепции.

О взаимосвязи данных категорий говорит и сам Мэн-цзы: «Сочувствующее и сострадающее сердце синь 心 – начало гуманности жэнь 仁, стыдящееся [за себя] и негодующее [на другого] сердце – начало должной справедливости и 义, отказывающее [себе] и уступающее [другому] сердце – начало благопристойности ли 礼, утверждающее и отрицающее сердце – начало разумности чжи 智. Человеку принадлежат эти четыре начала, так же как ему принадлежат четыре конечности сы ти» 四体» 惻隱之心，仁之端也；羞惡之心，義之端也；辭讓之心，禮之端也；是非之心，智之端也。人之有是四端也，猶其有四體也。 [«Мэн-цзы», 3.1.6]. Гуманность, должная справедливость, благопристойность и разумность не извне внедрены в меня, они мне исконно гу [от природы 性] присущи [«Мэн-цзы», 11.1.6] 仁義禮智，非由外鑄我也，我固有之也. «Исчерпание своего сердца» 尽心 равнозначно познанию собственной «природы» 性 и, таким образом, Неба тянь 天 [«Мэн-цзы», 13.1.1].

Концепция «четырёх начал» сы дэ 四端 (позже конфуцианский философ Дун Чжун-шу 董仲舒 (179–104 до н. э.) преобразовал ее в у чан 五常 «пять постоянств») является понятийной интерпретацией нумеролого-методологического и онтолого-космологического термина китайской философии «четыре символа» сы сян 四象. Графически сы сян изображаются в виде всех четырех возможных сочетаний двух черт – прерванной и целой, представляющих силы инь-ян 陰陽, которые образуют 64 основные ситуации (гексаграммы – гуа 卦) в структуре постоянно и циклически изменяющегося мира [Кобзев, 2003, с. 403].

Анализ композиции канона «Мэн-цзы» в комментарии Чжао Ци дает основание полагать, что китайский комментарий обладает высоким уровнем осмысленности текстовой структуры канона, Чжао Ци выявляет и ясно объективирует целостность, когезию, когерентность составных частей канонического текста. Свою интерпретацию он соотносит с главным конфуцианским каноном «Лунь юй», реализуя тем самым принципы историзации и интертекстуальности. Кроме того, по нашему мнению, в качестве особых характеристик структурирования конфуцианского канона следует рассматривать: 1) очевидную корреляцию с нумерологией; 2) использование в описании композиции канона метода толкования традиционной китайской филологической науки сюньгусюэ 訓詁學 – ди сюнь 遞訓, параллелизм; 3) соотнесенность с системой конфуцианских категорий в порядке исторического развития концепции данной философской школы.

Литература

Кобзев А. И. Цзин-вэй 經緯 // Духовная культура Китая : энцикл. М., 2006а. Т. 1. С. 527–528.

Кобзев А. И. Сы сянь 四象 // Духовная культура Китая : энцикл. М., 2006б. Т. 1. С. 403.

Югай В. Б. Ритмика текста «Чжун юн чжан-цзюй» // Конфуцианский трактат «Чжун юн»: переводы и исследования. М., 2003. С. 186–209.

郭伟宏 赵岐 “孟子章句”研究。扬州.: 广陵书社, 2014. 168 页。

劳宝荣, 武建宇 训诂学。北京.: 语文出版社, 2004. 253 页。

名家集注孟子 (战国) 孟轲著, (东汉) 赵岐, (宋) 朱熹等注。- 北京: 印刷工业出版社, 2011. 497 页。

赵岐注 (汉) 孟子《四部丛刊初编》<http://ctext.org/mengzi/ens>.

И. И. Тимошенко, Т. В. Федорова
Иркутский государственный университет, Иркутск

РЕАЛИЗАЦИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КНР В РАМКАХ КИТАЙСКО-ПАКИСТАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация. Анализируется применение «мягкой силы» в качестве компонента внешней политики Китая в рамках сотрудничества с Пакистаном. Рассматривается становление концепции «мягкой силы» в научно-исследовательской мысли. Проводится исследование основных направлений деятельности «мягкой силы» КНР. Представлены выводы об эффективности использования китайской «мягкой силы» в отношении Пакистана. Затронут религиозный аспект «мягкой силы» как инструмента межконфессионального диалога.

Ключевые слова: «мягкая сила», Китай, внешняя политика, Пакистан, КПК.

I. Timoshenko, T. Fedorova
Irkutsk State University, Irkutsk

THE IMPLEMENTATION OF PRC'S SOFT POWER IN THE SCOPE OF CHINA-PAKISTAN COOPERATION

Abstract. This article analyzes using of «soft power» as one of the components of Chinese foreign policy in the scope of cooperation with Pakistan. The examines the development of «soft power» in a research context. This work studies the main directions of Chinese «soft power» activity. The final part of the article is devoted to conclusions about effectiveness of application PRC's «soft power» in regard to Pakistan. The article touches upon the religious aspect of «soft power» as a tool of interfaith dialogue.

Keywords: «soft power», China, foreign policy, Pakistan, СПЕС.

Категория силы является одной из древнейших. Военная мощь служит одним из основных показателей авторитета и значимости страны на мировой арене. Однако современные тенденции многополярного мира демонстрируют смещение акцентов использования «жестких» механизмов в сторону применения инструментов «мягкой силы». Выбор «мягкой» модели относительно «жесткой» говорит о том, что все больше стран хотят обладать именно «мягкой силой». Об этом свидетельствует количество стран-брендов.

Переосмысление подхода к силе только с точки зрения военной мощи в дискурсе международных отношений произошло в 1990–2000 гг. В 1990 г. новую парадигму силы предложил американский политолог, профессор Гарвардского института Джозеф Най. В своей книге «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской мощи» Най занимался исследованием роли невоенных инструментов, способных оказывать давление в целях решения геополитических задач. Одним из таких инструментов является «мягкая сила», которая соотносится с военным и экономическим потенциалом. Согласно теории Дж. Ная, «мягкая сила» – это способность убедить других хотеть результатов, которые вы желали бы получить [Nye, 1990, p. 5].

Идея непрямого влияния на политику государства не является новой. Первые упоминания о «мягкой силе» (жуань шили) можно обнаружить в философских трактатах древнекитайских мыслителей. В частности, древнекитайский философ Лао-Цзы, живший в VII в. до н. э., в своем учении размышлял об идеальной власти без применения насилия или давления. Также в трактате Сюнь Дзы под названием «Искусство войны» содержатся стратегемы (военные хитрости), в которых говорится об использовании мягких компонентов силы. Например, «используй мягкие средства, чтобы побороть силу», «избегай сильных сторон противника, используй его слабости» [Бобыло, 2013, с. 131].

Немаловажно упомянуть влияние Антонио Грамши – итальянского философа, разработавшего в 1930-е гг. концепцию «молекулярной агрессии» и «культурно идеологической гегемонии» [Агеева, 2016, с. 37]. По признанию самого Дж. Ная идеи Грамши оказали большое влияние на разработку концепции «мягкой силы».

Во второй половине XX в. теоретическая трансформация категории «сила» в международных отношениях прослеживалась в работах: *Two Faces of Power* (1962) Мортон Баратца и Питера Бахраха, *Power A Radical View* (1974) Стивена Льюкса и *Three Faces of Power* (1989) Кеннета Боулдинга [Агеева, 2016, с. 38]. В этих трудах впервые были высказаны новые идеи о различных проявлениях силы, которые могут использовать международные акторы.

Возрастающая популярность в научных кругах «мягкой силы» определила ее дальнейшее включение в стратегии внешней политики ряда стран. Международные акторы по-своему формируют контент «мягкой силы». Так, Китай стремится адаптировать, синтезировать и улучшать различные концепции США, в том числе и «мягкой силы». На сегодняшний день основой «мягкой силы» КНР признана традиционная культура страны. Это главное отличие от американской модели. Продвижением китайской культуры и языка занимается сеть международных институтов Конфуция, которая насчитывает 465 учреждений по

всему миру, 95 из них действует в Азии. Данная сеть имеет огромный потенциал в качестве образовательного канала китайской «мягкой силы» [Тимошенко, Федорова, 2017, с. 156]. Базисом современного подхода КНР к внешней культурной политике выступают разработки Ху Цзиньтао и «теория гармоничного мира», согласно которой цель Китая – это достижение политического равновесия, а также снижение страха среди мирового сообщества возвышением страны на международной арене [Михневич, 2016, с. 101].

Китай активно использует свою «мягкую силу» в рамках партнерства с Пакистаном. Благодаря выгодному геостратегическому положению Пакистан стал одним из ключевых союзников Китая в Южной Азии. История китайско-пакистанского сотрудничества началась с установления дипломатических отношений в 1951 г. Эта двусторонняя кооперация отражается в политических, экономических, военных, культурных и образовательных областях. В рамках китайской инициативы «Один пояс – один путь» был создан китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК), который играет важную роль для интеграционных отношений обеих сторон. КНР высоко оценивает кооперацию с Пакистаном и рассматривает ее в рамках «всепогодного партнерства».

Активное использование «мягкой силы» в целях установления сотрудничества с Пакистаном расширяет китайскую внешнеполитическую стратегию в южноазиатском регионе. Во-первых, такая политика позволяет Пекину укреплять свои позиции в регионе. Это видно на фоне озабоченности ростом роли Китая как лидирующей силы и анонсом в 2011 г. стратегии «перебалансировки» в контексте азиатского направления политики США. Во-вторых, партнерские отношения Пекина и Исламабада решают сразу несколько стратегических задач. Китай способствует модернизации инфраструктуры Пакистана. К таким проектам можно отнести строительство в близости Персидского залива порта Гвадар. КНР вложила в строительство не менее 200 млн долл., обеспечив 75 % общего финансирования [Денисов, 2015]. Данный стратегический объект позволяет осуществлять наблюдение за навигацией транспортных и военно-морских судов в Персидском заливе. Помимо этого, Гвадар, находящийся в юрисдикции Китая, служит базой ВМФ и в случае необходимости способен быть фактором «мягкого» давления на Индию, а также ограничивает влияние США на Пакистан.

На сегодняшний день практически для всего Азиатско-Тихоокеанского региона применение во внешнеполитических отношениях «жесткой силы» не является основополагающим, при условии того, что стабильности и суверенитету государства нет потенциальной угрозы. Поэтому концепт «мягкой силы» КНР реализует во внешней политике, в том числе и посредством межконфессиональных отноше-

ний, к которым можно отнести напрямую и так называемую «буддийскую дипломатию». В историческом контексте формирование буддизма как ресурса мягкой силы служит в качестве долговременного мирного способа урегулирования спорных вопросов мировой политики. «В последние годы буддизм становится не только все более популярной религией в разных уголках мира, но и объектом углубленного внимания со стороны государственных органов стран, на чьей территории это учение имеет распространение. Во внешнеполитической деятельности КНР немаловажной является так называемая буддийская дипломатия – использование потенциала буддизма для реализации политических, экономических и иных интересов государства» [Китинов, 2015]. Но, к сожалению, использование политики буддистской дипломатии не универсально и не эффективно в таких государствах, где основополагающей религиозной конфессией является ислам. Но сам по себе ислам не несет угрозы стабильности развития государства, важным аспектом является то, каким образом его преломляют под свои идеалы различные группировки экстремистского толка. И в этом плане Исламская республика Пакистан начиная со второй половины XX в. стала для КНР плацдармом сдерживания и нераспространения радикального ислама в глубь страны, хотя некоторые регионы Китая все же испытывают влияние радикального ислама. Межконфессиональный диалог в современных реалиях предполагает политику нейтралитета, а подчас и вовсе невмешательства в конкретные политические вопросы сопредельных государств, но все же межконфессиональное проникновение и обогащение возможно посредством культурного обогащения языка, литературы, кинематографии, средств массовой информации.

Современные исследователи концепта «мягкой силы» во взаимосвязи с межконфессиональным аспектом, такие как А. Э. Джанаева, В. Я. Нежданов, Т. И. Понька, Чжао Цзелинь, Л. Е. Янгутов и др., справедливо утверждают, что религия занимает значимое место, прежде всего, как тот вид публичной дипломатии, благодаря которому расширяется взаимодействие со многими народами из разных стран [Понька, Джанаева, Цзелинь, 2017, с. 297]. Конфессиональная идентичность связана с «мягкой силой» посредством ценностей, как механизм действия государства заключается в трансляции собственных ценностей другим участникам международных отношений. Такая трансляция может осуществляться различными способами. Один из способов заключается в их пропаганде с помощью средств массовой информации и дипломатии; другой известен как «культурный империализм». Так называется практика продвижения и искусственного привнесения культуры одного государства в другое [Кочетков, Грачиков, 2014, с. 44].

Образование играет немаловажный фактор в китайско-пакистанских отношениях. Пекин заинтересован в распространении своей культуры и языка за счет «мягкой силы». Ежегодно китайское правительство выделяет 10 тыс. правительственных стипендий для иностранных студентов. Большая часть этих пособий приходится на выходцев из стран экономического пояса современного Шелкового пути. Пакистанская сторона в лице Китая обрела партнера с высоким качеством образования. Более того, оно является доступным для граждан Пакистана. Здесь ведущую роль играют факторы стоимости обучения и отсутствие необходимости получения визы как, например, в США или Европе. Численность пакистанской студенческой молодежи, обучающейся в Китае, растет. В 2017 г. количество студентов составило 19 тыс. человек [Серенко, 2017]. В сравнении с 2016 г. это число выросло примерно на 3,5 тыс. человек. Помимо этого, в Пакистане наблюдается новый тренд изучения китайского языка еще в школах. Свыше 200 школ Пакистана занимаются углубленным изучением китайского языка. Исламабадский университет современных языков осуществляет реализацию двухгодичных курсов китайского языка, которые позволяют выпускникам работать в качестве переводчиков на объектах китайско-пакистанского экономического коридора.

Таким образом, Китай видит в Пакистане важного стратегического партнера. Для КНР регион Центральной и Южной Азии является значимым. Пакистан благодаря своему выгодному положению выступает важным актором во внешней политике Китая. Опираясь на потенциал «мягкой силы», Китай углубляет свое сотрудничество с Пакистаном. Оно осуществляется в рамках развития и модернизации китайско-пакистанского экономического коридора, а также с помощью студенческих и культурных программ по обмену и изучению китайского языка. Данный тип кооперации является взаимовыгодным для обеих сторон. Во-первых, благодаря развитию КППЭК Пакистан активно проводит модернизацию в стране. В то же время Китай получает взамен объекты военно-стратегической важности в свое пользование, к примеру порт Гвадар. Во-вторых, за счет стратегии культурного проникновения КНР популяризирует китайский язык, развивает межконфессиональные отношения, а Пакистан имеет возможность предоставить своему населению доступное образование высокого стандарта.

Литература

Агеева В. Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации : дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. СПб., 2016. 279 с.

Бобыло А. М. «Мягкая сила» в международной политике: особенности национальных стратегий // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Сер. Политика и полит. науки. 2013. С. 129–135.

Денисов. И. Главней всего погода в доме. Почему именно в Пакистане Китай построил самый крупный посольский комплекс [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/02/19/chinapaki/>.

Китинов Б. У. Буддийская культура: от возможностей «мягкой силы» до потенциала Лумбини // Азия и Африка сегодня. 2015. № 7. С. 53–57.

Кочетков В. В., Грачиков Е. Н. Идентичность как источник «мягкой силы» Китая // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Междунар. отношения и мировая политика. 2014. № 3. С. 40–62.

Михневич С. В. Конкуренция и сотрудничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Вестн. междунар. организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11, № 1. С. 92–125.

Понька Т. И., Джанаева А. Э., Чжао Цзелинь. Буддизм как ресурс «мягкой силы» Китая // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Междунар. отношения. 2017. Т. 17, № 2. С. 290–300.

Серенко И. Н. Китай – Пакистан: «мягкая сила» экономического пояса современного Шелкового пути [Электронный ресурс]. URL: <https://va.ivran.ru/articles?artid=7069/>.

Тимошенко И. И., Федорова Т. В. Стратегия «мягкой силы» в политике Азиатско-Тихоокеанского региона на современном этапе // Концепт : науч.-метод. электрон. журн. 2017. Т. 37. С. 156-159.

Nye J. (Jr.) Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York : Basic Books, 1990. 336 p.

Н. Ю. Тразанова

Иркутский государственный университет, Иркутск

ДИАЛЕКТИКА ОБЫДЕННОГО И САКРАЛЬНОГО В ЧАШКЕ ЧАЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения паремий японского языка как фрагмента ценностного кода японской лингвокультуры с точки зрения диалектики. Языковым материалом послужили устойчивые сочетания японского языка о чае. В результате исследования выявляются группы паремий, в которых демонстрируется аксиологическое отношение к объекту исследования на основании противоположных точек шкалы оценивания – обыденного и сакрального.

Ключевые слова: диалектика, обыденное, сакральное, ценностный код лингвокультуры, паремии.

N. Trazanova

Irkutsk State University, Irkutsk

DIALECTICS OF ORDINARY AND SACRAL IN A CUP OF TEA (ON THE DATA OF JAPANESE PROVERBS)

Abstract. This article is devoted to the problem of considering the Japanese proverbs as a fragment of axiological code of linguoculture from dialectical point of view. The proverbs about tea were chosen as the object of study. As the result of study proverbs are divided into the groups, that demonstrate an axiological attitude to the object of study on the basis of opposite points of grading scale – ordinary and sacral.

Keywords: dialectics, ordinary, sacral, axiological code of linguoculture, proverbs.

Бытие человека состоит из невероятного переплетения обыденного и сакрального: с одной стороны, каждый день состоит из повседневных, рутинных, повторяющихся мелочей, с другой стороны, из тех же самых мелочей выстраивается нечто большое, значительное, ведущее к поставленной цели. Вектор направленности к мечтам, устремлениям, идеалам основывается на человеческих ценностях, которые, в свою очередь, также амбивалентны в противопоставлении материального и духовного, хорошего и плохого, ценностей и антиценностей.

По данным философского словаря диалектика трактуется как «философская теория, утверждающая внутреннюю противоречивость всего существующего и мыслимого и считающая эту противоречивость основным или даже единственным источником всякого движения и развития» [ФЭС, 2006, с. 232].

Данное определение наводит на размышления о сопоставлении диалектики с идеей о дуальности мира в китайской натурфилософии, которая воплощается в представлении о взаимодействии двух противоположных начал – *инь* и *ян*, светлого и тёмного, небесного и земного, мужского и женского. Этимологически данная идея восходит к идеограммам, обозначающим тень (инь) и солнечную (ян) стороны холма. Сосуществование и взаимовлияние двух энергий *инь* и *ян* формируют представление о космо- и онтогенезе, сущности и происхождении вещей и их связи с природой человека [ФЭС, 2006, с. 331].

Природа ценностного кода лингвокультуры, отображающего проявление человеческих ценностей в культуре и языке, также диалектична.

Исследование ценностного кода японской лингвокультуры неизбежно приводит к постановке вопроса о своеобразной парадоксальной сочетаемости повседневного, обыденного и прекрасного, возвышенного. Рассмотрим данную проблему на примере паремий японского языка о чае.

Выбор языкового материала обусловлен тем, что чай является неизменным компонентом трапезы в повседневной жизни японцев, а также символом японского гостеприимства *おもてなし омотэнаси*. Вместе с тем культура проведения чайной церемонии *茶道 судо*., или чайного действия *茶事 тядзи*, олицетворяет микрокосм ценностей японской лингвокультуры, взгляд на бытие, само мировоззрение японцев.

Исследователь чайной церемонии Окакура Какудзо в своей книге *The Book of Tea* упоминает о том, что в XV в. чайная церемония была возведена в ранг религии эстетизма, которой было дано название тиизма (от англ. *Teaism*). Культ тиизма представляет собой почитание и преклонение перед прекрасным среди обыденных мелочей повседневной жизни [Okakura, 1991, с. 29].

Приступая к анализу языкового материала, следует начать с того, что среди устойчивых сочетаний японского языка существует выраже-

ние 日常茶飯事 *нитидзё сахандзи* «повседневная еда», которое также истолковывается как «обычное заурядное явление». В самом устойчивом сочетании содержится знак 茶 *тя* «чай» наряду со знаком 飯 *хан* «рис, еда», что является очевидным и несомненным подтверждением постоянства данных компонентов в ежедневном рационе и в жизни японцев. Подтекстовое значение выражения свидетельствует о том, что знак 茶 *тя* «чай», равно как и 飯 *хан* «рис, еда», выступает в качестве знака-символа обыденности, заурядности, повторяемости.

В словаре пословиц о традиционной японской кухне 和食ことわざ辞典 *Васёку котовадза дзитэн* приводится ряд полезных свойств, которые приписываются чайному напитку [Нагаяма, 2014, с. 155]:

- 1) чай предотвращает переедание;
- 2) является противоядием;
- 3) обладает освежающим воздействием;
- 4) эффективное лекарственное средство, предупреждающее болезни зубов;
- 5) выступает как лекарство против повседневного недомогания;
- 6) помогает от простуды, улучшает работу головного мозга; естественное средство для достижения долголетия.

Обратимся к пословицам о лечебном воздействии чая:

1. お茶好きは老けない *Отядзуки ва фукэнай* «Кто любит чай, тот не стареет».

2. お茶は目覚まし草 *Отя ва мэдзамаси гуса* «Чай – это трава, помогающая проснуться». Изначально чай использовался монахами во время духовных практик для того, чтобы сохранять бодрость, преодолеть сонное состояние и усталость.

3. 朝茶に別れるな *Асатя ни вакарэруна* «С утренним чаем не расставайся».

4. 朝茶はその日の祈祷 *Асатя ва соно хи но кито*: «Утренний чай подобен молитве перед началом дня». Помимо лечебных свойств, утренний чай наделяется сакральными качествами, оказываясь своеобразным оберегом, залогом удачи грядущего дня.

5. 朝茶は七里帰っても飲め *Асатя ва ситири каэттэ мо номэ* «Вернувшись домой, выпей утреннего чая». В пояснении к данному устойчивому выражению указывается на то, что, если человек, отправляясь в дорогу, забыл выпить чаю, ему следует сделать это, вернувшись домой, для того, чтобы уберечься от неудач.

6. 食後のお茶は仙薬 *Сёкуго но отя ва сэнъяку* «Чай после еды – эликсир жизни (чудодейственное лекарство)».

Судя по примерам 3–5, любопытным является то, что подразумеваются не столько тонизирующие свойства чая, которые помогают че-

ловеку проснуться утром и обрести заряд бодрости, сколько свойства ритуального, сакрального характера. То есть считалось, что выпитый утром чай оберегает от несчастий и неудач в течение дня.

Кроме того, в японской лингвокультуре бытует выражение, которое, помимо целебного для тела и души воздействия, приписывает чаю функцию наделять высокими моральными качествами того, кто его употребляет: 茶の十徳 *Тя но дзю:току* «Десять добродетелей, которые достигаются благодаря чаю».

Среди добродетелей, которые дарует чайный напиток, перечисляются: 「諸天加護」 *сётэнкаго* «покровительство богов», 「無病息災」 *мубё:сокусай* «крепкое здоровье», 「父母孝養」 *фубоко:ё:* «исполнение сыновнего долга», 「朋友和合」 *хо:ю:ваго:* «гармоничные отношения с друзьями», 「悪魔降伏」 *акумако:фуку* «защита от злых духов», 「正心修身」 *сэйсинсю:син* «соблюдение моральных и этических норм», 「睡眠自除」 *суйминдзидзи* «здоровый сон», 「煩惱消滅」 *бонно:сё:мэцу* «избавление от плотских страстей», 「五臓調和」 *го:дзо:тё:ва* «гармоничное функционирование пяти внутренних органов (лёгкие, сердце, почки, печень, селезёнка)», 「臨終不乱」 *рин:дзю:фуран* «благополучный уход из жизни».

Вышеприведённые примеры устойчивых сочетаний о чае позволяют заметить, как обыденный аспект бытия в повседневном употреблении чая ради тонизирующего, бодрящего эффекта и пользы для здоровья, так и сакральный аспект, выявляющий свойства чая как оберега от неудач.

Другая группа паремий указывает на ещё один аспект обыденного в употреблении чая, связанный с отдыхом, досугом, приятным времяпровождением за лёгкой беседой. Примерами тому могут послужить следующие устойчивые выражения:

1. お茶にする *отя ни суру* «выпить чайку». 1. Немного отдохнуть. Сделать перерыв на чай. 2. Подшутить над собеседником либо слукавить, схитрить, отвертеться, вывернуться.

2. 猫もお茶を飲む *Нэко мо отя о ному* «Даже кошка пьёт чай». Имеется в виду «отдыхать, делать перерыв».

3. 茶飲み伽 *тяномитоги* «хорошая компания» (досл. «приятели по чаепитию»).

4. 茶々来る *тятякуру* «тайно встречаться» (о мужчине и женщине, которые встречаются тайком).

5. 茶々を入れる *тя тя о ирэру* 1. «Мешать, препятствовать». 2. «Добавлять в разговор шутки», «поддразнивать, подшучивать».

Вместе с тем в паремиологическом фонде японского языка обнаруживается ряд единиц, в которых заложено ироничное значение,

трансформируя ценностное начало в представлении о чае и чайном действе в антиценностное или абсурдное:

1. 茶の湯は貧の真似 *Тя но ю ва хин но манэ* «Чайная церемония – действо для бедных». Одним из основных принципов чайного действа является 侘び *ваби* «простота, скромность», которая в глазах несведущего обывателя может показаться бедностью, скудностью.

2. 薄酒も茶よりは勝り *Хакусю мо тя ёри ва масари* «Лучше слабое сакэ, чем чай». Подразумевается предпочтение алкогольных напитков чаю, что также, вероятно, может быть свидетельством переоценки ценностей в настоящее время.

3. 臍(へそ)が茶を沸かす *Хэсо га тя о вакасу* «Кипятить чай пупком». Имеется в виду «говорить или делать нечто странное, смешное, глупое».

4. 鬼も十八、番茶も出花 *Они мо дзю:хати, бантя мо дэбана* «Даже чёрт бывает молод, даже чай низкого сорта бывает хорош». Даже невзрачная девушка в пору юности – хороша, даже чай низкого сорта ароматен, если он только заварен.

Кроме того, следует также отметить ряд паремий, которые формулируются в форме предостережений либо народных примет:

1. 茶碗を箸で叩くと貧乏神が来る *Тяван о хаси дэ татаку то бимбо:гами га куру* «Если стучать палочками о (чайную) чашку, придёт бог бедности». Бог бедности обычно голоден, поэтому ему нельзя сообщать о том, где есть еда и питьё.

2. 宵越しの茶は飲むな *Ёй госи но тя ва номуна* «Не пей чай, оставленный со вчерашнего дня».

3. お茶の子煎ると心がわかる *Отя но ко иру то кокоро га вакару* «По способу приготовления сладостей к чаю можно узнать человека».

Итак, в результате рассмотрения и анализа фрагмента паремиологического фонда японского языка, содержащего паремии о чае, были выявлены группы паремий о целебном воздействии чая, об отдыхе и приятном времяпровождении, паремии об ироничном отношении к чаю и чайной церемонии, а также паремии-приметы и предостережения. Кроме того, в данных группах паремий прослеживается качество диалектичности, сосуществование сакрального и обыденного, порой граничащего с ироничным, смешным, абсурдным, некое динамичное противостояние ценностей и антиценностей, отражающее гибкое и непостоянное диалектичное бытие человека.

Литература

Философия : энцикл. словарь / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарики, 2006. С. 232, 331.

Okakura K. The Book of Tea. Tokyo : Kodansha International, 1991. P. 29.

永山久夫 和食ことわざ辞典 [テキスト] – 東京: 堂出版, 2014. P. 154–161.

お茶百貨 [Electronic resource]. URL: <http://ocha.tv/words/>.

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА КОМИКСА В КОНТЕКСТЕ СЕМИОТИКИ

Аннотация. Дается описание основных средств и принципов, используемых создателями комиксов, в контексте языкознания и семиотики. Делается попытка описания комикса как единой семиотической системы.

Ключевые слова: комиксы, языкознание, семиотика, семиотическая система, выразительные средства.

A. Trapeznikov

Irkutsk State University, Irkutsk

EXPRESSIVE MEANS ON THE COMICS FROM THE PERSPECTIVE OF SEMIOTICS

Abstract. The purpose of this article is to describe the basic concepts and approaches used by the comics authors in light of semiology and linguistics. The article also describes comics as the cohesive semiotic system.

Keywords: comics; linguistics; semiotic; semiotic system; expressive means.

Как массовое культурное явление комиксы появились в конце XIX – начале XX в., сразу же зарекомендовав себя как невероятно самобытный и оригинальный вид искусства. Начавшие свой путь с небольших перебивок между статьями в газетах, носивших юмористический характер, комиксы в течение XX в. переросли в многомиллионную индустрию со своими звездами, правилами и, конечно же, фанатами. Количество их любителей на 2016 г., по данным портала graphicpolicy.com, составляет 44 млн человек в европейском сегменте рынка и 36 млн человек в североамериканском сегменте рынка. Глобализация, охватывающая все большие культурные пространства [Макеева, 2010], сделала комикс всемирно популярным форматом. Одной из главных причин такой популярности можно назвать повальное увлечение фильмами по мотивам популярных комиксов издательств Marvel и DC. В 2016 г. самым успешным в финансовом плане фильмом стал «Первый Мститель: Противостояние» («Captain America: Civil War»), собравший 1 153 304 495 долл. при бюджете в 250 млн долл.

Популярность комикса делает его эффективным средством формирования ценностных ориентаций и, как следствие, объектом исследования, поскольку рефлексия о ценностях современного общества привлекает пристальное внимание современных ученых [Серебренникова, 2011]. Кроме того, благодаря заметному влиянию комикс-индустрии на мировую культуру появились множество исследований, направленных на понимание и анализ формы и правил построения комиксов. Одним из самых известных авторов в данном направлении считается Скот Макклауд, автор книг «Понимание комикса» и «Создание комикса» [McCloud, 1993]. Данные работы положили начало целому

разделу в искусствоведении, называемому Comics studies (которое также называют sequential art studies). Стоит отметить, что изучение комиксов берет свое начало не только в искусствоведении, но и в лингвистике: идеи Макклауда и его коллег уходят корнями в посвященные семиотике труды Ролана Барта и Умберто Эко. Такие исследователи, как Нил Коэн, опираются на когнитивистику и когнитивную лингвистику при изучении данного вопроса.

В России изучение теории комиксов не представляет отдельной отрасли в науке. Существующие немногочисленные попытки анализа и исследования комиксов являются плодами трудов энтузиастов комиксообщества и не получают широкой огласки. Среди таких исследователей комикса в России – Мария Евдокимова, Михаил Хачатуров, Михаил Заславский.

Семиотика, или семиология, – наука, исследующая свойства знаков и знаковых систем. Согласно Ю. М. Лотману, под семиотикой следует понимать науку о коммуникативных системах и знаках, используемых в процессе общения. Семиотика состоит из трех основных областей: синтактики (или синтаксиса), семантики и прагматики. Синтактика изучает отношения между знаками и их составляющими, семантика изучает отношение между означающим и означаемым, прагматика, в свою очередь, изучает отношение между знаком и его пользователями.

Основоположниками семиотики являются американский философ и логик Чарльз Сандерс Пирс и швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр [Saussure, 1959]. Обычно считается, что именно Пирсу приписывается авторство термина «семиотика», хотя в действительности термин был изобретен философом Джоном Локком в эссе «Опыт о человеческом разумении». Соссюр же дал новой науке название «семиология», ставшее распространенным в теоретической лингвистике.

Со времен оформления теории комикса в отдельную дисциплину ведутся непрекращающиеся споры по поводу того, чье же определение может четко обозначить сущность комикса. Например, Скотт МакКлауд предлагает краткое определение «последовательные изображения» и более полное – «смежные рисунки и другие изображения в смысловой последовательности», Жорж Садуль, историк и критик кино, определяет комиксы как «рассказы в картинках». Еще с начала XX в. комиксы не только стали частью так называемого последовательного искусства, наряду с кинематографом и анимацией, но и активно пересекались с ними. «Раскадровки», которые используются в производстве и съемке фильмов, также исследуемых с точки зрения семиотики [Кинодиалог. ..., 2014; Карачева, 2017], являются своего рода комиксами. Исходя из положений, сделанных в работах Скотта МакКлауда, можно сделать уточнение, что комиксы – это моносенсорная, воспринимаемая

одним органом чувств форма искусства, которая совмещает в себе правила создания литературы и живописи, существует в формате, ограниченном страницей, и действует по принципу покадрового изложения событий. Несмотря на то что комиксы очень тесно соприкасаются с изобразительным искусством и литературой, не будет абсолютно верно давать определение этому жанру через смежные понятия. Как бы ни казались близки эти виды искусства, комикс все же выступает в отдельной категории со своими правилами, приемами и традициями, которые выделились уже самостоятельно, хотя и под влиянием традиционных видов искусства. Также можно поставить вопрос о том, являются ли вообще комиксы искусством, так как по мнению большинства они нацелены в основном на подростковую аудиторию, т. е. по определению такое явление не может быть искусством, а уже тем более «серьезным». Визуализация как основной прием также сближает комиксы с другими коммерческими жанрами, направленными на привлечение внимания аудитории с целью получения прибыли, такими же свойствами обладает, например, реклама [Кузнецова, 2014].

Так как комикс использует преимущественно визуальный способ передачи информации, он обладает очень богатым набором выразительных средств. Буквально вся его структура может быть использована, чтобы передать идею автора. Например, цветовая палитра изображения, расположение панелей и фреймов (кадров-картинок, которые находятся в панели) очень сильно влияют на понимание комикса, линии словесных пузырей (в них находятся реплики персонажей), тип шрифта, которым написаны реплики, и шрифт звуковых эффектов обычно передают настроение и характер звука, задуманный автором.

Первое, на что стоит обратить внимание, – это кадр комикса (он же панель). По существу – это основа комикса, его базовая характеристика как формата передачи информации. Этот компонент настолько выделяется, что с первого взгляда наблюдатель может сказать, что произведение является комиксом только по наличию кадров. Кадр накладывает определенные ограничения на отображение сцены и на то, как будет выглядеть страница в целом. Изначально в газетных стрипах комикс состоял из четырех панелей, следуя схеме «завязка, развитие, шутка» из-за своей юмористической природы. Количество кадров может быть и меньше: так, например, комиксы о коте Гарфилде состояли из трех кадров, а комикс о персонаже Деннис-Мучитель всего из одного. Естественно, чем больше панелей на странице, тем плавнее будет действие, которое наблюдает читатель. Так, Алан Мур, автор графических романов «Хранители» и «В – значит Вендетта», изобрел формат девятипанельной страницы, придав комиксу необычную для того времени плавность и целостность. Как было сказано выше, панель ограни-

чивает сцену в комиксах и служит как ограничением, так и способом придать сцене дополнительный смысл. Во многих комиксах, ориентированных на экшен, стало обычным “проламывать” персонажами панели, показывать движения героев не просто как последовательные кадры, но и как выходящие за рамки панели, ломающие ее границы, показывающие силу и напор. Панель сложно назвать знаком как таковым, но можно сказать, что она очерчивает границы, делая ее стоп-сигналом, подчиняющим себе все остальные элементы, расположенные в ней. Тот факт, что художники часто нарушают этот «стоп-сигнал», еще раз говорит о том, что семиотические знаки в комиксе часто подвержены форме комикса и смыслу, который сознательно или бессознательно вкладывает в него автор.

Следующий элемент, прочно ассоциирующийся с комиксом, – речевой пузырь. Это то средство, которое объединяет речь и изображение, попутно внося в него дополнительный смысл. Обычный речевой пузырь выглядит как овал с местом, в который вписывается речь персонажа. Частью речевого пузыря является «пойнтер» – фигура треугольной формы, которая указывает на говорящего. В зависимости от характера речи персонажа меняется форма речевого пузыря. Например, при передаче обычной речи фигура речевого пузыря будет ровной со строго очерченными рамками. Когда персонаж повышает голос, то форма пузыря становится рваной, зазубренной, что передает резкий характер речи говорящего (часто это дополняется крупным шрифтом, придающим дополнительный размер этому элементу). Размышления персонажей передаются в виде «облака» – речевого пузыря с волнистыми краями. Шепот выделяется пунктиром, причем иногда задний фон речевого пузыря может сливаться с панелью. Речевой пузырь, как и панель, – универсальный элемент комикса, с которым художники постоянно экспериментируют. Часто, особенно в комиксах 30-х гг., в речевой пузырь вставляется не текст, а некий знак, который передает содержание речи, например череп со скрещенными костями, горящая лампочка, восклицательный и вопросительный знак и т. п. Речевой пузырь можно назвать знаком-символом, так как он своей формой передает мысль, которую вкладывает автор.

Следующий элемент, схожий с речевым пузырем, – подпись. Это способ передачи экспозиции, который комиксы позаимствовали прямоком из литературы в подписях под иллюстрациями. Оформляется он в панели, обычно в углу, в прямоугольной рамке. Раньше подписи могли заменять целые диалоги, делая комикс похожим на иллюстрацию к книге. Так, например, выполнен комикс «Похитители Мозга с Марса» Джона Кэмпбэла, который является адаптацией новеллы «Стой, кто идет?» того же автора, послужившей основой фильма Джона Карпенте-

ра «Нечто». Подпись не является знаком как таковым, скорее больше средством объяснения читателю, что происходит по ходу истории. Современные авторы все чаще отказываются от этого элемента, больше руководствуясь правилом «Показывай, а не рассказывай», зачастую мотивируя это тем, что лишний текст перегружает панель.

Еще один значительный элемент комикса – звуковые эффекты, внешний вид которых является их визитной карточкой и передает читателю всю ту звуковую информацию, что он не может услышать. Конечно, это не единственный способ передачи звука, вместе с ним используются как словесные пузыри, так и линии, подчеркивающие звуки. Однако именно звуковые эффекты, в отличие от словесных пузырей, обычно передают текстуру и характер звука. В лингвистическом плане звуковые эффекты обладают двойкой составляющей: в первую очередь они обладают всеми признаками семиотического знака. Если обратиться к работам известных лингвистов, то, по Фердинанду Де Сосюру, языковой знак состоит из означающего, т. е. акустического, образа и понятия. Акустический образ в комиксе представляет как раз то, как нарисован шрифт, его размер, текстура, и, конечно же, своего рода звукоподражание, выраженное текстом. Понятие, или по-другому значение, состоит в том, что звуковой эффект напрямую зависит от того, как акустический образ соотносится с тем, что происходит на странице. Звуковой эффект в комиксе не обязательно передается таким образом, пользуясь классификацией Чарльза Пирса, можно сказать, что иногда это могут быть знаки-индексы, которые передают не само звучание, а настроение или смысл, стоящий за звуком. Этот феномен более распространен в европейской и азиатской школах комикса, так как, в отличие от американской, в этих двух школах упор делается на визуальную составляющую. В европейских и американских комиксах используется прием ономотопеи, звукоподражания, возникший на основе фонетического уподобления неречевым звукокомплексам, поэтому возможно записать буквами практически любой звук, который придумает автор. Другая ситуация складывается в комиксах маньхуа и манга, испытывающих на себе влияние западной культуры [Терехова, 2005], но сохраняющих восточную специфику. Их авторы используют ту систему звукоподражаний, которая сложилась в языке [Стефановская, 2006], что стало таким же знаковым элементом в комиксах, которые создаются на Востоке.

Таким образом, комикс представляет собой двойкую сущность: с одной стороны, это текст и изображение, с другой – комплексная семиотическая система, где все компоненты должны работать вместе, создавая один прочный смысловой массив. При отсутствии целостности элементов этой семиотической системы разрушается погружение читателя

в среду, созданную художником, остальные элементы работают уже не так эффективно и не передают заложенный смысл. Как уже было указано выше, современные авторы стараются следовать принципу “показывай, а не рассказывай”, что накладывает дополнительные роли на рассмотренные выше элементы. Часто семиотическая система комикса не только дополняет текст и историю, но и выходит за их рамки, создавая дополнительный план содержания, который работает на обогащение всего нарратива.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что детальное изучение комикса как семиотической системы позволит проследить состояние современной массовой культуры с ее стремлением к визуализации, а также открыть новые горизонты в языкознании, так как, отражая состояние современной культуры, семиотическая система комикса напрямую влияет на состояние и развитие языка.

Литература

Анисимова А. А. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие. М. : Академия, 2003. 128 с.

Вселенная комиксов: кому сегодня нужны супергерои? [Электронный ресурс]. URL: <https://mir24.tv/news/13265812/vselennaya-komiksov-komu-segodnya-nuzhny-supergeroi>.

Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. М. : Высш. шк., 1974. 137 с.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981. 139 с.

Карачева Н. С. Кино как семиотическая система // Концепт : науч.-метод. электрон. журн. 2017. Т. 39. С. 1676–1680.

Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод / В. Е. Горшкова, Е. А. Колодина, Е. В. Кремнев, Е. О. Фирсова, И. П. Федотова. Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2014. 367 с.

Кузнецова О. В. Стилистические особенности рекламных американских текстов // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2014. С. 144–148.

Макеева С. Б. Особенности социологического осмысления процесса глобализации современного мирового сообщества // Сб. ст. по итогам науч.-исслед. работы Ин-та соц.-полит. систем Чит. гос. ун-та за 2009–2010 гг. Чита, 2010. С. 15–23.

Серебренникова Е. Ф., Викулова Л. Г., Кулагина О. А. Семиотика рефлексии о ценностях современного общества // Лингвистика и аксиология. Этносемиотика ценностных смыслов : колл. монография / Иркут. гос. лингвист. ун-т. М., 2011. С. 196–230.

Стефановская С. В. Графосемантическое маркирование звукоподражаний в китайском языке // Вестн. Краснояр. гос. ун-та. Гуманитар. науки. 2006. № 6-2. С. 70–74.

Терехова Н. В. Время синтеза: траектории влияния американской культуры на современное китайское общество // Успехи современного естествознания. 2005. № 2. С. 100–101.

McCloud Scott. Understanding Comics. [Northampton, MA]: Kitchen Sink, 1993.

Saussure, Ferdinand De. “On the Nature of the Linguistic Sign.” Course in General Linguistics. New York: Philosophical Library, 1959.

Baker, Martin. Comics: Ideology, Power, and the Critics. Manchester University Press, 1989.

Т. В. Федорова, А. В. Степанов
Иркутский государственный университет, Иркутск

**ПРОБЛЕМА ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ СИСТЕМЫ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КНР В XXI ВЕКЕ
ПОСРЕДСТВОМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АТАК
В ПАКИСТАНО-АФГАНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ И СУАР**

Аннотация. Современные тенденции развития международного терроризма, если рассматривать его как особый тип конфликта, угрожают стабильности развития государств и становятся не только региональной, но и глобальной проблемой. Характер террористической угрозы КНР в XXI в. напрямую связан с этническо-религиозной разобщенностью его приграничных территорий в пакистано-афганском пограничье и Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Рассматривается система национальной безопасности КНР в рамках ее устойчивости к воздействию террористических атак со стороны радикально настроенных экстремистских группировок.

Ключевые слова: система национальной безопасности, КНР, пакистано-афганское пограничье, Синьцзян-Уйгурский автономный район, терроризм.

T. Fedorova, A. Stepanov
Irkutsk State University, Irkutsk

**THE PROBLEM OF THE DESTABILIZATION OF THE SYSTEM OF NATIONAL
SECURITY OF THE PRC IN THE XXI CENTURY THROUGH TERRORIST ATTACKS
IN THE PAKISTAN-AFGHAN FRONTIER AND XUAR**

Abstract. Current trends in the development of international terrorism, if viewed as a special type of conflict, threaten the stability of the development of states and become not only a regional but also a global problem. The nature of the terrorist threat to PRC in the 21st century is directly related to the ethnic and religious disunity of its border areas in the Pakistani-Afghan border and the Xinjiang Uygur Autonomous Region. The purpose of this article is to consider the PRC national security system within its resistance to the impact of terrorist attacks by radical extremist groups.

Keywords: the national security system, the PRC, the Pakistani-Afghan borderland, the Xinjiang Uygur Autonomous Region, and terrorism.

Без сомнения, терроризм с его разрушительной силой изменил мир, в котором живет человечество. Теперь он характеризуется ростом насилия и конфликтов. Это, в свою очередь, приводит к появлению недоверия, страха, раскола и сейчас представляет значительную угрозу для безопасности во всем мире.

Термин «терроризм» характеризует один из худших методов, которые используются для создания конфликтов в обществе. Это политический инструмент, направленный на достижение конкретных целей через преднамеренное нападение на мирных жителей. Другими словами, терроризм – это деятельность, которая включает в себя вовлечение групп и лиц в систему разрушения национальной стабильности не только отдельного государства, но и всего мирового порядка.

Современный международный терроризм является доминирующим фактором в дестабилизации существующей мировой политической системы. Он стал использоваться субъектами мировой политики, чтобы ослабить позиции своих противников и дестабилизировать мировое сообщество, в целях борьбы за власть.

В этой ситуации угроза международного терроризма представляет реальную проблему мирового масштаба. Недавние теракты обнаружили факт того, что терроризм стал инструментом мировой политики и сейчас представляет опасность для всего цивилизованного мира.

В контексте усиления процессов глобализации активно происходит создание политических, экономических и культурных отношений между странами, что в свою очередь особенно актуально и своевременно при рассмотрении повышения безопасности и стабильности формирующегося в настоящее время мирового порядка. В результате должно быть определено принципиальное решение проблемы международной террористической угрозы.

Результативность в борьбе с террористическими атаками невозможна без реализации профилактических мероприятий, которые нацелены на предупреждение актов терроризма до их выполнения. Система международного права, которая действует сегодня, фокусируется на пресечении уже совершенных актов агрессии, а не на поиске мер по его предупреждению. В этой ситуации существует возможность использования права на профилактические антитеррористические мероприятия без достаточных на то оснований. Антитеррористическую деятельность не следует использовать в качестве метода внедрения вынужденных реформ мировых или в суверенных государств. Борьба с терроризмом требует комплексного подхода, который должен включать военную, социальную, политическую и правовую основу. Поэтому суть борьбы с терроризмом заключается в создании системы мер, которые дадут возможность выявления потенциальных источников терроризма и позволят своевременно устранить их.

В этом плане КНР в XXI в. представляет собой относительно стабильный регион, способный своевременно отражать внешнюю угрозу, но внутренние противоречия, связанные с терроризмом и религиозным экстремизмом, способны дестабилизировать систему национальной безопасности государства. Стоит отметить, что наиболее взрывоопасными регионами страны являются пакистано-афганское пограничье и Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР). Это связано в первую очередь с этнической разобщенностью данных территорий и террористической угрозой со стороны исламских радикалов. Стоит отметить, что, например, в СУАР проживает 47 национальностей, из которых наиболее многочисленными являются уйгуры, ханьцы, казахи, дунгане (хуэй), киргизы, узбеки, маньчжуры, дауры, татары. Представители

различных национальностей исповедуют ислам, буддизм, христианство (католичество) и даосизм. Главную роль здесь играет ислам; это связано с тем, что его исповедуют представители уйгурской национальности, которая является в СУАР абсолютным большинством. По официальным данным, уйгуры составляют 46,2 % населения СУАР, ханьцы – 38,9 % [Новичков, 2015, с. 103], казахи – 7 % и 1 % приходится на другие национальности [Бакшеева, 2011, с. 32], поэтому религиозный экстремизм здесь становится угрозой национальной безопасности КНР.

Проблемы же пакистано-афганского пограничья непосредственно связаны с нестабильностью данного региона в целом. Это и затяжная война войск США в Афганистане и значительный рост и активность исламских сепаратистов в Пакистане. КНР в этой ситуации для данного региона выступает в роли своеобразного арбитра. С одной стороны, КНР с Пакистаном связывают давние экономические отношения, которые начали складываться еще с 70-х гг. XX в. и на сегодняшний день основываются на взаимовыгодных инвестиционных проектах и расширяются созданием глобальной стратегической инициативы «Один пояс – один путь». «Масштабная инвестиционная деятельность КНР в Пакистане осуществляется в течение длительного времени и опирается на многолетнюю традицию тесного сотрудничества двух стран в политической и военно-стратегической областях» [Антипов, 2017]. С другой, требуется обратить серьезное внимание на противодействие со стороны пакистанских и афганских террористических группировок и экстремистски настроенного населения, связанных со спецификой региона. Кроме того, правительство КНР озабочено возможностью перехода сепаратистских тенденций уйгурского населения СУАР под контроль террористов-исламистов. Таким образом «Исламское движение Восточного Туркестана» значительно расширится и СУАР превратится в плацдарм террористической активности в регионе. В результате Китай вынужден будет перейти от наблюдательной позиции к активным действиям, предусматривающим, в частности, экономическое вмешательство в афганский конфликт в целях ослабления «Талибана» [Лаумулин, 2013].

Стоит отметить, что процесс формирования единой концепции системы национальной безопасности КНР строится на стратегии борьбы с террористической угрозой не только внутри страны, но и взаимном сотрудничестве с международными антитеррористическими организациями и государствами, имеющими опыт в отношении противодействия терроризму, в том числе и с Российской Федерацией.

Так, из текста доклада о работе правительства КНР, зачитанного премьером Госсовета Ли Кэцяном на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 12-го созыва от 16 марта 2017 г., следует, что приоритетными задачами государства в текущем году являются: углубление работы по строительству «Спокойного Китая», со-

вершенствование всеобъемлющей, основанной на применении информационных технологий системы предупреждения нарушений и контроля за общественным порядком тщательная организация действий по борьбе с терроризмом и по поддержанию общественной стабильности [Доклад о работе правительства КНР, 2017].

Конечно же, в первую очередь правовая основа системы национальной безопасности КНР прописана в главном законе государства – Конституции, а также в некоторых нормативных актах, таких как законы КНР «О борьбе с терроризмом», «О национальной безопасности», «О народной вооруженной полиции», «О контрразведке», которые дают возможность системно бороться с террористической угрозой как внутри государства, так и за его пределами. Кроме того, за последнее десятилетие правительством КНР был подписан ряд соглашений, связанных с противостоянием угрозе терроризма. Так, в июне 2001 г. была подписана Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, которую кроме КНР ратифицировали такие государства, как республики Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызская Республика, Российская Федерация. В преамбуле конвенции прописано, что государства заключили данное соглашение, «руководствуясь целями и принципами Устава ООН, прежде всего касающимися поддержания международного мира и безопасности, развития между государствами дружественных отношений и сотрудничества; осознавая, что терроризм, сепаратизм и экстремизм представляют угрозу международному миру и безопасности, развитию дружественных отношений между государствами, а также осуществлению основных прав и свобод человека; признавая, что указанные явления серьезно угрожают территориальной целостности и безопасности Сторон, а также их политической, экономической и социальной стабильности; руководствуясь принципами Алма-Атинского совместного заявления от 3 июля 1998 г., Бишкекской декларации от 25 августа 1999 г., Душанбинской декларации от 5 июля 2000 г. и Декларации о создании «Шанхайской организации сотрудничества» от 15 июня 2001 г.; будучи твердо убеждены в том, что терроризм, сепаратизм и экстремизм, как они определены в настоящей Конвенции, вне зависимости от их мотивов, не могут быть оправданы ни при каких обстоятельствах, а лица, виновные в совершении таких деяний, должны быть привлечены к ответственности в соответствии с законом» [Шанхайская конвенция ..., 2001].

В связи с тем, что согласно ст. 16 конвенции не ограничиваются права сторон «заключать другие международные договоры по вопросам, являющимся предметом настоящей Конвенции и не противоречащим ее целям и объекту», а также не затрагиваются «права и обязательства Сторон, вытекающие из иных международных соглашений, участ-

никами которых они являются» [Шанхайская конвенция ..., 2001], в апреле 2006 г. подобное соглашение было подписано между КНР и Туркменистаном. Но в контексте нашей темы наиболее интересно соглашение, подписанное ранее в 2003 г. между правительствами КНР и Исламской Республики Пакистан, по которому стороны признают взаимное уважение суверенитета, равенства и взаимной выгоды и надеются на укрепление эффективного сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, подтверждая, что уважение прав человека должно соблюдаться в рамках подписанного Соглашения [中华人民共和国政府和巴基斯坦伊斯兰共和国政府关于打击恐怖主义、分裂主义和极端主义的合作协定, 2003]. Согласно ст. 12 упомянутого выше соглашения стороны укрепляют сотрудничество в области: научных исследований, правоохранительной системы, обмена технологиями, развития и совершенствования полицейской техники, совместного производства техники и оборудования и других аспектов укрепления сотрудничества, в том числе, возможность при необходимости оказывать взаимную техническую и материальную помощь [中华人民共和国政府和巴基斯坦伊斯兰共和国政府关于打击恐怖主义、分裂主义和极端主义的合作协定, 2003].

Таким образом, можно сделать вывод, что современные реалии развития системы национальной безопасности КНР напрямую связаны с такими дестабилизирующими факторами, как террористическая угроза. Стоит также отметить, что в рамках устойчивости данной системы правительства государств вырабатывают меры противодействия террористическим атакам через создание правовой системы как внутри государств, так и в процессе подписания многосторонних соглашений.

Литература

Антипов К. Инвестиции КНР в Пакистан: результаты и перспективы [Электронный ресурс]. URL: <http://mirperemen.net/2017/07/investicii-knr-v-pakistan-rezultaty-i-perspektivy/>.

Бакшеева Л. Г., Колпакова Т. В. Этнические проблемы Китая (на примере Синьцзян-Уйгурского автономного района) // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия : сб. Вост. центра. 2011. № 9. С. 31–34.

Доклад о работе Правительства КНР [Электронный ресурс]. URL: http://russian.news.cn/china/2017-03/16/c_136134383.htm.

Лаумулин М. Т. Безопасность Центральной Азии в контексте ситуации в Афганистане после 2014 г. // Центральная Азия и Кавказ. 2013. Т. 16, № 3. С. 7–23.

Новичков В. С. К проблеме терроризма и религиозного экстремизма в СУАР КНР // Уральское востоковедение : междунар. альманах. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. Вып. 6. С. 102–106.

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/2561763/#ixzz4t62SwG7d>.

中华人民共和国政府和巴基斯坦伊斯兰共和国政府关于打击恐怖主义、分裂主义和极端主义的合作协定 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fsou.com/html/text/eag/1006674/100667465.html>.

Хигасидэ Томо

Университет Кюсю,

Школа объединённо-научных дисциплин по глобализации общества, Фукуока

東出 朋

九州大学大学院 地球社会統合科学府, 福岡

日本語とロシア語の呼びかけ語のポライトネス的要素の対照研究 —FTA の高い発話を中心に—

要旨 本稿は、日本語とロシア語の呼びかけ語について、ブラウン&レヴィンソンのポライトネス理論の枠組みを援用して対照分析したものである。特に FTA の高い発話に伴う呼びかけ語について呼びかけ語の機能を分析した。結果、日本語の呼びかけ語は緊張感の緩和を目指しているのに対し、ロシア語の呼びかけ語は聞き手への誠意や熱意の伝達を目指していることが観察された。その背景として、日本語のコミュニケーション価値観では対立的関係は否定的に捉えられるため緊張感を緩和しなければならないのに対し、ロシア語のコミュニケーション価値観は率直さを重視するため、対立的関係でも自分の意見を率直に伝えるために呼びかけ語によって相手に接近していると考えられる。

キーワード 呼びかけ語, ポライトネス, 日本語, ロシア語

AN ANALYSIS OF JAPANESE AND RUSSIAN VOCATIVES FROM THE PERSPECTIVE OF POLITENESS THEORY

Abstract. This article focuses on a comparative analysis of vocatives in Japanese and Russian from the perspective of the politeness theory formulated by Brown & Levinson (1987). Particularly, we observed the function of vocatives that appear in utterances which are highly likely to threaten the hearer's face. As a result, we found that the Japanese vocative helps to remove some tension between participants, while the Russian vocative functions as the marker of speaker's sincerity and enthusiasm toward the hearer. To explain this difference, we argued that the same positive politeness strategy comes from a different cultural sense of values. According to the Japanese communicative sense, speakers negatively evaluate confrontational situations in dialogue. On the other hand, Russian speakers value honesty in communication and thus in confrontational situations they actively use vocatives to close the distance between themselves and hearers.

Keywords: Vocative, Politeness, Japanese, Russian.

1. はじめに

呼びかけ語はコミュニケーションに重要な要素である。語彙選択と同様に重要なのは、どのような発話に伴って用いるか、という行為のレベルである。例えば友人に一万円借りたい場合、呼びかけ語が付加される可能性が高い。また、相手を褒める場合も呼びかけ語の付加が褒めを一層効果的に伝達させられると思われる。このような呼びかけ語の付加は、相手に対する配慮の意識が具現化されたものと捉えることができる。呼びかけ語は対人関係に関わる語であるた

め語用論で取り扱うべき現象であり，人間関係と言語行為を総合的に分析するにはブラウンとレヴィンソン（1987）のポライトネス理論が有効である．本稿ではポライトネスの観点から，日本語とロシア語の呼びかけ語について，特に FTA¹の高い発話に注目し対照分析を行う．

2. ポライトネス理論及び関連先行研究

2.1. ポライトネス理論概観

ポライトネス理論とは，円滑な人間関係を築き，維持するために行われる言語行動を研究する分野であり，ブラウンとレヴィンソン（以後 B&L）は包括的な理論的枠組みを示している．B&L の理論の枠組みの道具立ては「フェイス（face）」である．フェイスとは，会話参加者の欲求，すなわち，自らの行為を妨げられたくないという欲求—ネガティブ・フェイス—と，何らかの点で認められたいという欲求—ポジティブ・フェイス—を指す．そして，聞き手のフェイスを脅かさないように配慮しながらコミュニケーションを進めていこうとする言語行為を，ポライトネスと呼んでいる．

B&L のポライトネス理論は様々な批判や議論を経て，現在に至っている．その一つとして井出（2006）は，西欧語とは著しく異なる日本語のポライトネスの現象を「わきまえ」というキーワードを用いて再検討している．例えば，日本語のデス・マス体の使用／非使用は聞き手との関係に応じて区別して使い分けられており，社会が要求し，話し手の自由意思による能動的な選択ではない言語使用，言い換えると慣習的な言語使用が，日本語では強く話者を縛っている．話者の意志による言語使用—B&L のポライトネス・ストラテジー—と，社会のルールが要請する言語使用—わきまえ—は相互補完的なものであり，双方がポライトネスの一側面である．本稿は，松

¹相手のフェイスを脅かすような行為（Face Threatening Acts, FTA）を行う必要が生じた場合（例えば依頼や非難，褒めといった発話行為），話し手は極力相手のフェイスを脅かさないように配慮するはずだと考えられる．

村 (2017) を援用し、ポライトネスとポライトネスの二側面について次のように定義する。

1. Politeness : Behavior which promotes smooth communication between interlocutors. Volition : Volition is the aspect of politeness which allows the speaker considerably more active choice, according to the speaker's intention, from a relatively wider range of possibilities.

Discernment : Observance of whatever counts as normatively conventional, and potentially ritualistic, within a society.

2.2. ポライトネスの観点からのロシア語と日本語の呼びかけ語の先行研究

B&L のポライトネス理論において、呼びかけ表現はポジティブ・ポライトネス・ストラテジー4「仲間ウチであることを示す標識を用いよ」の一つとして位置付けられている。仲間ウチの呼びかけ表現を用いることで、話し手と聞き手の共通基盤を主張し、ひいては聞き手のポジティブ・フェイスを満たすことに結びつく。

ロシア語の呼びかけ語に関する研究は膨大だが、ポライトネスの観点からの呼びかけ語研究は管見の限り Л а р и н а (2009) しかな存在しない。英語とロシア語についてポライトネスの総合的な対照研究を行った Л а р и н а (2009 : 364-384) は、ロシア語と英語の呼びかけ語の最大の違いは、呼びかけ語の選択の柔軟性、主体性であるという。

2. Важной особенностью является то, что если в русском обращении возможно использование всей парадигмы имен применительно к одному и тому же адресату (Александр, Саша, Сашенька, Сашуня, Саша, Санек, Шура, Шурочка, Шурик и т. п.), что определяется выбором того или иного адресанта, его настроением, отношением к адресату, сложившейся традицией и многими другими факторами, то в английском обращении, как правило, употребляется лишь одно имя из существующей парадигмы. (377-378, 下線引用者)

日本語の呼びかけ語について滝浦 (2007, 2008) は、「『おねえちゃん』のポライトネスは、『花子』から見れば遠隔化によるネガティブ・ポライトネスであり、『おねえさん』から見れば近接化

によるポジティブ・ポライトネスである」(滝浦 2007: 37) と述べ、ある語のポライトネスは相対的に変わると主張する。

東出(2017)は滝浦(2007, 2008)を批判的に検証した中で、最も問題なのは、ポライトネス理論の枠組みで議論を進める中で、誰が誰をなんと呼ぶか、という語の選択に関して終始議論しており、いつ、どのような発話において呼びかけ語を用いるかという、発話場面や発話行為との関連を考慮していない点を指摘した。

高橋(2005: 136-137)は、「対称詞¹の形式の選択は、社会文化的に規定される部分が多い。すなわち、〈わきまえ方式〉としての機能を果たす。対称詞の使用は、日本語においては文法的に必須ではない。これは、(母語話者が)コミュニケーションを円滑に進めるために採用する様々なストラテジーの一つである。すなわち、〈働きかけ方式〉としての機能を果たす。」と述べる。

以上の先行研究から、ロシア語では、ある特定の間人間関係における呼びかけ語の選択肢が多く、話し手は場面や感情に基づいて呼びかけ語を主体的に選択することができるのに対し、日本語では、呼びかけ語は基本的に話し手が選択する余地はないが、使用するか否かという点で選択の余地があると言える。先行研究の問題点として、多くが語彙選択のレベルの議論であり、いつ、どのような発話の時に呼びかけ語が付加されるのか、という行為のレベルからの研究はなされていないことが指摘できる。話し手がなぜその「形式」をその「発話」の際に発したのか、という語用を観察する必要がある。

3. 分析の枠組み及びデータ

本稿では、日本語とロシア語の FTA の高い発話においていかに呼びかけ語が効果的に使用されているか、つまり、なぜその発話場

¹対称詞とは、鈴木(1973)以降用いられている、聞き手を指す語である。呼びかけ語も含まれる。

談話 1 では、親しい関係の二人の女性が知人の赤ん坊を抱いたことを回想している最中、P は Q が将来子供を産めないのではないかと述べる。

「やーっぱ」「いやー」「でも」という語の連続は、話題転換のための前置きであると同時に、「子供が産めない」という、かなり相手を傷つける可能性のある侮辱的内容の発言を前にした言い淀みとも捉えることができる。しかし、「子供が産めないのではないか」という P の意見は、侮辱が許されるような親密な関係であったとしても十分に Q のフェイスを侵害する、FTA の非常に高いものである。この場面では、結果的に H の反論（「なんでそんなこと言うの」等）ではなく同意（「たぶん産めないねー」）が後続ことから、「Q」という呼びかけ語は、フェイスを本来的に傷つける発話（「子供産めないんじゃないの↑」）を、少なくとも更に緊張させる表現ではないことが分かる。逆に、この「Q」は、発話場面全体の緊張感を緩和させる効果を持っていると考えられる。発話内容がマイナスの場面にもかかわらず話し手が呼びかけ語を用いて聞き手に関心を示すために、聞き手は当該発話を冗談・ジョークとして捉えられるようになる。呼びかけ語の付加が緊張感を緩和させる効果を持っていることは、次の反例からも分かる。仮にハを付加した（「Q は子供産めないんじゃないの↑」）場合、「Q が子供を産めない」という命題が明示化されてしまう。「いやー」「でも」のヘッジに後続しており、ハがないという事実が、S の微妙な心理—侮辱的なことは言うが多少和らげて述べたい気持ち—を映し出している。

FTA の高い発話において、呼びかけ語は H のポジティブ・フェイスに働きかける手段の一つである。呼びかけ語の付加によって FTA が緩和され、それに伴って冗談やジョークのような気楽さを引き起こしている。

4.2. ロシア語の呼びかけ語

【談話2】¹

ВП：То есть вам именно количество важно? Вот это если убито, скажем, 500 человек – ну это ничего, а 5 тысяч – это плохо. Вообще, каждый отдельно взятый человек с точки зрения христианина – это разве вообще?..

ДС：Нет, **Владимир Владимирович, дорогой**, но вы должны понимать. Когда мы говорим «ужасающая катастрофа»...

ВП：Это Холокост. Это Холокост.

ゲストДСは、様々な本に書かれた死者数が信用できないこと、またその数は大したものではないことを述べた。そこで司会者ВПは、「あなたは殺された人数が重要だと考えているのか。そもそもそのような考え方は、キリスト教的にいかがなものか」と問う。ДСは、ВПが自分の意見を勘違いしているのでその解釈を訂正しようとしている。「ロシアでなされたポグロムは、恐ろしい、天文学的數字ではない。我々が史上最悪というときはホロコーストを指す」と述べる。ユダヤ人、ましてやホロコーストという繊細なトピックであるため、聖職者としての立場上なんとしてもその誤解を解き、正しく自分の考えを理解してもらわなければならない。ДСはまず名＋父称で相手に呼びかけ、更に《д о р о г о й》によって聞き手に対する強い親近感を表明する。それから「あなたは理解しなければならない」という義務表現を用いる。話し手は呼びかけ語によって明示的に聞き手に対する親近感を表明しつつ、聞き手をうまく説得しようと試みている。もし呼びかけ表現がない場合、義務表現で示される対立関係が前景化するのみである。この場面は、意見の対立を前提として、その対立を認めつつ相手に自分の意見を熱心に伝える様子がかがえる。呼びかけ語を付加することで、自分の意見を強引に相手に押し付けていると受け取られる可能性は否

¹ 2012年3月19日放映。ゲストはロシア正教主席主教 Дмитрий Смирнов (61歳, 男)

定できない。このような押し付けがましき、強引さは熱心さと表裏一体とも言える。それでもこのような場面で付加するのは、話し手がやはり自分の意見を相手に十分に伝えたい、自分を理解してほしいからであると考えるのが妥当だろう。

この呼びかけ語は、相手に自分を理解してもらおうと説明を試みる、その誠意と熱心さのある種の表明である。説明の熱心さを強調し、相手に対する接近を示しているこのような呼びかけ語は、ポジティブ・ポライトネス・ストラテジーの一種であると考えられる。

5. 考察

日本語とロシア語の呼びかけ語の共通点として、日露ともに、呼びかけ語はポジティブ・ポライトネス・ストラテジーとして使用されており、呼びかけ語は聞き手に対するプラスの態度を表明しているという点が挙げられる。プラスの態度とは、話し手の感情の問題ではなく、聞き手とコミュニケーションを行うことを望んでいるという、話し手が持つ、聞き手に向かったプラスのベクトルを意味する。つまり、呼びかけ語によって「聞き手に接近」し「その発話が受け入れられやすくする」のを助けている点は同じである。

相違点として、聞き手への接近にあたって、配慮の価値が異なることが指摘できる。FTA が高い発話行為の場面において、日本語では、字義通りの解釈ではなく、当該発話全体に冗談やジョークのような気楽さを付加し、緊張を緩和するという効果を出す。つまり、日本語では呼びかけ語は緊張感の緩和に役立っている。一方ロシア語の会話では、話し手が相手に自分を理解してもらうため、呼びかけ語が聞き手に対する誠意、熱意の伝達の役目を果たしている。熱心さと強引さは表裏一体であるが、強引さへの懸念より、相手に対する熱心さを示すことがより重要と考えられていると言える。

日本語とロシア語では、呼びかけ語によって聞き手に対する配慮を行っているのであるが、日本語では緊張感の緩和を、ロシア語では聞き手への誠意・熱意の伝達を目指している。このような相違

点の背景として、同じ配慮（同じ「聞き手接近」）でも言語によって配慮する価値観が異なることが考えられる。

対立関係はどのような人間関係でも言語でも発生する。しかしその対立関係について、日本語の日常の会話では基本的には対立関係を取り除こうという方向に働く。坂本&坂本（2004）は、日英語話者が有する考え方を「polite fiction」—相手に対して礼儀正しく丁寧に（polite）振舞おうとする際にその言動の根拠となる考え方

(i) —と名付け、日本とアメリカの価値観の相違について比較文化的分析を行った。違いの一つとして、異なる意見に対する考え方が挙げられる。日本語の「polite fiction」として「you and I think and feel alike」があるのに対し、英語の「polite fiction」には「you and I are original」という考え方が強いという。例えば、相手の発言に異をとらえて会話を発展させることを英語では「challenging」と言い、それは日本では失礼な態度とされるが、アメリカではむしろ当然のこととされ、肯定的に評価されることであるという。つまり日本語の価値観には、意見の対立関係を否定的に捉える価値観があると言える。したがって、聞き手のポジティブ・フェイスに対する配慮として、話し手は呼びかけ語によって（ほかの手段も駆使しつつ）その場の緊張を取り除こうとする（ことが期待される）。それに対し今回観察したロシア語の会話では、対立関係の存在は認めた上で、聞き手のポジティブ・フェイスに対する配慮として話し手は呼びかけ語によって自分の意見を熱心に伝える姿勢の表明しようとする様子が観察される。例えば、Р а т м а й р（2003）はポライトネス理論及び語用論的視点からロシア語とドイツ語における謝罪行為を分析し、ロシア語では真実さや直情性が肯定的なコミュニケーション価値観として働いているため、過度の丁寧さは逆に真実性が足りないとして受け止められ、否定的に評価されるという。ウェインベルグ（2015）はロシア語の「ウエジリボシチ」（Вежли в о с т ь ; 丁寧さ）について、丁寧なコミュニケーションの特徴

を日露対照した。そして、日本語から見たロシア語の丁寧さについて「現在のロシア語では率直さが重要であり、社会的な差を強調する特別な単語は使われていない。礼儀正しさより評価されるのは真心、率直さ、真摯な言動である。」(67)と結論づけた。ロシア語のコミュニケーションが肯定評価する「率直さ」(Р а т м а й р 2003, ウェインベルグ 2015)は、対立関係における呼びかけ語の使用を説明しうるのではないだろうか。自分の意見を率直に伝え、自分を理解してもらうために、呼びかけ語によってその態度を示すことができる。

参考文献

- 井出祥子 (2006) 『わきまへの語用論』大修館書店
- ウェインベルグ ナジェージダ・松村瑞子 (2015) 「日本語の「丁寧さ」とロシア語の「ウェジリボシチ」：類似点と相違点」『言語文化論究』(35), 57-69, 九州大学大学院言語文化研究院社
- 坂本ナンシー・坂本示洋 (2004) 『異文化との出会い・誤解・理解 Polite fictions in collision: Why Japanese and Americans seem rude to each other』金星堂
- 鈴木孝夫 (1973) 『ことばと文化』岩波新書
- 高橋圭子 (2005) 「対称詞研究のダイナミズム—ポライトネスおよび指標性の観点から—」『言語情報科学』(3), 129-143.
- 滝浦真人 (2007) 「呼称のポライトネス “人を呼ぶこと”の語用論」『言語』大修館書店, 32-39.
- 滝浦真人 (2008) 『ポライトネス入門』研究社
- 東出朋 (2017) 「日本語の呼びかけ語のポライトネス的要素の考察」『東アジア日本語・日本文化研究』(22), 87-107.
- ブラウン, ペネロピ&レヴィンソン, スティーヴン・C (1987) 『ポライトネス 言語使用における, ある普遍現象』田中典子 (監訳) (2011) 研究社
- 松村瑞子 (2017) 「(イン)ポライトネス研究の方向性—フェイス・ディサーンメントの再概念化を受けて—」『東アジア日本語・日本文化研究』(22), 109-124.
- Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Языки славян. культур, 2009.
- Ратмайр Ренате. Русская речь и рынок. Традиции и инновации в деловом и повседневном общении. М. : Языки славян. культур, 2013.
- Ратмайр Ренате. Прагматика извинения: сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М. : Языки славян. культур, 2013

Н. Ю. Хлызова

Иркутский государственный университет, Иркутск

КРИТЕРИИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИАГРАМОТНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СООТВЕТСТВИИ С НАЦИОНАЛЬНОЙ АССОЦИАЦИЕЙ СВЯЗИ США (НСА)

Аннотация. Рассматривается единая шкала оценки формирования медиаграмотности личности, разработанная национальной ассоциацией связи США. Описаны критерии, компетенции, набор необходимых знаний, умений, отношений, установленных в качестве результата медиаобразовательной деятельности, которыми должен обладать медиаграмотный выпускник государственной школы.

Ключевые слова: медиаграмотность, медиаобразование, СМК, медиа, США, критерии оценивания.

N. Khlyzova

Irkutsk State University, Irkutsk

MEDIA LITERACY CRITERIA DEVELOPED BY NATIONAL COMMUNICATION ASSOCIATION (NCA)

Abstract. The article deals with the uniform estimation scale of media literacy of the personality developed by national communication association (NCA). It describes criteria, competences, a set of necessary knowledge, abilities, and relations established as a result of media educational activity which the media competent graduate of public school is supposed to possess.

Keywords: media literacy, media education, media, USA, estimation criteria.

Современные средства массовой коммуникации (СМК) имеют большое влияние на ценностную систему американского общества и поведенческие установки граждан, особенно детей. По мнению медиапедагогов, контролю данного влияния и снижению рисков манипулятивного воздействия способствует медиаобразование. Кроме того, медиаобразование благоприятно отражается на общем формировании личности через способность получать, расшифровывать, анализировать, оценивать медиасведения, осуществлять коммуникацию в разнообразных формах.

Анализ справочной литературы свидетельствует, что среди американских исследователей нет единства в использовании терминов относительно цели медиаобразования, отсутствует и их единое определение. Самым популярным целеполаганием является формирование медиаграмотности личности (media literacy). Этот термин используют в своих исследованиях Ренни Хоббс, Рид Хоффман, Роберт Кубей, Эва Ворд-Барнс и др. Обобщая определения, предлагаемые авторами, можно заключить, что под медиаграмотностью понимается способность получать, интерпретировать, анализировать, оценивать медиаинформацию, а также осуществлять коммуникацию во всех доступных формах.

Несмотря на разногласия в терминологическом использовании и понятийном определении, учёные сходятся в необходимости создания учебных программ по целенаправленному формированию навыков работы с медиаинформацией и внедрению их в учебные заведения [Hobbs, Frost, 2001; Hoffmann, 2000; Kubey, 2000; Ward-Barnes, 2010].

Образовательная система в США включает в себя государственные и частные заведения. Обязательным обучением для всех американцев является учебная программа «К-12», которая отражает суммарную продолжительность обучения, куда включается начальное и среднее образование, равное двенадцати годам обучения. Во многих американских государственных школах медиаобразовательный компонент заложен в учебные программы «К-12», формирование медиаграмотности происходит целенаправленно и систематично.

Программы формирования медиаграмотности также не имеют единообразия. Некоторые программы большие по объёму, охватывают многочисленные предметы, содержат разнообразный материал, направленный на понимание всех аспектов СМК [Kubey, 2003, с. 351]. Есть программы, включенные в другие предметы, как правило, они нацелены на работу с определенным аспектом СМК. По мнению Эвы Ворд-Барнс, такие программы не могут дать студентам всестороннее, полное обучение с помощью средств массовой коммуникации [Ward-Barnes, 2010, с. 27]. С чем нельзя не согласиться. Принципиально важным в формировании медиаграмотности личности является комплексная работа, охватывающая весь спектр медиа.

В отсутствии единой программы по формированию медиаграмотности перед американскими медиапедагогами стоит вопрос оценки качества медиаобразовательных программ. Национальная ассоциация связи США (NSA) разработала критерии оценки формирования медиаграмотности. Разработаны и детально описаны пять компетенций, которыми должен обладать медиаграмотный выпускник государственной школы, прошедший обучение по медиаобразовательной программе «К-12». Каждая компетенция состоит из трех компонентов: знание, поведение, отношение.

Компетенция 1. Медиаграмотные коммуникаторы демонстрируют знания и умения использовать СМК в личных и общественных целях.

Знание:

1. Знать возможности коммуникации в достижении цели человека.
2. Понимать важность коммуникации для образовательных методов.
3. Осознавать роль культуры и языка в методах СМК.

Поведение:

4. Различать методы СМК для личных и общественных связей.
5. Определять содержание, формы и продукты СМК.

6. Анализировать исторические и современные способы воздействия СМК на личность.

7. Анализировать этические проблемы СМК.

8. Получать доступ к различным формам медиаинформации.

9. Демонстрировать способы использования СМК в частной и общественной жизни людей.

Отношение:

10. Мотивированы к оценке медиакommunikационных методов в условиях основных социальных ценностей, таких как свобода, ответственность, частная жизнь и общественные нормы приличия.

Компетенция 2. Медиаграмотные коммуникаторы демонстрируют знания и понимание сложных взаимоотношений зрителя и мультимедийного контента.

Знание:

1. Знать формы, содержание и продукты СМК.

2. Осознавать возможность различной интерпретации сообщения СМК.

Поведение:

3. Объяснять зрительскую интерпретацию полученных сообщений.

4. Описывать, как медиапрактики определяют зрительскую аудиторию.

5. Объяснять медиасоциализацию людей.

6. Оценивать идеи и образы, транслируемые СМК с возможным социальным и культурным влиянием.

7. Создавать стандарты к оценке мультимедийного контента, формы и продукта.

8. Распознавать связь медиаконтента, медиаформы и зрительской интерпретации с опытом просмотра.

Отношение:

9. Мотивированы к распознаванию комплекса взаимосвязей медиаконтента, медиаформы и зрительского опыта.

Компетенция 3. Медиаграмотные коммуникаторы демонстрируют знания и понимание того, что мультимедийный контент произведен в социальных и культурных условиях.

Знание:

1. Идентифицировать производственный контекст мультимедийного контента и продукта.

2. Определять социальные и культурные ограничения на производство медиа.

3. Распознавать социальные и культурные агентства, регулирующие мультимедийный контент и продукт.

4. Оценивать идеи и эстетику в медиаконтенте и медиапродукте.

Поведение:

5. Демонстрировать, как медиаконтент и медиапродукты создаются в социальных и культурных условиях.

6. Демонстрировать, как общественные и культурные нормативные акты влияют на медиаконтент и медиапродукты.

Отношения:

7. Мотивированы к выявлению связей между медиаконтентом и медиапродуктами, а также социальным и культурным контекстом их производства.

Компетенция 4. Медиаграмотные коммуникаторы демонстрируют знания и понимание коммерческой составляющей СМК.

Знание:

1. Объяснять, как функционируют медиаорганизации.

2. Распознавать общественные и культурные организации, регулирующие медиаорганизации;

3. Сравнивать медиаорганизации с общественными и культурными организациями.

Поведение:

4. Демонстрировать связь между медиаорганизациями и практикой распространения СМИ.

Отношение:

5. Мотивированы к анализу исторических и современных способов функционирования медиаорганизаций относительно демократических процессов.

Компетенция 5. Демонстрируют способность использовать СМК для общения с конкретной аудиторией:

Знание:

1. Выбирать подходящие СМК для осуществления коммуникации с определенной целью и результатом.

2. Идентифицировать роль и ответственность медиапроизводителя.

3. Выявлять в работе медиапроизводителя технические и эстетические достоинства и недостатки.

4. Осознавать, что медиапроизводство имеет личные, социальные и этические результаты.

5. Формировать медиаграмотность во внеучебное время.

Поведение:

6. Использовать разнообразные подходы к созданию и презентации идей.

7. Создавать сообщения в различных медиаформах.

8. Осознавать ответственность за личные, социальные и этические последствия медиадеятельности.

Отношение:

9. Осознавать роль медиаграмотности в повышении самовыражения, обучения, профессиональных возможностей [National Communication Association, 1998].

Представленные критерии подробно описывают формирование медиаграмотности через разработанную компетентностную модель медиаграмотной личности. Личность рассматривается как социальная сущность человека, структурными компонентами которой являются сознание, чувства, поведение. Акцент делается на когнитивный, операционный и отношенческий элементы. Когнитивный направлен на формирование способности интерпретировать медиасообщение, авторскую идею, на развитие критического мышления, на способность оценивать полученное сообщение и создавать собственное мнение. Операционный или поведенческий элемент нацелен на выработку технических умений и творческих воплощений. Подразумевается умение создавать собственный медиапродукт, например веб-сайт, блог, фильм, ТВ-программа и т. п. Отношенческий элемент создает мотивацию личности к взаимодействию со СМК. В целом в соответствии с разработанными критериями и компетенциями учащийся должен уметь анализировать и понимать влияние СМК на личность.

Выработку единых критериев NCA помогают структурировать медиаобразовательные курсы, обеспечивая учебные программы единой мерой измерения. Американские региональные образовательные организации самостоятельно прописывают стандарты формирования личностных компетенций, в том числе и медиаграмотности личности, поэтому государственные учебные программы сильно варьируются от штата к штату. В таких условиях особенно важно иметь единые критерии оценивания конечного результата.

По мнению большинства американских медиапедагогов, создание единых критериев оценки формирования медиаграмотности личности благоприятно влияет на медиаобразовательное движение в США. Так, по словам Эвы Ворд-Барнс, представленная оценочная система видится объективной, поскольку была разработана авторитетными организациями и ведущими исследователями. В разработке критериев принимали участие члены NCA под председательством Роя Берко (Roy Berko) и Каролин Перри (Carolyn Perry), комитет стандартизации. Показатели формирования искомой характеристики личности вырабатывались на основе комплексного подхода, с детальным исследованием всех отрицательных и положительных влияний медиа на личность. Полученные критерии прошли всестороннюю апробацию. Кроме этого, критерии компетенции получили широкое распространение, их придерживается большинство педагогов в США [Ward-Barnes, 2010, с. 29]. Медиапедагоги получили целостную и всестороннюю шкалу оценки конечного результата медиадеятельности, которая может быть в основе любой учебной программы. С одной стороны, остается свобода выбора учебной программы, с другой – появилась единая оценка качества.

Литература

Chen G. M. Media (literacy) education in the United States // *China Media Research*. 2007. N 3(3). P. 87–103.

Considine D. M. Media literacy: National developments and international origins // *Journal of Popular Film and Television*. 2002. N 30(1). P. 7–16.

Fedorov A. Media Education Must Become Part and Parcel of the Curriculum // *Thinking Classroom*. 2006. Vol. 7, N 3. P. 25–30.

Hobbs R., Frost R. Measuring the acquisition of media literacy skills: An empirical investigation. Paper presented at the annual meeting of the International Communication Association. Washington, DC., 2001.

Hoffmann G. Media literacy study // *ETC: A Review of General Semantics*. 1999. Vol. 56, N 2. P. 165–172.

Hoffmann G. Visual literacy needed in the 21st century // *ETC: A Review of General Semantics*. 2000. Vol. 57, N 2. P. 219–224.

Kubey R. Why U. S. media education lags behind the rest of the Englishspeaking world // *Television and New Media*. 2003. N 4(4) P. 351–370.

National Communication Association. (1998). The speaking, listening, and media literacy standards and competency statements for K-12 education. Annandale, VA: National Communication Association. Retrieved April 17, 2010. URL: http://www.eric.ed.gov:80/ERICDocs/data/ericdocs2sql/content_storage_01/0000019b/80/15/cf/1f.pdf.

National Communication Association. (2010). National Communication Association Policy Platform. Retrieved January 14, 2010, from <http://www.natcom.org/index.asp?bid=510>.

Scharrer E. Making a case for media literacy in the curriculum: Outcomes and assessment // *Journal of Adolescent & Adult Literacy*. 2002. N 46(4). P. 354–359.

Ward-Barnes A. Media Literacy in the United States: A Close Look at Texas // Thesis, Georgia State University. 2010. 144 p.

Печинкина О. В. Медиаобразование в контексте межкультурной коммуникации (на материале средств массовой информации США) // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2015. № 1. С. 50–68.

О. А. Хо

Иркутский государственный университет, Иркутск

霍·奥莉娅

伊尔库茨克国立大学, 伊尔库茨克

汉俄语言心理动词研究

摘要. 这篇文章主要介绍中俄外心理动词的研究情况, 提到两个问题: 第一是心理动词的概念与研究价值, 第二是心理动词的界定与分类。笔者指出心理动词分类体系没有统一的判断标准, 在心理动词的范围与分类方面的问题上存在研究的空间, 有必要再进行心理动词的分类, 研究心理动词的语义特点。笔者也认为在语言对比问题上, 研究汉俄心理动词有一定的价值。

关键词: 汉语, 俄语, 心理活动, 动词, 心理动词, 动词分类, 语义。

THE RESEARCH OF PSYCHOLOGICAL VERBS IN CHEESESE AND RUSSIAN LANGUEGES

Abstract. This article introduces a research on psychological verbs in Chinese and Russian languages. The author identifies two problems, the first one is the psychological verb concept and value, the second problem, is on the definition and classification of psychological verbs. The author highlights that there is no uniform criteria in the classification of verbs as a result there are some gaps in the classification field of psychological verbs. It is necessary to conduct more studies on psychological verbs analysis and classification. The author believes that this type of study is important for comparing two languages.

Keywords: Russian language, Chinese language, emotion, verbs, psychological verbs, classification, semantic.

一、心理动词概念与研究价值

人们的情绪是在心理活动里一种很复杂的现象。人们的情感在日常生活起着很大的作用，在人们的活动中也占有很重要的地位，是人们生活的组成部分。情绪伴随着人们身体的任何表现，是人们精神状态的反映。这种反映表明人们对任何事情或情况重要性的认识。情绪是为了满足个人的要求，调整人们心理活动或人们行为的主要作用之一。

人的心理活动抽象而有复杂，“心理”具有特征性与多样性，比如：不同的人对同一事物的心理反应有异同，这种异同是个性化的反应；在不同的时候或者在不同的条件下同一的人对同一的事物也会有不同的反应，这是与心理多样化有关的；由于心理反应跟人的体验有关，所以在同一的时候同一个人对同一的事物会有不同的反应等等。心理活动由心理学家以“思维”、“情感”、“感觉”、“感情”等总名称来解释。心理活动没有固定的模式，也没有具体的表现，它是比较抽象的概念。

人的心理活动具有多样性，涉及到人们的感情，经验，生理作用，行为，认知方式等方面，所以其在各个学科，比如心理学、生物学、医学、哲学、社会学、语言学等学科都引起学者的兴趣。

“心理”研究由于没有客观性的研究方法，也没有跨文化与跨科学的对比方法，所以研究“心理”具有一定的矛盾性。

从哲学学者的角度来看，心理活动是现实世界的反映。哲学也研究人的情绪，这是跟逻辑思想有关的也是具有独立性的。心理学家把

人的心理活动看作心理反应，认识反应与体会反应等。同时社会学研究人在日常生活中的心理活动。民族学研究心理活动的普遍性。语言学研究人的心理活动在语言上的表现。

科学家试图从不同的角度用不同的想法来解释“心理”的性质与作用，解释这样复杂的概念比较难，因为心理活动起源与表现跟人全身体的系统（感觉、大脑、生理过程、面部表情、言语等）有关系。

除了这些之外心理学实验结果作为人心理活动的研究基础，多次性与多样性的实验结果在确定人的心理活动的概念、作用、类别、特征等方面也不利于创造统一的理论。福米纳（З. И. Фомина）认为“在语言学不够看重心理活动研究是心理活动语言理论研究不足的原因之一” [Фомина, 1996, с. 66]。总而言之，“为了了解人的心理活动作为世界客观现实的概念是怎么在语言中表现出来，首先应该了解心理活动作为超语言概念的存在与构成（性质）” [Клобуков, 1998, с. 110-123]。认知理论拥护者之所以研究人的心理活动，因为人本质是理性的而情绪在人的行为起着伤害平衡的作用，科学家认为“认知活动与人的心理活动有密切关系、认知过程调整心理活动” [Arnold, 1960, с. 296]。认知学研究并看重心理活动的原因是：第一、心理活动是人在日常生活中很重要的一部分（设计人体与文化领域），第二、心理活动对语言有很大的影响，可以说心理活动起着语言形成与组织的作用。

语言不仅是人思维与交际的工具，也是人的心理活动很重要的表现之一。语言的符号、概括、记载与交往功能使抽象的心理活动变成比较具体的语言表达。认知语言学将心理活动从概念的与语言的世界观来看，研究人怎么能将世界的认识在语言表现出来。人的心理活动在语言表达中通过不同方法表现，其中最主要的表现就是语言的词汇。

“表示心理反应的词汇里有名词、形容词、动词等，这些词在语义与语用方面比较接近但是在语法方面不同，所以这些词在心理活动的表达中各有各的特色” [Адамчук, 1996, с. 189]。属于不同词类的词与词之间有相互的关系，所以“由于同样的特性它们能相互代替” [Фомина, 1996, с. 66]。心理活动本质跟主题与客体有关系。“动词比别的词适合

反映人的心理活动，因为动词一定与主体或者客体有联系”[Уфимцева, 1986, с. 240]。

表示心理反映的动词被称为心理动词。心理动词是心理活动或者心理现象在语言中的反映。由于心理活动多样性所以自然地产生各种各样的心理动词。在心理动词中(Psychological Verbs)，“心理”这个词不同于心理学的“心理”(Psychology)。心理学的“心理”范围比较宽泛。人的头脑反映客观现实的过程，如：思维、情绪、感觉、知觉等。由于心理活动十分复杂而且语言也不是万能，所以人的心理活动不能全面地在语言中表现出来，而心理活动与语言相互影响相互联系，可以说语言是心理的组成部分。

1898年马建忠在“马氏文通”中提出心理动词的概念，这类动词是与人的心理活动有关系的动词。心理动词在日常生活交际中是常用的动词。心理动词一直得到语言学家的关注。近十年来吸引了众多语言学家的关注。由于许多语言学家对心理动词进行多方面的研究，所以心理动词成为动词的重要分类。虽然心理动词受到各层面的研究（语义，语法，句法，认知等），已经获得了成熟的结果，但是还存在一些研究不够深的问题。

目前在某些方面的认识，语言学家没有达成共识，所以心理动词研究也存在很多空白。虽然心理动词是动词的小类，但是与其他此类也有相当紧密的关系，所以研究心理动词时不仅设计心理动词的本身，而且涉及整个语法研究，这种研究有促进的作用。

在心理动词范围与分类方面的问题上也存在研究的空间。由于心理动词数量很多，所以有必要再进行心理动词的分类，研究心理动词的语义特点。这方面的研究不仅可以在理论上而且可以在实践上帮我们更清楚地了解心理动词，扩大词汇量，提高我们的语言表达能力。

二、心理动词的界定与分类

具有表情功能的词汇很多，这是所谓的“Semantic lexicon in the field of emotion, fillings and psychological states”。其中有名词、形容词、动词。鉴定具有表情功能的动词之前应该了解一下什么是“emotion”（

情绪、情感、感情）、“fillings”（感觉、情感）与“psychological states”（心理状态）。

“Emotion”（情绪）被描述为针对内部或外部的重要事件所产生的突发反应，一个主体对同一种事件总是有同样的反应。情绪持续时间很短，产生的情绪包含语言、生理、行为和神经机制等互相协调的一组反应[Fox, Elaine, 2008, c. 16-17]。人类的情绪也来自生物性能，特别是在演化中被强化。因为情绪可以为一些远古人类常常面临的问题提供简单的解决方法（如产生恐惧并决定逃离）。

“Feeling”（感觉）是对客观现实个别特性（声音、颜色、气味等）的反映，由来自物质世界的一定刺激直接作用于有机体的一定感觉器官，如光线引起视觉，声波引起听觉；刺激在感官内引起的神经冲动，由感觉神经传导于大脑皮层的一定部位所产生的感觉。

感觉是感官、脑的相应部位和介于其间的神经三部分所联成的分析器统一活动的结果；无机界没有感觉，只有跟感觉类似的特性，即单纯的物理或化学反映；随着生命出现，产生了生物反映模式，即刺激感应性；刺激感应性包括感觉的萌芽；正是在刺激感应性基础上发展起来的；动物感觉能力在进化中随分析器的专门化发展；人类的感觉在复杂的生活条件下和变革现实活动中得到高度发展。

人与动物的感觉不同，动物的感觉只是自然发展的结果，人的感觉则包括社会发展的产物。感觉属于认识的感性阶段，是一切知识的源泉；它同知觉紧密结合，为思维活动提供材料；感觉因感官的不同分为视觉、听觉、味觉、嗅觉、肤觉、运动觉、机体觉、平衡觉等。可以用感觉去感受时间改变，感觉与时间应该是相对的，过份使用逻辑思考，因为自己一些时候难以理解表面上不合逻辑的事情，容易被他人误导逻辑，但事实上那些事情是符合逻辑的事情，所以不能过份使用逻辑思考，要用逻辑加感觉去思考。这样理解才能全面充分。

“Psychological states”（心理状态）是指人在某一时刻的心理活动水平。心理状态犹如心理活动的背景，心理状态的不同，可能使心理活动表现出很大的差异性，心理状态是联系心理过程和心理特征的过渡阶段。

列维托夫 (Н. Д. Левитов) 提出人的心理活动可以分为三种形态：心理过程、心理状态与个性心理特征。心理过程是不断变化的，个性心理特征是相对稳固的，而心理状态则是介于二者之间的，既有变化、又有稳固，是心理过程与个性心理特征统一的表现。心理过程都是在一定的心理状态的背景中进行，都表现为一定的心理状态。如注意的分心与集中；思维的明确性、迅速性和“灵感”状态；情绪的激动与沉着；意志的果断与犹豫等。心理状态是个别心理过程的结合、统一，是综合的心理现象，所以它往往成为个性特征的表现，反映出一个人的个人性格，因而心理状态的特征又往往成为一个人的个性心理特征的表现。所以，一个人在特定时刻的心理状态，是当前事物引起的心理过程、过去形成的个性特质和以前的心理状态相结合的产物[朱智贤等编，1989，20 页]。

科学家已经对人类生活情感的性质和重要性做出了解释，主要内容就在于，在情感的表达过程中，身体所有的机能都参与其中，发挥作用，比如生理反映，智力，体力系统，面部表情等。而在身体机能中起到突出作用的是语言，通过语言将这种情感表达出来，对人类有直观的影响[Минибаева 2002, с. 26]。这种情感解释的理论基础在于心理学的研究成果，如情感的多重性和多样性，以及“情感”概念的定义和分类的相关理论。这些相关理论许多情绪科学家也都在继续补充和发展。在心理活动与语言学的研究中，至今没有统一的理论，因为心理活动很复杂，而且在语言学的研究中，之前并不重视心理活动的作用。现在心理活动情感领域对语言学的研究也在不断深入[Фомина, 1996, с. 66]。

特罗希纳 (И. А. Трошина) 认为 «сфера эмоциональных переживаний человека – одна из важнейших составляющих его внутреннего ядра, которая формирует опосредованную реальность, т. е. то, что человек может выразить через язык, иными словами, языковую картину мира» (人情感体验的领域是他内心最重要的组成部分之一，其形成调解的现实是通过语言来表达，换句话说就是语言世界观)，所以人们的情感能够比较充分地以语言表达出来 [Трошина, 1995, с. 60–68]。

情绪与语言的关系，语言学家从两个角度来看：第一，将语言看作本质情绪的语言；第二，将语言看作人类情绪的反映[Bamberg, 1997, с. 209-225]。语言不仅允许人们表达自己的情感、情绪等而且使人们理解其他人的感受。

表示心理活动的词汇在其所指的方面上具有语境性，因为人们的情绪跟主题与客体有关，所以动词是最适应最适合表达心理活动的词类。

在奥热戈夫俄语详解词典里»эмоциональный» означает вызванный, насыщенный эмоциями, выражающий их»（感情是被引起的或者充满情感，表达感情的意思之一[Ожегов, 2005]。所以心理动词不仅带有情绪、感情等意思而且有表达心理活动的作用。俄语里边存在好几个表示心理活动动词的术语“глаголы, обозначающие психическое состояние субъекта（直译：意味着主体心理状态的动词），“глаголы, обозначающие нравственное состояние”（直译：精神状态动词），“глаголы эмоций”（直译：情绪动词），“глаголы эмоционального состояния”（直译：心理状态动词），“глаголы внутреннего психического чувства”（直译：心理感觉动词），“глаголы психических процессов”（直译：心理过程动词），“глаголы чувств”（直译：情感动词），“глаголы-эмотивы”（直译：心理动词）”。汉语中与人的心理活动有关系的动词被成为心理动词（马氏文通）。本文借用俄语中的“глаголы-эмотивы”与汉语中的心理动词这两个术语来探索这种动词的小类。

心理动词是语言动词的特殊小类，其具有语义、语法、交际功能等特征。心理动词的使役性、换位性、及物性、体貌性、反身性等同时相交。学家们从不同角度（句法、形式、语义、语用）来尝试界定心理动词。

心理动词早期的分类基本上依据其概念或意义。比如胡裕树、范晓认为表示情感、意向、认识、感觉、思维等方面的心理活动或心理状态的动词都是心理动词[李英哲、郑良伟, 1990, 32 页]，但是袁明军认为表示人的内心行为与状态的动词属于心理动词，而思维动词表示大脑中进行的活动不是真的表示内心的活动[袁明军, 1995, 17 页]。李英

哲、郑良伟的心理动词的范围广一些，有说动词、认知动词、想象动词、询问动词、感谢类动词[胡裕树、范晓，1995，34页]。

博边科（Л. Г. Бабенко）在他的“俄语中表示心理活动的词汇”里提出，语言词汇具有义素系统，包含心理活动义素的动词被称为心理活动动词，以心理动词能够表达心理状态：волноваться（担心）、скучать（想念）、злиться（发怒）；态度：ненавидеть（恨）、жалеть（安慰）、обижать（欺负）；影响：смешить（逗笑）、мучить（折磨）、злить（激怒）；外部表现的情绪：смеяться（笑话）、целовать（亲吻）、стонать（呻吟）；心理状态形成过程：пресытиться（讨厌、烦）、мрачнеть（惆怅）[Бабенко, 1989, с. 184]。

心理动词分类体系没有统一的判断标准所以每个研究结果的心理动词的数量不同，范围也有差异。通过语言表现出来的心理状态、态度、过程、外部表现的情绪等心理活动确定心理动词的特征。心理动词概念很复杂，虽然已经有一些比较深刻的对心理动词研究结果，但是心理动词统一的界定难度很大。

在语言对比问题上，研究心理动词有一定的价值，因为不仅可以对两种语言的异同加深认识与了解，而且在语言词汇教学，语言翻译、第二语言学习、跨文化交流中也具有实用价值。

Литература

Адамчук Т. В. Тематизация эмоций в тексте (на материале современного английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1996. 189 с.

Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. 184 с.

Клобуков П. Е. Эмоции, сознание, культура (особенности отражения эмоций в языке) // Язык, сознание, коммуникация. М., 1998. Вып. 4. С. 110–123.

Минибаева С. В. Текстовое представление эмоционального состояния «страх» (на материале малой прозы Чехова А. П.) : автореф. ... канд. филол. наук. Уфа, 2002. 26 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка М. : ИТИ Технологии, 2005. 941 с.

Трошина И. А. Функционально-семантический подход в изучении проблемы языковой эмотивности // Язык и эмоции : сб. науч. тр. ВГПУ Волгоград, 1995. С. 60–68.

Уфимцева А. А. Лексическое значение (Принципы семиологического описания лексики). М. : Наука, 1986. 240 с.

Фомина З. И. Эмоционально-оценочная лексика современного немецкого языка : автореф. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 66 с.

Arnold M. V. Emotion and Personality. Psychological Aspects. New York : Columbia University Press, 1960. Vol. 1. 296 p.

Bamberg M. Emotion Talk(s) The Role of Perspective in the Construction of Emotions // The Language of Emotions: Conceptualization, Expression and Theoretical Foundation / ed. By Susanne Niemeier, Rene Dirver. 1997. P. 209–225.

Fox Elaine. Emotion Science: An Integration of Cognitive and Neuroscientific Approaches. New York : Palgrave MacMillan, 2008. P. 16–17.

李英哲、郑良伟. 《使用汉语参考语法》[文]: 河南大学出版社, 1990年, 32页.

胡裕树、范晓. 《动词研究》[文]: 河南大学出版社, 1995年, 34页.

袁明军. 《程度副词和动词的类》[文]: 北京语言学院出版社, 1995年, 17页.

朱智贤等编. 《心理学大辞典》[文]: 北京师范大学出版社, 1989年, 20页.

Цзяо Юнцинъ

Шаньдунский институт бизнеса и технологий, Яньтай

Jiao Yongqin

Shandong Technology and Business University, Yantai

THE PRINCIPLES AND CORRESPONDING STRATEGIES OF TRANSLATOR'S SUBJECTIVITY IN TRANSLATING ENGLISH FILM TITLES

Abstract. This paper discusses the translation principles and corresponding strategies followed by translators to play the subjective initiative during the film title translation. The translator is the original reader, interpreter, and also the author and creator of the translation. To make the translation perfect, he needs to follow the following translation principles and adopts the appropriate strategies: literal translation, free translation, mix translation, transliteration, or adaption and creative translation of the title of the film on the basis of its original contents; try to achieve the effect of “elegant” translation and innovatively reflect the aesthetic value of the film; and reflect the local traditional culture characteristics and focus on the acceptability of the translation while taking into account the value of the film business feedback.

Keywords: translator's subjectivity; English film title translation; translation principles and strategies

1. Introduction

Whether the translation of English film titles is properly translated directly influences the exchange of film culture and the value of business investment [He Yuemin, 1997]. In addition to faithful delivery of the English film theme information and culture, the translator needs to meet the local audience's language thinking habits and aesthetic standards, and its cultural taste and business feedback is essential as well. To translate English film titles, the translator should take into account the degree of language and cultural acceptance of the target audience, and deal with the differences flexibly between Chinese and Western traditional cultural differences and thinking habits, fully consider the cultural aesthetic orientation of the target audience,

and strive to meet the emotional expectation of the audience, thus improve the acceptability of the translation. This paper attempts to explore the principles and corresponding strategies followed by the translator to play the translator's subjectivity in the English film titles translation.

2. Studies on translator's subjectivity

Translator's subjectivity refers to the subjective initiative expressed by the translator on the basis of full respect for the original content in the process of translation. It's mainly reflected in the translator's understanding, interpretation and artistic re-creation of the original works' thought, writing style and cultural connotation.

The significance of translator's subjectivity is discussed in the fields of scientific and technological translation, prose, film subtitle, poetry translation, translation of tourism materials and translation of foreign literature, etc. From the perspective of translation ecology, Lin Jingying [2011] points out that translator's subjectivity is conducive to establishing symbiosis in English and Chinese languages and maintaining the diversity of world culture.

Ma Fuhua [2008] from the perspective of feminism demonstrates translator's subjective initiative during the process of translation. Mao Ronggui [2003] discusses that the translator should follow principles of translation aesthetics in translating classical works of literature, gives full play to his own subjective initiative and reproduces the artistic charm of classical works. Translator's subjective role shouldn't be exaggerated.

3. Translator's principles and corresponding strategies in translating English films titles

He Yuemin [1997] points out that the current English film title translation "brings chaos and regret". The title of the same English film may be chaotically translated for different factors ranging from regional culture, level differences of translator to the pursuit of commercial profits. For example, the classic movie "Ghost", in addition to osmosis "人鬼情未了", there are three other translations, namely "幽灵", "鬼魂", "第六感生死恋". A lot of audiences will probably give the axe on the movie only because of the feeling of terror implied by the titles of the movie. It is just the literal translation of the title, losing the artistic beauty.

Good translation should both meet the language norms, but also shows its artistic charm; both be faithful to the original and avoid translating too literally, but also be the re-creation with the consideration of the audience's cultural traditions [Bao Huinan, 2001]. In the film title translation, the translator's subjectivity should follow the following principles and take the appropriate strategies.

3.1 Adopt literal translation, free translation, mix translation, transliteration and supplementary and extensive translation on the basis of original content.

“Roman Holiday” is literally translated into “罗马假日”, telling the romantic story between an European princess and an American journalist during a day in Rome. “假日” alludes to the princess and journalists are deeply desire for free life. But, if it is translated into “罗马自由一日”, it may elaborate the gist of the film losing the romantic feelings of unlimited reverie of audience. Literal translation of the English film title reproduces the original flavor and exotic charm and culture.

The translation of the film “SEVEN” into “七宗罪” is a combination of literal and free translation. “SEVEN” is a very sensitive figure in foreign countries, especially in the hearts of Christians. With a simple “SEVEN” title, the audience can naturally think of the seven quit. In the movie, seven sins, seven fines, seven rains, seven days of the story that happened, the outcome was also set by the guards at 7 p.m. on the seventh day, the ubiquitous “seven” implies the audience that it was fatal with penalty. It is translated into “七宗罪”, so that the audience who are familiar with the western culture can start their vision of hope, and predict the theme of the film must be related with “seven sins” in Bible. Meanwhile, the audience without western cultural background will have strong interest and curiosity: “What are the seven sins?”

3.2 “Elegant” translations in the full consideration of the principle of aesthetic value of the film

Mao Ronggui [2003] argues that translation should follow the aesthetic value and make artistic re-creation. The version should have phonology beauty, poetic imagery beauty, beauty of image, rhythm beauty, brevity beauty, stylistic beauty and creation of beauty. Phonology beauty, such as Chinese idioms, mostly four-character idiom, concentrated each and every classic story, mythology and philosophy of life. “The Bridges of Madison County” is translated into “廊桥遗梦”, “A Walk in the Clouds” into “云中漫步”, “The Sound of Music” into “音乐之声” and “Oliver Twist” into “雾都孤儿”, and so on.

3.3 Fully embodies traditional cultural characteristics of local audience with respect for the principles of cultural information and thinking mode differences

In terms of translation of film titles imbued with strong cultures, the translator needs to consider factors like local traditional cultural practices and thinking differences between Chinese and foreigners and adjusts accord-

ing to the cultural needs of the audience and acceptability. The American film “Notorious” is translated into “美人计”. “美人计” is one of the Chinese history books “Thirty-Six Stratagems”. The word “Notorious” implies “disrepute” of a person. The story shows that the protagonist Julia utilizes his father’s relationship (the original German spy John) and his marriage to successfully infiltrate into the Nazi interior and steal the enemy intelligence. It is a film combined with suspense, beauty, espionage and love. The translator, taking into account the profound connotation of Chinese culture and famous “Thirty-Six Stratagems”, translates the film into “美人计” on the historical and cultural basis.

The translator should have a profound cultural awareness to understand local cultures involved in English films. On the basis of deep understanding of the cultural information carried by the title, as well as accurate understanding of the content and film style, the translator is supposed to seize the denotation and connotation between the original and version language, and convey the English film’s authentic meaning.

3.4 Fully consider the audience’s vision and pay attention to the film’s commercial feedback value

The film itself is also a business activity. Its greatest commercial value may be to win a huge commercial profit. Therefore, the translator should also consider “how to translate” so as to bring a commercial value to the greatest extent. How can the translator fully seize the traditional cultural characteristics and aesthetic standards of the audience and translate their favorite version? The audiences recognize the version psychologically firstly and then look forward to a glimpse of the film so as to realize the commercial value of introducing English films [Men Yanling, 2007].

For instance, the film “Speed” is translated into “生死时速” and “速度”. Compared to the latter, “速度” implies the ordinary feeling, while the former brings more emotional stimulation and abundant imagination. The audiences will guess why “life” and “death” in the film confront with each other, and look forward to the breathtaking blockbuster, and then improve the film box office revenue.

4. Conclusion

A good English film, if there is a good version to phase contrast, it will be like an art boutique and provides the audience with artistic edification. Therefore, the film will stand out among the same movies or the same period of the films and attract the audiences to watch the film [Long Qianhong, 2001]. Faithful to the theme of the English film gist and taking into account the differences between Chinese and Western cultures and thinking, the translator should give full play of the role of subjectivity initiative and pro-

vide excellent Chinese version. The version should both conform to traditional Chinese culture and aesthetic standards and achieve the effect of aesthetic language and concentrate on the main points, thus leads to fantastic Chinese version.

References

Bao Huinan, *Cultural Context and Language Translation* [M], Beijing: China Translation and Publishing Corporation, 2001.

He Yuemin, *The current problems and countermeasures in the translation of Western films* [J], Chinese Translators Journal, 1997.

Lin Jingying, *On the translation strategy of film titles from the perspective of ecological translation* [J], Teaching of Forestry Region, 2011.

Long Qianhong, *Hesitation in translation of film title—Chinese versions of the title of English films “Speed”* [J], Forum of Arts (Initial issue), 2001.

Ma Fuhua, *Translator’s subjectivity from the perspective of feminist translation theory*, Journal of Chongqing University of Science and Technology, 2008.

Mao Ronggui, *Translation and aesthetics* [J], Shanghai Journal of Translators for Science and Technology, 2003.

Men Yanling, *Some Principles of Translating English Film Titles* [J], Film literature, 2007.

Цуй Хунхай

Шаньдунский институт бизнеса и технологий, Яньтай

Cui Honghai

Shandong Technology and Business University, Yantai

ON THEORIES OF ENGLISH FOR SPECIFIC PURPOSE

Abstract. English for Specific Purpose (ESP) is a practical need-based English-teaching approach started in the 1960s. It is the developing tendency of English – teaching in 21 century. The ESP teaching becomes more and more popular in universities, and it cultivates lots of people who master both English and specialized knowledge to satisfy the need of the economic construction. However, some problems have to be solved immediately, and some foreign theories and experiment are worthwhile to be studied.

Keywords: English for Specific Purpose, Bilingual Education, Bilingual teaching.

1.0 Introduction

English for specific Purpose (ESP) is a branch of English linguistics, beginning in the early 1960s in English countries. Its origin and development were from the needs of social development. After the Second World War, the rapid development of the global economy, science and technology overwhelmed the whole world. With the global political, economic and cultural exchanges, to strengthen English as the world's common language status is increasingly urgent, and more and more people concerned about learning English. In order to meet the needs of various types of people to learn English for different purposes, ESP came into being. The continuous warming of English learning has led to the rapid development of ESP.

According to the survey, ESP courses in English-speaking countries and non-English-speaking countries widely exist in various types of teaching institutions, such as institutions of higher learning, language schools and training institutions. The ESP teaching theory research and practice have formed a more complete system, which combines ESP courses, ESP master's degree, professional e-journals, cross-border cooperation projects, and teacher training programs [Yan Ming, 2009]. Scientific research is also fruitful with a number of representative works. So far, ESP has become a wide range of various forms of English teaching.

China's education field started to concern about ESP in the 1970s. From the 1980s, science and engineering colleges and universities began to set up professional English courses for the undergraduates [Lu Weicheng, 2009]. Since then, domestic research on ESP has prospered, including papers, books, projects, specialized seminars, and translations of foreign scholars' papers. ESP has now become a hot topic in domestic English teaching.

2.0 ESP concept and classification

So, what exactly is ESP teaching? As early as 1964, Halliday, M. A. K., McInerney, Stevens in their co-authored *The Linguistic Sciences and Language Teaching* put forward the concept of ESP: English for civil servants, for policemen, for officials of the law, for doctors and nurses, for specialists in agricultures, for engineers and fitters. In other words, ESP refers to a particular occupation, discipline or purpose related to English, that is, the purpose of special purpose English. It proposes to determine the teaching content and methods according to the specific needs of learners. This book is of great significance to the development of linguistics and specialized use of English.

In 1988, Stevens proposed the definition of four absolute features and two variable features. The absolute features include: to meet the special needs of learners; content related to the specific disciplines involved; the language style adjusted in terms of grammar, vocabulary and other aspects; and contrast with English for General Purpose (EGP). The variable features include: ESP is not necessarily limited to the language skills learned; ESP teaching does not follow any pre-set method.

Dudley Evans & St John further argues that specialized use of English is designed based on a particular professional major. It is different from the general purpose of English, and is a unique teaching method and teaching concept. ESP is interdisciplinary. It involves not only the language ontology and linguistic theory, but also the professional knowledge. Its purpose of teaching is to cultivate and improve the students' English proficiency in their respective field.

Various ESP definitions appear, most of which are both rational and deficient. Most people prefer to Professor Yan Ming's description of the defini-

tion by Hutchinson & Waters: ESP is not a product, but an approach. It has no special teaching methods, and there is no essential difference with other general English teaching. But ESP determines its specific teaching method according to the specific needs of learners. Qin Xiubai also stresses that ESP is an APPROACH in English teaching, which focuses on the nature of the language and tries to explore how people learn the language. Different APPROACH will lead to different teaching METHOD, the use of different teaching skills [Qin Xiubai, 2003]. It should be clear who the learners are and what they want to learn. And then it is necessary to determine who will teach and how to teach.

There are mainly two ways for the classification of English for Special Purpose (ESP).

According to Hutchinson and Waters, ESP can be divided into English for Science and Technology (EST), English for Business and Economic (EBE) and English for the Social Science (ESS). Each branch can be further divided into English for Academic Purposes (EAP) and English for Occupational Purpose (EOP). This way of classification is mainly based on disciplines.

Jordan simply divides ESP into two categories: English for Academic Purposes (EAP) and English for Occupational Purpose (EOP). And EAP is further divided into English for Specific Academic Purpose (ESAP) and English for Academic Purposes (EAP). This division is mainly based on the purpose that a learner learns a language and the language environment. Although ESP classification varies, through these descriptions we can be sure that the professional foreign language courses set up at China's colleges and universities should belong to English for Specific Academic Purpose (ESAP) category.

3.0 ESP and bilingual teaching

In September 2001, the Higher Education Department of the Ministry of Education of the People's Republic of China issued *On Strengthening the Undergraduate Teaching and Improving the Teaching Quality at Colleges and Universities* [Feng Guiying, 2008(1)]. It explicitly requires undergraduate education to create conditions of English language teaching. From that moment on, bilingual teaching has become a hot topic of college English teaching reform.

Bilingual teaching as a new form of teaching is not simply a simple combination of English language teaching and professional teaching, but profession-centered, with the disciplinary knowledge system instructed in bilingual language through the whole process of teaching and learning. As Professor Feng Guiying has mentioned in the article “the Relevance of Public English, Legal English and Legal Bilingual Teaching”, the main purpose of bilingual teaching is to use two languages as a means of transmitting information to students. It enables students to use two languages to master the

discipline concept, theory and methods. Its essence is still a form of teaching, rather than English language teaching. The ultimate goal is to enable students to better grasp the professional knowledge. In a sense, the university public English teaching is the foundation, professional English teaching is the bridge, and bilingual teaching is the ultimate goal [Feng Guiying, 2008(1)].

Therefore, in order to successfully implement bilingual teaching, it is necessary to strengthen students' basic English and professional English learning. The focus of the first and second year of public English teaching is to help students to lay a solid foundation of language for future learning and research, so as to improve the quality of cross-cultural communication. As one of ESP, professional English teaching can enable students to expand the professional English vocabulary, to understand their professional grammar, syntax and text characteristics, and to develop a certain professional writing and communication skills. Students' good basic English level and professional English level are prerequisite for the implementation of bilingual teaching. To effectively implement bilingual teaching, students must have good public and professional English. Only in this way can we cultivate high-level talents who can master and be proficient in the use of English in professional knowledge and skills.

In short, bilingual teaching as a national policy is an important university teaching reform measure. Its implementation requires the support of the entire educational environment, and teachers and students. If we can deal with the relations of public English teaching, professional English teaching and bilingual teaching, we will really cultivate high quality talents to adapt to the development trend of the world.

4.0 Enlightenment

The well-known linguist Liu Runqing in the article "21st Century English Teaching – A Survey of the United Kingdom" has pointed out that the future of English learning is no longer simple English language learning. The future English teaching is more and more combined with a certain aspect of professional knowledge or a certain discipline. ESP teaching will become the 21st century English teaching mainstream [Liu Runqing, 1996(2)].

However, in the practice of ESP in China, many institutions do not realize its importance. The attention given to ESP in the course of teaching practice is insufficient. Some scholar has suggested that China's current ESP research is on such a stage as no ESP research center, no ESP academic journals, and no ESP academic leaders. At the same time, ESP is not a stable course set up in colleges and universities. The teaching materials are not perfect, and it lacks of specialized ESP English teachers. Many researchers still

argue on the basic connotation of ESP and its extension. In general, the teaching effect is far away from that of foreign countries.

However, China's academic research on the importance of ESP has marked the training of ESP personnel began to formalize. Some colleges and universities have incorporated the ESP teaching model into the teaching reform program. The regular ESP academic conference of Asia-Pacific region promotes China and the Asia-Pacific region and even the world to develop ESP more effectively, and provides an academic platform for the Asian peer experts to explore, research and exchange of ESP.

English as a major global communication tool today has changed from a foreign language to a basic skill. With the deepening of China's opening up, the important position of ESP is self-evident. At this time, a ESP survey of the national level on the domestic ESP courses is quite necessary. Large-scale, empirical investigation and study could help to support the establishment of a number of academic research bases, ESP teaching team, and academic forum. To develop long-term ESP teacher training mechanism and to encourage interdisciplinary cooperation in teaching will foster China's ESP teaching and research.

References

Feng Guiying, the Relevance of Public English, Legal English and Legal Bilingual Teaching, Journal of Hubei Second Teachers College, 2008, (1).

Liu Runqing. English Teaching in the 21st Century: a Survey of the United Kingdom [J]. Foreign Language Teaching and Research, 1996, (2): 21– 27.

Lu Weicheng. ESP Curriculum Design Principles, Procedures and Teaching Guidance [J]. Higher Engineering Education Research, 2009, (2): 145.

Qin Xiubai. ESP Nature, Category and Teaching Principles [J]. Journal of South China University of Technology (Social Science Edition), 2003, (4): 79– 80.

Yan Ming. University ESP Teaching Theory and Practice Research [M]. Heilongjiang University Press, 2009.

Чан На

Шаньдунский институт бизнеса и технологий, Яньтай

АНАЛИЗ СПЕЦИФИКИ ЯПОНСКОГО И РОССИЙСКОГО ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ. ОТКРОВЕНИЕ ДЛЯ КИТАЯ

Аннотация. Раннее детство является важным периодом формирования характера и развития личности, таким образом, дошкольное образование играет важную роль в процессе роста человека. С 1980-х гг. укрепление дошкольного образования стало одной из основных целей будущего образования в мире. Многие страны поставили дошкольное образование в качестве основы общего образования. Япония и Россия уделяют особое внимание дошкольному образованию. Посредством анализа специфики японского и российского дошкольного образования, можно заимствовать опыт двух стран и содействовать благополучному и устойчивому развитию дошкольного образования нашей страны.

Ключевые слова: Япония, Россия, дошкольное образование, специфика, откровение.

常娜

山东工商学院, 烟台

日俄学前教育特色探析及对我国的启示

摘要: 幼儿时期是性格形成和人格发展的重要时期, 因此学前教育在人的成长过程中扮演着重要的角色。自 20 世纪 80 年代以来, 加强学前教育成为世界未来教育的主要目标之一。许多国家把学前教育作为整个教育的基础。日本和俄罗斯都是世界上比较重视学前教育的国家之一, 把学前教育放在国家战略的高度予以发展。通过分析日俄两国学前教育的特色, 有助于我们借鉴两国的经验, 促进我国学前教育健康、持续发展。

关键词: 日本; 俄罗斯; 学前教育; 特色; 启示。

Chang Na

Shandong Technology and Business University, Yantai

AN ANALYSIS ON THE PRESCHOOL EDUCATION FEATURES IN JAPAN AND RUSSIA AND ITS ENLIGHTENMENT TO CHINA

Abstract. Early childhood is an important period of character formation and personality development, so preschool education plays an important role in human growth. Since the 1980s, strengthening preschool education has become one of the main goals of future education around the world. Many countries use preschool education as the basis for the whole education. Japan and Russia are the countries which pay more attention to preschool education in the world, and regard preschool education as one of the national strategies. By analyzing the features of preschool education in Japan and Russia, it is helpful for us to learn from the experience of the two countries and promote the healthy and sustainable development of our preschool education.

Keywords: Japan, Russia, preschool education, features, enlightenment.

学前教育, 又叫幼儿教育、早期教育等, 即对儿童在其进入学校学习之前所进行的教育, 所以学前教育是基础教育的基础, 是人生教育的起步, 给儿童今后的发展提供了“基调”。20 世纪 80 年代以来, 发达国家迎来了学前教育的大发展, 学前教育的地位进一步得到巩固和提高。纵观世界各国, 与我国相邻的日本和俄罗斯在学前教育领域都取得了不同程度的发展, 得到了世界学前教育界的一致好评。而我国的学前教育发展缓慢, 主动学习和借鉴日俄两国学前教育发展的经验和做法, 对于推动我国学前教育的发展有重要意义。

一、日俄中学前教育概况

日本的学前教育指得是儿童从出生到六岁之前所接受的教育。学前教育机构主要包括幼儿园和保育所两种。幼儿园主要招收 3 到 6 岁的儿童, 由文部省和各地方教育部门协调监管, 对学龄前儿童实施正规的学前教育。保育所主要负责 0 到 6 岁儿童的教养, 由厚生省和各

地方福利部门协调监管，是对家人照看有困难的儿童实施保育并兼事学前教育的社会福利设施。[杜思宇，2014，J. 190]日本的幼儿园分为国立、公立和私立三种，国立幼儿园由国家设立，公立幼儿园由地方行政机关设立，私立幼儿园由私人和各种法人开办。在日本，私立幼儿园所占比例很大，占幼儿园总数的60%左右，所以约有80%左右的幼儿会进入私立幼儿园。

俄罗斯的学前教育阶段指的是儿童从出生两个月到7岁之前接受的教育。学前教育机构呈现多元化趋势，大的方面来讲有传统形式和非传统形式。传统形式是指从苏联时期继承下来的托儿所、幼儿园、托幼混合的一体化机构和家庭托儿所。幼儿园是俄罗斯学前教育机构最普遍的形式，分为国立幼儿园、市政幼儿园和私立幼儿园三种。国立和市政都属于公立幼儿园，公立幼儿园执行国家统一的学前教育大纲。公立幼儿园所占比例很高，达到98%左右。幼儿园在种类上可以具体细分为下列类型：小幼班幼儿园、学前班幼儿园（大幼班）、看护与保健型幼儿园、补偿型幼儿园、组合型幼儿园、一般发展型幼儿园和儿童发展中心。小幼班幼儿园招收两个月至三岁的儿童，为儿童创造适应社会和早起社会化的条件。学前班幼儿园（大幼班）招收5-7岁儿童，实施基础普通教育学前大纲，以保证其今后在普通教育机构的学习与正常儿童有平等的起点。看护与保健型幼儿园主要是对儿童实施卫生与保健、预防与健身等。补偿型幼儿园主要是对儿童在发展过程中出现的身心方面的偏差实施专业的矫正。组合型幼儿园里可以有各种搭配的一般发展型班、补偿型班和保健型班。一般发展型幼儿园优先发展学龄前儿童的一个或几个方面的特长。儿童发展中心对所有入园儿童进行发展训练，矫正、健全儿童的身心发展。非传统形式指的是幼儿园小学联合体和幼儿园小学中学联合体。[王凤英，2011，J. 57-58]

在我国，学前教育主要是对3到6岁儿童实施的保育和教育。顾明远主编的《教育大词典》对学前教育和幼儿教育的概念做了区分，对学前教育的解释是对出生到入学前儿童的教育，幼儿教育是学前教育的一个阶段，对象是3至6周岁的儿童。因为我国0至3岁的儿童一般在家，以保育为主。[陈颖，2013，D. 3]虽然也有招收0至3岁

儿童的托儿所，但是数量极少，并且都是私人创办的，所以在此不把它看成是学前教育的机构。作为主流的学前教育机构并且被国家所承认的只有幼儿园。我国的幼儿园有公立幼儿园和民办幼儿园两种，民办幼儿园也就是私立幼儿园的数量不断增长，总体上来说已超过幼儿园总数的一半，但是也存在各个地区发展不均衡的状况。

通过以上分析可以看出，中日俄三国对接受学前教育的儿童的年龄划分范围不同，另外，虽然大体上都是分为公立和私立两种，但是公立私立的比例分配差别较大。

二、日本学前教育的特色

日本学前教育经过近几十年的发展，在多方面形成了自己的特色，下面就具体介绍。

（一）完善的法律保障

通过法律手段规范幼儿园，为创造安全幼儿园提供法律保障是日本学前教育的重要特色。很早以前日本就认识到学前教育的重要性，注重学前教育立法。1889年，日本就制定了幼儿园规则，规定了学前教育的目标，之后又制定了一系列的法律法规，逐步完善学前教育立法。[杜思宇，2014，J. 190]2006年12月，日本公布实施新的《教育基本法》，首次将幼儿教育写进此法中，该法明确规定：“鉴于幼儿教育对于人之一生人格形成的基础培养具有重要作用，国家以及地方公共团体，必须为幼儿的健康成长提供良好的环境以及适当的方法，以努力使之振兴。”《基本教育法》的出台保障了学前教育的各项工作有法可依。[李楠楠，2016，J. 79]

（二）营造宽松有序的环境

日本学前教育强调“通过环境进行教育”，这种教育既不是教师单向掌控的教育，也不是对幼儿放任自流式的教育，而是教师的计划性与幼儿的主体性有机结合并处于良好平衡状态的教育。所以在给孩子们充分自主性的同时，要有约定俗成的规则。虽然孩子们必须要遵守这些规则，但这些规则却丝毫不给孩子们的活动带来不必要的压力，更不会因为要遵守规则而扼杀了孩子们的热情和创造性。[董梅，2012，J. 67]

（三）注重培养幼儿的独立意识

日本的幼儿园和家长都注重培养幼儿的独立意识，我们经常看到介绍日本幼儿教育文章中提到：日本的幼儿每天去幼儿园或者离开幼儿园时都要拿好几个包，每个包的作用不同，但是这好几个包都是孩子自己拿着，家长则空着手跟在旁边走。家长认为，幼儿是独立发展的个体，幼儿能自己独立完成的事情，家长从来不插手，也不会提供帮助。另外，在幼儿园里的一切自己的事情，比如换衣服、鞋子，自己物品的摆放等都是自己独立完成，通过这些训练，帮孩子们养成独立意识和良好的行为习惯。

（四）注重儿童的天性，学前教育以游戏为主

因为在幼儿时期过多地传授知识不符合幼儿的天性，所以日本的学前教育并没有规定要学“国语”、“算数”等具体的课程，而是分为“健康”、“人际关系”、“环境”、“语言”、“表现”五个领域，这五个方面都规定了儿童通过每天的游戏和室内外活动逐步实现的目标。《幼儿园教育要领》也充分肯定了“游戏”在学前教育中的作用和意义。指出幼儿园充分保证幼儿的游戏是首要的事情，游戏中的重要事情是幼儿的主体力量得到发挥，通过游戏，幼儿从发挥主体力量到进行自我表现，逐步培养对周围世界的好奇心，并开始探索、实践尝试、逐步形成积蓄知识的基础。[王幡，2014，J. 86]

三、俄罗斯学前教育的特色

俄罗斯学前教育继承了苏联时期的优良传统，并且随着时代发展不断地改革，也形成了自己的特色。

（一）政府的政策支持

俄罗斯联邦政府把学前教育放在国家优先发展的重要地位，通过一系列的政策来规范、保证幼儿教育的发展。《俄罗斯联邦教育法》（1992年）指出：国家保证从财政和物质上支持幼儿教育，还对地方当局、家庭、学前教育机构及学前教育机构和家庭的关系做了说明，力图从社会各方面促进学前教育的发展，形成家庭、社会、学前教育机构三者合力，推动学前教育的发展。《俄罗斯联邦教育发展纲要》（2000年）推动了学前教育的普及。《纲要》指出了学前教育存在的一些问题，并且提出了有利于解决这些问题的措施，体现了国家对普及学前教育的重视。《俄罗斯国民教育要义》（2000年）展示了21世

纪前 25 年俄罗斯在教育领域的热点重点问题。在预期结果中，着重指出全体公民将不受性别、种族、语言、出身、社会地位高低等的限制，均享受普及性的免费学前教育，可以看出 21 世界俄罗斯对普及学前教育的重视及期望。《莫斯科学前教育 10 年（2008—2017）发展方案》（2008 年）的出台，为莫斯科学前教育的发展指出了目标及发展措施，此方案的良好执行会推动俄罗斯学前教育的新发展。[张继唯，2015，D. 11-13]

（二）公立学前教育机构比例高

文章的第一部分已经介绍过俄罗斯的学前教育机构呈现多元化趋势。种类丰富多样，但是在众多的教育机构中，公立机构所占的比例极高。充分体现了学前教育的公益性。并且俄罗斯把学前教育也扩展到了农村，从总体布局来看，城乡分布比较均匀。

（三）家校合作

加强家庭与幼儿园的合作成为当前各国改革学前教育的重要措施。包括俄罗斯和日本在内的许多国家都在家校合作方面采取了积极措施，例如实行开放办学，成立家长--教师协会等等。而“家长管理中心”是俄罗斯具有显著特色的学前教育机构，充分利用家长资源，让家长参与幼儿教育活动，配合幼儿教师对幼儿进行教学与管理。不过这种幼教机构主要存在于经济不发达的俄罗斯各山区和城镇，一般提供半天或全天服务。[张学英，2014，J. 246]

（四）尊重儿童的成长规律，注重培养儿童的人文精神

苏联著名的心理学家维果茨基认为：游戏是儿童发展的重要源泉，是儿童发展过程的基础。在游戏中，儿童比他本身的实际水平要高。俄罗斯的学前教育继承和发展了他的理论，在幼儿园，教师和儿童是平等的合作伙伴关系，通过互相合作和交往的方式进行游戏式教学活动，拒绝对儿童进行知识的灌输。[王凤英，2011，J. 59]这充分体现了尊重儿童成长规律的理念。此外，俄罗斯幼儿园的教育目标是在儿童认识世界的过程中积极培养儿童对生命和周围环境的人文关怀意识，重视儿童人性的发展，重视培养儿童与人，与自然之间的和谐相处。[王凤英，2011，J. 59]

四、对我国学前教育的启示

21 世纪以来，我国的学前教育取得了快速的发展。但是，存在着很多不足之处。比如：缺乏先进的教育理念；收费标准不统一，公办幼儿园数量少，出现入园难等问题；东西部以及城市和农村之间幼儿教育发展不平衡；监管不足，很多幼儿园存在管理混乱、甚至虐待幼儿的现象；资金短缺，致使幼儿玩耍的设备陈旧，存在安全隐患。通过分析日本和俄罗斯学前教育的特点，得到以下启示。

（一）积极吸收国外先进的教育理念，并与中国实际和传统文化相结合，形成有中国特色的学前教育理念。重视游戏的作用，在游戏中教师要尊重孩子自身的成长规律，而不是主导、命令孩子。培养孩子的独立意识，孩子自己的事情以及孩子能独立完成的活动都让孩子自己完成。

（二）国家应该充分重视学前教育。增加公立幼儿园的数量，解决入园难的问题。同时加大对幼儿园的财政支持，为孩子提供良好的环境。此外，0-3 岁幼儿的保育也要得到重视，应加大托儿所性质的机构，为双职工家庭的孩子提供保育场所，同时也能让孩子从小就参与到集体中，有利于培养孩子与人相处的能力。

（三）加强对办园质量和幼儿教师素质的监管。办园质量不合格的幼儿园要责令关闭，没有幼儿教师资格证的教师要坚决辞退。即使有教师资格证的某些教师也存在一些问题，所以要做到早发现，早解决。特别是一些乡镇的民办幼儿园，存在的问题更多，需要更严密的监管。同时也可以实行家园合作的同时，加强家长对幼儿园的监督。

（四）制定法律政策，规范学前教育的内容，做好幼小衔接。目前，我国幼儿园学前教育的内容比较混乱，公立幼儿园和私立幼儿园之间存在很大差距。所以国家应该制定完善的学前教育目标来规范学前教育的内容和形式。

五、结束语

目前，我国的学前教育越来越受到重视，但是在很多方面还存在着不足，通过借鉴他国的先进经验，有利于加快我国学前教育的发展。

参考文献

陈颖. 我国学前教育存在问题及对策研究[D]. 大连：东北财经大学，2013 年

- 董梅. 日本学前教育对我国学前儿童社会教育的启示[J]. 徐州师范大学学报(教育科学版), 2012(4): 66-68.
- 杜思宇. 浅析日本学前教育的特点及对我国学前教育的启示[J]. 教育管理, 2014(12): 190.
- 李楠楠. 当代日本学前教育的特点及对我国的重要启示[J]. 才智, 2016(9): 79-80
- 王幡. 论日本学前教育中的“五个领域”[J]. 外国教育研究, 2014(1): 256-257.
- 王凤英. 21世纪俄罗斯学前教育发展及特色探析[J]. 外国教育研究, 2011(5): 57-60.
- 张继唯. 当代俄罗斯普及学前教育的困境及对策研究[D]. 吉林: 东北师范大学, 2015年
- 张学英, 孙红. 俄罗斯“家长管理中心”对发展我国农村学前教育的启示[J]. 戏剧之家, 2014(11): 246.

Ю. А. Чаплинская

Иркутский государственный университет, Иркутск

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЛОЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА КНР НА ПРИМЕРЕ ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ ОДЕЖДЫ

Аннотация. Рассматривается традиционный китайский костюм в качестве компонента сохранения культурной преемственности в различных социальных слоях современного общества КНР. В рамках исследования предпринимается попытка выявить культурную преемственность элементов традиционной китайской одежды в современном костюме в эпоху глобализации.

Ключевые слова: культурная преемственность, культурная идентичность, национальный костюм, страты, глобализация.

Yu. Chaplinskaya

Irkutsk State University, Irkutsk

MAINTAINING OF CULTURAL CONSISTENCY IN SOCIAL CLASSES OF MODERN CHINESE SOCIETY BY THE EXAMPLE OF TRADITIONAL CLOTHING

Abstract. The purpose of the article is to consider traditional Chinese costume as a component of maintaining cultural consistency in different social classes of modern PRC. Within the frame of this research the author makes an attempt to reveal cultural consistency of elements of traditional Chinese clothing in modern apparel.

Keywords: cultural consistency, cultural identity, national costume, strata, globalization.

Культурная преемственность является одним из наиболее стабильных элементов китайского общества, поскольку связана с исторической памятью китайского этноса и «в малой степени зависит от изменения социальных ролей, видов деятельности, статусов и политических ориентаций» [Авходеева, 2014, с. 51]. Основными маркерами культурной и этнической принадлежности любого народа выступают такие

объективные факторы, как язык, территория проживания, религиозная принадлежность, пища и национальный костюм, поскольку каждый из них выполняет важную роль в поддержании исторической памяти, а также в сохранении культурной преемственности.

В данной статье мы обращаемся к проблемам сохранения культурной преемственности элементов китайского традиционного наряда в современной одежде: национальная одежда будет рассмотрена в качестве показателя сохранения культурной идентичности китайского этноса. С целью выявления культурной связи между современной китайской одеждой и традиционными национальными костюмами различных эпох были рассмотрены различные социальные слои современного Китая.

С точки зрения регионоведения данная проблема была рассмотрена в работах Л. Д. Сычева, В. Л. Сычева, Хуа Мэй, Чжан Шулинь, Чжао Нун и др. В области культуры и культурологи проблема сохранения преемственности рассматривалась в работах М. Е. Кравцовой, Хэ Чжиюнь, Ань Миньин и др.

В статье использованы следующие общенаучные регионоведческие подходы: наблюдение (сбор первичной информации об определенном объекте путем восприятия и выявления его характеристик в соответствии с целью исследования. В регионоведении данный подход используется для изучения образа жизни этноса, хозяйственной деятельности людей, традиций и т. п.), сравнение (данный метод помогает выявить сходства и различия во временном, пространственном, а также пространственно-временном разрезах) и описание (является одним из способов реализации описательно-познавательной функции регионоведения).

Прежде всего необходимо дать определение понятию «культурная идентичность». Согласно точке зрения доктора философских наук И. В. Лысак, под культурной идентичностью понимается «некая устойчивость индивидуальных, социокультурных, цивилизационных или национальных параметров, их самоидентичность, позволяющая ответить на вопросы: кто “Я” и кто “Мы” [Лысак, 2010, с. 1]; культурная идентичность «вызывает ощущение самоидентичности у всего народа и позволяет ему определить свое место в транснациональном пространстве» [Там же, с. 3]. Отсутствие культурной идентичности делает невозможным сохранение этнической общности и этнического самосознания. Вместе с тем эти факторы в современном культурном пространстве подвергаются стремительному изменению в условиях всемирной вестернизации, что нередко приводит к постепенной утрате культурной идентичности.

Следует отметить, что обеспечение сохранения культурной преемственности ценностей не должно предполагать обязательное ограничение культурных новшеств. По определению Э. Н. Гусинского и Ю. И. Турчаниновой, под культурной преемственностью понимается «распространение информации о способах поведения, которые не передаются по наследству, отсутствуют во врожденных программах и приобретаются в процессе жизни индивидуального развития» [Гусинский, Турчанинова, 2000, с. 59]. Данное определение указывает на то, что культурная преемственность относится, в первую очередь, к усвоению традиций, исторически сложившихся в данном регионе, а также ко «всем видам приспособительного поведения, изобретенным самим обществом или другими членами общества» [Там же, с. 59].

Традиционный костюм является отражением национального своеобразия и вековых традиций китайского народа, а также дает ключ к пониманию китайской культуры. Внешним выражением культурной преемственности выступает осознание китайским этносом своей уникальности, что означает превосходство над другими культурами: так, жители Китая известны во всем мире как жители «Поднебесной», или «Срединного государства», а его императоры именовались сыновьями Неба. По этой причине необходимо выделить китайский традиционный костюм в качестве предмета специального рассмотрения.

В рамках данной статьи рассмотрены некоторые социальные слои китайского общества, сохранившие элементы традиционного костюма в условиях глобализации, а также установлены факторы прерывания преемственности ценностей в современном Китае. По мнению И. В. Черепановой, существуют следующие факторы прерывания преемственности: исторические (многочисленные войны и нашествия), культурные (разрушение локальной (региональной) культуры), политические (погрешности в национальной политике), культурно-религиозные (различия национальных традиций и религий) и др. [Черепанова, 2013, с. 25].

Исходя из этого, можно предположить, что факторами, влияющими на прерывание преемственности ценностей в континууме региона Китая, являются исторические и культурные факторы (правление Цинь Шихуана в эпоху Цинь, захват Китая монгольской династией Юань, маньчжурской династией Цин), а также политические факторы (установление коммунистического режима, проведение политики реформы открытости в Китае).

Говоря о поддержании традиций и культурной преемственности в современном китайском обществе, считаем необходимым описать тему социальной стратификации, затронутую в «Докладе о социальной стратификации современного Китая», опубликованном в газете «当代中国社会研究报», согласно которому на сегодняшний день в китайском об-

шестве сложилось десять социальных страт, а именно: 1) государственные и общественные руководители; 2) управленческие работники; 3) частные предприниматели; 4) специалисты и технический персонал; 5) конторские служащие; 6) индивидуальные промышленники и торговцы; 7) работники торговли и обслуживания; 8) производственные рабочие; 9) работники сельского хозяйства; 10) незанятые, безработные и полубезработные граждане в городе и деревне [Лу, 2002, с. 15].

Проведенное исследование дало возможность установить социальные слои, практически не утратившие этнокультурную преемственность в одежде. Считаем необходимым отдельно выделить одежду современных религиозных служащих КНР, поскольку религиозные костюмы современного Китая наиболее точно передают историческую самобытность этноса, в наибольшей степени сохраняя культурную преемственность. Более подробно рассмотрим преемственность ценностей в современной одежде на примере одеяний буддийских и даосских монахов.

Одежда религиозных служащих даосских монастырей практически не утратила этнокультурной преемственности в цветовой гамме и крое: даосы по сей день обязаны отращивать волосы и завязывать их в пучок (узел). Поверх узла обычно надевается невысокий головной убор, известный как «плат Хаотичного первоначала». Повседневные халаты даосов выкрашены в темно-голубой цвет: в системе 五行 синий цвет (青) символизирует «дух голубого дракона» и соответствует Востоку, а также стихии «дерево». Одежда современных даосских монахов практически не имеет различий с традиционным одеянием, что доказывает полное сохранение преемственности ценностей в данном аспекте: в настоящее время даосские монахи носят, как правило, обычный даосский халат традиционного китайского покроя да-гуа (大褂): он темно-голубого цвета, а рукав не очень широк.

Вместе с тем, в отличие от даосских монахов, современные буддийские монахи стали более свободно относиться к цветовой гамме одеяний. Традиционные буддийские наряды (僧衣 – монашеская ряса «сэнъи», или 纓衣 – одежда буддийского послушника, дословно «неприукрашенные одежды») исторически наполнены глубоким символизмом: одеяния монахов были окрашены в темно-коричневый, серый или черный цвет, семиотизируя «скромность, послушание и следование монашеским заветам» [Чебунин, 2009, с. 47]. Помимо традиционных длинных платьев, монахи в современном Китае могут носить короткие куртки со штанами. Исторически буддийские монахи надевали на ноги скромные соломенные сандалии, что семиотизировало аскетичность в их образе жизни, однако в современном Китае часто можно встретить монахов в современной практичной обуви – кроссовках. В настоящее время одежды монахов могут отличаться заметным цветовым разнообра-

разием: если традиционная монашеская одежда воплощала собой «скромность, сосредоточенность на самосовершенствовании», то в современном Китае одежды могут изготавливаться из ярких материалов и дорогого шелка. В обиход вошли одежды ярко-оранжевого, ярко-желтого цвета, что противоречит традиции «скромных одежд из лоскутьев» [Чебунин, 2009, с. 58].

Говоря о страхе работников сельского хозяйства, а также о страхах незанятых и безработных граждан КНР, необходимо отметить, что в одежде представителей данного социального слоя также наблюдается частичное сохранение культурной преемственности, поскольку процессы глобализации в меньшей степени затронули представителей данного слоя общества. В исследовании была рассмотрена современная одежда жителей некоторых деревень в провинциях Гуйчжоу (贵州省), Шанси (陕西省) и Хунань (湖南省). К примеру, современные одеяния некоторых китайцев из провинции Шаньси по стилю и крою напоминают халаты периода Воюющих царств, где в пошиве также использовалась жесткая ткань с волнистым рисунком, халат традиционно запахивался направо, а крой «отличался просторностью и плавностью линий, символизируя «Великую пустоту» (太虚). В деревнях по сей день можно наблюдать жителей, одетых по моде династий Воюющих царств, Чжоу, Цзинь и Цинь. В некоторых провинциях остались жительницы, которые, следуя традиции династии Сун, бинтуют ноги как символ притягательности, утонченности, слабости.

Была рассмотрена страта государственных и общественных руководителей на примере председателя КНР Си Цзиньпина, который, следуя традициям, надевает на торжественные приемы и правительственные встречи не только западный костюм, но и традиционную китайскую суньятсеновку, что доказывает стремление руководителя Китая при помощи костюма показать национальный колорит своего государства, а также преданность своей родине и культурным ценностям.

Следует отметить, что у страты предпринимателей, работников торговли и обслуживания наблюдается тенденция к вестернизации в деловой одежде и полная утрата культурной преемственности: представители данной страты предпочитают деловому китайскому костюму с традиционными элементами западный образец деловой одежды. Предположительно, такая тенденция связана со стремлением китайских бизнесменов завоевать расположение и доверие западных коллег: для мужчин характерны деловые костюмы темных оттенков и консервативного западного кроя. Женская одежда не должна быть яркой, допускаются деловые платья скромного покроя.

Считаем необходимым отдельно выделить сохранение культурной преемственности в элементах кроя современных детских костюмов

в КНР. Элемент традиционных детских штанов «开裆裤» (штаны с открытым пахом) сохраняется в современном Китае по сей день. В период эпохи Шести династий (220–589 гг.) в Китае широко распространились открытые штаны для детей: «Во времена Шести династий детей одевали в штаны из белого шелка, у которых были только штанины, соединявшиеся поясом на талии» [华裔孩子穿开裆裤惊呆美国人]. Такие штаны были изобретены до появления в Китае подгузников и предназначались для «быстрого приучения китайских детей к горшку» [Там же]. В современном Китае в больших городах такие детские штаны встречаются реже, однако они широко распространены в китайских деревнях, что подтверждает сохранение культурной преемственности ценностей.

Проведенное исследование дало возможность рассмотреть соотношение современного и традиционного общества в Китае, а также установить факторы сохранения и прерывания культурной преемственности в современном китайском этносе. Рассмотрев одежду представителей основных социальных слоев КНР и определив наличие или отсутствие культурной преемственности, мы констатировали следующее:

1) даосские и буддийские монахи, работники сельского хозяйства, безработные граждане в городе и деревне, а также государственные и общественные руководители в наибольшей степени сохранили преемственность ценностей в элементах одежды. Сюда же стоит отнести элемент детской одежды, сохранившийся по сей день, – брюки с открытым пахом 开裆裤;

2) страта предпринимателей и работников торговли, с целью завоевать расположение иностранных партнеров, полностью утратила преемственность в одежде, предпочитая западную модель деловых костюмов традиционному деловому костюму в китайском стиле.

Сохранение культурной преемственности в одежде китайского этноса проявляется в использовании традиционных элементов в современной китайской одежде. Национальный костюм является отражением этнического своеобразия и вековых традиций китайского народа, а также дает ключ к пониманию традиционной китайской культуры.

Литература

Авходеева Е. А. К вопросу о формировании механизма сохранения национально-культурной идентичности Китая. Волгоград : Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т, 2014. С. 51–60.

Гусинский Э. Н., Турчанинова Ю. И. Введение в философию образования. М. : Логос, 2000. С. 59–70.

Лу С. И. Доклад о социальной стратификации современного Китая. Пекин, 2002. С. 15–26.

Лысак И. В. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации. М. : Культура, 2010. С. 1–10.

Чебунин А. В. История проникновения и становления буддизма в Китае. Улан-Удэ : ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2009. С. 47–58.

Черепанова И. В. Факторы утери преемственности. Исторический опыт межнациональных отношений в осмыслении И. А. Ильина. СПб. : Культура, 2013. С. 25–65.

华裔孩子穿开裆裤惊呆美国人 [Электронный ресурс]. URL: <http://edu.sina.com.cn/zl/oversea/blog/2014.html>.

Чжан Яцзюнь

Шаньдунский институт бизнеса и технологий, Яньтай

Zhang Yajun

Shandong Technology and Business University, Yantai

THE ROLE OF MEANING NEGOTIATION IN SECOND LANGUAGE ACQUISITION

Abstract. Meaning negotiation is an important field of second language acquisition research. The study of meaning negotiation has gone through three stages. Meaning negotiation is the core of interaction theory and can play an important role in social interaction. This paper discusses the meaning negotiation from the aspects of concept, method, communication means and theoretical basis. The use of meaning negotiation in foreign language teaching is mainly embodied in the task-based language teaching.

Keywords: meaning negotiation, social interaction, interaction hypothesis, second language acquisition, language communication.

1.0. Introduction

Meaning negotiation refers to the process of the use of a language. As an indispensable communication, it has aroused great concern of the researchers. Interactive communication is an important research topic in the field of second language acquisition. When the two sides consult meaning in interaction, learning opportunities will be greatly increased. As a special form of interaction, meaning negotiation has attracted the attention of many researchers from the early 1980s. It is an interactive activity in the process of oral communication to solve the difficulty of understanding, which is widely regarded in the field of second language acquisition. The factors that influence meaning negotiation include both the language factors and the nonverbal factors. This paper analyzes the shortcomings of the study, and points out the direction of future research. The meaning negotiation theory is enlightening to understanding learners' difficulties and improving classroom teaching

2.0. Meaning negotiation

2.1. Concept of meaning negotiation and its communication means

Meaning negotiation refers to the discourse correction and information reconstruction that learners and their conversational partners make when they have difficulty understanding each other. Meaning negotiation comes from Long's theory of interactive correction. Pica (1994) defines it in the

field of second language acquisition as «the modification and reconstruction of discourse that learners 'and interlocutors' make in prediction, perceived difficulty or real difficulty.» [Rod, 2003] Simply speaking, both sides may encounter difficulties or obstacles in the process of communication. In order to overcome it, the parties will pass the three steps: understanding the verification, clarifying the requirements and confirming the verification.

For English teachers, the ultimate goal is to let their own content be accepted and mastered by students. Teachers should try to use the target language and appropriate communication skills to promote students to participate in classroom interaction, and to promote communication between teachers and students. There are many means of communication to meet the meaning of consultation, for example, the support of the bracket, which is based on the theory of “zone of proximal development” by Russian psychologist Vygotsky [Vygotsky, 1978]. The so-called bracket refers to the help that children need in the independent completion of a task when encountered difficulties. Of course, there are many other means of communication. Inspiration and correction of mistakes will help teachers and students to interact and communicate. Students could improve communication skills in the process of meaning negotiation. It can be seen that meaning negotiation plays an important role in promoting the interaction between teachers and students. It must also be noted that the learner's understanding barriers of a language, that is, the difference in the level of the task participants in the foreign language will also affect the meaning of consultation.

2.2. The phase of Meaning negotiation

Meaning negotiation is an important area of second language acquisition research. The study of meaning negotiation has gone through three stages: qualitative description phase (1980–1984), theoretical creation phase (1985–1995) and theoretical revision phase (1996 to present).

Qualitative description phase is the budding period. The research method is single, and the research content is narrow. The period of 1985 to 1995 is its gradual development. The research has developed to carry out theoretical and empirical research on the meaning negotiation. It includes: (1) Theoretical relation of meaning negotiation second language acquisition. (2) Research on the teaching conditions conducive to the negotiation of meaning, which are based on the theory of meaning negotiation and conducted through the empirical research. 1996 to the present is the third phase, a period of diversified development. Compared with the other two phases, the research content is wide and the research methods are diverse. It mainly includes: (1) to absorb the latest achievements in the study of second language acquisition, and to revise the theory of early meaning negotiation; (2) to conduct empirical researches from different angles according to the theory of meaning negotiation.

3.0. Meaning Negotiation and interaction hypothesis

The study of meaning negotiation focuses on the role of interactive consultation in second language learning. And the theoretical basis of meaning negotiation is Long's interaction hypothesis.

Long (1985) proposed the theory of interactive hypothesis: when there occur communication difficulties, the two sides of the conversation must adjust the language based on the feedback whether the other side understands or not [Zhao Fei, 2009(2)]. That is to say, through the meaning of consultation, it makes the input understandable and thus promotes learning. Meaning Negotiation refers to the mutual adjustment of communication between learners, including input and output. For the purpose of negotiation, a variety of feedback methods can be used to prompt or correct the possible grammatical errors in the discourse. These methods are of great significance to the formation of learners' source language awareness. In its later interaction hypothesis, Long (1996) adjusted the previous view, pointing out that the meaning of the consultation, especially by the native language speaker or language speaker with higher level, is beneficial to language acquisition.

4.0. meaning negotiation and second language acquisition

Meaning negotiation provides an understandable input and output for the second language acquisition and enables the learner to pay attention to the language form.

4.1. meaning negotiation and input

Krashen's «understandable input» is to study meaning negotiation from the perspective of input. Long (1983) proposed an interactive correction. According to Long, the interaction correction facilitates the input understanding, and the comprehensible input promotes the acquisition, so that the interaction correction facilitates the acquisition. Many empirical studies have also confirmed the positive significance of the interaction correction to understanding. In general, meaningful negotiation can facilitate understanding of input. But the indirect causal relationship between understanding and acquisition has led us to realize that the effect of meaning negotiation on second language acquisition is not only reflected in the understanding of input.

4.2. Meaning Negotiation and comprehensible output

Swain (1985) suggests that «comprehensible output» can also be called «mandatory output» [Swain, 1985], another necessary factor for acquisition. Unlike the input, comprehensible output presets feedback. Consultation Indicator as a form of feedback allows the speaker to find his own problems in the language usage and in time to amend it from inappropriate language to more accurate and appropriate expressions. The speaker adjusts his language output according to the consultation indicator and makes a timely correction of the discourse. Therefore, there is a close relationship between the output correction and the negotiation indicator.

4.3. Meaning Negotiation and the form of language

The hypothesis is that the learner consciously takes notice of a particular form of language and recognizes, processes, and absorbs the form. Two important factors of attention are highlighting and frequency. Meaning negotiation has an important effect on these two factors. On the one hand, both sides of the communication highlight some language forms through meaning negotiation, the purpose of which is to prevent the interruption of communication. In the process of communication, when one side encounters understanding problems, he will raise tone, stress, and repeat in order to reconstruct information and highlights some of the language features. On the other hand, the meaning negotiation process can improve the frequency of certain language forms.

Meaning negotiation is a medium between understandable input and language output and it could foster the second language acquisition. Meaning negotiation combines input, output, feedback and attention. Learners can make timely adjustments, and attract the attention of the hearer through the three ways of meaning negotiation so as to promote the language acquisition.

5. Meaning negotiation and foreign language teaching

Meaning negotiation can promote learners' understanding of foreign language, in which understanding is the basis of communication. Meaning negotiation provides learners with a good opportunity for teachers and students to interact and contact. In the process of meaning negotiation, both meaning and form can be taken into account [Feng Yufang, 2004]. It also provides a good atmosphere and environment for learners.

The application of Long's interaction theory in language teaching is embodied in task – based language teaching [Liu Xuehui, 2007]. In the task-based language teaching, the meaning negotiation has an important role in language acquisition, so the researchers do a lot of related research, trying to find out the best conditions for consultation so as to provide a strong reference for foreign language teaching. Through the meaning negotiation, learners can obtain more comprehensible input; through the discourse adjustments, learners can produce discourse output with a reasonable form of language.

6.0. Conclusion

The meaning negotiation has an important position in the study of second language acquisition. Foreign research on the significance of the negotiations has been more than 20 years, but the domestic research in this area is late. The study and understanding of the meaning negotiation can provide guidance for the teachers' teaching practice in the future. It helps to carry out the classroom activities more effectively, to optimize the teaching effect and to guide the foreign language teaching.

References

- Ellis Rod. Task – based Language Learning and Teaching [M]. Oxford : Oxford University Press, 2003.
- Feng Yufang, Tang Xiaoyan. Target Language Teaching in English Teaching // Foreign Language and Foreign Language Teaching. 2004. N 6.
- Liu Xuehui, Qian Weiwei. Negotiation Interaction and Real-time Output: Classroom Language Learning // Foreign Language and Foreign Language Teaching. 2007. N 11.
- Swain M. Communicative Competence: Roles of Comprehensible Input and Output [A]. Pwovley, MA : Newbury House, 1985.
- Vygotsky. Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes [M]. Cambridge : Harvard University Press, 1978.
- Zhao Fei, Zou Weicheng. Theoretical Construction of Interactive Hypothesis // Foreign Language Teaching Theory and Practice. 2009. N 2.

И. В. Шалина

Иркутский государственный университет, Иркутск

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ЯПОНСКОГО МОЛОДЕЖНОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение проблемы изучения японского молодежного языка в социально-историческом аспекте. В связи с этим приводится классификация японской молодежной лексики, анализируются причины возникновения молодежного языка. Проводится параллель между «бумом на диалекты» и формированием «вакамоного». Рассматривается мнение японских ученых о том, что «заставляет» молодое поколение прибегать к словотворчеству.

Ключевые слова: молодежный язык, эмоционально-экспрессивная окраска, реформы языка, самовыражение, литературный язык.

I. Shalina

Irkutsk State University, Irkutsk

THE SOCIAL-HISTORICAL ASPECT OF THE FORMATION OF JAPANESE YOUTH LANGUAGE

Abstract. The purpose of this article is to consider the problem of learning Japanese youth language in social-historical perspective. In this regard, the classification of Japanese youth language is adduced; the reasons of youth language appearing are analyzed. We are making a parallel between «the dialects boom» and formation of «vakamonogo». Besides we can read the opinion of Japanese scientists about what makes the young generation to resort to word-creation.

Keywords: youth language, emotional and expressive colouring, reform of language, self-expression, a literary language.

Под термином «молодежный язык» понимаются фонетические, лексические и грамматические особенности общения людей, принадлежащих к определенной возрастной категории. В японской лингвистике существуют такие определения для этого термина, как 若者語 *вакамоного* и 若者言葉 *вакамонокотоба*.

Одной из ключевых проблем при изучении молодежного языка является вопрос о том, почему молодежь создает новые слова. Известный лингвист Ёнэкава Акихико, исследующий язык молодежи в Японии, выделяет две основные группы факторов возникновения *вакамоно*: психологические и социально-исторические [Ёнэкава, 2003, с. 97].

Молодежный язык является средством общения большого количества людей, чаще всего объединённых возрастом. Он охватывает практически все области жизни, описывает практически все ситуации, поскольку сленговое слово рождается как результат эмоционального отношения говорящего к предмету разговора. Это постоянное словотворчество, в основе которого лежит принцип языковой игры. Нередко именно комический, игровой эффект является главным в сленговом тексте. Молодому человеку важно не только «что сказать», но и «как сказать», чтобы быть интересным собеседником.

В целом молодежный язык можно охарактеризовать как стилистически маркированную лексику с яркой эмоционально-экспрессивной окраской. Это живой организм, находящийся в процессе постоянного изменения и обновления. В некоторых случаях «модное» слово через несколько месяцев после появления уже воспринимают как устаревшее.

Существует множество классификаций молодежной лексики. В качестве примера мы приведем классификацию Фумио Иноуэ, который разделяет вышеназванную лексику на четыре группы:

1) временные модные слова (一時流行語 *итидзирю:ко:го*) – употребляются определенным поколением, но выходят из употребления при переходе человека в другую возрастную группу и не используются последующими поколениями;

2) слова-когорты (コ一ホ一ト語 *ко:хо:того*) – не выходят из употребления у данного поколения при переходе в другую возрастную группу, однако не наследуются последующими поколениями;

3) слова определенного поколения молодежи (若者世代後 *вакамоносэдайго*) – выходят из употребления у данной группы при переходе в другую возрастную категорию, но продолжают использоваться в речи последующих поколений, например студентов того же университета;

4) слова с измененной формой (言語変化 *гэнгохэнка*) – наследуются последующими поколениями, но при этом не прекращают употребляться создавшим их поколением после перехода в другую возрастную группу [Иноуэ, 1994].

По мнению И. В. Жуковой, сегодня для молодых японцев характерна повышенная эмоциональность «не столько в лексике, сколько в интонации, что связано с усилением ритмов прогресса, вызывающим

нервозность, а также с обилием информации, как бытовой, так и общественно-политической, профессиональной» [Жукова, 2002, с. 76].

Японская молодежь стремится к активному самовыражению. На этом фоне в поведении молодежи наблюдается всё более заметная тенденция к отходу от традиционной сдержанности, повышается раскованность и эмоциональность. Такие изменения во многом связаны с интенсивным влиянием Запада на японскую культуру. Сейчас молодежь склонна отдавать предпочтения заимствованиям, привлекающим своей новизной и связанной с ней выразительностью. История же относит нас к временам, когда Япония была закрытой страной и проникновение иностранных веяний вызывало стойкую антипатию японцев.

«Молодежный язык» как социальное и лингвистическое явление возник в Японии в годы Мэйдзи (1868–1912) – в эпоху модернизации страны, когда на первый план вышло стремление к свободе не только в различных сферах жизни, но и в области языка.

Под влиянием проведенных реформ разговорный язык также подвергся изменениям. Произошло разграничение между национальным и разговорным языком, в результате чего разговорный язык изменил свою сферу употребления.

Именно в эпоху реформ и преобразований разговорный язык начал отделяться от общепринятого и в дальнейшем преобразовался в самостоятельный стиль речи. По сравнению с книжным стилем он менее жестко ограничен рамками литературного языка, тесно связан и взаимодействует с ненормативным просторечием и диалектами [Влахов, 1980, с. 30].

Важно в этой связи отметить, чем отличается литературный язык от разговорного. Литературный язык – общий язык письменности того или иного народа, а иногда нескольких народов – язык официально-деловых документов, школьного обучения, письменно-бытового общения, науки, публицистики, художественной литературы, всех проявлений культуры, выражающихся в словесной форме, чаще письменной, но иногда и в устной [Виноградов, 1978, с. 288–297].

Литературный вариант разговорного стиля в целом опирается на нормы стандартного литературного языка. Наблюдения показывают, что роль литературного варианта разговорной речи в устном повседневном общении несколько ограничена. Типичная сфера, которую он обслуживает, – публичное общение, не носящее строгого официального характера. Это связано с тем, что литературные нормы в устной речи распространяются в основном на публично-официальную сферу, тогда как повседневная речь остается, по существу неcodифицированной. На подобное положение указывают многие японские языковеды, например О. Мидзутани [Мидзутани, 1982, с. 10].

Разговорный язык отличается от литературного отсутствием четкой установки на нормативность. Он широко употребляется в повседневном неофициальном общении. Использование его характерно, прежде всего, для устной, но наблюдается также и в письменной речи (различные рекламные тексты, частная переписка и т. п.). Также следует отметить, что, анализируя последние изменения разговорного языка, отмечается частое использование диалектных слов в качестве сленговых.

По данным исследования, проведенного издательством «Сюфу то сэйкацуся», возникновение «бума на диалекты» среди японской молодежи можно объяснить несколькими факторами.

Во-первых, это стремление создать свой иносказательный язык, непонятный взрослым и другим «непосвященным», т. е. использование диалектных слов в молодежном языке выполняет объединительную функцию и функцию выражения солидарности. Употребление диалектных слов позволяет идентифицировать собеседника как члена того же «коллектива».

Во-вторых, подобное словоупотребление связано со стремлением молодежи «вернуться к своим истокам». Родители – поколение 40-летних – часто избегают говорить на родном диалекте, чтобы не обнаружить свое провинциальное происхождение. При этом поколение бабушек и дедушек и в повседневной жизни часто использует язык своей «малой родины». Подростки считают, что им легче общаться со старшим поколением, и с удовольствием перенимают от бабушек и дедушке диалектные слова и выражения, которые в свою очередь становятся принадлежностью молодежного языка.

В-третьих, по мнению молодежи, диалектные слова звучат весьма необычно, оригинально, в отличие от «безликого» и «избитого» стандартного языка, а следовательно, позволяют субъекту речи подчеркнуть свою индивидуальность. То есть «бум на диалекты» связан со стремлением найти новые, экспрессивные средства выражения, с движением от «унификации к индивидуализации». Диалектные слова помогают передать такие нюансы, которые, с точки зрения старшекласниц, с помощью средств стандартного языка выразить невозможно.

Увлечение диалектами можно рассматривать и как следствие пресыщения виртуальным общением, так как многие школьницы отмечают, что их привлекает необычное «мягкое» звучание диалектных слов и форм. Кроме того, поскольку не существует определенного закрытого списка диалектных лексических единиц, используемых молодежью, каждый говорящий может свободно осваивать новые слова, открывая их для себя, а затем и для своих друзей. По признанию многих старшекласниц, это придает общению элемент неожиданности, делает его познавательным и полезным. Объяснение подругам значения неиз-

вестных им ранее слов само по себе превращается в увлекательное занятие. Использование диалектных слов можно считать одним из видов языковой игры.

В-четвертых, по мнению старшеклассниц, диалектные слова звучат более «тепло», «душевно», чем слова стандартного языка, и обладают успокаивающим эффектом, помогают собеседнику психологически расслабиться [Благовещенская, 2006, с. 10–14].

Принято считать, что молодёжная культура в Японии зародилась в 60-е гг. XX в. – с появлением так называемого нового человечества. Под термином 新人類 *синдзинруй* (это «модное» слово появилось в 1986 г.) понимают молодое поколение, которое выросло в эпоху «высокого экономического развития» – в условиях материального изобилия и было воспитано «массовой культурой». Для этого поколения японцев характерны высокая эмоциональность и стремление участвовать лишь в том, что доставляет удовольствие [Ёнэкава, 2003, с. 38].

С 1965 г., в эпоху «высоких темпов экономического роста», 70 % школьников стало продолжать образование в высшей школе, а общая численность студентов высших учебных заведений достигла 1 млн человек.

С начала 60-х гг. до второй половины 70-х гг. в японском обществе основными ценностями считались серьёзность, трудолюбие и эффективность. Но со второй половины 70-х гг. произошёл переход к ценностям потребительского общества и «серьёзность» стала восприниматься с оттенком иронии.

С середины 80-х гг. усеченный вариант слова «серьёзность» 真面目 *мадзимэ* – まじ *мадзи* – стал употребляться в речи молодых людей для выражения сомнения в словах собеседника, а также как компонент сложных слов, т. е. произошло очевидное изменение семантики. Появление потребительского отношения, по мнению Ёнэкава Акихико, стимулировало словотворчество молодого поколения, получившего возможность свободно проявить себя [Ёнэкава, 2003, с. 48].

Среди других факторов чисто социального характера следует отметить также:

1) развитие системы сервиса – появление ресторанов быстрого питания, мини-супермаркетов и т. п., сразу ставших популярными среди молодежи. Такие названия заведений фастфуда, как McDonalds, Family Mart, Lawson, KFC, Mister Donuts и т. п., становятся «сырьевой базой» для образования многих лексем: マクド *макудо* (сокращение от «Макдоналдс»); ミスト *мисудо* (сокращение от «Мистер Донатс»);

2) появление в Японии высокоразвитой системы информации, в частности широкое использование мобильных телефонов: るす電 *русудэн* (сокращение от 留守番電話 *русубан дэнва*) – «автоответчик»;

親切り *оягири* – «бросить трубку, если к телефону подошел не друг, а его отец или мать»;

3) развитие общей культуры «говорения», так называемой *おしゃべり文化* *осябэри бунка* – некоего завуалированного стиля общения. В качестве примера можно привести такие выражения японской молодежи, как *財布が風をひいた* *сайфу-га-кадзэ о-хиита* (букв. «кошелек простудился») – нет наличных денег; *地雷踏む* *тирайфуму* (букв. «наступить на мину») – коснуться в разговоре запретной темы.

Как мы видим, возникновение молодежного языка обусловлено рядом факторов, прежде всего, социально-психологического и исторического характера.

В японском обществе наблюдается тенденция снижения использования вежливых конструкций, молодежь стремится разговаривать на равных не только со сверстниками, но и с людьми старше и выше по статусу. Данное явление, безусловно, вызывает беспокойство у старшего поколения, ведь, как известно, вежливость для японского общества выражается не только грамматическими конструкциями, но является стилем жизни и образом мыслей.

Основной целью создания новых единиц в молодежном языке является стремление сделать речь более экспрессивной и оригинальной. «Молодежное словообразование», с одной стороны, осуществляется в рамках языковой системы и отражает процессы, происходящие в общенародном языке, с другой стороны – обнаруживает черты, не свойственные стандартному языку.

В речи молодёжи концентрированно отражаются новые тенденции, которые в будущем, возможно, займут новое место в литературном языке. Изучая и анализируя разговорную молодежную речь, можно заметить, с какой скоростью происходит лексическое обновление языка. Это играет немаловажную роль в общественно-историческом, культурно-познавательном и лингвистическом отношении.

Литература

Благовещенская О. В. «Бум на диалекты» среди японских старшеклассниц // Сб. материалов I науч.-метод. конф. М., 2006. С. 10–14.

Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978. С. 288–297.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М. : Междунар. отношения, 1980. 343 с.

Жукова И. В. Стилистика японского языка. М. : Вост. лит., 2002. С. 76.

Ёнэкава Акихико. 役に立つ話しことば辞典 [テキスト]. 東京: 講談社, 2003. 97 ページ.

Иноуэ Фумио. 方言学の新天地 [テキスト]. 東京: 明治書院, 1994.

Мидзутани О. 標準語教育 [テキスト] // 日本語教育辞典. 東京, 1982. 10 ページ.

М. Ю. Шалунова

Иркутский государственный университет, Иркутск

СИСТЕМА ИЗУЧЕНИЯ МЕЖДОМЕТИЙ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Аннотация. Основная цель при обучении иностранному языку заключается в умении использовать ту или иную единицу в конкретной ситуации общения в соответствии с коммуникативными задачами говорящего. В учебно-методических пособиях по корейскому языку для иностранных обучающихся междометиям, как коммуникативным единицам, отводится определенное место. Цель данной статьи заключается в определении места междометий в системе обучения грамматике корейского языка.

Ключевые слова: междометие, активная грамматика, пассивная грамматика, грамматический навык.

M. Shalunova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE SYSTEM OF THE LEARNING OF THE INTERJECTIONS OF THE KOREAN LANGUAGE AT UNIVERSITIES OF THE REPUBLIC OF KOREA

Abstract. The main purpose of learning foreign language lies in forming communicative skills of using words according to situation. In Korean grammars for international learners interjections are regarded as communicative units (utterance), which have to be learned. The purpose of this article is to consider the place of interjections in learning grammar of the Korean language.

Keywords: interjections, active grammar, passive grammar, grammar skills.

Основной целью при обучении иностранному языку, в том числе и корейскому, является формирование языковой компетенции: не просто приобретение теоретических знаний о системе изучаемого языка, но умение использовать ту или иную единицу в конкретной ситуации общения в соответствии с коммуникативными задачами говорящего.

Формирование определенных компетенций, необходимых для общения на том или ином иностранном языке, невозможно, по мнению А. М. Пешковского, без изучения грамматики: «...основным отличием литературного говорения от естественного является <...> сознательное пользование языковыми средствами. <...> Грамматика же (в своей описательной части) как раз и занимается переводом подсознательных языковых явлений в сознательные» [Пешковский, 1959, с. 122–123].

В процессе обучения корейскому языку обучаемый получает грамматические знания (активный и пассивный грамматический материал), которые, как правило, представлены в виде определенных инструкций или моделей предложений, демонстрирующих структурирование того или иного грамматического явления, либо в виде речевых образцов, показывающих возможности использования модели в речи [Шалунова, 2017, с. 37].

В результате приобретенных знаний происходит формирование грамматического навыка, благодаря которому обучаемый способен правильно оформить любую речевую единицу и выбрать определенную модель, адекватную речевой задаче в той или иной ситуации.

Корейские грамматисты (김정숙, 김인균, 임호빈 и др.), как и многие представители отечественного языкознания (Ф. И. Буслаев, А. М. Пешковский и др.), также отводят грамматике ведущую роль при изучении иностранного языка. По мнению педагогов, «преподавание грамматики корейского языка должно быть выстроено таким образом, чтобы у обучаемого сложились конкретные представления о системе изучаемого языка и не возникло в дальнейшем проблем в коммуникации» [Ihm Ho Bin, 2001, p. 7].

Если говорить о междометии как грамматической категории, то в учебно-методических пособиях для иностранцев изучению данного феномена отводится значительное место.

В учебном пособии по грамматике «외국인을 위한 한국어 문법» в одной из глав подробно рассматривается данный феномен, дается краткое описание грамматических особенностей междометий корейского языка, который определяется как «особый неизменяемый класс слов, занимающий обособленную позицию в предложении. Использование междометий зависит от их принадлежности к той или иной группе» (перевод автора) [임호빈, 1997, с. 99].

Также авторы приводят примеры (с переводом на английский язык) для каждой группы междометий:

1. Междометия, выражающие удивление или другие эмоции говорящего.

어머나, 벌써 점심 때가 되었네요.

Oh my, it's already time for lunch.

뭐, 사고가 났다고?

What? There's been an accident?

오! 하나님 감사합니다.

Oh God! Thank you.

2. Междометия, служащие для привлечения внимания.

여러분, 나를 믿어보세요.

Please, all of you, try to believe me.

야, 네 이름이 영철이 맞지?

Hey! Your name is Yuongchol, isn't it?

3. Паузы хезитации (употребление соответствующего слова, грамматической формы в момент остановки речи).

저 분을 어디서 만났더라. 어, 생각이 안 나는데요.

Now where did I meet that guy. Uh, I just can't remember.

과장님, 저, 이 일은 내일 해도 늦지 않겠지요?

Boss – um, tomorrow wouldn't be too late for this work? [Ihm Но Bin, 2001, p. 142].

В рабочей тетради представлено два вида упражнения на закрепление усвоенного материала.

В первом типе упражнений необходимо найти и выделить междометие в предложении:

야, 그 옷 정말 멋지구나!

후유, 이 모든 게 다 너 때문이지, 뭐.

Во втором типе упражнений необходимо выбрать из предложенных междометий подходящее по смыслу и вставить его в предложение:

(음), 네가 나를 놀려. 어디 두고 보자.

야, 이게 누구야? 영자 아냐? [임호빈, 1997, p.135].

В учебно-методическом пособии «외국인을 위한 한국어 문법 1» анализ междометий корейского языка представлен в пятой главе. Авторы пособия дают определение понятия «междометие», объясняют место междометий в предложении, а также рассматривают виды междометий по семантическим признакам. Теоретический материал сопровождается примерами на корейском языке с пояснениями.

Следует отметить, что в данном пособии приводится список наиболее употребительных междометий корейского языка, к которым относятся: 그래 (да, ладно), 아 (ах, эх, ох, увы), 응 (да, ладно), 글썽요 (пожалуй), 아아 (о, ох, увы), 야 (о, эй) и т. п., которые в основном принадлежат группе эмоциональных междометий.

Проанализировав практическое учебное пособие для иностранцев «한국어», состоящее из 6 частей (초급 1/초급 2; 중급 1/ 중급 2; 고급 1; 고급 2), устанавливаем, что междометие как коммуникативная единица используется на всех этапах обучения корейскому языку во всех видах речевой деятельности кроме письма. Наибольшее количество междометий встречается в процессе формирования навыков по рецептивным формам речевой деятельности (аудированию и чтению).

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что при обучении корейскому языку междометиям отводится достаточно значимое

место. С точки зрения корейских грамматистов данную часть речи необходимо изучать, так как она выполняет одну из самых важных функций в речи – коммуникативную. С помощью данных единиц говорящий может решить определённые задачи: выразить эмоции, побудить собеседника к действию, привлечь его внимание и т. п.

Литература

Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959. 624 с.

Пешковский А. М. Грамматика в новой школе. М. : Учпедгиз, 1959. 250 с.

Шалунова М. Ю. Лингвометодические основы изучения русских междометий корейскими студентами : дипл. работа / Иркут. гос. ун-т. Иркутск, 2017.

김정숙. 외국인을 위한 한국어 문법 1 / 김정숙, 박동호, 이병규. 대한민국, 서울, 커뮤니케이션북스, 2005. 570 p.

임호빈. 외국인을 위한 한국어 문법 / 임호빈, 홍경표, 장숙인. 연세대학교 출판부, 1997. 307 p.

임호빈. 외국인을 위한 한국어 문법 workbook / 임호빈, 홍경표, 장숙인. 연세대학교 출판부, 1997. 562 p.

И. В. Шаравьёва

Иркутский государственный университет, Иркутск

ЗНАК 文 wén И ЕГО ПРОИЗВОДНЫЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАММАТОЛОГА ЛЯО ВЭНЬХАО «КИТАЙЦЫ, ЖИВУЩИЕ В ИЕРОГЛИФАХ»)

Аннотация. Рассматривается фрагмент грамматологического древа, связанного со знаком 文 wén, представленного в исследовании китайского ученого Ляо Вэньхао. Ляо Вэньхао выделяет 文 wén в качестве деривата знака «человек». Им рассматриваются наиболее репрезентативные логограммы, производные от 文 wén, основными значениями которых являются «узор», «цвет», «украшения речи».

Ключевые слова: китайская письменность, грамматология, 文 wén, дериваты, Ляо Вэньхао.

I. Sharavieva

Irkutsk State University, Irkutsk

CHARACTER 文 wén AND ITS DERIVATIVES (BASED ON GRAMMATOLOGIST LIAO WENHAO RESEARCH “THE CHINESE LIVING IN HIEROGLYPHS”)

Abstract. The present article considers the fragment of grammar tree related to character 文 wén which is represented in Chinese scientist Liao Venhao's research. Liao Venhao marks 文 wén as a derivative of character 'man'. The most significant logograms derived from 文 wén with central meanings being 'lay figure', 'colour' and 'flourish of speech' are covered by the scientist.

Keywords: Chinese writing, grammar, 文 wén, derivatives; Liao Venhao.

В современном языке 文 wén полисемантичен и активно участвует в образовании сложных логограмм. Их значение прослеживается в древних знаках – пиктограммах и идеограммах. Грамматолог Ляо

Вэньхао в труде «Китайцы, живущие в иероглифах» представил системное понимание деривации знаков идеографического письма в виде грамматологического древа, включающего в себя морфограммы различных этапов эволюции китайской письменности: периодов «цзягувэнь», «цзиньвэнь», «чжуань». Рассмотрим фрагмент, связанный с трактовкой знака 文 wén и его производных. Ляо Вэньхао выделяет 文 wén как дериват знака «человек», образующий, в свою очередь, более сложные логограммы.

Этимологическое значение 文 wén – татуировка на груди или спине человека. Данный знак является первоначальным знаком логограммы 纹 wén. В период «цзягувэнь» представлен как , в период «цзиньвэнь» – . Все эти знаки изображали человека с меткой на теле, а в одном из вариантов периода «цзиньвэнь» – под сердцем человека. Изображение 文 wén в период «малой печати» есть результат упрощения предшествующих иероглифов.

В широком смысле «вэнь» понимался как «символ для записи речи», «литературное произведение», «украшение», употреблялся в составе таких слов, как «письменность» 文字, «талант» 文采, 文章 «статья» и т. п.

В древности люди делали различные татуировки на теле для того, чтобы показать свои происхождение и статус. В период династий Шан и Чжоу нанесение татуировок было традицией. В произведениях Чжуанцзы упоминалось о том, что люди царства Юэ носили татуировки [廖文豪, 2013, с. 174].

Кроме этого, в древние времена было распространено выжигать клеймо на лице преступников, что называлось 黥刑 qíngxíng. В период династии Цинь преступники, выполняющие каторжные работы по возведению городских стен, были отмечены клеймом «каторжника» 城旦 chéngdàn. Во времена династии Сун преступников клеймили и ссылали 刺配 cìpèi. При династии Мин отметку вора ставили на руках или шее, этот способ наказания сохранился до династии Цинь.

Основное значение 文 wén – «стиль», «узор». Древние китайцы делали красочные татуировки, поэтому большинство знаков, производных от 文 wén, связано с «узорностью» и «цветом». Ляо Вэньхао отмечает, что 文 wén имеет сходное значение с логограммами 纹 wén и 纛 wén, что в современном языке означает «узор», «рисунок», «орнамент» и «сине-красный цвет», «сочинение», «статья». Он выделяет следующие знаки-идеограммы, производные от 文 wén:

虔 qián («цзиньвэнь») («малая печать»)

Данный знак передает изображение полосок на теле тигра, имеет значение «благоговеть», «глубоко почитать». Узоры на теле тигра вызывали страх у древних китайцев. В период династии Чжоу в форме головы тигра изготавливалась верительная бирка военачальника (металлический знак), которая называлась 虎符 hǔfú. Это была медная метка, состоящая из двух частей, одна половина которой хранилась у императора, вторая – у полководцев. Бирка в форме тигра символизировала высшие полномочия и была важнейшим фактором при маневрировании войск и командировании генералов.

Помимо этого, во времена династии Хань изготавливали одежду из кожи тигра «虎衣» hǔyī.

斐 fěi («малая печать»)

На знаке изображен узор на крыльях птицы. Общее значение – «привлекать внимание», «яркий», «изумительный», «выдающийся».

紊 wěn («цзиньвэнь») («малая печать»)

Идеограмма передает изображение шелковых нитей с различным узором, которые сплетены вместе. При изготовлении одежды нити различных цветов хаотично спутаны, потеряно чувство гармонии. В современном языке значение логограммы – «хаос», «путаница».

彦 yàn («цзиньвэнь») («малая печать»)

Изображение узоров на скале. Древние китайцы отмечали, что на стенах гор образуются красочные узоры. Так, например, гора Данься в провинции Гуандун славится великолепным узором, напоминающим зарю, а гора Юньтай в провинции Хэнань – рисунками на скалах.

Основные значения знака – «красивый», «особенный», «прекрасный цвет». В широком смысле 彦 yàn понимался как «талантливый человек». Производные знаки от 彦 yàn – 颜 yán и 谚 yàn. Первоначально 颜 yán передавал изображение «цвета на голове человека», т. е. цвета лица. Значение 谚 yàn – «речь местного колорита», в общем смысле употребляется как национальный говор, участвует в образовании таких лексем, как 俗谚 yúyàn (пословица), 古谚 gǔyàn (древняя пословица).

産 chǎn («малая печать»)

Знак 産 chǎn изображает узор на скале, внутри которой появляется что-то новое.

Древние китайцы, наблюдая за цветом узора на камнях, обнаружили, что различные цвета образуются из разных минералов. С помощью них можно получать новый цвет, а также использовать камни для других целей. Например, киноварь дает красный и может быть использована на ткани при изготовлении одежды. Существуют древние записи периода династии Шан о добыче киновари.

Еще одно значение, эксплицированное в большом количестве знаков с графемой 文 wén, – то, что связано с красотой речи, «риторические украшения».

В этой связи важнейшими производными логограммами являются знаки 吝 lìn и 閔 mǐn.

吝 lìn («цзиньвэнь») («малая печать»)

В знаке 吝 lìn изображен рот, из которого «выходят слова отказа от чьей-либо просьбы», нежелание расставаться с деньгами, отсюда появляется значение «скупой». Конфуций комментировал значение данной идеограммы как «искусные речи, лицемерие» [цит. по 廖文豪, 2013, с. 176].

Человек обладает красноречием, но при просьбах других людей придумывает причину отказа. Конфуций также отмечал, что если бы даже человек имел достоинства Чжоу-гуна, но был бы гордым и скупым, то о других его добродетелях не стоило бы и говорить [Там же].

閔 mǐn («малая печать»)

Изображение дверей, люди на похоронах почитают память умершего. Дери́ват от 閔 mǐn – знак 閔 mǐn, значение которого – «тосковать по умершему», в трактовке Сюй Шэня – «оплакивающие покойника у дверей» [许慎, 1996].

Таким образом, Ляо Вэньхао посредством наиболее репрезентативных знаков представляет два основных значения 文 wén в грамматологии идеографического письма, выводимых из пиктографических изображений древних периодов эволюции китайской письменности. Первое связано с узором и цветом, второе, являясь вторичным по своей природе, – с «узорностью» речи. Все остальные значения появляются в результате дальнейшего расширения семантики знака.

Литература

汉典 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zdic.net>.

廖文豪. 汉字树. 北京:北京联合出版公司, 第一册, 2013. 223 页。

许慎. 说文解字. 北京: 中华书局出版, 1996 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.shuowen.org/>

ЗООНИМЫ КАК ЗНАЧИМЫЕ КОМПОНЕНТЫ СЛОВАРЯ «ЭР'Я» И ПОДХОДЫ К ИХ ПЕРЕВОДУ

Аннотация. Рассматриваются зоонимы как значимые элементы древнейшего словаря «Эр'я». Целью статьи является анализ данной группы лексем, их классификация, а также рассмотрение возможных способов их диахронического перевода. Выделены и перечислены мотивологические признаки зоонимов.

Ключевые слова: словарь «Эр'я», зоонимы, диахронический перевод.

A. Shoshin

Irkutsk State University, Irkutsk

ZOONYMS AS THE IMPORTANT COMPONENTS OF «ER'YA» DICTIONARY AND APPROACHES TO THEIR TRANSLATION

Abstract. The article presents the peculiarities of the translation of the zoonyms of the «Er'ya» dictionary, their classification. The motivological signs of zoonyms are singled out and listed.

Keywords: Dictionary «Er'ya», zoonyms, diachronic translation.

Феномен «наивной» картины мира древних китайцев в последние годы привлекал внимание многих исследователей в различных сферах наук: история [Готлиб, 2006], историко-филологический анализ канон и их перевод [Гурьян, 2015], грамматология [Воронина, 2013]. Вопросы перевода древних текстов предстают перед исследователями в новом ключе в контексте современных достижений теории перевода [Карачева, 2015].

Целью нашей статьи являются характеристика и особенности перевода наивных представлений древних китайцев в сфере зоологической номенклатуры словаря «Эр'я» (кит. трад. 爾雅, упр. 尔雅). Данная классическая книга является древнейшим из дошедших до наших дней толковым словарем китайских иероглифов или китайской энциклопедией [Терехова, 2016]. «Эр'я» рассматривается как текст культуры Китая, имеющий высокий ценностный статус [Серебренникова, 2011].

Отмечается, что «Эр'я» был использован в качестве материала для создания другого словаря – «Шо вэнь» 说文 («Толкование письмен»), содержащего около 10 тысяч знаков. Изучение словаря привлекает особое внимание современных исследователей-синологов (Ю. В. Рождественский, 1975 г., В. С. Колоколов, 1977, Т. Е. Шишмарева, 2008, 2016, Н. В. Гурьян, 2009, 2014 г.), в работах которых устанавливается, что «группировка тем и последовательности их составляет эмбриологическую картину происхождения и дифференциации вселенной от абстрактного творящего слова к человеку» [Рождественский, 1975].

Словарь состоит из 19 глав, т. е. глав. Структура данного тезауруса построена не в соответствии с границами современных наук, а так, чтобы было удобнее сгруппировать родственные в смысловом плане лексические единицы, и следует в большей степени общефилософской логике. Классифицируя лексические единицы словаря по значениям, мы имеем дело с семантической таксономией. Если говорить об идеографической парадигматике, то классифицироваться должны не лексические единицы, а те понятия, которые они выражают. В рабочих целях мы опираемся на следующую посылку: поскольку системы понятий, выработанные коллективным сознанием носителей языка, формируются в процессе познания реального мира, то характер и свойства лексических систем определяются тем, какую именно исторически формируемую понятийную систему и какими средствами они отражают. Таким образом, лексическая системность рассматривается здесь как репрезентация системности понятийной. Если исходить только из анализа лексической системности, то, вероятно, идеографическую схему словаря «Эрзя» можно представить следующим образом (табл.).

Таблица

Содержание словаря «Эрзя»

Лексические единицы с конкретным значением (преимущественно имена-вещи)		Лексические единицы с абстрактным значением (преимущественно имена-отношения)
Природа	Жизнь общества	«Разъяснение лексики», «Разъяснение слов», «Разъяснение глосс» – толкование общеупотребительной лексики
«Разъяснение небесных тел» – толкование небесных явлений	«Разъяснение родства» – толкование родственных отношений	
«Разъяснение территорий», «Разъяснение возвышенностей», «Разъяснение гор», «Разъяснение вод» – толкование географии		
«Разъяснение трав», «Разъяснение деревьев» – толкование растений	«Разъяснение жилищ», «Разъяснение утвари», «Разъяснение музыкальных инструментов» – толкование повседневной жизни	
«Разъяснение насекомых», «Разъяснение рыб», «Разъяснение птиц», «Разъяснение диких животных», «Разъяснение домашних животных» – толкование животных		

Из ряда данных структурных элементов для нашего анализа отобраны главы 15, 16, 17, 18 и 19, в том числе «Объяснение насекомых» и «Объяснение рыб», «Объяснение птиц», «Объяснение диких животных», «Объяснение домашних животных», в которых представлен объект нашего анализа – зоонимы.

Корпусы данного тезауруса изучались в современной лингвистике в работах Ю. В. Рождественского, В. С. Колоколова, М. В. Сафронова, Т. Е. Шишмаревой, Н. В. Гурьян и других ученых.

Ученые обращают внимание на компоненты словаря, и в частности выделяются зоонимы, им дана общая характеристика, а также предпринимается попытка перевода. При этом исследователями отмечается необходимость дальнейшего лексико-семантического исследования словаря, и в частности более специального изучения зоонимов как значимого корпуса лексических единиц словаря «Эрья». При исследовании данной группы в целом в лексикологии китайского языка отмечается её важность, наличие проблемных аспектов, касающихся отграничения данной группы от других лексических групп языка [Шишмарева, 2016]. Отмечается интерес к данной группе лексем в лексикологии и лексикологии китайского языка [Гурьян, 2009]. Изучение зоонимов «Эрья» рассматривается также в русле перевода «Эрья» в целом для целей введения его в образовательное и научное пространство. Данная проблема вписывается в общую проблему перевода с китайского языка на языки иного типа [Готлиб, 2006]. Особую дискуссионность и сложность приобретает вопрос перевода древних лексем китайского языка в связи с изначальной необходимостью их отграничения и раскрытия их семантики путем обращения к другим лексико-графическим источникам для решения данных задач.

Вместе с тем зоонимы, как и другие значимые компоненты, требуют продолжения исследования с точки зрения уточнения аспектов перевода, более углубленного рассмотрения проблем перевода данных лексических единиц, в частности, с китайского языка на русский. С точки зрения древности рассматриваемых знаков, характер их перевода можно считать диахроническим, поскольку он будет связан с необходимостью интерпретации данных знаков в их сопоставлении с современными знаками китайского языка для уточнения их значения.

На данном этапе исследования в качестве теоретической базы анализа используются положения и материалы, представленные в работах Т. Е. Шишмаревой, А. С. Москаленко, а также других ученых.

Анализ позволил получить следующие результаты.

Были определены характеристики зоонимов в количественном и семантическом аспектах. В количественном аспекте анализ проводился на основе материалов Т. Е. Шишмаревой. Ученым были выделены следующие классификации зоонимов.

Классификация насекомых:

- 1) различные виды насекомых;
- 2) общие названия насекомых в зависимости от части растения, которую они используют для пропитания;

- 3) по способу передвижения;
- 4) по способу издавания звуков при передвижении;
- 5) по среде обитания;
- 6) по наличию или отсутствию конечностей.

Классификация рыб:

- 1) рыбы;
- 2) пресмыкающиеся;
- 3) лягушки;
- 4) ящерицы;
- 5) моллюски;
- 6) ракообразные;
- 7) черепахи.

Классификация птиц:

- 1) летучие мыши;
- 2) по частям тела птиц;
- 3) наименования птенцов;
- 4) по способу полета.

Классификация диких животных:

- 1) животные, обитающие в горных районах и дикой местности;
- 2) мышинные;
- 3) жвачные;
- 4) дышащие.

Классификация домашних животных:

- 1) лошади/кони;
- 2) коровы/быки;
- 3) бараны/овцы;
- 4) собаки;
- 5) домашняя птица;
- 6) шесть видов домашнего скота [Шишмарёва, 2016а].

Также были определены следующие мотивационные признаки зоонимов:

1. Номинация по окрасу, размеру, способности летать и издавать звуки: 蝗蟲, 螞。草蟲, 負螞。蜚蟲, 蜈蚣。螫蟲, 蜈蚣。土蟲, 螞蟥。 Саранчу или кузнечика называют фучжан (蝗蟲) или фань (螞)。 Кузнечика называют цаочжун (草蟲) или фуфань (負螞)。 Саранча или кузнечик называется сычжун (蜚蟲) или сунсюй (蜈蚣)。 Разновидность саранчи или кузнечика называют цичжун (螫蟲) или сили (蜈蚣)。 Разновидность мелкой саранчи или кузнечика называют тучжун (土蟲) или нанси (螞蟥); 駮, 如馬, 倨牙, 食虎豹。 Мифическое животное, внешне похожее на лошадь, называется бо (駮)。 Имеет клыки, поедает тигров и леопардов. (Белый окрас шерсти, черный хвост, когти и клыки,

как у тигра, на лбу рог. Звуки, которые издает, напоминают бляение барана.)

2. Номинация по месту проживания: кузнечика называют хань (韃) или тяньци (天雞) (обитает в траве); арка (двустворчатый моллюск) – куйлу (魁陸). (Твердая раковина, обитает на мелководье в иле и песке); 山鵲。 Длиннохвостую голубую сороку называют сюэ (鸞) или шаньцюэ (山鵲) (обитает в горах); Морскую птицу юаньцзюй (爰居) по-другому называют цзвсянь (雜縣) (обитает в море).

3. Номинация по половому признаку: гусеницу шелкопряда называют гуй (蝮) или юн (蛹).

4. Номинация по применению в лекарственных целях: пиявку называют чжижоу (蛭蝮) или чжичжан (至掌).

5. Номинация по траектории полета: мошкару называют мэн (蠓) или мемэн (蠓蠓).

6. Номинация по видам листьев, употребляемых в пищу коконами: коконы полынного шелкопряда называют хун (虻) или сяоцзянь (蕭繭).

Также благодаря анализу было определено, что:

1) выбор подходов и методов к переводу зависит от того, что исследователь выделяет в зоонимах, т. е. то, что он берет за основу номинации в переводимых единицах;

2) в зависимости от целей перевода будут использоваться различные методы и способы. Например, если перевод выполняется не для экспертного сообщества, то он может быть выполнен с применением описательного и содержательного приемов перевода.

Отличительными особенностями подхода Т. Е. Шишмаревой являются:

1) опора на современную научную зоологическую номенклатуру;

2) сравнение значений, представленных в большом китайско-русском словаре (далее – БКРС), с описанием лексем в изучаемом словаре;

3) транслингвографический перевод с сохранением идеографического знака в тексте перевода [Хамаева, 2016];

4) использование описательного перевода в случае отсутствия комментария или наличия нескольких различных определений знака. Например:

1) 貓, 似狸。 Хищное животное из отряда волчьих называется чу (貓). (Похож на лису, но крупнее, есть версия, что данный знак обозначает разных животных семейства кошачьих: мелкого тигра, леопарда, рысь.)

2) 猊獅，類貓。虎爪，食人，迅走。Мифическое хищное животное я-юй (猊獅), тело как у дракона, когти и лапы тигра. Быстро двигается, ест людей. (Обитает на западе.)

3) 貓猊，似狸。Хищник, размером с собаку, расцветки дикого кота называется чумань (貓猊), похож на енотовидную собаку / лису / дикую кошку. (По-видимому, обозначало разных животных семейства кошачьих: мелкого тигра, леопарда, рысь.) [Шишмарёва, 2016б].

На данный момент перевод зоонимов как значимых компонентов словаря «Эрья» представляет значительную трудность, однако такой перевод является возможным для выполнения, в том числе, в случае активного использования комментариев и медиаресурсов, а также путём привлечения к анализу накопленной в научном знании информации о растениях и животных, их визуального представления в различного типа атласах и энциклопедиях. Появляется возможность сравнить текст комментария с фотографией животного/растения и его описанием в различных энциклопедиях. Тем самым можно попытаться определить эквивалент того или иного организма, его элемента. В то же время необходимо признать, что некоторое количество знаков не поддаются переводу и считаются утраченными в силу эволюции языка, прежде всего по причине отсутствия комментариев к ним.

Литература

Готлиб О. М., Шишмарева Т. Е. Китайская сюньгусюе (训诂学) как наука // Вестн. Краснояр. гос. ун-та. Гуманитар. науки. 2006. № 3. С. 177–181.

Гурьян Н. В. О содержании разделов с ботанической лексикой древнекитайского словаря «Эрья» // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2015 № 2. С. 58–63.

Воронина О. Ю. О модели описания истории языка с идеографической письменностью (на примере работы Пань Юньчжуна) // Языковое образование в аспекте взаимодействия культур : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (17–18 апр. 2013 г.). Уссурийск, 2013. С. 11–19.

Карачева Н. С. Переводческий дискурс как пространство интерпретации // Концепт : науч.-метод. электрон. журн. 2015. Т. 13. С. 2551–2555.

Терехова Н. В. Интерпретативные стратегии Чжао Ци в его комментариях к канону «Мэн-цзы» // Китайский язык: лингвистические и методические аспекты : материалы Междунар. науч. конф. / Забайкал. гос. ун-т ; отв. ред. В. Н. Соловьёва. Чита, 2016. С. 114–119.

Серебренникова Е. Ф. Лингвистика и аксиология. Этносемиотрия ценностных смыслов : монография. М. : Изд-во МГЛУ. 2011. С. 352.

Рождественский Ю. В. Теория языка в античности // Очерки по истории лингвистики. М. : Наука, 1975. С. 32–110.

Хамаева Е. А., Шишмарева Т. Е., Кремнев Е. В. Транслингографический перевод как способ экспертного перевода (на материале переводов «Шань хай цзин» и «Эрья») // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2016. № 4. С. 69–79.

Шишмарева Т. Е. Некоторые особенности перевода канона Эръя 爾雅 // Общество и государство в Китае. Т. 46, ч. 1 / редкол.: А. И. Кобзев [и др.]. М., 2016а. С. 254–262.

Шишмарева Т. Е. Китайский словарь «Эръя» в идеографическом и этнокультурном аспектах : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016б. С. 283.

Е. К. Шулунова

Институт Дальнего Востока РАН, Москва

ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО КИТАЯ

Аннотация. Статья посвящена отдельным аспектам истории китайского драматического театра XX–XXI вв. В центре внимания появление, развитие драматического искусства Китая, театральные идеи русского театрального искусства, отразившиеся на процессе развития сценического искусства Китая, тенденции современного развития китайского театра.

Ключевые слова: международные театральные связи, драматургия, русский театр, китайская разговорная драма.

E. Shulunova

Institute of Far Eastern Studies RAS, Moscow

THEATRICAL ART OF CHINA

Abstract. The article is devoted to some aspects of the history of The Chinese drama theater of the XX–XXI centuries. The appearance, development of the dramatic art of China, theatrical ideas of The Russian theatre, which reflected in the development of the scenic art of China, the trend of modern development of the Chinese theater.

Keywords: international theater connections, drama, The Russian theater, The Chinese drama.

В условиях активного развития Китая в последние два десятилетия драматический театр *хуацзюй*, оказавшись в новых условиях, решает новые вопросы, ставит новые задачи и продолжает свое развитие. Разговорная драма *хуацзюй* возникла более ста лет назад. Этот жанр театрального искусства на раннем этапе своего формирования (в конце XIX – начале XX в.) явился передовым, отвечал задачам нового времени, пьесы имели современное социально-историческое содержание. В то время театральное искусство в Китае испытывало недостаток в новых постановках, современных выразительных средствах и концепциях актерской игры. Чтобы вдохнуть в китайский театр новые идеи, в начале XX в. театральная критика страны обратилась к произведениям зарубежной драматургии.

Подтверждением факта могут служить статьи Лу Синя «Курс лекций по истории науки (Кэсюэ ши цзяо пянь)», «От частного к теории. О культуре (Вэньхуа пянь чжи лунь)», «Рассуждая о силе поэзии (Ма ло шили шо)», в которых писатель рассматривает произведения Шекспира, Шелли, Ибсена, Пушкина, Гоголя и других известных лите-

раторов. Положительным результатом такого влияния явилось возникновение новой формы драматического театра в Китае.

Первые спектакли разговорной драмы хуацзюй были сыграны в Шанхае. Представления же о русском театре и русской драматургии в Китае складывались в конце XIX – начале XX в. В это время русская театральная реалистическая школа уже была сформированной, что было связано с появлением драматургии Н. Гоголя, А. Островского, И. Тургенева, Л. Толстого, А. Чехова, развитием русской актерской школы: М. Щепкин, П. Садовский, А. Мартынов, М. Ермолова и др. В китайской истории впервые обратились к постановкам русской драматургии в 1907 г. – обществом «Чунь лю» была поставлена пьеса по мотивам романа Л. Толстого «Воскресение». Спустя несколько лет к этому роману обратилась женская труппа «Куй дэшэ» («Сияющая добродетель») и создала спектакль «Отказ от свадьбы».

«Движение 4 мая», произошедшее в 1919 г., стало не просто мощным народным сопротивлением, но и новым культурным движением. Это выразилось в широком осуществлении реформы литературного китайского языка, обогатившей качество переводов зарубежных литературных произведений, способствовавшей процессу создания «разговорного театра». В 1920-е гг. появляется много хороших переводов произведений европейских и русских драматургов. В 1921 г. выходит первый сборник «Элосы сицзюй» («Театр России»), в который вошли произведения: «Ревизор» Н. Гоголя, «Гроза» А. Островского, «Месяц в деревне» И. Тургенева, «Власть тьмы», «Плоды просвещения» Л. Толстого, «Иванов», «Дядя Ваня», «Вишневый сад» А. Чехова. Внимание литераторов Китая привлекают произведения русской драматургии, в которых затронуты социальные темы, вызывающие ассоциации с китайской действительностью тех лет, передающие общее миропонимание.

С 1919–1924 гг. на сцене китайского театра ставили «Власть тьмы» Л. Толстого, «Грозу» А. Островского, «Ревизора» Н. Гоголя. Премьеру последнего осуществила нанькинская труппа «Нанькай синь цзюйтуань» («Новая нанькинская театральная труппа») в Тяньцзине в 1921 г. Постановка «Высочайше уполномоченный» (Циньчай да чэнь) по мотивам произведения Н. Гоголя «Ревизор» в переводе Хэ Цинмина, получив живой отклик у китайской публики, стала идти в стране в разных вариантах перевода. Герои в пьесе, как правило, носили китайские имена и были одеты в современные костюмы китайских чиновников [Образцов, 1957, с. 316]. С течением времени положение спектакля остается неизменным, он часто идет на сценах страны; в ноябре 1935 г. на сцене Большого театра Цзиньчэн в Шанхае «Ревизор» получил большой успех и положительный отзыв критики. Лу Синь высказал ценные замечания в адрес постановки, касавшиеся теоретического объяснения характеров ге-

роев и их актерского исполнения; декораций сцены и костюмов героев [Лу Синь].

После многочисленных опытов и экспериментов по синтезированию двух видов сценического искусства, критика в Китае констатировала наличие параллельного развития традиционного и драматического театров.

В 1980-е гг. в условиях реформы и политики «открытости» драматическому театру хуацзюй было необходимо заново определить свое место в обществе. В связи с реформой китайского театра было принято решение сократить количество театров. Драматурги обратились к созданию интеллектуальных, психологических произведений, режиссеры – к опыту китайской классики, западного, русского и советского театров. Предпочтение отдавалось классическим пьесам, коммерческий успех которых был прогнозируем. Традиционный репертуар разговорной драмы хуацзюй, как полагали специалисты, в сравнении с современными пьесами пользуется большей популярностью у аудитории и отличается высокими кассовыми сборами. На этом этапе развития разговорный театр хуацзюй осознал необходимость достичь свободы повествования в пьесах, свободы пространства и времени в сценическом воплощении, а также определить круг новых тем, интересных для зрителя, и быть коммерчески ориентированным.

С конца 1980-х – начала 1990-х гг. интерес к просвещению стал угасать, все отчетливее проявлялась тенденция возникшего скептицизма. Сформированный новый жанр экспериментальной разговорной драмы наряду с основным, традиционным направлением разговорной драмы хуацзюй также был призван решать возникшие вопросы.

Для понимания значения экспериментальной разговорной драмы в этот период необходим краткий исторический экскурс. Экспериментальная разговорная драма сформировалась как новый жанр в 1980-е гг. Появление пьес «Почему я умер», «Все пронизано термоэлектрическим током», «Абсолютный сигнал», «Путь», «Автобусная остановка», «Пятнадцатое следствие, изучающее обстоятельства дела о разводе», «Визит мертвого к живым» драматурга Гао Синцзяня и других авторов, вобравших в себя опыт театральных систем Брехта, Мейланьфана и других теоретиков искусства, внесло изменения в композиционную форму современной китайской драмы, приблизило ее к форме современной западной. На этом этапе разговорная драма заимствовала некоторые элементы у китайского классического театра сицзюй. Драматурги стремились в произведениях к открытому изображению идей, чувств, эмоций, однако порой это приводило к безыскусности и схематичности пьес, а исполняемым на практике некоторым сценическим приемам недоставало выразительности и мастерства.

Творческое движение середины 1980-х гг. получило название «поиск культурных корней». Среди работ китайских драматургов того периода важно указать работы Хуан Цзолия, Сю Сяочжуна. В пьесах «поиска культурных корней» экспериментальной разговорной драмы глубоко рассматривались общественные вопросы, важное внимание уделялось культурным традициям страны, национальной психологии китайцев и другим не менее важным категориям. «Поиск культурных корней» укрепил основательность жанра разговорной драмы, способствовал обращению к богатой китайской поэтической традиции. Сю Сяочжун, Ван Гуй, Ван Сяоин, Ли Лунъюнь и другие искусствоведы обратили свой взор на поэзию, благодаря которой жанр разговорной драмы приобрел структуру, обладающую эстетической глубиной. Такие постановки пользовались несомненным успехом, что показывало и развитие китайской драматургии, возможность заимствования, и возможность сочетания элементов из разных литературных жанров для создания полной, совершенной эстетической формы китайской разговорной драмы. Подтверждением этого служат спектакли: «Хроника деревни тутовых деревьев» (桑树坪纪事, по роману современного китайского писателя Чжу Сяопина 朱晓平), «Нирвана Владыки собак» (狗儿爷涅槃. Режиссер Лю Цзиньюнем. 1986 г.), «Залитая лунным светом пустошь» (режиссер У Гохуа. 2003 г.), «Сны о Китае» и другие.

В 1980-е гг. наибольшее влияние на китайскую разговорную драму оказали театральные системы Брандта и Мэй Ланьфана, в эпоху 1990-х гг. за образец было принято творчество Аалто Алвара, Джерси Гротовски и других искусствоведов современности. Отныне ставили акцент на собственно драматическое искусство, совокупность его специфических средств и приемов. Классическими образцами искусства стали творчество Мэн Цзинхуэя «Я люблю ххх», постановки Линь Чжаохуа «Автобусная остановка», «Дикари», «Записки сумасшедшего», «Бесконечный роман» и другие.

Сейчас создается много пьес – это личностные драмы и проблемные, и ставят классику («Гроза», «Пекинцы» Цао Юя, «Чайная» Лао Шэ, «Дом Улун», одно из выдающихся произведений пекинской оперы, «Ричард III» В. Шекспира, «Лебединая песня (Калхас)», «Вишневый сад» А. Чехова, «Антигона» Софокла, «Смерть коммивояжера» Артура Миллера, «Кукольный дом» Ибсена). Авангардные современные постановки охватывают разные темы, демонстрируют инновационные идеи, привлекают большое количество молодых зрителей Китая.

Спектакли разговорной драмы хуацзюй за последние несколько лет изменились, в пьесах есть потенциал для развития, используются дополнительные выразительные средства. С этой точки зрения ценными для анализа являются постановки «Ричард III», «Живые» (по одно-

именному роману Юй Хуа, режиссер Мэн Цзинхуэй), «Папа, открой дверь» (Тан Е), «Почтенные» (сценарий Ю Жунцзюнь, режиссер Ча Минчжэ), «Тренировка чувств. 2012» (Чжэн Чжэн), «Догадки Гете и Баха» (сценарий Ван Сяохуна, режиссер Ван Гэнь) и другие. Режиссер Ван Сяоин в спектакле «Ричард III», используя элементы цзинцзюй и хуацзюй, показывает опыт адаптации классического произведения и его нового прочтения, обнаруживая возможности использования традиционных методов и тенденций в современной китайской драме: использование рисовой бумаги в качестве фона, аккомпанемент монгольского инструмента морин хуур, стилизованные письменные знаки английского языка и др. Драма «Живые» – это история о жизни простых людей, столкнувшихся с материальными трудностями. В сценическом варианте этой пьесы режиссер Мэн Цзинхуэй использует окопы как символ человеческой жизни с ее взлетами и падениями. Режиссер использует символику данной декорации сцены – окопы, в качестве основного составляющего пьесы.

Разговорная драма хуацзюй находится на подъеме, гармонично взаимодействуют и взаимно дополняют друг друга китайское и зарубежное драматическое искусство. Большие и малые театры Китая демонстрируют активную творческую деятельность. Как показывают итоги Всекитайского смотра «Репертуар лучших спектаклей», половина избранных работ принадлежит малым театрам, среди них: «Памятник», «Тот берег», «Строительная компания», «Вздор и чепуха», «Ван Гог в огне», «Противоядие» и другие. Малые театры в настоящее время ставят спектакли по современным произведениям и классическим, что отражает переломный период в драматическом театре Китая в целом. Специалисты отмечают, что сейчас необходимо обновление, творческое развитие и создание хороших пьес. Китайские драматурги и режиссеры стараются передать видение окружающего мира человеком, его чувства и мысли, все эти поиски индивидуальны. Одни авторы придерживаются традиции, другие выступают за новаторство, авангардисты бросают вызов драматургическим законам, четвертые синтезируют традиционные и современные методы. Все это способствует новому стимулу и совершенствованию драматического театра Китая.

Литература

Образцов С. Театр китайского народа. М. : Искусство, 1957. С. 316.

Лу Синь. Лунь Лу Сюнь дуй Чжунго хуацзюйдэ гунсянь (О вкладе Лу Синя в разговорную драму хуацзюй) [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.luxunhome.com](http://www.luxunhome.com).

И. В. Шурупова

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва

ОРГАНИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

Аннотация. В статье речь идёт о видах самостоятельной работы, предусмотренной в курсе «Русский язык делового общения» для китайских студентов-филологов. Рассматриваются типы заданий и организационные формы самостоятельной работы. Приводятся некоторые примеры заданий. Отмечается, что самостоятельная работа является эффективным средством обучения китайских студентов, помогает им достичь необходимого уровня коммуникативной компетенции в сфере бизнеса и коммерции и раскрыть свой творческий потенциал.

Ключевые слова: деловое общение, самостоятельная работа, китайские студенты-филологи, задания, мотивация, коммуникативная компетенция.

I. Shurupova

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow

THE ORGANIZATION OF INDEPENDENT WORK IN TEACHING RUSSIAN BUSINESS COMMUNICATION CHINESE STUDENTS-PHILOLOGISTS

Abstract. In this article we are talking about the kinds of independent work suggested in the course «Russian language for business communication» for Chinese students-philologists. Discusses the types of tasks and organizational forms of independent work. Are some examples tasks. It is noted that independent work is an effective means of training Chinese students, helping them to achieve the necessary level of communicative competence in the sphere of business and Commerce and to reveal their creative potential.

Keywords: business communication, independent work, Chinese Philology students, tasks, motivation, communicative competence.

Обучение деловому общению в настоящее время играет важную роль в системе общеязыковой профессиональной подготовки китайских студентов-филологов, которые находят применение своим знаниям в самой широкой плоскости, в том числе и в сфере бизнеса. Поэтому задача обучения студентов из Китая, приезжающих на стажировку в Россию, – сформировать максимально широкий спектр навыков и умений с целью расширения их профессиональной компетенции.

Курс «Русский язык делового общения», предлагаемый китайским студентам-филологам в Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, изучается в рамках основного практического курса русского языка. Он знакомит студентов с деловым общением во внешнеторговой деятельности. Студенты учатся вести переговоры с партнёрами, заключать контракты, вести деловую переписку на русском языке. Курс включает в себя изучение бизнес-терминологии, необходимых интенций, например выражения мнения, констатации факта, аргументации, коррекции, убеждения и соответствующих высказыванию речевых выражений. В нём также представлено жанровое разнообразие текстов (коммерческие письма,

рекламные объявления, бизнес-планы, международные контракты, аналитические справки и т. п.).

При изучении русского языка делового общения китайские студенты-филологи сталкиваются с абсолютно новыми для себя понятиями. Как правило, знакомство с этим языком, в отличие от русского языка повседневного общения, происходит у них часто «с нуля». Курс по деловому общению предлагается студентам со стартовым уровнем общего владения русским языком не менее A2+/B1, т. е. имеющим уже хорошую грамматическую базу.

В программу курса входят следующие темы: «Презентация компании», «Приём на работу. Собеседование», «Реклама товара», «Выставки. Ярмарки», «Выход компании на рынок», «Цена товара и услуг», «Условия платежа и поставки», «Контракт». Кроме аудиторных занятий большое количество часов отводится на самостоятельную работу студентов, которая включает в себя подготовку выступлений, презентаций, наглядных материалов и т. п. Для решения поставленных задач студентами активно используются интернет-ресурсы. Задания, предлагаемые для самостоятельной работы, способствуют расширению знаний по предмету, а также являются средством закрепления пройденного материала и базой для последующей работы в аудитории. «В методике существуют различные организационные формы самостоятельной работы: индивидуально, в парах, в небольших группах и т. п. Эти формы призваны создавать и развивать организационные, информационные, познавательные и коммуникативные умения обучаемых» [Самсонова, 2016, с. 706].

Самостоятельная работа в курсе «Русский язык делового общения» включает в себя следующие типы заданий:

- 1) выполнение заданий по лексике и грамматике, в том числе тестовых (индивидуальная работа);
- 2) поиск в Интернете дополнительной информации по изучаемой теме (индивидуальная работа, работа в парах или в группах);
- 3) чтение специальных текстов и выполнение тестовых заданий к ним (индивидуальная работа);
- 4) написание коммерческих писем, резюме, аналитических справок, составление рекламных текстов, бизнес-планов (индивидуальная работа);
- 5) выполнение творческих заданий (работа в парах или в группах).

С помощью интернет-ресурсов студентам, например, предлагается найти информацию о какой-нибудь китайской компании, работающей на российском рынке, подготовиться к собеседованию, найти информацию о ценах и скидках на конкретную продукцию, подробнее познакомиться с условиями поставки товара, образцами международных контрактов и т. п.

Задания по чтению студенты выполняют по каждой изучаемой теме. Это могут быть разные по жанрам тексты: рекламные тексты, коммерческие письма, фрагменты деловых бесед, договоров, статьи из газет, из журналов, из Интернета и т. п. При работе с текстом учащиеся должны иметь определённые умения: понимать общий смысл текста, существенные детали, выделять главную идею, делать выводы из прочитанного. Немаловажную роль играет умение пользоваться справочной литературой.

Письменный блок, включённый в самостоятельную работу, даёт-ся на закрепление пройденного материала. На уроках студенты знако-мятся с различными видами делового письма, а потом по предложен-ным планам и образцам самостоятельно выполняют задания.

В курсе по деловому общению широко представлены творческие и игровые задания. Такие задания «с одной стороны, способствуют по-вышению мотивации к изучаемому предмету, с другой стороны, содей-ствуют формированию коммуникативной компетенции у студентов» [Гаврилова, Шурупова, 2016, с. 128]. Здесь используются, например, следующие виды самостоятельной работы:

- 1) создание логотипа и фирменного бланка своей компании;
- 2) подготовка к презентации/видеопрезентации своей компании;
- 3) подготовка текста выступления на рабочем совещании;
- 4) подготовка к проведению коммерческих переговоров с дело-вым партнёром и подписанию контракта;
- 5) подготовка наглядных материалов по теме.

К проведению коммерческих переговоров студенты готовятся в командах (команда «продавца» и команда «покупателя»), где самостоя-тельно расписывают роли.

Подобные задания помогают студентам не только достичь необ-ходимого и достаточного уровня коммуникативной компетенции в сфе-ре бизнеса и коммерции, но и раскрыть свой творческий потенциал. А. А. Леонтьев справедливо полагал, что истинное понимание языка возникает только в результате активного отражения действительности и активного общения [Леонтьев, 1997, с. 174].

Стоит отметить, что «самостоятельная работа не должна являться самоцелью, она может выступать эффективным средством обучения, средством формирования активности обучаемых» [Самсонова, 2016, с. 706]. «Её выполнение требует достаточно высокого уровня самосо-знания, рефлексивности, самодисциплины, личной ответственности» [Там же, с. 706]. Как показывает опыт, именно китайские студенты-филологи проявляют большой интерес к языку бизнеса и активно вы-полняют задания, отведённые для самостоятельной работы. Самостоя-тельная работа в китайской аудитории эффективна, потому что студен-

ты достаточно серьёзно относятся к заданиям: стараются осознать цель задания, понять процедуру его выполнения, стремятся получить новые знания или закрепить имеющиеся.

Литература

Гаврилова Е. П., Шурупова И. В. Творческие задания как один из способов формирования коммуникативной компетенции у иностранных студентов-филологов при обучении деловому общению на русском языке // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (20 мая 2016 г.). Омск, 2016. С. 127–130.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М. : Смысл, 1997. 287 с.

Самсонова Н. И. Самостоятельная работа при обучении иностранному языку // Мол. учёный. 2016. № 7. С. 706–708.

Сведения об авторах

Адилханян Иван Леонович, соискатель кафедры романо-германской филологии ИГУ (научный руководитель: Е. Ф. Серебренникова, доктор филол. наук, профессор), e-mail: ivan_ad@mail.ru

Адилханян Нина Леоновна, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: ninel_ad@mail.ru

Ананьев Владимир Валерьевич, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: v_ananiev@hotmail.com

Баколод Мэри Энн Гайтан (Bacolod, Mary Ann Gaitan), PhD, University of the Philippines, Diliman, College of Social Science and Philosophy, Department of Linguistics, Professor.

Балашова Виктория Павловна, магистрант ИГУ (научный руководитель: Е. А. Хамаева, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ), e-mail: vgutsu@mail.ru

Булдыгерова Анна Николаевна, старший преподаватель кафедры китайского языка факультета филологии и массовых коммуникаций ЗабГУ, e-mail: annbuldigerova@mail.ru

Бунаева Наталья Андреевна, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: nataly-1980@yandex.ru

Ван Ланьцзюй, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: 2820119595@qq.com

Вейнберг Надежда Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: nadya609@gmail.com

Вербицкая Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: overbitskaia@gmail.com

Воронина Ольга Юрьевна, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: olizhe-07@mail.ru

Воропаев Николай Николаевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания Российской академии наук, e-mail: voropaev@vokitai.ru

Го Яньпин, Шаньдунский институт бизнеса и технологий (山东工商学院), г. Яньтай, КНР.

Гонтаренко Елизавета Александровна, магистрант ИГУ (научный руководитель: Е. А. Хамаева, канд. фил. наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ), e-mail: lizakrupskay6@mail.ru

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярский государственный педагогический университет), e-mail: dazishen@mail.ru

Домашевская Дарья Михайловна, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: dasmina_16@mail.ru

Дондоков Доржи Дондокович, ассистент кафедры восточных языков Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, e-mail: d.dorzhi@yahoo.com

Дондокова Максара Юрьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии стран Дальнего Востока Бурятского государственного университета, e-mail: maksara508@mail.ru

Дюндик Юлия Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: dyular@mail.ru

Ефременко Яна Юрьевна, магистр по направлению общей и прикладной лингвистики, докторант Хэйлунцзянского университета г. Харбин, КНР (научный руководитель: профессор Цзоу Шаохуа, доктор РНД Хэйлунцзянского университета г. Харбин, КНР), e-mail: yanaliuyuan@mail.ru

Задворная Елена Сергеевна, аспирант кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, (научный руководитель: Д. А. Владимирова, канд. ист. наук, проф., зав. каф. Тихоокеанской Азии), e-mail: zadvornaia@mail.ru

Капашина Полина Викторовна, магистрант ИГУ (научный руководитель: С. В. Стефановская, канд. филол. наук, доц. кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ), e-mail: meilichunhua@gmail.com

Карачева Надежда Сергеевна, преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: ns_karacheva@mail.ru

Кирюхина Любовь Владимировна, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: lyubabukhtulova@mail.ru

Кобжицкая Ольга Германовна, кандидат философских наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: mingyun@mail.ru

Коваль Екатерина Константиновна, магистр, докторант (научный руководитель: Мабяо, профессор Хэйлунцзянского университета), e-mail: katerinakoal88@mail.ru

Кремнёв Евгений Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: kremnyov2005@mail.ru

Круглов Владислав Владиславович, заведующий кафедрой китайского языка ГАОУ ДПО «Центр педагогического мастерства», e-mail: crr.chinder@yandex.ru

Кузнецова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, и. о. декана факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: kuznetsova1@mail.ru

Кумялова Ольга Васильевна, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: oliyairk@mail.ru

Лесниковская Екатерина Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: elesnikovskaya@gmail.com

Лю Иньсун, аспирант ИГУ (научный руководитель: Е. Ф. Серебренникова, доктор филологических наук, профессор), e-mail: liuyinsong007@gmail.com

Макеева Светлана Борисовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: msbmag9581@yandex.ru

Малых Оксана Андреевна, магистр педагогического образования, старший преподаватель кафедры китайского языка Института иностранных языков Московского городского педагогического университета, e-mail: oхана_mini@mail.ru

Масловец Ольга Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры китайского, вьетнамского, тайского и др. языков МГИМО (Университет) МИД России, e-mail: maslovets10@mail.ru

Матвейченко Дина Евгеньевна, аспирант кафедры Всеобщей истории Гуманитарного института СФУ (научный руководитель: В. Г. Дацышен, доктор исторических наук, профессор), e-mail: d.matveichenko@gmail.com

Мацумура Ёсико (Matsumura Yoshiko), Doctor, Kyushu University, Faculty of Languages and Cultures, Professor, e-mail: ymatsu@flc.kyushu-u.ac.jp

Ни Айся, Шаньдунский институт бизнеса и технологий (山东工商学院), г. Яньтай, КНР.

Новикова Елена Сергеевна, преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР, e-mail: lenairkutsk93@mail.ru

Пешкова Юлия Сергеевна, выпускница Иркутского государственного лингвистического университета, e-mail: yueliang88@mail.ru

Пруцких Татьяна Анатольевна, кандидат филологических наук, декан русско-китайского факультета Байкальского государственного университета, e-mail: pruta@mail.ru

Самарина Анна Сергеевна, аспирант Дунбэйского университета экономики и финансов 东北财经大学 (научный руководитель: профессор Ван Шаоюань 王绍媛, PhD, ректор Института международной торговли Дунбэйского университета экономики и финансов), e-mail: 1283370044@qq.com

Се Юйминь, Шаньдунский институт бизнеса и технологий (山东工商学院), г. Яньтай, КНР.

Селезнева Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета, e-mail: xie-ling@yandex.ru

Серебренникова Евгения Федоровна, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии ИФИЯМ ИГУ, e-mail: serebr_ef_76@mail.ru

Середина Юлия Александровна, директор ЧУ ДПО «Байкальский институт непрерывного образования», e-mail: seredina.jul@yandex.ru

Сосорова Баирма Сергеевна, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: bairma1978@mail.ru

Степанов Александр Викторович, магистрант Исторического факультета ИГУ (научный руководитель: Т. В. Федорова, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ).

Стефановская Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: stefanovskaia_sv@mail.ru

Сун Яньмэй, Шаньдунский институт бизнеса и технологий (山东工商学院), г. Яньтай, КНР.

Сунь Цы, Шаньдунский институт бизнеса и технологий (山东工商学院), г. Яньтай, КНР, e-mail: lorisun_82@126.com

Сунь Цяохуэй, старший преподаватель Шаньдунского института бизнеса и технологий (山东工商学院), г. Яньтай, КНР, e-mail: sonkoukei123@126.com

Табада Люсиллин Чу, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: ucillyne@gmail.com

Терехова Наталья Владимировна, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: zabnata@yandex.ru

Тимошенко Иван Иванович, магистрант ИФИЯМ ИГУ (научный руководитель: Т. В. Федорова, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ), e-mail: v.haust@mail.ru

Тразанова Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: nataha82@mail.ru

Трапезников Александр Петрович, магистрант ИГУ (научный руководитель: Е. В. Кремнёв, кандидат социологических наук, доцент, и. о. зав. кафедрой востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ), e-mail: trapeznikovalex94@gmail.com

Федорова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: tamerlan689f17@yandex.ru

Хигасидэ Томо, аспирант Школы объединённо-научных дисциплин по глобализации общества Университета Кюсю, Япония, e-mail: tomotomoto.h@hotmail.co.jp

Хлызова Наталья Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: uspehvovsem5@gmail.com

Хо Ольга Александровна, магистр, докторант Хэйлунцзянского университета г. Харбин, КНР (научный руководитель: профессор Ма Бяо, доктор

PHD Хэйлунцзянского университета г. Харбин, КНР), e-mail: khoodga@gmail.com

Цзяо Юнцин, Шаньдунский институт бизнеса и технологий (山东工商学院), г. Яньтай, КНР.

Цуй Хунхай, Шаньдунский институт бизнеса и технологий (山东工商学院), г. Яньтай, КНР, e-mail: cuihh@hotmail.com

Чан На, старший преподаватель Шаньдунского института бизнеса и технологий (山东工商学院), г. Яньтай, КНР, e-mail: juounachang@163.com

Чаплинская Юлия Анатольевна, ассистент кафедры языковой подготовки Байкальского государственного университета, e-mail: chaplinskayaulia@mail.ru

Чжан Яцзюнь, Шаньдунский институт бизнеса и технологий (山东工商学院), г. Яньтай, КНР, e-mail: ya_jun2002@hotmail.com

Шалина Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: i_v_s2000@mail.ru

Шалунова Мария Юрьевна, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: shalunova@mail.ru

Шаравьёва Ирина Викторовна, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: nevergiveup81@mail.ru

Шишмарева Татьяна Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: taniyashi72@yandex.ru

Шошин Александр Алексеевич, магистрант ИГУ (научный руководитель: Т. Е. Шишмарева, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ), e-mail: shoshin.irgiredmet@gmail.com

Шулунова Евгения Константиновна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока Российской академии наук, e-mail: wardis@mail.ru

Шурупова Ирина Викторовна, доцент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, e-mail: 225.irina@mail.ru

Щелконогова Ольга Сергеевна, учитель МАОУ «Лицей № 11 г. Благовещенска», e-mail: helga494@mail.ru

Содержание

Олег Маркович Готлиб. Этапы жизненного пути и научного творчества (<i>Терехова Н. В.</i>)	3
Адилханян И. Л., Адилханян Н. Л. Репрезентация образа коррупционера в китайском медийном дискурсе	11
Ананьев В. В., Табада Л. Ч. Структурные характеристики четырехзначных сложных слов (ёдзидзюкуго) в японском языке	14
Баколод М. Э. Г. Анализ переноса / межъязыковой интерференции при изучении японского языка филиппинскими студентами	21
Балашова В. П. Состав топонимической системы годонимов и аспекты её трансформации (на материале сравнительного анализа годонимов Москвы и Пекина)	29
Булдыгерова А. Н. Оппозиция «свой-чужой» в контексте китайской культуры	34
Бунаева Н. А. К вопросу о роли США в становлении Южнокорейской национальной экономики	40
Ван Ланьцзюй. 东方认识论两座灯塔	47
Вейнберг Н. М. Япония и христианство в Средние века	57
Вербицкая О. Ю. Значимость культурных ценностей в ситуации юмористического общения	60
Воронина О. Ю. К проблеме создания полной периодизации истории языка с идеографическим типом письменности	63
Воропаев Н. Н. От иероглифа к слову: опыт работы с китайским словом	66
Го Яньпин. 元认知视阈下提高日语自主学习能力的策略研究	73
Гонтаренко Е. А. Понятие «дискурс» в европейской и восточной мысли	77
Дацышен В. Г. Борис Климентьевич Пашков. Выдающийся русский синолог и основатель иркутского университетского китаеведения	83
Домашевская Д. М. Коммуникативное пространство письменности: фонография vs. идеография	95
Дондоков Д. Д. Становление и развитие гендерной лингвистики в КНР	107
Дондокова М. Ю. Проблемы перевода туристических объектов Байкальского региона на китайский язык	113
Dyundik Yu., Seredina Yu. The USA and North Korea: Collapse of World Diplomacy?	116
Ефременко Я. Ю. 汉俄前缀构词对比	121

Задворная Е. С. Кинематограф и репрезентация китайской национальной идентичности	127
Капашина П. В. Метафорика пликации в грамматологическом аспекте	134
Карачева Н. С. Особенности перевода на китайский язык мультфильма «Сказ о Федоте-стрельце, удалом молодце»	140
Кирюхина Л. В., Серебrenникова Е. Ф. О первых европейских грамматиках китайского языка	145
Кобжицкая О. Г., Пешкова Ю. С. Китайские парные надписи в лингвокультурологическом аспекте	148
Коваль Е. К. 汉俄同义词理性意义分别分析	154
Кремнёв Е. В., Шишмарева Т. Е. Грамматологические идеи И. М. Ошанина о доидеографической стадии эволюции китайской письменности	161
Круглов В. В. Лингвострановедение как необходимый компонент при изучении китайского языка в школе	172
Кузнецова О. В. К вопросу о роли пищи в корейских праздниках и обрядах годового цикла	176
Кузнецова О. В., Новикова Е. С. Роль института семьи в трансформации американских ценностей в XXI веке	183
Кумялова О. В. 汉语教材与词汇关系	188
Лесниковская Е. В. Зарубежное регионоведение: вызовы XXI века	192
Лю Иньсун. Прагматический потенциал фигур убавления в китайском политическом дискурсе (на материале выступлений китайских лидеров)	195
Макеева С. Б. Современные ценностные ориентации китайской молодёжи (глобализационный аспект)	199
Малых О. А. Фонологическая компетенция студентов, изучающих китайский язык: к вопросу отбора содержания	204
Масловец О. А., Щелконогова О. С. Система обучения иероглифике в учебнике китайского языка (начальный этап)	210
Матвейченко Д. Е. К вопросу о реализации китайского латинизированного алфавита на территории Дальневосточного края	215
Мацумура Ёсико. Japanese Gender and (Im)Politeness: a Study from the Discursive Approach	218
Ни Айся. Невидимость функции еврейского бога войны в Кайфэне	226
Пруцких Т. А. Звукосимволизм экспрессивной лексики китайского языка	231
Самарина А. С. Анализ международной конкурентоспособности туристических услуг КНР	237

Се Юйминь, Xie Yumin. The concept of Language Attrition and its Impact on Korean Teaching	243
Селезнева Н. В. К вопросу о разграничении синонимов в китайском языке (на примере лексических единиц со значением <i>успех, достижения, результаты</i>)	247
Сосорова Б. С. Феминистское движение в США и его влияние на конструирование женской идентичности	252
Степанов А. В., Федорова Т. В. Японская военная разведка на Дальнем Востоке в начале XX века	258
Стефановская С. В. Звукоизобразительные функции фонемотипов звукоподражаний китайского языка	264
Сун Яньмэй. On Integrating Culture into Foreign Language Teaching	271
Сунь Цы. On Teaching Methods of Cultural Factors in TCSL	276
Сунь Цяохуэй. Исследование реформы обучения иностранным языкам в условиях «Интернет+»	283
Терехова Н. В., Шишмарева Т. Е. Композиция канона «Мэн-цзы» в комментарии Чжао Ци	288
Тимошенко И. И., Федорова Т. В. Реализация «мягкой силы» КНР в рамках китайско-пакистанского сотрудничества	296
Тразанова Н. Ю. Диалектика обыденного и сакрального в чашке чая (на материале паремий японского языка)	301
Трапезников А. П. Выразительные средства комикса в контексте семиотики	306
Федорова Т. В., Степанов А. В. Проблема дестабилизации системы национальной безопасности КНР в XXI веке посредством террористических атак в пакистано-афганском пограничье и СУАР	312
Хигасидэ Томо. 日本語とロシア語の呼びかけ語のポライトネス的要素の対照研究 —FTA の高い発話を中心に—	317
Хлызова Н. Ю. Критерии формирования медиаграмотности личности в соответствии с национальной ассоциацией связи США (NSA)	327
Хо О. А. 汉俄语言心理动词研究	332
Цзяо Юнцин. The Principles and Corresponding Strategies of Translator's Subjectivity in Translating English Film Titles	340
Цуй Хунхай. On Theories of English for Specific Purpose	344
Чан На. Анализ специфики японского и российского дошкольного образования. Откровение для Китая	348
Чаплинская Ю. А. Сохранение культурной преемственности в социальных слоях современного общества КНР на примере традиционной китайской одежды	355

Чжан Яцзюнь. The Role of Meaning Negotiation in Second Language Acquisition	361
Шалина И. В. Социально-исторический аспект формирования японского молодежного языка	365
Шалунова М. Ю. Система изучения междометий корейского языка в высшей школе Республики Корея	371
Шаравьёва И. В. Знак 文 wén и его производные (на материале исследования грамматолога Ляо Вэньхао «Китайцы, живущие в иероглифах»)	374
Шошин А. А. Зоонимы как значимые компоненты словаря «Эр'я» и подходы к их переводу	378
Шулунова Е. К. Театральное искусство Китая	384
Шурупова И. В. Организация самостоятельной работы при обучении русскому языку делового общения китайских студентов-филологов	389
 Сведения об авторах	 393

Научное издание

ГОТЛИБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН
В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ISBN 978-5-9624-1541-3

Подготовлено к печати:
Э. А. Невзорова, А. Н. Шестакова
Дизайн обложки: *П. О. Ершов*

Темплан 2017. Поз. 136
Подписано в печать 15.12.2017. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 22,4. Усл. печ. л. 25,1. Тираж 120 экз. Заказ 199

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 124